

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 22. № 1

2023

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Тема номера: / Theme:

«Актуальные вопросы лингвистики эмоций»

“Current Issues of Linguistics of Emotions”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 22. No. 1

2023

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023

Том 22. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023

Volume 22. No. 1

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2023. Vol. 22. No. 1

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Theme: "Current Issues of Linguistics of Emotions"

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *D. Vovodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval, I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing *O.N. Yadykina*

Passed for printing Jan. 25, 2023.

Date of publication: Apr. 11, 2023. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.4. Published pages 18.7.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–32).

Order 32. «C» 2.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2023. Т. 22. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера: «Актуальные вопросы лингвистики эмоций»

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохватилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллери* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ябыкиной*

Подписано в печать 25.01 2023 г.

Дата выхода в свет: 11.04 2023 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,4.
Уч.-изд. л. 18,7. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32).
Заказ 32. «С» 2.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ (ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.И. ШАХОВСКОГО)

Пищальникова В.А. Принципы психолингвистического анализа текста и теория эмоций	5
Ионова С.В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования	13
Пиотровская Л.А. Эмотиогенность текста: психологический и лингвистический аспекты	28
Бутакова Л.О., Вязигина С.Ю. Эмотивная составляющая воздействия текста интернет-блога	39
Гуц Е.Н. Ассоциативный потенциал лексем – обозначений эмоций	53

ОБРАЗНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭМОЦИЙ

Зыкова И.В. Ноцицепция и ее лингвокреативный потенциал в художественно-эстетической репрезентации	65
Юрина Е.А., Шлотгауэр Е.А. Русская тактильная метафора в аспекте эмотивности (на материале лексико-фразеологического поля «Гладить»)	81
Киселева Л.А. Натурморфные образы в славянской и тюркской эмотивной фразеологии: параллели и контрасты	97
Янь Кай, Чжан Бинь. Представление о счастье в языковом сознании носителей русской культуры: психолингвистический аспект	108

ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ

Чжоу Ц., Лаиш С., Ларина Т.В. Эмоциональный эффект речи преподавателя в мультикультурном классе [На англ. яз.]	123
Волкова Я.А., Панченко Н.Н., Пригарина Н.К. Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты	138
Кислякова Е.Ю., Гринева-Гриневич С., Сорокина Э. А., Маджаева С.И. Коммуникативная категория инакости: лингвокультурные и лингвоэкологические характеристики [На англ. яз.]	151
Колесникова О.И., Козлова Е.А. Дискурсивная личность лидера и ее ценности в эмотиогенной репрезентации	162
Трущелёв П.Н. Эмотивная прагматика популяризации: контекстуализация и читательский интерес [На англ. яз.]	173

CONTENTS

THEORETICAL ISSUES OF LINGUISTICS OF EMOTIONS (IN MEMORY OF PROF. V. SHAKHOVSKY)

Pishchalnikova V.A. Principles of Psycholinguistic Text Analysis and the Theory of Emotions	5
Ionova S.V. Emotional Dominant of the Text: Some Linguistic Aspects of Research	13
Piotrovskaya L.A. Emotiogenicity of Text: Psychological and Linguistic Aspects	28
Butakova L.O., Vyazigina S.Yu. Emotive Component of the Impact in the Internet Blog Text	39
Goots E.N. Associative Potential of Lexemes – Designations of Emotions	53

FIGURATIVE REPRESENTATION OF EMOTIONS

Zykova I.V. Nociception and Its Linguocreative Potential in Artistic-Aesthetic Representation	65
Yurina E.A., Shlotgauer E.A. Russian Tactile Metaphor in Terms of Emotiveness (A Study of the Lexico-Phraseological Field <i>Gladit'</i>)	81
Kiseleva L.A. Naturmorphic Images in Slavic and Turkic Emotive Phraseology: Parallels and Contrasts	97
Yan Kai, Zhang Bin. The Concept of Happiness in the Linguistic Consciousness of Native Russian Speakers: Psycholinguistic Aspect	108

DISCURSIVE ASPECTS OF EMOTIONS STUDIES AND EMOTIONAL LINGUOECOLOGY

Zhou Q., Laiche S., Larina T.V. Emotional Effect of Teachers' Discourse in a Multicultural Classrooms	123
Volkova Ya.A., Panchenko N.N., Prigarina N.K. Discommunication: Intercultural, Discursive and Linguoecological Aspects	138
Kislyakova E.Y., Grinev-Grinevich S., Sorokina E.A., Madzhaeva S.I. Communicative Category of <i>Alterity</i> : Linguocultural and Linguoecological Properties	151
Kolesnikova O.I., Kozlova E.A. The Discursive Personality of the Leader and Its Values in the Emotiogenic Representation	162
Trushchelev P.N. Emotive Pragmatics of Popularisation Discourse: The Impact of Contextualisation on Reader's Interest	173

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ ЭМОЦИЙ (ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В.И. ШАХОВСКОГО) ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.1>

UDC 81'23
LBC 81.006

Submitted: 03.10.2022
Accepted: 05.12.2022

PRINCIPLES OF PSYCHOLINGUISTIC TEXT ANALYSIS AND THE THEORY OF EMOTIONS

Vera A. Pishchalnikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Abstract. Considering a number of postulates of Russian Psycholinguistics, the author presents the psycholinguistic foundations for understanding emotions in the subject's verbal and cogitative activity and proposes to reconstruct the process of understanding emotions with an analysis of the nature of predication in speech actions. The content of the text arises in the speech-cogitative activity of the subject, who has certain structures of consciousness and changes them in the process of this activity. Emotions essentially determine the meaning generation and perform a regulatory function in the text understanding: a) the motivational sphere of speech activity includes emotions as a subjective form of existence of a motive and largely determines the nature of speech action; b) based on the speech action carried out in signs, the recipient extracts from it a personal meaning, including an emotional one; c) the emotional component of the motive can gradually shift the connotations of meanings and change the associative links of the individual; d) the main purpose of the emotional component of the motive is to highlight the semantic dominant of the text. Speech action actualizes the consciousness of the individual in speech operations, which are regarded as the procedures of handling the signs that stabilize the structures of the author's consciousness, since the subject is socially forced to exist in systems of heterogeneous signs. In the speech action, the unity of the activity of the individual, as well as its conditions, goals and means, is manifested.

Key words: structure of consciousness, state of consciousness, dominant personal meaning, aestheticized speech activity, emotion.

Citation. Pishchalnikova V.A. Principles of Psycholinguistic Text Analysis and the Theory of Emotions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 5-12. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.1>

УДК 81'23
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 03.10.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

ПРИНЦИПЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА И ТЕОРИЯ ЭМОЦИЙ

Вера Анатольевна Пищальникова

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Автор представляет психолингвистические основания понимания эмоции в речемыслительной деятельности субъекта, опираясь на ряд постулатов отечественной психолингвистики, и предлагает

реконструировать процесс понимания эмоции на основе анализа характера предикации в речевых действиях. Содержание текста возникает в речемыслительной деятельности субъекта, который обладает определенными структурами сознания и изменяет их в процессе этой деятельности. Эмоции детерминируют смыслопорождение, выполняя регулирующую функцию в понимании текста: а) мотивационная сфера речевой деятельности включает эмоции как субъективную форму существования мотива и в значительной степени обуславливает характер речевого действия; б) опираясь на речевое действие, реализованное в знаках, реципиент извлекает из него личностный смысл, в том числе эмоциональный; в) эмоциональный компонент мотива может градуально смещать коннотации смыслов и изменять ассоциативные связи индивида; г) основное назначение эмоциональной составляющей мотива – выделение смысловой доминанты текста. Речевое действие осуществляет сознание индивида в речевых операциях – процедурах оперирования со знаками, стабилизирующих структуры сознания автора, поскольку субъект социально вынужден функционировать в системах гетерогенных знаков. В речевом действии проявляется единство деятельности индивида, а также ее условий, целей и средств.

Ключевые слова: структура сознания, состояние сознания, доминантный личностный смысл, эстетизированная речевая деятельность, эмоция.

Цитирование. Пищальникова В. А. Принципы психолингвистического анализа текста и теория эмоций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 5–12. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.1>

Введение

Поток современных разноаспектных исследований, авторы которых пытаются постичь существо феномена, называемого художественным содержанием (смыслом), в настоящее время представляет существенно несходные концепции, обнаруживая, однако, единство методологического подхода, отражающее то, что «современное знание, все более и более унифицирующее общую картину мира по одноплоскостной схеме дихотомий (типа “выражение – содержание”, “природа – культура”, “человек – окружающая среда”, “наука – философия”) снова и снова воспроизводит типично научное заблуждение» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 114].

Противопоставляя форму и содержание текста, говоря о *репрезентации* содержания языковыми единицами, исследователь решительно искажает сам процесс художественного мышления и ограничивает формы его познания.

Теория речевой деятельности, как представляется, позволяет избежать этого искажения при исследовании знаковых систем разного рода, поскольку из ее постулатов следует, что любая знаковая система (в том числе текст) – это определенная *проекция со-знания*, и понять ее означает извлечь содержание из собственного со-знания.

В этом смысле в нашей позиции могут быть акцентированы несколько важных положений и теоретических концептов.

Результаты и обсуждение

Понимание как проявление со-знания

Знание всегда *осуществляется* в определенной знаковой системе, и потому в познавательной деятельности субъекта оно по существу задано как *механизм извлечения знания* из конкретной знаковой системы, то есть как понимание. Культурное знание, воплощенное в данной знаковой системе, характер и уровень его присвоенности индивидом образуют определенное *состояние со-знания*, которое является основой понимания / непонимания конкретной знаковой системы: от некоторого ее знания субъект переходит к пониманию [Мамардашвили, Пятигорский, 1997].

Осуществление текста в той или иной (тех или иных) знаковой системе (знаковых системах) зависит от мотивации деятельности индивида и структур сознания (= знаково оформленного содержания), иначе – «готовых» структур знания, которыми он располагает и которые реализованы в конкретной системе знаков, потому любой текст уже есть некоторое знание. При этом понимание текста «не может быть порождено никаким лингвистическим устройством прежде всего потому, что сознание появляется в тексте не в силу каких-то закономерностей языка, то есть изнутри текста, но исключительно в силу какой-то закономерности самого сознания» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 40–41];

«сознание невозможно понять посредством лингвистического исследования текста» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 40]; «сознание – это то, что мы понимаем» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 52]; «само по себе произведение никогда не может быть ответственно за те мысли, которые могут появиться в результате его» понимания [Выготский, 1987, с. 41–42].

Поэтому «содержание текста» возникает в речемыслительной деятельности субъекта, обладающего определенными *структурами* сознания (знанием) и способного образовывать *состояния* сознания, изменяя эти структуры в процессе такой деятельности, то есть, по сути, в процессе его понимания, которое «возникает актом чтения этого текста, который... отсылает к самому себе» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 77]. При этом опора на языковой знак не предполагает оперирования им как компонентом собственно *языковой* системы; предмет оперирования здесь – «взаимоотносящиеся» структуры сознания, порождающие понимание текста.

Человек – принципиально знаковая живая система, социально вынужденная бытийствовать в системах гетерогенных знаков и оперировать ими в процессе познания. Однако в силу генетической дискретности любого знака индивид предполагает фиксацию в себе определенного момента понимания как специфической вехи, указывающей на некоторую познанность, но еще не завершенность познания объекта в конкретном мыслительном процессе. Вот почему знак и «останавливает» сознание, и включает человека в его процесс (Л.С. Выготский), но осуществляется это операционально: люди пользуются знаками без осознания правил пользования ими; «условие извлечения информации из сознания вытеснено действием» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 96] знаковых систем. Знак может быть знаком чужого («готового») знания, и тогда он является элементом операционального режима нашей ментальной работы, но знание *психологически реально* только в форме индивидуальных структур сознания, для возникновения которых необходимо «перенесение наблюдающего субъекта в ситуацию *возможного порождения этого знания*» (курсив наш. – В. П.) [Мамардашвили,

Пятигорский, 1997, с. 97], и только тогда знак будет знаком *понимания*, а не чужого знания.

В этом случае актуализируется вопрос о зависимости понимания речевого произведения (в частности, художественного текста), как и любого другого объекта познания, от эмоциональной составляющей мотива (эстетической) речевой деятельности.

Высказанные положения вполне применимы к исследованию эмоций, порождаемых в ходе интерпретации текста, в том числе художественного. Возможно исследование эмоций через обращение к их «семиотичности», через понимание того, что они «консервируются в языковых знаках и прежде всего в слове» [Шаховский, 2016, с. 87]. Такой подход предполагает «кодифицированность вербальной эмоции (точнее, вероятно, *вербализованной*. – В. П.), закрепление достаточно определенного для данного языкового социума обобщенного эмотивного содержания за тем или иным языковым знаком, которое конкретизируется в различных коммуникативно-эмоциональных ситуациях» [Шаховский, 2016, с. 87]. При этом процессуальность понимания остается вне рассмотрения исследователя, а потому и *механизм понимания* как «условия извлечения информации» оказывается неустановленным.

Интерпретация текста как один из процессов сознания – это, по сути, *конкретизация* его понимания субъектом, что не равно пониманию самого текста как знаковой системы. Любой концепт, который используется в интерпретации текста как знаковой системы, всегда *фиксирует наше представление о процессе интерпретации, а не о свойствах объекта*.

Кроме того, способы описания восприятия и процесса понимания текста, что вполне естественно, ограничиваются методами и процедурами исследования, образующими этот метод.

Отсюда стремление психолингвистики найти такие пути описания речевой деятельности, которые были бы максимально приближены к процессу *осуществления* сознания. Легко допустить корреляции интерпретативного процесса с предполагаемыми «ментальными репрезентациями» на уровне очередной *модели* понимания. Это чаще всего и проис-

ходит в когнитивной лингвистике. Трудно и, как показывает опыт, практически невозможно доказать психологическую реальность таких корреляций.

Поэтому само функционирование объекта и взаимодействие в функционировании отдельных свойств объекта, абстрагированных от него в процессе познания, должны стать ключевыми моментами рефлексии исследователя, интерпретирующего объект, рефлексии его встречной речевой деятельности как понимания текста.

Эмоция разной модальности и степени интенсивности – обязательная составляющая мотива любой человеческой деятельности, и она определенным образом фиксируется в структуре текстов как знаковых систем, «останавливается в знаках», в которых осуществляется деятельность. В эстетической деятельности автора текста актуализируются доминанты эмоционально-мотивационной сферы его сознания, регулирующие смыслообразование. Они могут быть выявлены только при некоторой общности эмоционального состояния автора текста и реципиента, и эту общность нельзя определить иначе, чем обратившись к общности операциональных компонентов в механизмах понимания, которые обнаруживаются через способы пользования знаками, потому что «условие извлечения информации», по сути, осуществляется в речевом действии и вытеснено им. Поэтому исследователь должен сосредоточиться на уловлении «правил» извлечения информации из текста как системы знаков. Эти правила могут быть сформулированы только на основе характера предикации между компонентами любой смыслопорождающей деятельности, в том числе и речевой.

Характер предикации устанавливается реципиентом в анализе речевых действий как осуществляющихся состояниях его сознания на основе речевых операций как осуществившихся структур сознания автора. Речевое действие – смыслопорождающий «процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут» [Леонтьев, 1997, с. 103], операция же – автоматическое использование процедур оперирования со знаками, в которых этот смысл осуществляется: «...анализ деятельности состо-

ит не в выделении из нее ее внутренних психических элементов для дальнейшего обособленного их изучения, а в том, чтобы ввести в психологию такие единицы анализа, которые несут в себе психическое отражение в его неотторжимости от порождающих его и им опосредуемых моментов человеческой деятельности» (курсив наш. – В. П.) [Леонтьев, 1997, с. 12–13]. При таком рассмотрении и выявляется единство деятельности субъекта, ее условий, цели и средств.

Доминантный личностный смысл и понимание эмоции

Понимание / непонимание смысла текста, как следует из уже сказанного выше, возникает из взаимодействия (а) эмоционального состояния реципиента, (б) «уловленных» условий и способов смысловой предикации, в сильной мере (в) детерминированных культурной и семиотической компетентностью индивида. Поэтому исследование понимания должно опираться на анализ речевых действий и речевых операций – по сути, на исследование отношений между смысловыми компонентами, создающимися в процессе пользования знаками различных систем, при этом знаки указывают не на конкретное содержание, а прежде всего на характер операции с ними. Именно операции со знаками позволяют предполагать смыслы, стоящие за речевыми действиями и операциями, то есть понимать: «слабость большинства традиционных (и структуралистских) исследований поэтики как раз в том, что они видят системность в самом тексте, а не в процессах его порождения или восприятия» [Леонтьев, 1975, с. 205], тогда как необходимо установить «специфику протекания эстетической реакции реципиента» [Леонтьев, 1975, с. 205]. Когда исследователи говорят о степени мотивированности языковой формы авторским смыслом, это означает, что речь идет об адекватном цели деятельности (или неадекватном) осуществлении мотива в операциональных процедурах с языковыми знаками, в которых репрезентируется смысловая предикация.

Особенности смысловой предикации проявляются не только в процедурах использования языковых знаков в процессе смыслопо-

рождения, но и в частотности их актуализации. Для интерпретации единства этого процесса используется термин «смысловая доминанта». Его содержание можно определить, обратившись к учению А.А. Ухтомского о доминанте. Под физиологической доминантой он понимал «господствующую направленность рефлекторного поведения субъекта в ближайшей его среде», которая «направляет в данный момент времени все поведение организма на решение одной, наиболее важной задачи», селекционируя раздражители, необходимые для этого [Ухтомский, 1950, с. 319]. По тому же принципу строится решение (эстетической) речемыслительной задачи, что и позволяет говорить о смысловой доминанте речевой деятельности (текста). (Подробно о смысловой доминанте как рабочем принципе деятельности нервной системы см.: [Пищальникова, 2021].) Доминантный смысл как реализованная мотивированность речевой деятельности осуществляется в конкретных сходных и различных речевых действиях, образующих функциональное «пространство» смысла. Опираясь на анализ этих действий, реципиент воссоздает сходное условие образования смысла, то есть понимает. Поэтому интерпретация текста – это единство двух процессов: осмысления условий создания авторских смыслов и осмысления характера операций, производимых при этом, что в целом дает реципиенту возможность построения структур сознания, в большей или меньшей степени соотносимых с авторскими (знаменитое «проникновение за значение» А.Н. Леонтьева). Вот почему языковой знак – всего лишь оператор смысла, возникающего в процессе понимания речевой деятельности и реализующегося по правилам данной знаковой системы.

Эмоции, будучи некоторым эмпатическим состоянием сознания, во многом определяют процесс смыслопорождения. В силу общности условий существования и системной организации человека эмоциональные смыслы реализуются в определенных структурах знания, понимание которых опирается на ассоциативные связи смыслов, вступающих в предикативные отношения, и, вследствие этого, на слово как существенно нестабильное смысловое образование. В наших работах и в

работах других исследователей неоднократно подчеркивалось: экспериментальные данные свидетельствуют о том, что начало семантических изменений в слове связано с градуальными изменениями эмоциональной составляющей коннотативного компонента значения [Панарина, 2015; Пищальникова, 2003; 2019; 2021; Пищальникова и др., 2019; Хлопова, 2019]. Это обнаруживается в различных ассоциативных связях смыслов, которые носители лингвокультуры создают в процессе оперирования знаками языка при интерпретации реалий действительности. Без эмоционально-содержательных ассоциативных связей, свидетельствующих об определенном состоянии сознания, невозможно «создание единства чувственного образа», о котором прозорливо писал А.А. Потебня [1990, с. 43] и который становится опорой интерпретативного процесса (= процесса понимания знаковой системы) реципиента. Такие связи могут быть результативно исследованы в ходе анализа речевых действий как структурно-содержательных компонентов речевой деятельности.

Если считать сознание продолжением психических процессов, то эмоциональное содержание текста можно рассматривать «как систему раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию» [Выготский, 1987, с. 27]; и она «вызывается с *принудительной необходимостью* организацией поэтического материала» (курсив наш. – В. П.) [Выготский, 1996, с. 177].

Однако современная нейрофизиология принципиально настаивает на том, что нейрофизиологическая основа существенно сходных психических явлений может различаться. Исследователь, анализируя структуру раздражителей, может реконструировать структуру реакции, но сходная реакция возникает и на базе иной структуры раздражителей. Кроме того, нет и не может быть корреляций между определенным смыслом, в том числе эмоциональным, и знаком, который операционально используется индивидом для порождения этого смысла, поскольку знак (слово) способен указывать на практически неопределенную континуальную зону смысла, отдельные части которой связаны ассоциативно и, следовательно, субъективно. Это последнее по-

ложение важно, поскольку субъективная ассоциативность в сильной степени зависит от характера эмоционального состояния индивида и его содержательной динамики.

Неопределенность выбора того или иного знака индивидом естественно усиливается в силу специфичности личности. Мотивация, реализованная в процессе порождения смыслов, может актуализироваться как эмпатическое состояние сознания реципиента, и возникает оно потому, что реципиент использует в процессе интерпретации текста его знаки как операторы смыслопорождения, пытаюсь образовать те или иные смысловые отношения между ними, и процесс этот всегда обусловлен и смысловыми структурами (организацией знания) реципиента. Вот почему велика объяснительная сила концепта «личностный смысл», который подчеркивает не субъективность, но субъектность интерпретации, осуществляющейся в условиях восприятия конкретного речевого произведения. Присвоение эстетической эмоции невозможно без эмпатийного состояния сознания, при котором эмоциональное «понимание» существенно задает путь рациональному (А.Н. Леонтьев), хотя разделение таких типов понимания условно и используется нами лишь для того, чтобы подчеркнуть определенную детерминированность понимания эмоциональным состоянием сознания. Эта смыслонаправляющая функция эмоции отчетливо проявляется в понимании, акцентируя значимость конкретных составляющих познавательной деятельности, потому что эмоции – это, по В.К. Вилюнасу, единственная психологически реальная форма существования потребностей / мотивов.

Интерпретация как условно более «высокий» уровень понимания предполагает возможность рефлексировать над тем, какие отношения знаков текста играют для реципиента доминирующую роль в смыслопорождении.

Тогда возникает первая серьезная методологическая задача – исследовательская *параметризация свойств эмоций*, которые, по мнению психологов, определяют как интегративную и регулирующую функции в целом (в любой деятельности), так и понимание и интерпретацию текстовых систем знаков, в частности. Это тем более важно, что опора на какие-либо свойства внешних объектов,

хотя бы и субъективно воспринимаемые, невозможна, поскольку эмоции – проявления внутреннего психологического состояния индивида, не содержащие информации о внешних объектах, их объективной обусловленности другими. Вместе с тем поведение индивида детерминировано, с одной стороны, нейрофизиологической организацией, с другой – социальными нормами, поэтому и эмоции, направляющие это поведение, могут быть в разной степени контролируемы и, следовательно, устойчиво связываться с определенными социально одобряемыми / неодобряемыми типами поведения, в том числе речевого, позволяя говорить о некоем «социальном» эмоциональном опыте. Поэтому понимание эмоциональных смыслов возможно через построение аналогических структур сознания.

То, что вербализуется, может быть соотнесено с определенной *структурой сознания*, но аналогическая структура может быть создана и с использованием иных знаков: понимание осуществляется с опорой на весь субъективный опыт. Поэтому некие «объективные» границы предмета познания условны и определяются знаниями индивида.

Сознание индивида непрерывно, континуальны и его составляющие, имеющие реальное психическое бытие, – личностные смыслы. Языковой знак включается в конструирование сознания в качестве составляющей того или иного личностного смысла наряду с другими – визуальными, слуховыми и пр. В этом качестве он способен актуализировать понятийное, эмоциональное и ассоциативное содержание личностного смысла, понимание которого – это реконструкция путей построения личностного смысла автором.

Психологами и психолингвистами установлено, что в эмоциональной речи отмечается тенденция к использованию максимально свернутых схем речевой деятельности, понимание которых осуществляется в самом общем виде, но при этом направляет процесс понимания.

Регулирующая роль эмоции в понимании текста

Выделим несколько положений, которые теоретически аргументируют мысль о регу-

лирующей роли эмоции в понимании текста. Во-первых, подчеркнем, что мотив речевой деятельности специфически реализуется в каждом ее компоненте, поскольку мотивирующая сфера сознания включает и эмоции как субъективную форму существования мотива, который отвечает не только за возникновение эмоции, но и за ее динамику в процессе деятельности. Никакая субъективно сложная ментальная задача, в том числе понимание (художественного) текста, не может быть решена без эмоциональной мотивации, существенно задающей путь познания. Эмоция может быть выделена в научном анализе и рассмотрена как специфический объект, но в реальной речевой деятельности, в силу нейрофизиологической организации человека, она практически неотделима от других механизмов и процедур с системами знаков, создающих актуальные смыслы. Поэтому, во-вторых, опираясь на речевое действие, *осуществленное* в знаках, реципиент *извлекает* из него личностный *осуществляющийся* смысл. Отсюда очевидно, что исследователь может только предполагать содержание авторского смысла и моделировать его структуру на основе генерализации индивидуальных (экспериментальных) данных. В-третьих, эмоциональный компонент мотива может градуально смещать коннотации смыслов и изменять ассоциативные связи индивида. Таким образом, главное назначение эмоциональной составляющей мотива – регуляция понимания текста, акцентирование его смысловых доминанты в разных смысловых предикативных связях, актуализирующих потенциально бесконечное число ассоциаций с эмоцией, осуществленной в этих связях.

Выводы

Наличие *доминантной* эмоции как проявления ведущей мотивации – существенный признак любой речевой деятельности, в том числе художественной. Регулируя процесс порождения смыслов, эмоциональная доминанта одновременно является их обязательным компонентом, и потому обнаружить ее характер можно с опорой на исследование речевых действий как составляющих вербальной художественной деятельно-

сти, как *осуществляющихся* состояний сознания реципиента.

В этом случае понимание – это реконструкция *путей* построения личностного смысла автором, которые тоже осуществлены в речевых действиях и операциях. Языковой знак, «останавливая» в силу своей принципиальной дискретности и членораздельности определенные моменты понимания, выступает только указателем на некоторые структуры сознания автора, осуществившиеся в речевых действиях. Понимание же определяется способностью субъекта осуществить свой и только свой смысл на базе представленных автором *операций со знаками* – в речевом действии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выготский Л. С., 1987. Психология искусства. М. : Педагогика. 344 с.
- Выготский Л. С., 1996. Мышление и речь. М. : Лабиринт. 352 с.
- Леонтьев А. А., 1997. Основы психолингвистики. М. : Смысл. 287 с.
- Леонтьев А. Н., 1975. Деятельность. Сознание. Личность. М. : Политиздат. 303 с.
- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М., 1997. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 224 с.
- Панарина Н. С., 2015. Прецедентность как психолингвистическая категория // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (26). С. 128–133. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.18>
- Пищальникова В. А., 2003. Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград : Перемена. С. 117–120.
- Пищальникова В. А., 2019. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russian Journal of Linguistics. Т. 23, № 3. С. 749–761.
- Пищальникова В. А., 2021. История и теория психолингвистики. М. : Р. Валент. 488 с.
- Пищальникова В. А., Карданова К. С., Панарина Н. С., Степыкин Н. И., Хлопова А. И., Шевченко С. Н., 2019. Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики. М. : Р. Валент. 200 с.
- Потебня А. А., 1990. Мысль и язык // Теоретическая поэтика. М. : Высш. шк. С. 22–54.

- Ухтомский А. А., 1950. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. Учение о доминанте. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та. 328 с.
- Хлопова А. И., 2019. Ассоциативный эксперимент как метод установления изменения коннотации базовой ценности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. Т. 9, № 1 (30). С. 80–85.
- Шаховский В. И., 2016. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И.Л. 504 с.

REFERENCES

- Vygotskiy L.S., 1987. *Psikhologiya iskusstva* [Psychology of Art]. Moscow, Pedagogika Publ. 344 p.
- Vygotskiy L.S., 1996. *Myshlenie i rech* [Thinking and Speech]. Moscow, Labirint Publ. 352 p.
- Leontev A.A., 1997. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ. 287 p.
- Leontev A.N., 1975. *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost* [Activity. Conscience. Personality]. Moscow, Politizdat. 303 p.
- Mamardashvili M.K., Pyatigorskiy A.M., 1997. *Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simbolike i yazyke* [Symbol and Consciousness. Metaphysical Reasoning About Consciousness, Symbolism and Language]. Moscow, Shk. «Yaz. rus. kultury». 224 p.
- Panarina N.S., 2015. Precedentnost kak psikholingvisticheskaya kategoriya [Precedence as a Psycholinguistic Category]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (26), pp. 128–135. DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu2.2015.2.18>
- Pishchalnikova V.A., 2003. Emotsional'naya dominanta teksta: perevodcheskiy aspekt [Emotional Dominant of the Text: Translation Aspect].

- Emotivnyy kod yazyka i ego realizatsiya* [Emotive Language Code and Its Implementation]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 117–120.
- Pishchalnikova V.A., 2019. Interpretatsiya associativnykh dannykh kak problema metodologii psikholingvistiki [Interpretation of Associative Data as a Problem of Psycholinguistics Methodology]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 23, no. 3, pp. 749–761.
- Pishchalnikova V.A., 2021. *Istoriya i teoriya psikholingvistiki* [History and Theory of Psycholinguistics]. Moscow, R. Valent Publ. 488 p.
- Pishchalnikova V.A., Kardanova K.S., Panarina N.S., Stepykin N.I., Khloпова A.I., Shevchenko S.N., 2019. *Assotsiativnyy eksperiment: teoreticheskie i prikladnye perspektivy psikholingvistiki* [Associative Experiment: Theoretical and Applied Perspectives of Psycholinguistics]. Moscow, R. Valent Publ. 200 p.
- Potebnya A.A., 1990. Mysl i yazyk [Thought and Language]. *Teoreticheskaya poetika* [Theoretical Poetics]. Moscow, Vyssh. shk. Publ., pp. 22–54.
- Ukhtomskiy A.A., 1950. *Sobranie sochineniy. V 6 t. T. 1. Uchenie o dominante* [Collection of Essays. In 6 Vols. Vol. 1. The Doctrine of the Dominant]. Leningrad, Izd-vo Leningr. gos. ordena Lenina un-ta. 328 p.
- Khloпова A.I., 2019. Associativnyy eksperiment kak metod ustanovleniya izmeneniya konnotatsii bazovoy tsennosti [Associative Experiment as a Method of Establishing the Changes in the Connotation of the Core Value]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* [Proceedings of South-West State University. Series Linguistics and Pedagogical], vol. 9, no. 1 (30), pp. 80–85.
- Shakhovskiy V.I., 2016. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii* [Dissonance of Environmental Friendliness in the Communicative Circle: Man, Language, Emotions]. Volgograd, Izd-vo IP Polikarpov I.L. 504 p.

Information About the Author

Vera A. Pishchalnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University, Ostozhenka St, 38, 119034 Moscow, Russia, pishchalnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0992-0466>

Информация об авторе

Вера Анатольевна Пищальникова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и сравнительного языкознания, Московский государственный лингвистический университет, ул. Остоженка, 38, 119034 г. Москва, Россия, pishchalnikova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0992-0466>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.2>

UDC 81'42:159.942
LBC 81.051.2

Submitted: 04.10.2022
Accepted: 05.12.2022

EMOTIONAL DOMINANT OF THE TEXT: SOME LINGUISTIC ASPECTS OF RESEARCH

Svetlana V. Ionova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article reviews the aspects of research into the text emotional dominant by linguistic methods, which allow to limit variability of the meaning interpretation. The relevance of the research topic is determined by the lack of competent studies on the methods of emotional dominant disclosure in the text content. Despite certain scientific and practical significance, modern text linguistics and linguistics of emotions demonstrate relative unevenness in the procedures of analysis development, which are, however, likely to clarify a number of theoretical problems: to make distinction between the concepts of psychological and textual dominants, subjective comprehension of the text and its objective contents; to extract the emotional constituent from the generalized content dominant in the text; to state correlation between a set of emotive signs and communicative aims of the author by means of multidimensional and multistaged analysis. In the article the emotional texts are studied by means of linguistic methods of semantic and contextual analysis, emotive analysis of language and text units and modificational procedure of keywords determination with the aim to identify the emotional dominant and define its characteristics proceeding from the signs unity to the generalized emotional content of the text, then to the conceptual dominants and communicative goals of the text composer. The analysis led to revelation of the following emotional characteristics in the text content: emotive complexes, emotional attractors, false dominant, random stimulus, false determination of emotion. The identified parameters and approaches to the analysis should foster studies on the linguistic aspect of the emotional text dominant, as well as refine practical methods for its accurate determination in modern textual contents.

Key words: emotional dominant, semantic dominant of the text, linguistic representation of emotions, emotivity, emotive code, emotive complex, text semantics, false dominant.

Citation. Ionova S.V. Emotional Dominant of the Text: Some Linguistic Aspects of Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 13-27. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.2>

УДК 81'42:159.942
ББК 81.051.2

Дата поступления статьи: 04.10.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ДОМИНАНТА ТЕКСТА: НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Светлана Валентиновна Ионова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье дан обзор направлений исследования эмоциональной доминанты текста лингвистическими методами, которые позволяют ограничить вариативность интерпретации смысла. Актуальность темы обусловлена важностью и недостаточной изученностью механизмов выявления доминирующего эмоционального смысла текста как главного компонента его эмоциональной семантики. Показано, что, несмотря на большую научную и практическую значимость, данная тема остается наиболее проблематичной частью исследований в лингвистике текста и лингвистике эмоций, поскольку связана с решением ряда теоретических задач: дифференциация понятий психологической и текстовой доминанты, субъективного восприятия текста и его объективного содержания; вычленение эмоциональной составляющей в обобщенной смысловой доминанте текстов, многоаспектный и многоэтапный анализ совокупности эмотивных знаков и соот-

несение ее с коммуникативными целями автора. В данной статье лингвистическими методами семантического, контекстуального, эмотивного анализа единиц языка и текста, с применением модификационной методики выявления ключевых слов исследуются эмоциональных текстов с целью установления эмоциональной доминанты и аспектов ее анализа: 1) от совокупности знаков к обобщенному эмоциональному содержанию текста; 2) от эмоционального содержания к смысловым центрам текста; 3) от эмотивности текста к коммуникативным целям автора. В результате проведенного анализа выделены такие эмоциональные параметры текста, как эмотивные комплексы, эмоциональные аттракторы, ложная доминанта, случайные стимулы, ложная квалификация эмоции. Эти параметры и подходы к их рассмотрению будут способствовать углублению лингвистических аспектов изучения эмоциональной доминанты текста, разработке практических способов наиболее точной ее квалификации в речевых произведениях современного текстового пространства.

Ключевые слова: эмоциональная доминанта, смысловая доминанта текста, лингвистическая репрезентация эмоций, эмотивность, эмотивный код, эмотивный комплекс, семантика текста, ложная доминанта.

Цитирование. Ионова С. В. Эмоциональная доминанта текста: некоторые лингвистические аспекты исследования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 13–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.2>

Введение

Вопрос о легитимности лингвистики эмоций сегодня уже не обсуждается: она переходит в сферу социальных практик, востребованных жизнью [Шаховский, 2018; Ионова, 2022; Эмотивная лингвоэкология..., 2013; Аронсон, Будрайтскис, Великодворская, 2021], и решает все более сложные задачи, которые обусловлены новыми вызовами современной коммуникации и информационных обменов в условиях психологических войн и цифровизации всех гуманитарных сфер жизни, в том числе сферы эмоций.

В условиях глобальной эмоционализации общества [Lerner, Rivkin-Fish, 2021; Zappettini, Ponton, Larina, 2021] субъективная сфера личности является главной мишенью, на которую направлены как средства открытого воздействия, так и манипулятивные тактики рекламы, политики, СМИ, образования, межличностного взаимодействия, системы PR. Сфера человеческой эмоциональности остается основным объектом эмоциональной аргументации и риторических приемов убеждения, психологического воздействия и подчинения волевым импульсам, поступающим извне. Эмоциональность человека все чаще используется в качестве объяснительного принципа в политических науках, в западноевропейской социологии при обосновании движения от «когнитивного» к «эмоциональному» капитализму через культурологический анализ потребления и коммуникации [Cabanas, Plouz, 2019; Illouz, 2018], в новой экономике, эксплуатирующей мир эмоций и отношений [Аронсон, Будрайтс-

кис, Великодворская, 2021; Lerner, Rivkin-Fish, 2021] и представляющей сферу чувств как экономический продукт – *emodities* (эмоциональные товары), по Е. Иллюз [Illouz, 2018].

В настоящее время лингвистика эмоций становится инструментом, который способен объективировать вербальные проявления человеческой эмоциональности и параметризовать центральные смыслы когнитивного содержания целостных речевых произведений при их критическом анализе, интерпретации, повторном воспроизведении, комментировании [Шаховский, 2018; Эмотивная лингвоэкология..., 2013]. Достижением основоположников лингвистики эмоций можно считать перевод принципа описания эмоций как объекта научного изучения из сферы субъективных мнений и предположений исследователя в область объективного анализа и рационального обоснования.

Понятие эмотивности как семантического коррелята интуитивного описания, разработанное в лингвистике XX в., принято толковать как сознательную, запланированную и предназначенную для адресата демонстрацию эмоций [Кунин, 1986; Шаховский, 1987; Danes, 1987]. Эмотивность не тождественна психологическому феномену эмоциональности, а представляет способ кодирования эмоциональной информации, освоенной языковым сознанием говорящего и проявленной в соответствии с уровнем его коммуникативной компетенции, целями и особенностями протекания коммуникативной ситуации [Шаховский, 1987].

Эмоциональная доминанта относится к наиболее сложным понятиям лингвистики

эмоций и малоформализуемым аспектам семантики текста. Кроме того, оно обладает повышенной социальной значимостью, поскольку используется в качестве результата понимания смыслов, транслируемого и масштабируемого в глобальном информационном пространстве.

Считается, что понятие доминанты ввел в филологию Б. Христиансен, который в работах по литературоведению и искусствоведению применял принципы «доминанты» и «дифференциальных ощущений», служащие «ограждением музыкального объективизма и реализма против вторжения сил субъективного лирического произвола» [Христиансен, 1911]. Таким образом, уже на ранних этапах развития методов исследования эмоциональной стороны произведений указанные принципы должны были служить рациональными способами снижения степени интуитивности и повышения уровня объективности анализа эмоциональных эффектов (об этом см.: [Ортони, Клоур, Коллинз, 1996]).

В современной лингвистике общее понимание доминанты сводится к ее рассмотрению в качестве центральной, смысловой части коммуникативных единиц, в связи с чем в ряде контекстов этот термин синонимичен термину «смысловая доминанта» и «картина мира пишущего»: «Мы полагаем, что писатель (а не автор) задает доминанту текста, вербализуя свою картину мира в тексте» [Винокур, 1959, с. 236]. Кроме того, смысловая доминанта трактуется как результат формирования когерентности текста – базового признака текстуальности: «Доминанту можно определить как фокусирующий компонент художественного произведения, она управляет, определяет и трансформирует отдельные компоненты» [Якобсон, 1976, с. 59]. Поскольку целостность всегда возникает в процессе взаимодействия реципиента и текста, то субъективная семантика речевого произведения становится значимой частью его смысла и обеспечивает интегрированность структур текста и автора. В текстах, направленных на выражение эмоционального отношения автора к миру, появляется возможность выделения не только субъективного компонента содержания, но и эмоциональной доминанты как существенного компонента речевого произведе-

ния [Сорокин, 1982, с. 65; Шахнарович, Графова, 1991].

Понятие эмоциональной доминанты имеет длительную историю осмысления и прошло сложную эволюцию, прежде чем стало базовым в лингвистике. Сегодня каждый исследователь, который пишет о смысловой и эмоциональной доминанте, считает необходимым указывать на истоки появления этого термина, а именно: на работы физиологов и психологов А.А. Ухтомского, Л.С. Выготского, К. Леонгарда, А.Н. Леонтьева, В. Вилюнаса, Р.А. Лурия, Д.А. Леонтьева, А.М. Шахнаровича, Б.И. Додонова, Г.Х. Шингарова и др.; на филологические и лингвофилософские труды Б. Христиансена, В.В. Виноградова, Р. Якобсона, Г.Г. Шпета, В. Соловьёва, Б. Эйхенбаума, Ю.Н. Тынянова, Г.А. Гуковского, М.М. Бахтина, А.А. Потебни, А. Белого, Я. Мукаржовского, М. Риффатера, Ф. Данеша, В.Н. Телия, П.С. Волковой и др.; на психолингвистические исследования А.А. Леонтьева, Л.В. Сахарного, Ю.А. Сорокина, В.А. Пищальниковой, Л.О. Бутаковой, И.А. Герман, А.В. Кинцель, В.И. Шаховского, Н.В. Уфимцевой и др. Труды и идеи этих ученых заложили теоретические основы психолингвистического и лингвистического изучения механизмов интерпретации и понимания текстов с учетом такого свойства доминанты, как устойчивость, которое впервые было научно обосновано в психологии А.А. Ухтомским, трактовавшим эмоциональную доминанту как «более или менее устойчивый очаг повышенной возбудимости центров, чем бы он ни был вызван, причем вновь приходящие в центр возбуждения сигналы служат усилению... возбуждения в очаге, тогда как в прочей центральной нервной системе широко разлиты явления торможения» [Ухтомский, 2002, с. 18–19]. В лингвистике это понятие получило конкретизацию в терминах смыслового кода текста, который «непосредственно не наблюдаем, но осознается как таковой всеми» [Новиков, 1999б, с. 45], и психоглоссы – единицы языкового сознания, которая обладает «высокой устойчивостью к вариации и стабильностью во времени», то есть интегрирует «свойства изоглоссы и хроноглоссы на уровне языковой личности» [Караулов, 1987, с. 157–158], принадлежит языковой личности и одновременно является свойством языка.

Разработанные междисциплинарные подходы и метаязык теоретического описания доминантных смыслов текста позволили лингвистам включить в круг рассматриваемых вопросов понятие эмоциональной доминанты (Ю.А. Сорокина, В.П. Белянин, В.А. Пищальникова, И.А. Герман, С.В. Ионова, П.А. Волковой, А.В. Кинцель и др.) как доминирующего эмоционального содержания и направления смыслообразования текста.

Изучение доминирующей эмоции в тексте остается одной из наиболее сложных областей лингвистики, поскольку оно связано с преодолением ряда трудностей и предполагает решение сложных теоретических задач: дифференциация понятий психологической и текстовой доминанты, субъективного восприятия текста и его объективного содержания; вычленение эмоциональной составляющей в обобщенной смысловой доминанте текстов, многоаспектный и многоэтапный анализ совокупности эмотивных знаков и соотнесение ее с коммуникативными целями автора и др. Помимо этого, объективный процесс установления содержания эмоциональной доминанты текста никогда не бывает свободным от субъективного элемента восприятия исследователя: при недостаточно критичном отношении к анализу материала ученый может перейти от описания результатов применения исследовательской процедуры к фиксации эффектов рефлексии и собственного впечатления от текста.

В данной статье рассматриваются проблемные аспекты лингвистического исследования эмоциональной доминанты текста, которые связаны с важнейшими этапами анализа и способами описания доминантного эмоционального содержания текста: 1) от совокупности знаков к обобщенному эмоциональному содержанию текста; 2) от эмоционального содержания к смысловым центрам текста; 3) от эмотивности текста к коммуникативным целям автора.

Материал и методы

Методологические трудности лингвистической интерпретации эмоциональной доминанты текста во многом обусловлены расхождениями в категориальном аппарате психоло-

гии и лингвистики, которые не всегда учитываются в практических исследованиях. Так, отмеченное выше психологическое свойство устойчивости доминанты (устойчивый очаг повышенной возбудимости по А.А. Ухтомскому) в лингвистике и психолингвистике интерпретируется как наиболее нестабильный компонент авторского значения, обусловленный синергетической природой смысла, селективной направленностью сознания в отражательной деятельности и динамической природой самих эмоциональных явлений [Герман, Пищальникова, 1999].

Отождествление эмоциональной доминанты текста с понятием очага повышенной возбудимости как психического процесса в применении к эмоциональности текста означает выделение наиболее яркого, запоминающегося, острого в плане эмоций смыслового элемента текста, подобного впечатлению от текста. В этом случае эмоциональная доминанта текста нередко сводится к субъективности читателя, «гиперинтерпретации» и «параноидальной интерпретации» [Есо, 1996]: читателю предоставляется бесконечное поле интерпретаций и восприятия предельно обобщенного эмоционального содержания текста (его наличия), которые не исключают актуализацию случайного эмоционального стимула, субъективно освоенного читателем лучше других эмоциональных элементов текста.

Другое методологическое положение, используемое для исследования эмоциональной доминанты текста, основано на учете читателем специфики психологических качеств автора и его эмоциональной интенции: «Эмоционально-смысловая доминанта, создавая основу модели порождения текста, определяет его психологическое содержание, речевую системность и является квинтэссенцией авторского замысла» [Белянин, 2008, с. 183]. При этом, с одной стороны, считается, что выделение эмоционально-смысловой доминанты должно опираться на распознавание авторского смысла с учетом лингвистических и психологических особенностей текста. С другой стороны, в лингвистике обосновано, что вычленение эмоциональной доминанты текста возможно без опоры на категории психологии, поскольку эмоциональное содержание всегда объективировано в тексте и выражено

в языковых знаках: «Я считаю, что доминанта имеет вполне объективный характер и должна вытекать из произведения, а не читательского (исследовательского) сознания или исторических условий» [Тороп, 1995, с. 103]. Стронники психолингвистического анализа текста не отрицают основополагающего характера речевой системности, то есть совокупности лексико-семантических, синтаксических, стилистических, эмоционально-образных особенностей текста [Белянин, 2000], однако при этом указывают на необходимость включения в процедуру анализа текста субъекта речи и знаний об эмоциональном аспекте его личности [Белянин, 2008; Караулов, 1987; Шаховский, 2018].

Из приведенных выше теоретических положений следует, что при обращении к понятию эмоциональной доминанты речь может идти о разных феноменах: эмоциональной доминанте личности (его акцентуации) и эмоциональной доминанте текста как центральной части его семантической организации, смысловом центре произведения. Соединение данных подходов продуктивно при проведении психотерапевтической диагностики читательской рефлексии личности. При изучении эмоциональной доминанты текста как продукта речевой деятельности человека существенной частью исследования должен стать анализ речевой системности текста как реализованной интенции автора.

Понятие эмоционального текста также нуждается в уточнении, поскольку в лингвистике оно по сути совпадает с понятием эмотивного текста. На практике лишь часть текстов можно считать эмотивными в строгом смысле слова: чаще всего речь идет об эмоциональных элементах его семантической структуры. Так, эмотивность текстов делового и научного дискурса не является их стилевой чертой, она факультативна, и в отдельных жанрах научной и деловой литературы может составлять лишь эмотивный потенциал текста. Однако наличие эмотивных элементов одновременно на фоновом и тональном уровнях [Ионова, 1998, с. 36–38] и их распределение по всем композиционным частям речевого произведения можно считать критерием отнесения подобных речевых произведений к эмоциональным / эмотивным текстам.

Для художественных текстов, напротив, эмотивность является стилевой чертой: «Если учесть, что в художественном тексте смыслы намеренно структурируются для выражения доминантного личностного смысла, то вполне логично предположить наличие в художественном тексте доминантного эмоционального смысла, входящего в него» [Пищальникова, 2010, с. 134]. По своему назначению все художественные тексты принадлежат к эмотивному типу текстов, что обусловлено местом эмотем (эмоциональных тем текста) в тематической структуре (основная тема) и иерархии коммуникативных задач (доминирующая коммуникативная цель) в комплексе прагматических задач текста.

В данной статье для иллюстрации теоретических положений использованы тексты русской художественной литературы, медийного и делового дискурсов. Данные примеры эмоциональных текстов исследуются лингвистическими методами семантического, контекстуального, эмотивного анализа единиц языка и текста, с применением модификационной методики определения ключевых слов.

При рассмотрении эмоционального содержания текста принято учитывать всю совокупность характеристик эмоциональности, которая получила категоризацию в лингвистических понятиях. К ним относятся такие семантические категории, как эмоциональная (субъективная) оценочность, эмоциональная модальность, интенсивность вербализуемого состояния [Шаховский, 1987]. Изучение данных категорий предлагаем дополнить определением видов трансформации эмоциональной семантики текстовых единиц, рассмотрением приоритетных эмоциональных стимулов, выраженных в тексте, вариативным и комплексным представлением знаков эмоции [Ионова, 2022], которые будут учтены при характеристике аспектов лингвистического изучения эмоциональной доминанты.

Результаты и обсуждение

Эмоциональная доминанта и эмотивный код текста

Базовая единица лингвистики эмоций – эмотив – определяется как языковая едини-

ца, в семантической структуре которой присутствует эмоциональная доля в виде семантического признака, благодаря чему эта «единица адекватно употребляется всеми носителями языка для выражения эмоционального отношения / состояния говорящего» [Шаховский, 1987, с. 24–25]. Например:

(1) Мы **рады** иметь столь надежного и уважаемого партнера и всегда открыты для любых контактов; были **приятно удивлены** вашим сообщением; ваше письменное обещание **успокаивает** нас и вселяет надежду; мы выражаем свое **разочарование и недовольство** вашими действиями; считаем необходимым передать свое **восхищение** мастерством ваших специалистов и удовлетворение от результатов совместной работы; вызывает **досаду** некомпетентность руководителей данного подразделения; **удивляет** желание столь уважаемой компании пользоваться слухами (Из деловой переписки Международной транспортной компании «Энергия», 2022).

Однако приведенные примеры высказываний текстов деловой переписки являются скорее исключением, идеальной реализацией категории эмотивности в тексте, поскольку в них используются единичные номинативные лексемы, непосредственно обозначающие эмоциональные концепты и типичные эмоциональные ситуации. В самих лексемах прямо выражена эмотивная семантика, например: *удивиться* – «испытать удивление; изумиться, поразиться», где *удивление* – «состояние, вызванное сильным впечатлением от чего-л. необычного, неожиданного, странного, непонятного» (БТС).

Для реальной коммуникации естественным является использование комплекса эмоций, описание сложных, смешанных чувств, часть из которых имеет косвенные и неочевидные формы выражения психологического состояния. Кластерная природа эмоций обуславливает необходимость выделения в исследуемых контекстах целого пучка семантических признаков, которые обнаруживаются в виде комплекса используемых эмотивов. Например, эмоции группы страха (опасение, беспокойство, тревога, настороженность, испуг, боязнь, отчаяние, ужас) часто используются совместно с эмоциями сомнения, безнадежности, стыда [Мркаич, 2022, с. 37]. Сложная эмоциональная семантика предполагает новые

формы ее репрезентации. Существующий уровень лингвистической категоризации сферы человеческой эмоциональности, объективированной в языке, речи, тексте, позволяет формализовать и параметризовать сложное эмоциональное содержание в виде укрупненных эмотивных единиц – эмотивных комплексов, включающих различные средства реализации общей коммуникативной цели высказывания. Методика эмотивного анализа в этом случае сводится к «собираанию» эмотивов, реализующих определенное эмоциональное состояние, и представлению их в комплексе как базовой единицы эмоционального содержания.

Эмоциональная информация может отражаться в единицах разных языковых уровней: фонетического, морфологического, лексического, синтаксического. Закрепленные в языковом сознании коммуникантов представления о типичных способах и средствах выражения семантики образуют эмотивный код языка – систему эмотивных знаков, которые делают возможным коммуникацию на уровне человеческих чувств [Эмотивный код..., 2003; Volek, 1987]. Как показывают исследования последних лет, в реальной коммуникации естественной формой репрезентации эмоций становится сочетание различных языковых средств их выражения: лексических, словообразовательных и синтаксических единиц, которые часто сопровождаются использованием соответствующих интонационных конструкций: *Ах, Боже мой, Боже мой!; Ну что же это такое!; За что?; Что вы такое говорите!; Ну и талантище!*

В исследовании М.Б. Мркаич убедительно продемонстрировано, что в естественной разговорной речи данная лингвистическая закономерность проявляется при вербализации эмоций всех основных групп (см. рис. 1) [Мркаич, 2022, с. 37].

Языковые комплексы дополняются паразыковыми средствами (например, высота тона, сила голоса, скорость произнесения, эмфаза и др.), которые позволяют эффективно и экономно передавать дополнительные по отношению к вербальным средствам смыслы или усиливать их. Так, наибольшая сила голоса отмечена в эмоциональных ситуациях гнева, радости, удивления, а наименьшая – при выражении печали, вины, стыда, смущения.

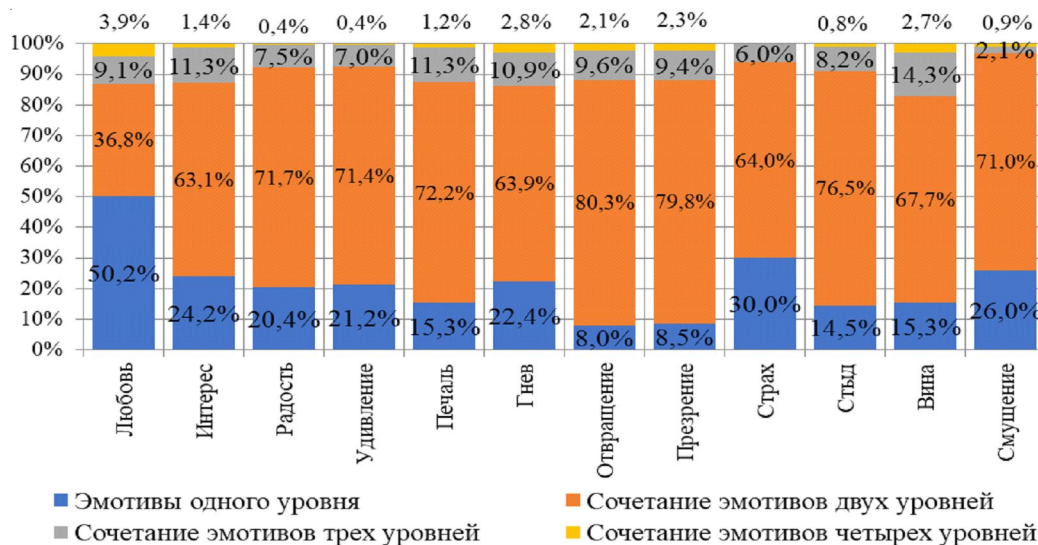

Рис. 1. Виды эмотивов различных языковых уровней для выражения эмоций

Примечание. Источник: [Мркаич, 2022, с. 124].

Fig. 1. Types of emotives of different language levels for expressing emotions

Note. Source: [Mrkaich, 2022, p. 124].

При вербализации эмоциональных ситуаций, как правило, указанные особенности произнесения передаются дескриптивно, в авторской речи или ремарках. В определении эмоционального смысла высказываний большую роль играет лексика, характеризующая виды эмоциональных реакций говорящих: *огорченно, весело, недовольно, с иронией, обиженно, недовольно, недоумеая, сердито, раздраженно, взволнованно, радостно, равнодушно, с воодушевлением, удивленно, восторженно, в ужасе, сердито* и др. Например:

(2) – Мамаша, мамаша, такого со мной никогда не бывало! – говорила она с **удивлением** и **испугом** перед тем чувством, которое она сознавала в себе (Толстой Л. Н. Война и мир);

(3) Что с ней случилось? – **еще удивленнее** сказал он сам себе (Толстой Л. Н. Война и мир);

(4) Боже мой! За что?.. – с **отчаянием** закричал Николай (Толстой Л. Н. Война и мир);

(5) Да, это добрая собака, ловит, – **равнодушным** голосом сказал Илагин (Толстой Л. Н. Война и мир);

(6) Попова (задыхаясь от **гнева**). Вы сели? (Чехов А. П. Медведь);

(7) Ломов (**волнуясь**). Видите ли, уважаемая Наталья Степановна... Дело в том, что я решил просить вас выслушать меня... (Чехов А. П. Предложение).

Каждое из вербализуемых психологических состояний в тексте может передаваться комплексом речевых способов: номинативно, дескриптивно и экспрессивно. Например:

(8) Лужин сказал: «Ого!» – и заерзал в кресле. Потом он бегал по кабинету, потирая руки. Щелкал зубами, бормотал: «Чудовищная удача!» – и опять бегал по кабинету, испытывая удивление, радость, восторг, т. е. чувства, которые мог бы испытать рыбак, закинувший удочку на пескаря, а поймавший щуку (Войнович В. Н. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина).

Синтетический способ представления эмоциональной информации в виде укрупненной, комплексной эмотивной единицы, объединяющей различные виды речевой репрезентации, позволяет описывать динамические эмоциональные явления, изучать вариативные возможности их вербализации с учетом многообразия интенций коммуникантов, их эмоциональных реакций, типичных сценариев эмоций, корпуса паттернов эмоционального коммуникативного поведения.

Многообразные варианты сочетания указанных способов вербализации эмоций (см. рис. 2) усложняют структуру эмотивных комплексов, при этом повышая степень точности их описания.

Дополнительным параметром в структуре эмотивных комплексов следует считать невербальную семиотику эмоций: жестику, мимику, кинесику, проксемику, окулесику, симптоматику.

Описание эмотивов в составе авербального или смешанного вербально-авербального эмотивного комплекса [Мркаич, 2022, с. 139–146] в ряде случаев дает возможность дифференцировать близкие по модальности эмоциональные явления (рис. 3).

Дополнительные эмотивные знаки в составе комплекса позволяют устранять неопределенность в выражении сложной эмоциональ-

ной семантики (согласованный эмотивный комплекс), устанавливая противоречия между разными способами проявления эмоций (несогласованный эмотивный комплекс), а также ложные квалификации говорящим собственных состояний с разными целями. При этом потребность в систематизации эмоциональной информации с учетом комплексности ее вербально-го представления возрастает прямо пропорционально повышению плотности эмотивной ткани текстов.

Учитывая доказанное в лингвистике положение о том, что любое слово языка в определенных контекстах является потенциаль-

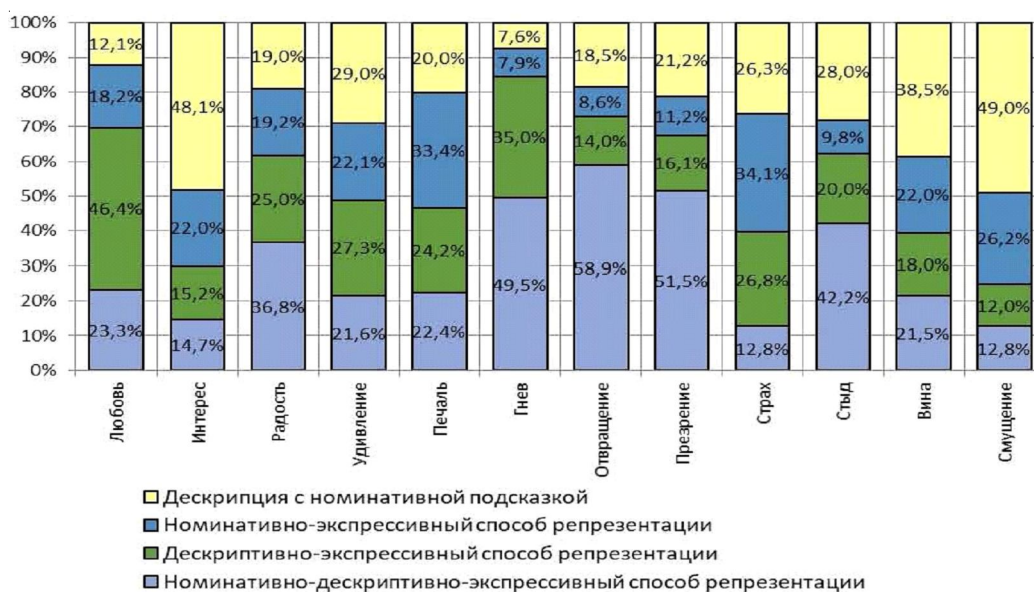

Рис. 2. Речевые способы вербализации эмоций и их комплексы

Примечание. Источник: [Мркаич, 2022, с. 139].

Fig. 2. Speech methods of verbalisation of emotions and their complexes

Note. Source: [Mrkaich, 2022, p. 139].

«Вечер с Владимиром Соловьевым». Выпуск от 23.10.2019

Да не, я не про-сто против. Я возмущен!!!

Мимика: брови опущены, сведены к переносице, между ними вертикальная складка; зубы стиснуты или обнажаются, губы напряжены, лицо статично.
Кинесика: корпус тела направлен вперед, руки напряжены.
Жестикуляция: нет.
Окулесика: взгляд статичный, прямой, напряженный.

Рис. 3. Авербальный эмотивный комплекс, отражающий эмоцию гнев

Примечание. Источник: [Мркаич, 2022, с. 144].

Fig. 3. Non-verbal emotive complex, which reflects the emotion anger

Note. Source: [Mrkaich, 2022, p. 144].

но эмотивным [Гридин, 1983; Шаховский, 1987], можно говорить о том, что именно эмотивные комплексы позволяют конкретизировать эмоциональную семантику таких единиц, более точно устанавливать эмоциональную модальность текста. Данный вывод в полной мере согласуется с идеей Н.И. Жинкина о том, что при понимании текста осуществляется переход от внешне выраженных полных слов к общему смыслу [Жинкин, 1982, с. 64], который при анализе эмотивных единиц может совпадать с обозначением эмоциональной ситуации или сценария протекания эмоции, репрезентированной в эмотивном комплексе и имеющей обобщенное имя.

Эмоциональная и смысловая доминанты текста

Соотношение понятий смысловой и эмоциональной доминант текста основывается на ряде значимых факторов, в том числе на понимании места эмотивных компонентов в семантической структуре текста. Отмеченная нами выше нетождественность понятий эмотивного текста и эмотивности текста показывает, что эмоциональное содержание может составлять основу текстовой семантики, формируя эмотивную ткань целостного речевого произведения или входить в его структуру в виде отдельных вкраплений. Так, критерием определения новостного текста как эмотивного является доминирование эмотивного содержания над рациональным. Это реализуется в использовании фоновых эмоций (в статусе основной темы текста) и/или в доминирующем положении эмоциональной модальности как части прагматических задач автора текста. Сравним тексты (9) и (10), приведенные ниже:

(9) Утром 8 сентября Россию потрясло трагическое известие: погиб глава МЧС генерал армии Евгений Зиничев. Это случилось вблизи Норильска, где спасатели проводили учения. Министр пытался спасти своего друга, режиссера Александра Мельника, который сорвался с выступа. «Никто не успел даже сообразить, что произошло, как Зиничев рванул в воду за сорвавшимся человеком и разбился о выступавший камень. Погиб как спасатель», – сообщила подробности главный редактор «Россия сегодня» Маргарита

Симоньян. Евгению Зиничеву было 55 лет. Указом президента ему присвоили звание Героя России посмертно (Парламентская газета. 08.09.2021).

Несмотря на фактуальный характер новостного текста, его главные темы – гибель генерала армии и его героизм (*проводили учения, спасти своего друга, мгновенная реакция, самопожертвование, погиб как спасатель, звание Героя России*) – относятся к типичным эмоциональным темам (подробно о них см.: [Ионова, 1998; 2002; Kneepkens, Zwaan, 1994]). Данные эмотемы и ключевые слова текста составляют основную часть его семантики, включают модальные элементы трагизма (*трагическое известие, посмертно*) и создают сложное смысловое образование.

(10) Оказалось, что глава МЧС погиб не на учениях, а при посещении водопада в заповеднике. Погибший оператор пытался удержать поскользнувшегося министра. РБК со ссылкой на источники сообщил, глава ведомства и оператор Александр Мельник погибли около 7 часов утра не в ходе учений под Норильском, а в нескольких сотнях километров отсюда – на территории заповедного плато Путорана, на водопаде Китабо-Орон. Евгений Зиничев поскользнулся, подойдя к краю водопада, в это время года на Китабо-Ороон уже холодно и есть лед. Сама поездка носила туристический характер (Telegram, readovkanews. 08.09.2021).

При сохранении темы гибели генерала армии тема его героизма нейтрализована (*не на учениях; поскользнулся, подойдя к краю водопада; оператор пытался удержать поскользнувшегося министра*), как и потенциальная реакция уважения к военному человеку, поскольку его гибель оказалась случайностью, результатом неосторожности во время отдыха (*поездка носила туристический характер*).

Анализ приведенных примеров демонстрирует сложное содержание текстов и намекает переход на смысловый уровень его исследования. Для осуществления такого перехода необходимо осознание неравностатусности выделенных единиц, репрезентирующих всю «разветвленную систему ведущих и производных эмоций» [Пищальникова, 2010, с. 65], и установление смысловых рядов, построенных на разных эмоциональных стимулах. Формирование смысловых структур в этом слу-

чае основывается на стягивании содержательных фрагментов текста вокруг его центральных элементов (ключевых слов, смысловых вех, опорных пунктов): «доминанта, возникающая в сознании воспринимающего субъекта, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство» [Новиков, 1999б, с. 45]. В процессе выявления смысловых доминант текста активизируются когнитивные механизмы его восприятия: индивидуальный опыт человека, его личностные отношения к предмету речи, эмоции, памятные ассоциации, уровень компетенций по обработке текстов [Новиков, 2007, с. 72]. Так, в примере (9) должны учитываться эмоции сочувствия и уважения к герою как потенциальные компоненты эмоциональной доминанты текста, а в примере (10) – эмоции недоумения и жалости читателей по поводу случившегося. Колебания в средствах выражения цели автора, изменения семантической структуры текстов (9) и (10), их эмотивного кода обуславливают динамику их семантического образа и выделение доминирующего смысла, который А.А. Леонтьев определяет как «непрерывно изменяющийся продукт процесса движения по тексту» [Леонтьев, 1979, с. 24].

При наличии эмоциональных элементов в тексте они могут сопровождать другие его семантические элементы и формировать их более глубокий смысл (например, в аналитической публицистике, эссе), самостоятельно формировать эмоционально-смысловую доминанту текста (например, в произведениях художественной литературы, текстах интернет-жанров мема, демотиватора), а также выступать в качестве смысловых аттракторов, способных привлечь внимание воспринимающего субъекта, актуализировать информацию и изменять траекторию смыслообразования (например, рекламные тексты, политические блоги, пропагандистские тексты) (подробно об этом см.: [Герман, Пищальникова, 1999]).

Таким образом, существуют различные механизмы, значимые для формирования эмоциональной доминанты речевого произведения: 1) накопление эмотивных элементов в структуре содержания текста; 2) распределе-

ние эмотивных элементов в структуре содержания текста; 3) актуализация эмоциональных элементов в тексте.

Эмоциональная доминанта и коммуникативная цель автора

Деятельность человека по опредмечиванию и распредмечиванию смысла в тексте предполагает возможность проявления «произвола» автора и читателей в формировании, трансляции и ретрансляции смысловых доминант речевого произведения, который при оперировании эмотивными элементами имеет тенденцию усиливаться. В этом случае особенно повышается значимость умений исследователя «искать», «улавливать», «разгадывать», «конструировать» смысл [Новиков, 1999а, с. 69]. В связи с этим следует остановиться на потенциальных рисках эмоционального смыслообразования, которые часто возникают при оперировании эмоциональными элементами семантики речевого произведения и способны порождать ошибки в интерпретации и анализе эмотивного текста.

Возможность порождения многообразных вариантов репрезентации эмоциональной информации в тексте, тенденция к их накоплению в структуре речевого произведения не предполагают, однако, механического исчисления знаков его эмотивного кода. Действительно, накопление разноуровневых языковых средств и сочетание речевых приемов репрезентации эмоциональной информации в тексте свидетельствует о значимости эмоциональной семантики в его интерпретации и понимании. Однако при этом следует учитывать, что плотность эмотивной ткани речевых произведений не имеет универсальных количественных норм, показатели эмотивности не совпадают в текстах разных жанров. В отличие от лексем предметной семантики, которые позволяют проводить тематическое индексирование, эмотивы не соотносятся с предметными ситуациями непосредственно, обозначая комплекс субъективных переживаний по отношению к ним. В связи с этим они организуются в эмотивные комплексы, выражающие единое эмоциональное содержание, представленное разными способами. Количественная активность знаков различных эмотивных

комплексов в ряде случаев может свидетельствовать об интенсивности чувства, а отнюдь не о разнообразии модального содержания, которое часто сводится к единому эмоциональному концепту и не предполагает выявления сложного эмоционального смысла. Напротив, в официально-деловых документах даже единичное использование эмотива, который иррадирует на целостное пространство текста, может служить формированию его эмоционального смысла.

Существенным показателем роли эмотивных элементов в формировании его смысловой доминанты становится характер их распределения в тексте. Распределение значимых эмотивов по всем основным структурным элементам текста, их функционирование в статусе опорных компонентов, ключевых слов, реализация на тематическом и модальном уровнях текста свидетельствует о смыслообразующей функции репрезентированных эмоций, о возможности выделения на их базе эмоциональной доминанты текста. Подобный подход к эмотивному анализу семантики текста позволяет устанавливать ложные эмоциональные стимулы – отдельные эмотивы или эмоциональные микрокомпоненты содержания текста, которые не являются значимыми в процессе смыслообразования. Например:

(11) Вигдорова считает, что в наше время очень мало людей, умеющих побороть свои страхи. Если во время войны люди боялись смерти, то это было естественно. Но любовь к родине была сильнее всякого страха. Сейчас же страх продиктован низменными чувствами: боязнь пойти против общества, боязнь быть опозоренным, быть не таким как все. Необходимо иметь мужество, чтобы преодолеть в себе «стадное» чувство страха. **Кстати, у меня лично, страх всегда вызывал раздражение.** Вигдорова считает, что со страхами нужно бороться. О страхах и их влиянии на человека размышляло не одно поколение великих людей... (Тексты и сочинения ЕГЭ : метод. рекомендации для проведения пед. практики. М. : Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2022. С. 18).

Отметим, что случайные и незначимые единицы нередко сознательно актуализируются автором или транслятором текста и выводятся в статус эмоциональных аттракторов, которые, перегруппируя эмоциональные элементы текста, формируют ложную смысло-

вую доминанту с эмоциональной составляющей завышенной интенсивности и искаженной модальности. В массовой коммуникации целью таких трансформаций часто является привлечение внимания к публикации, повышение рейтинга читаемости изданий, однако они могут использоваться и как способ сознательного искажения объективного содержания текста и заложенного в нем эмоционального содержания. В качестве триггеров, способствующих активизации личностных смыслов, индивидуальных ассоциативных интерпретаций текста в ущерб его объективному содержанию, наиболее продуктивной становится апелляция к универсальным эмоциональным темам: смерть, опасность, власть, секс, хаос, любовь, семья (о них см.: [Kneepkens, Zwaan, 1994, p. 128]).

Искусственная актуализация эмоциональных элементов в тексте возможна также на основе механизма неоднозначной или неверной квалификации пишущим передаваемого в тексте психологического состояния [Dijkstra et al., 1994]. В художественных текстах этот прием используется писателями для изображения сложности переживаемых эмоциональных процессов, характеристики поведения героев, которые скрывают истинные чувства, сознательно используя иное обозначение для выражения собственного состояния. Например:

(12) Попова. Я вас **ненавижу!** Или нет... Не уходите! Как я **зла**, как я **зла!**.. Убирайтесь!.. Прощайте!.. Ах, как я **зла!**.. Не подходите, не подходите!.. Я вас **ненавижу!**.. (Чехов А. П. Медведь);

(13) Смирнов. Брр!.. Как я **зол** сегодня, как я **зол!** От **злости** все **поджилки трясутся** и **дух захватил**... Фу, боже мой, даже **дурно** делается! (Кричит.) Человек!

Смирнов (подходя к ней). Как я **на себя зол!** Влюбился, как гимназист, стоял на коленях... Даже **мороз по коже** дерет... (Грубо.) Я **люблю вас!** Очень мне нужно было **влюбляться** в вас! (Чехов А. П. Медведь).

В современном массовом дискурсе явление недобросовестной квалификации эмоциональных состояний приобретает системный характер, для него вырабатывается своеобразный модный язык чувств, заимствованный из терапевтического нарратива: *личностный опыт*,

позитивный стресс, психологическая травма, выгорание, стресс, личные границы, повышенная тревожность, токсичная подруга, меня обесценивают, пичалька (так в источниках!), *краш, чмоки-чмоки, позитивный человек, токсичный абьюзер, токсичная зависимость, личностный рост* и др.

Глобальная эмоционализация современных коммуникативных практик создает условия для формирования нового стиля самовыражения чувств [Аронсон, Будрайтскис, Великодворская, 2021], для подмены искренних переживаний иноказательными обозначениями, а также для трансляции желательных и поощряемых социумом эмоциональных реакций на вызовы современной реальности. Игнорирование объективного эмотивного кода текста порождает трудности в выявлении эмотивных комплексов на основе групп базовых эмоций, установления эмоциональных опорных пунктов и формируемого вокруг них значимого эмоционального содержания, определения эмоциональной доминанты текста.

Заключение

Эмоциональные феномены в тексте многообразны, обладают текстообразующим и смыслообразующим статусом.

Эмоциональная доминанта текста не является аналогом смысловой доминанты, которая может полностью включать в себя эмоциональный смысл, отождествляться с ним или учитывать эмоциональные элементы содержания при формировании интегративного смысла. При этом объективированное в тексте эмоциональное содержание имеет направляющую и регулирующую функции.

Эмоциональная доминанта текста не является аналогом доминанты психологической сферы личности и не может сводиться к бесконечной субъективности читателя без опоры на объективное эмоциональное содержание текста. Учитывая оба фактора смыслообразования, исследователь корректирует интуитивное восприятие текста: а) устанавливает не только обобщенное эмоциональное содержание текста, наличие эмоции, впечатления, но и лингвистически обоснованную эмоциональную модальность текста; б) сужает возможности для актуализации случайно-

го эмоционального стимула, субъективно освоенного читателем лучше других эмоциональных элементов текста, ограничивая бесконечное поле субъективных смыслов.

Механического исчисления эмотивов в тексте недостаточно для выявления его доминирующего эмоционального содержания и эмоциональных доминант, поэтому большую ценность при их лингвистическом анализе приобретают операции, которым подвергается эмоциональная информация в порождаемом тексте с учетом эмоциональных состояний читателей. Значимыми методическими приемами при эмоциональном анализе текста считаем следующие: собирание распределенного эмоционального содержания; установление тестобразующего статуса элементов эмотивного содержания; построение эмотивных комплексов репрезентации эмоционального содержания; компрессия текста в эмоциональные опорные точки и ключевые слова текста; восстановление по ним эмоционального содержания текста; установление случайных эмоциональных стимулов в тексте; устранение ложных эмоциональных доминант текста как результата преднамеренной гиперактуализации незначимых эмотивных элементов или их ложной квалификации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аронсон П., Будрайтскис И., Великодворская Е. и др., 2021. Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности. М. : Индивидуум. 284 с.
- Белянин В. П., 2000. Основы психолингвистической диагностики : Модели мира в литературе. М. : Тривола. 248 с.
- Белянин В. П., 2008. Авторский смысл эмоционально отмеченного текста и проблема реконструкции личности автора // Теория и практика судебной экспертизы. № 4 (12). С. 181–184.
- Винокур Г. О., 1959. Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз. 492 с.
- Герман И. А., Пищальникова В. А., 1999. Введение в лингвосинергетику. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. 130 с.
- Гридин В. Н., 1983. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М. : Наука. С. 113–119.
- Жинкин Н. И., 1982. Речь как проводник информации. М. : Наука. 159 с.

- Ионова С. В., 1998. Эмотивный фон и эмотивная тональность как элементы содержания текста // *Языковая личность: вербальное поведение* : сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград : РИС. С. 36–41.
- Ионова С. В., 2002. Формирование смысловой доминанты вторичного текста // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Вып. 2*. С. 64–71.
- Ионова С. В., 2022. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания // *Вопросы психолингвистики. № 1 (51)*. С. 26–39.
- Караулов Ю. Н., 1987. *Русский язык и языковая личность*. М. : Наука. 261 с.
- Кунин А. В., 1986. *Курс фразеологии современного английского языка*. М. : Высш. шк. 336 с.
- Леонтьев А. А., 1979. Восприятие текста как психологический процесс // *Психолингвистическая и психологическая природа текста и особенности его восприятия* / под ред. Ю. А. Жлуктенко, А. А. Леонтьева. Киев : Вища школа. Изд-во при Киев. ун-те. С. 18–30.
- Мркаич М.Б., 2022. Репрезентация эмотивных комплексов в русском языке (на материале телевизионных ток-шоу) : автореф. ... дис. канд. филол. наук. М. 192 с.
- Новиков А. И., 1999а. Смысл: семь дихотомических признаков // *Теория и практика речевых исследований*. М. : МГУ. С. 68–82.
- Новиков А. И., 1999б. Текст, смысл и проблемная ситуация // *Вопросы филологии. № 3*. С. 43–48.
- Новиков А. И., 2007. Текст и его смысловые доминанты / под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. М. : ИЯ РАН. 224 с.
- Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А., 1996. Когнитивная структура эмоций // *Язык и интеллект*. М. : Прогресс. С. 314–384.
- Пищальникова В. А., 2010. История и теория психолингвистики. Ч. 3. Психопоэтика. М. : АСОУ. 144 с.
- Сорокин Ю. А., 1982. Текст, цельность, связность, эмотивность // *Аспекты общей и частной лингвистической теории текста*. М. : Наука. С. 61–73.
- Тороп П., 1995. *Тотальный перевод*. Тарту : Науч. поиск. 256 с.
- Ухтомский А. А., 2002. *Доминанта* : Статьи разных лет. СПб. : Питер. 448 с.
- Христиансен Б., 1911. *Философия искусства* / пер. с нем. Г. П. Федотова ; под ред. Е. В. Аничкова. СПб. : Шиповник. 289 с.
- Шахнарович А. М., Графова Т. А., 1991. Экспериментальное исследование реализации эмотивности в речевой деятельности // *Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности*. М. : Наука. С. 99–113.
- Шаховский В. И., 1987. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 190 с.
- Шаховский В. И., 2018. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика* Т. 22, № 1. С. 54–79.
- Якобсон Р. О., 1976. Доминанта. В 5 т. Т. 1 : хрестоматия по теорет. литературоведению / под ред. З. Г. Минц ; сост. И. Чернов. Тарту : Тартус. гос. ун-т. С. 56–63.
- Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве, 2013 : коллектив. моногр. / науч. ред. В. И. Шаховский ; отв. ред. Н. Н. Панченко. Волгоград : Перемена. 450 с.
- Эмотивный код языка и его реализация, 2003 / под ред. В. И. Шаховского, С. В. Ионовой. Волгоград : Перемена. 174 с.
- Cabanas D. E., Illouz E., 2019. *Reseña HAPPYCRACIA. Cómo la ciencia y la industria de la felicidad controlan nuestras vidas*. Barcelona : Paidós. 224 p.
- Eco U., 1996. *Interpretation and History* // *Interpretation and Overinterpretation* / ed. by U. Eco, R. Rorty, J. Culler, C. Brookerose. Cambridge : Cambridge University Press. 151 p.
- Danes F., 1987. *Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field* // *14th International Congress of Linguistics : Preprints of the Plenary Session Papers (Berlin, Aug. 10–15, 1987)*. [S. l. : s. n.]. P. 272–291.
- Dijkstra K., Zwaan B., Graesser A., Magliano J., 1994. *Character and Reader Emotions in Literary Texts* // *Poetics*. Vol. 23. P. 139–157.
- Illouz E., 2018. *Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity*. L. : Routledge. 222 p.
- Kneepkens E. W. E. M., Zwaan R. A., 1994. *Emotions and Literary Text Comprehension* // *Poetics*. Vol. 23. P. 125–138.
- Lerner J., Rivkin-Fish M., 2021. *On Emotionalisation of Public Domains* // *Emotions and Society*. № 3 (1). P. 3–14.
- Volek B., 1987. *Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian*. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. 270 p.
- Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V., 2021. *Emotionalisation of Contemporary Media Discourse: A Research Agenda* // *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 25, № 3. P. 586–610.

СЛОВАРЬ

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.

REFERENCES

- Aronson P., Budraytskis I., Velikodvorskaya E. et al., 2021. *Slozhnye chuvstva. Razgovornik novoy realnosti: ot abyuza do toksichnosti* [Complex Feelings. Phrasebook of the New Reality: From Abuse to Toxicity]. Moscow, Individuum Publ. 284 p.
- Belyanin V.P., 2000. *Osnovy psikholingvisticheskoy diagnostiki: Modeli mira v literature* [Models of the World in Literature]. Moscow, Trivola Publ. 248 p.
- Belyanin V.P., 2008. Avtorskiy smysl emotsionalno otmechennogo teksta i problema rekonstruktsii lichnosti avtora [The Author's Meaning of an Emotionally Marked Text and the Problem of Reconstructing the Author's Personality]. *Teoriya i praktika sudebnoy ekspertizy* [Theory and Practice of Forensic Science], no. 4 (12), pp. 181-184.
- Vinokur G.O., 1959. *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Papers on the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz. 492 p.
- German I.A., Pishchalnikova V.A., 1999. *Vvedenie v lingvosinergetiku* [Introduction to Linguosynergetic Research]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta. 130 p.
- Gridin V.N., 1983. Semantika emotsionalno-ekspressivnykh sredstv yazyka [Semantics of Emotionally Means of Language]. *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic Problems of Semantics]. Moscow, Nauka Publ., pp. 113-119.
- Zhinkin N.I., 1982. *Rech kak provodnik informatsii* [Speech as Conductor Information]. Moscow, Nauka Publ. 159 p.
- Ionova S.V., 1998. Emotivnyy fon i emotivnaya tonalnost kak elementy sodержaniya teksta [Emotive Background and Emotive Tonality as Elements of the Text Content]. Krasavskiy N.A., ed. *Yazykovaya lichnost: verbalnoe povedenie: sb. nauch. tr.* [Language Personality: Verbal Behavior. Collection of Scientific Works]. Volgograd, RIS, pp. 36-41.
- Ionova S.V., 2002. Formirovanie smyslovy dominanty vtorichnogo teksta [Semantic Dominant of the Secondary Text]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], iss. 2, pp. 64-71.
- Ionova S.V., 2022. Lingvopsikhologiya emotsiy v kontseptsiyakh sovremennogo yazykoznaniiya [Linguopsychology of Emotions in the Modern Linguistics Concepts]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 1 (51), pp. 26-39.
- Karaulov Yu.N., 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka Publ. 261 p.
- Kunin A.V., 1986. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [The Course of Modern English Phraseology]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 336 p.
- Leontev A.A., 1979. Vospriyatie teksta kak psikhologicheskii protsess [Text Perception as a Psychological Process]. Zhluktenko Yu.A., Leontev A.A., eds. *Psikholingvisticheskaya i psikhologicheskaya priroda teksta i osobennosti ego vospriyatiya* [Psycholinguistic and Psychological Nature of the Text and Features of Its Perception]. Kiev, Vishcha shkola. Izd-vo pri Kiev. un-te, pp. 18-30.
- Mrkaich M.B., 2022. *Reprezentatsiya emotivnykh kompleksov v russkom yazyke (na materiale televizionnykh tok-show): avtoref. ... dis. kand. filol. nauk* [Representation of Emotive Complexes in the Russian Language (Based on the Material of TV Talk Shows). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 192 p.
- Novikov A.I., 1999a. Smysl: sem dikhotomicheskikh priznakov [Meaning: Seven Dichotomous Signs]. *Teoriya i praktika rechevykh issledovaniy* [Theory and Practice of Speech Research]. Moscow, MGU, pp. 68-82.
- Novikov A.I., 1999b. Tekst, smysl i problemnaya situatsiya [Text, Meaning and Problem Situation]. *Voprosy filologii* [Journal of Philology], no. 3, pp. 43-48.
- Novikov A.I., 2007. *Tekst i ego smyslovye dominanty* [Semantic Dominants of the Text]. Moscow, IYA RAN. 224 p.
- Ortoni A., Klour Dzh., Kollinz A., 1996. Kognitivnaya struktura emotsiy [The Cognitive Structure of Emotions]. *Yazyk i intellect* [Language and Intelligence]. Moscow, Progress Publ., pp. 314-384.
- Pishchalnikova V.A., 2010. *Istoriya i teoriya psikholingvistiki. Ch. 3. Psikhopoetika* [History and Theory of Psycholinguistics. Pt. 3. Psychopoetics]. Moscow, ASOU. 144 p.
- Sorokin Yu.A., 1982. Tekst, tselnost, svyaznost, emotivnost [Text, Integrity, Coherence, Emotivity]. *Aspekty obshchey i chastnoy lingvisticheskoy teorii teksta* [Aspects of General and Particular Linguistic Theory of Text]. Moscow, Nauka Publ., pp. 61-73.
- Torop P., 1995. *Totalnyy perevod* [Total Translation]. Tartu, Nauch. poisk Publ. 256 p.
- Ukhtomskiy A.A., 2002. *Dominanta: Stati raznykh let* [Dominant. Articles of Different Years]. Saint Petersburg, Piter Publ. 448 p.
- Khristiansen B., 1911. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Saint Petersburg, Shipovnik Publ. 289 p.

- Shakhnarovich A.M., Grafova T.A., 1991. Eksperimentalnoe issledovanie realizatsii emotivnosti v rechevoy deyatel'nosti [Experimental Study of the Realization of Emotivity in Speech Activity]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [The Human Factor in Language. Linguistic Mechanisms of Expressiveness]. Moscow, Nauka Publ., pp. 99-113.
- Shakhovskiy V.I., 1987. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexical and Semantic System of the Language]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta. 190 p.
- Shakhovskiy V.I., 2018. Kognitivnaya matritsa emotsionalno-kommunikativnoy lichnosti [Cognitive Matrix of an Emotional and Communicative Personality]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 22, no.1, pp. 54-79.
- Yakobson R.O., 1976. *Dominanta. V 5 t. T. 1: khrestomatiya po teoret. literaturovedeniyu* [Dominant. In 5 Vols. Vol. 1. A Textbook on Theoretical Literary Studies]. Tartu, Tartus. gos. un-t, pp. 56-63.
- Shakhovskiy V.I., Panchenko N.N., eds., 2013. *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve: kollektiv. monogr.* [Emotive Linguoecology in the Modern Communicative Space. Collective Monograph]. Volgograd, Peremena Publ. 450 p.
- Shakhovskiy V.I., Ionova S.V., eds., 2003. *Emotivnyy kod yazyka i ego realizatsiya* [Emotive Language Code and Its Implementation]. Volgograd, Peremena Publ. 174 p.
- Cabanas D. E.; Illouz E., 2019. *Reseña HAPPYCRACIA. Cómo la ciencia y la industria de la felicidad controlan nuestras vidas*. Barcelona, Paidós. 224 p.
- Eco U., 1996. Interpretation and History. Eco U., Rorty R., Culler J., Brookerose C., eds. *Interpretation and Overinterpretation*. Cambridge, Cambridge University Press. 151 p.
- Danes F., 1987. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field. *14th International Congress of Linguistics: Preprints of the Plenary Session Papers (Berlin, Aug. 10–15, 1987)*. S.l., s.n., pp. 272-291.
- Dijkstra K., Zwaan B., Graesser A., Magliano J., 1994. Character and Reader Emotions in Literary Texts. *Poetics*, vol. 23, pp. 139-157.
- Illouz E., 2018. *Emotions as Commodities: Capitalism, Consumption and Authenticity*. London, Routledge. 222 p.
- Kneepkens E.W.E.M., Zwaan R.A., 1994. Emotions and Literary Text Comprehension. *Poetics*, vol. 23, pp. 125-138.
- Lerner J., Rivkin-Fish M., 2021. On Emotionalisation of Public Domains. *Emotions and Society*, no. 3 (1), pp. 3-14.
- Volek B., 1987. *Emotive Signs in Language and Semantic Functioning of Derived Nouns in Russian*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 270 p.
- Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V., 2021. Emotionalisation of Contemporary Media Discourse: A Research Agenda. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 3, pp. 586-610.

DICTIONARY

- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.

Information About the Author

Svetlana V. Ionova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

Информация об авторе

Светлана Валентиновна Ионова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.3>

UDC 81'42:159.942
LBC 81.051.2

Submitted: 14.09.2022
Accepted: 28.11.2022

EMOTIOGENICITY OF TEXT: PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS¹

Larisa A. Piotrovskaya

Herzen University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The study validates feasibility of interdisciplinary research into the problem of emotions and the language. The term *text emotiogenicity* is contrasted with the terms *emotivity* and *emotionality*. The emotional impact of the text upon the addressee is investigated experimentally. In accordance with V.P. Belyanin's classification, the two emotive literary texts, chosen as research material, represent "bright" and "sorrowful" types. The experiment involved the students of Saint Petersburg State Theater Arts Academy and the students of Herzen University. The auditive analysis of the readers' intonation was carried out to interpret the emotiogenicity of these texts. The high degree of text emotiogenicity actualizes when the addressee experiences the same emotions as the literary text character. In this case the emotions are expressed in reader's intonation. The prosodic correlates of admiration and tenderness when a person reads the "bright" text and the correlates of fatality and depression while reading the "sorrowful" text are described. The emotiogenicity of the same text is apt to vary depending on the personality of the recipient. The author identifies the main reasons for variable prosodic correlates of contrary emotions when reading emotive literary texts.

Key words: emotiogenicity, emotivity, emotionality, emotion, literary text, intonation, prosody.

Citation. Piotrovskaya L.A. Emotiogenicity of Text: Psychological and Linguistic Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 28-38. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.3>

УДК 81'42:159.942
ББК 81.051.2

Дата поступления статьи: 14.09.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

ЭМОЦИОГЕННОСТЬ ТЕКСТА: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ¹

Лариса Александровна Пиотровская

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье обоснована необходимость междисциплинарного подхода к изучению проблемы «эмоции и язык». Термин «эмоциогенность текста» соотнесен с терминами «эмотивность» и «эмоциональность». Представлены результаты экспериментального исследования эмоционального воздействия текста на адресата. В качестве материала для анализа выбраны два эмотивных художественных текста, один из которых, по классификации В.П. Белянина, относится к «светлым», а другой – к «печальным». Реципиентами стали студенты первого курса Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства и Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Эмоциогенность текстов оценивалась на основе слухового анализа интонации речи испытуемых, читавших предложенные тексты. Показано, что высокая степень эмоциогенности текста реализуется в случае, когда адресат испытывает те же эмоции, что и персонаж. Выявлено, что эмоции адресата выражены в интонационном оформлении его речи. Описаны просодические корреляты восторга и нежности при чтении «светлого» текста и обреченности, подавленности при чтении «печального» текста. Установлено, что степень эмоциогенности одного и того же текста варьирует для разных личностей. Определены факторы, обусловившие вариативность просодических характеристик противоположных эмоций при чтении эмотивных художественных текстов.

Ключевые слова: эмоциогенность, эмотивность, эмоциональность, эмоция, художественный текст, интонация, просодия.

Цитирование. Пиотровская Л. А. Эмоциогенность текста: психологический и лингвистический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 28–38. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.3>

Введение

Активизация лингвистических исследований проблемы «эмоции и язык» приблизительно с середины 80-х гг. XX в. предопределила появление в отечественной лингвистике специального термина для обозначения лингвистической теории эмоций – «эмотиология». Он введен в активный научный оборот Виктором Ивановичем Шаховским. В одной из последних работ В.И. Шаховский, характеризуя роль эмоций в речевой деятельности и в процессе познания мира, сформулировал положение о том, что «эмоциональный фактор является ядром человеческого сознания, мышления, речепроизводства и всей его креативной деятельности, эмоции служат мотивационной основой сознания» [Шаховский, 2019, с. 36]. В настоящее время, как справедливо отмечает С.В. Ионова, говоря о роли эмотиологии, «считается плохим тоном не учитывать ее достижений при изучении языка, речи, коммуникации» [Ионова, 2022, с. 221].

Упомянем в этой связи статью Р. Якобсона «Лингвистика и поэтика», в которой он не только разграничил шесть основных функций вербальной коммуникации (референциальная, эмотивная, поэтическая, конативная, фатическая и метаязыковая), но и определил принципы их изучения. Долгое время лингвисты обращали внимание прежде всего на положение о том, что в большинстве сообщений доминирует референциальная функция. Однако Р. Якобсон подчеркнул, что внимательный лингвист должен учитывать дополнительное участие в сообщении и других функций [Jacobson, 1960, p. 353].

Объективные трудности в изучении эмоциогенности текста обусловлены необходимостью применения междисциплинарного подхода, поскольку эмоции представляют собой специфический способ познания мира: они «выражают оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям» [Леонтьев, 1971, с. 37].

Кроме того, для корректного анализа текста считаем необходимым рассматривать его как продукт речевой деятельности, а следовательно, различать, с одной стороны, намерение автора сделать достоянием адресата определенные мысли и чувства, а с другой – результат восприятия текста адресатом.

Эмоциогенность текста трактуется нами как результат понимания эмотивного текста, построения ментальной модели его содержания [Залевская, 2001, с. 120–152]. Очевидно, что изучение эмоциогенности текста предполагает проведение экспериментального исследования.

Материал и методы

Поскольку в работах отечественных и зарубежных лингвистов употребляются разные термины для характеристики одного и того же аспекта изучения текста, рассмотрим термин «эмоциогенность» в соотношении с двумя другими – «эмотивность» и «эмоциональность».

Ш. Балли, поставив задачу изучения аффективного фактора в языке в начале XX в., подчеркнул необходимость различать две разные цели субъекта речи: выражение субъективного мира говорящего (его чувств, настроения) и использование языковых средств для воздействия на адресата [Балли, 1961, с. 128–129].

По-видимому, Ф. Данеш первым зафиксировал это различие терминологически: «эмотивный» – ‘имеющий отношение к намерению говорящего оказать воздействие на адресата’, «эмоциональный» – ‘имеющий отношение к выражению эмоций самого субъекта речи’ [Daneš, 1982, s. 93–94].

Однако в отечественной лингвистике закрепилось иное значение этих терминов, предложенное В.И. Шаховским, поставившим во главу угла различие между лингвистическими и психическими сущностями: «*Эмотивность* – имманентно присущее языку семан-

тическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики человека» [Шаховский, 2009, с. 24].

Для лингвиста, изучающего языковые средства выражения эмоций, на наш взгляд, важно также дифференцировать спонтанные, подавляемые и намеренно выражаемые эмоции. На них впервые обратил внимание в середине XX в. один из основоположников Пражского лингвистического кружка В. Матезиус [Mathesius, 1947, s. 227].

После работ Ш. Балли, разграничившего функцию идентификации и функцию экспрессивную [Балли, 1961, с. 128–129], в лингвистике стало общепринятым различать описание и выражение эмоций (см., например: [Hall, 1961; Daneš, 1987; Бабенко, 1989; Шаховский, 2009]). Нами было предложено использовать три понятия и соответствующие им термины: «описание эмоций», «выражение эмоций» и «отражение эмоций» [Piotrovskaya, 2009]. Описание эмоций имеет статус рефлексивной деятельности человека; результатом этого является употребление субъектом речи слов, называющих эмоции, например: *Я рад / возмущен / удивлен* и т. п. При выражении эмоций говорящий непосредственно переживает их, осознанно выбирает адекватные эмотивные языковые средства с целью сделать достоянием сознания адресата свою эмоциональную реакцию. Описание эмоций может сочетаться с выражением эмоций. Отражение же эмоций осуществляется спонтанно, кодируется как вербально, так и невербально; в силу их спонтанности говорящий может не осознавать самого факта использования тех или иных средств, свидетельствующих о его эмоциональном состоянии. Таким образом, разграничение В. Матезиусом понятий намеренно выражаемых и спонтанных эмоций соотносится с предложенными нами терминами «выражение эмоций» и «отражение эмоций». Если же иметь в виду подавляемые эмоции, то очевидно, что подавлять можно только осознаваемые эмоции, а следовательно, в этом случае говорящий стремится не выражать вербально и/или невербально переживаемые им эмоции.

Соотнесем друг с другом понятия, предложенные В. Матезиусом, Ф. Данешем и В.И. Шаховским. Термины «эмотивность» /

«эмотивный», в трактовке Ф. Данеша, означают, что субъект речи ставит цель оказать эмоциональное воздействие на адресата. Чтобы это стало возможным, субъект речи должен намеренно выражать соответствующие эмоции (по В. Матезиусу) и использовать такие языковые средства, в семантике которых закреплен эмотивный компонент значения (по В.И. Шаховскому). Обращение же к терминам «эмоциональность» / «эмоциональный» означает, что предметом исследования становится эмоциональное состояние говорящего как психическое явление (по В.И. Шаховскому). Если говорящий выражает свои эмоции спонтанно (по В. Матезиусу), у него может не быть намерения оказать эмоциональное воздействие на адресата (по Ф. Данешу). В этом случае на основе анализа речи говорящего можно определить, какие эмоции субъект речи непосредственно переживал. В результате такого анализа можно также оценивать степень эмоциональности конкретного человека.

Обратимся к сравнению всех терминов, включая термин «эмоциогенность».

Полностью разделяем следующую трактовку, предложенную В.А. Масловой. «Эмоциональность – психологическая характеристика личности, состояния, качеств и уровня ее эмоциональной сферы. Эмотивность же – лингвистическая характеристика текста (или лексикона) как совокупности языковых средств, способных произвести эмотивный эффект, вызвать у реципиента соответствующие эмоции» [Маслова, 1991, с. 185]. Уточняя отношения между терминами «эмотивность» и «эмоциогенность», В.А. Маслова подчеркивает: хотя эмотивные языковые средства предназначены для усиления эмотивного эффекта, однако потенциально эмотивным может быть и текст, который не является эмотивным, поскольку эмотивный эффект зависит не только от содержания текста, но и от личности реципиента [Маслова, 1991, с. 185].

Соотнесение данных положений с основными понятиями теории речевых актов позволяет дополнить приведенную трактовку: «эмоциогенность» коррелирует с понятием «перлокуция», а «эмотивность» – с понятием «иллокуция». Обращение к теории речевой деятельности также выявляет существенные раз-

личия сравниваемых терминов: несмотря на то что и «эмоциональность», и «эмоциогенность» ориентированы на личность, «эмоциональность» характеризует человека, порождающего речь, «эмоциогенность» – человека, воспринимающего речь. Поэтому один и тот же эмотивный текст для одного адресата может оказаться более эмоциогенным, чем для другого.

Впервые детальное исследование эмотивности текста было осуществлено в диссертационной работе С.В. Ионовой, которая предложила различать эмотивное содержание (план содержания эмотивности) и эмотивную окраску (план выражения эмотивности, то есть набор языковых и текстовых средств) [Ионова, 1998]; при этом эмотивное содержание текста может быть выражено различными способами [Шаховский, 2008, с. 180–258].

Впоследствии для анализа эмотивного содержания текста О.Е. Филимонова разработала метод «проникающего изучения категории эмотивности» [Филимонова, 2007, с. 83–88], направленный на семантическое моделирование представленных в тексте эмотивных ситуаций – ситуаций, в которых некто находится в определенном эмоциональном состоянии. Отметим, что разные исследователи, независимо друг от друга, предлагают практически идентичные методы анализа (ср., например: [Филимонова, 2007, с. 83–88; Koschut, 2018, p. 278–288]). Кроме того, в исследованиях В.И. Болотнова и С.В. Ионовой отмечается, что описание ненормальных ситуаций увеличивает эмоциогенный потенциал текста [Болотнов, 1981, с. 23–38; Ионова, 1998, с. 40]. Важно также принимать во внимание, что эмоциональные переживания может испытывать как субъект речи, так и персонаж текста [Бабенко, 1989, с. 104–105; Шаховский, 2008, с. 185–186].

Очевидно, что изучение эмоциогенности текста предполагает анализ результата его восприятия. С этой целью можно использовать различные методы анализа содержания эмотивного текста в интерпретации адресата, например набор ключевых слов, семантическое шкалирование и др. Результаты, полученные с помощью таких методов для сравнительного исследования эмотивно-

сти и эмоциогенности учебных текстов с точки зрения каузации интереса, были опубликованы ранее [Пиотровская, Трущелёв, 2019; 2020а; 2020б; и др.].

В данной же статье объектом анализа являются два художественных текста, характеризующихся противоположными эмоциями.

При выборе языкового материала была принята во внимание типология текстов по их эмоционально-смысловой доминанте, разработанная В.П. Беляниным на основе психолингвистического (точнее – психиатрического) анализа художественной литературы. Он предложил различать пять типов текстов: 1) «светлые» (паранойяльная акцентуация); 2) «темные» (эпилептоидная акцентуация); 3) «красивые» (демонстративная акцентуация); 4) «веселые» (маниакальная акцентуация); 5) «печальные» (депрессивная акцентуация) [Белянин, 2000].

Для экспериментального исследования нами были выбраны «светлый» и «печальный» тексты – соответственно фрагмент из романа Э. Золя «Карьера Ругонов» и начало рассказа Л. Андреева «В подвале». Персонаж «светлых» текстов находится в эмоционально-приподнятом, возвышенном состоянии; эмоционально-смысловая доминанта таких текстов создается в значительной степени за счет оценочных прилагательных, выражающих смысл ‘уникальный’. Герой же «печальных» текстов, которые, по мнению В.П. Белянина, характерны для Л. Андреева, как правило, молод, но совершил много ошибок, утратил смысл жизни, остро ощущает одиночество и неизбежность смерти. Смысловые доминанты таких текстов – ‘одиночество’, ‘обнищание’, ‘холод’, ‘тяжесть’ и под.

«Светлый» текст – отрывок из романа Э. Золя «Карьера Ругонов»:

Нет ничего очаровательнее любовных прогулок. В них выразилось веселое, изобретательное воображение юга. Это настоящий маскарад, богатый мелкими радостями. Влюбленная девушка распахнет плащ, и вот уже готово убежище для любимого, – она прячет его у сердца. Запретный плод становится особенно сладок: его вкушают на свободе среди равнодушных прохожих, на ходу, вдоль дороги. Влюбленные уверены в том, что они могут безнаказанно обниматься на людях, проводить весь вечер, прильнув друг к другу, не боясь, что их узна-

ют и будут показывать пальцем. Это восхитительнее всего и придает волнуемую сладость поцелуям. В этом много чувственного и целомудренного. Это место Сильверу и Мьетте было хорошо знакомо. Здесь они впервые осмелились поцеловаться. Воспоминание пробудило в обоих сладостное волнение, и прежние радости сливались в Сильвере с надеждами на будущее. Как при свете молнии, перед ними встали чудесные вечера, проведенные вместе, а тот праздничный вечер они помнили до мельчайших подробностей. Глубокое ясное небо, прохлада в тени деревьев, ласковые слова... И по мере того как в сердце вставало это милое, счастливое прошлое, перед ними открывалось будущее (Золя, с. 5).

«Печальный» текст – фрагмент рассказа Л. Андреева «В подвале»:

Он сильно пил, потерял работу и знакомых и поселился в подвале вместе с ворами и проститутками, проживая последние вещи.

У него было большое, бескровное тело, изношенное в работе, изъеденное страданиями и водкой, и смерть уже сторожила его, как хищная серая птица, слепая при солнечном свете и зоркая в черные ночи. Днем она пряталась в темных углах, а ночью бесшумно усаживалась у его изголовья и сидела долго, до самого рассвета, и была спокойна, терпелива и настойчива. Когда при первых проблесках дня он высовывал из-под одеяла бледную голову с глазами травимого зверя, в комнатке было уже пусто, – но он не верил этой обманчивой пустоте, которой верят другие. Он подозрительно оглядывал углы, с хитрой внезапностью бросал взгляд за спину и потом, опершись на локти, внимательно и долго смотрел перед собой в тающую тьму уходящей ночи. И тогда он видел то, чего никогда не видят другие: колышание серого огромного тела, бесформенного и страшного. Оно было прозрачно, охватывало все, и предметы в нем были как за стеклянной стеной. Но теперь он не боялся его, и, оставляя холодный след, оно уходило – до следующей ночи (Андреев, с. 137).

Значительный эмоциогенный потенциал этих текстов обусловлен тем, что в них описываются ненормальные ситуации.

Результат восприятия этих текстов, а следовательно, их эмоциогенность оценивались нами на основе анализа интонации речи испытуемых, читавших предложенные тексты. Такой способ оценки эмоциогенности текста коррелирует со следующей гипотезой: высокая степень эмоциогенности текста предполагает, что адресат встает на пози-

цию персонажа и, как следствие, испытывает те же эмоциональные переживания; в этом случае эмоции будут выражены в интонационном оформлении речи человека, читающего текст.

В экспериментальном исследовании, выполненном с участием исследователей из Института мозга человека им. Н.П. Бехтерева РАН и Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства, принимали участие две группы испытуемых: студенты 1-го курса Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства (25 человек) и Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (25 человек).

На основе слухового анализа была произведена интонационная разметка текстов с использованием классификации интонационных конструкций (далее – ИК) русского языка, разработанной Е.А. Брызгуновой [Русская грамматика, 1980, с. 96–122]. В приводимых ниже примерах короткие паузы обозначаются одной косой линией, а длинные – двумя; для обозначения синтагматического ударения используется знак двойного ударения перед соответствующим словом; тип интонационной конструкции указывается в конце синтагмы шрифтом в позиции нижнего регистра. При интерпретации интонационного оформления речи испытуемых учитывались положения, сформулированные в исследованиях фонетистов.

Первое экспериментально-фонетическое исследование интонационного выражения эмоций в тексте на материале русского, украинского и английского языков было осуществлено Э.Л. Нушикян. В нем доказано, что интонационное выражение эмоций проявляется в сложном взаимодействии частотных, динамических и темпоральных характеристик [Нушикян, 1986].

Обобщение различных фонетических исследований, посвященных интонационному выражению эмоций [Кодзасов, Кривнова, 1977; Светозарова, 1982; 2000; Судакова, 1993; и др.], позволило выделить следующие значимые акустические параметры: тембр; регистр; общий диапазон; общий темп; увеличение длительности отдельных звуков; общий уровень интенсивности; преобладающие типы интонационных конструкций.

Результаты и обсуждение

Восприятие «светлого» текста

Испытуемые, речь которых свидетельствует о высокой степени эмоциогенности воспринимаемого текста, выражали восторг и нежность. Наиболее яркими просодическими коррелятами этих эмоций, по нашим данным, являются следующие: светлый тембр; высокий регистр; расширенный диапазон; повышенный уровень интенсивности; увеличение длительности ударных гласных в слове, стоящем под синтагматическим ударением; большое количество синтагм, оформленных с помощью ИК-5 и ИК-2а, то есть с эмоционально окрашенным понижением тона, что соответствует данным, полученным другими исследователями.

Наиболее ярким признаком, позволяющим оценивать степень эмоциогенности текста для разных испытуемых, по результатам проведенного нами анализа, является количество синтагм с ИК-5, собственно эмотивным понижением тона. Установлена следующая закономерность: при большом количестве синтагм, оформленных этим типом интонации (7 и более), обязательно представлены и все другие просодические признаки, свидетельствующие о максимальной степени эмоциогенности текста. Самое большое количество синтагм с ИК-5 (10 и 13) было зафиксировано нами в речи двух испытуемых (обе девушки – студентки РГПУ им. А.И. Герцена). Они использовали этот тип интонационной конструкции не только в синтагмах, содержащих слова, в лексическом значении которых имеется сема 'высокая степень проявления признака' или 'большое / очень малое количество', то есть по правилам употребления ИК-5, описанным Е.А. Брызгуновой (примеры (1)–(7)), но и в тех синтагмах, в которых отсутствуют соответствующие слова, а следовательно, соответствующим образом их смысл интерпретировали только испытуемые (примеры (8)–(17)). Приведем все такие синтагмы в речи одной из студенток РГПУ им. А.И. Герцена:

- (1) Это "настоящий" маскарад;
- (2) Это "восхитительнее" всего;

- (3) ...и придает "волнующую сладость" поцелуям;
- (4) ..."сладостное" волнение;
- (5) ...перед ними встали "чудесные" вечера;
- (6) ...они помнили до "мельчайших" подробностей;
- (7) Нет "ничего" очаровательнее;
- (8) ..."счастливое" прошлое;
- (9) ..."изобретательное" воображение "юга";
- (10) ...среди "равнодушных" прохожих;
- (11) ..."безнаказанно обниматься" на людях;
- (12) В этом много "чувственного" и "целомудренного";
- (13) Здесь они "впервые осмелились" поцеловаться.

Сравнение состава синтагм с ИК-5 в речи двух названных испытуемых показывает, что совпадения представлены в шести синтагмах: (1), (2), (4), (5), (6), (7), интонация которых задана лексическим значением слов. Приведем также синтагмы, оформленные ИК-5, которые характеризуют индивидуальную интерпретацию смысла текста в речи второй испытуемой:

- (14) ..."любовных" прогулок;
- (15) ...богатый "мелкими" радостями;
- (16) ...проводить "весь" вечер;
- (17) ..."прежние" радости.

Другим акустическим признаком восторга и нежности, зафиксированным нами в речи многих испытуемых обеих групп, является увеличение длительности ударных гласных звуков в слове, стоящем под синтагматическим ударением, в синтагмах, оформленных «лирическим» повышением тона (ИК-6):

- (18) Глубокое ясное "небо, ИК-6 // "прохлада в тени деревьев, ИК-6 // ласковые "слова... ИК-6/ИК-1, неглубокое понижение //.

Варьировало в этой фразе лишь интонационное выражение незавершенности: с помощью либо повышения тона, либо неглубокого понижения тона.

Восприятие «печального» текста

Показателями высокой степени эмоциогенности фрагмента рассказа Л. Андреева является выражение пассивных отрицательных эмоций – обреченности, состояния подавленности, которые были выражены следующими

просодическими признаками: темный, мрачный тембр; низкий регистр; сужение общего диапазона; замедленный общий темп; увеличение длительности ударных гласных звуков; снижение общего уровня интенсивности; преобладание в неконечных синтагмах ИК-6 в средне-нижнем, а не средне-высоком регистре, а в конечных – ИК-1 с неглубоким понижением тона или ИК-2а.

Самым ярким, на наш взгляд, просодическим признаком, свидетельствующим о высокой степени эмоциогенности этого текста, является суженный частотный диапазон, следствием чего стала реализация всех интонационных конструкций, даже ИК-3, которая в эмоционально нейтральной речи охватывает весь индивидуальный частотный диапазон. Этот тип интонационной конструкции многие испытуемые использовали для выражения сравнительных, временных или пространственных отношений, что соответствует основной сфере ее употребления в неконечных синтагмах:

(19) Днем она пряталась в темных "углах ИК-6 / а "ночью ИК-3 // бесшумно усаживалась у его "изголовья ИК-6 //.

Другим показателем суженного диапазона является оформление конечной синтагмы в последней фразе текстового фрагмента. Именно интонационное оформление этой фразы в прочтении разных дикторов характеризовалось максимальным совпадением:

(20) Но теперь он не "боялся его, ИК-2а // и, оставя холодный "след, ИК-6 // оно "уходило ИК-6 // – до следующей "ночи ИК-1, неглубокое понижение //.

Эмоционально окрашенное понижение тона, предполагающее повышение уровня интенсивности, испытуемые использовали для выражения опасения:

(21) ...но он не "верил этой обманчивой пустоте, ИК-2а // которой верят "другие. ИК-1, неглубокое понижение //.

Возможен вариант, не влияющий ни на тип выраженных эмоций, ни на степень эмоциональности, в котором обе синтагмы оформляются одинаково:

(22) ...но он не "верил этой обманчивой пустоте, ИК-2а // которой верят "другие. ИК-2а //.

Этот же тип понижения тона для выражения той же эмоции большинство испытуемых предпочли в конце другой фразы:

(23) ..."бесформенного ИК-2а // и "страшного ИК-2а //.

Сравнение состава и количества просодических признаков, представленных в речи разных испытуемых, показало большую вариативность.

Варьирование просодических характеристик при чтении обоих литературных текстов связано с тем, как именно испытуемые интерпретировали характер эмоций – как активные или пассивные. При выражении активных эмоций уровень интенсивности не понижается, а иногда даже повышается, диапазон не сужается, а порой и расширяется; при выражении пассивных эмоций обязательно меняются два названных интонационных признака: уровень интенсивности значительно понижается, а диапазон сужается.

Кроме того, если текст с отрицательной эмоционально-смысловой доминантой трактуется испытуемыми как выражающий пассивные эмоции, в нем преобладает неглубокое понижение тона (ИК-1); если же при его прочтении испытуемый испытывает активные отрицательные эмоции, тогда используется другой тип понижения – ИК-2а, который может сочетаться с усиленным фразовым ударением.

Если сравнивать результат восприятия двух текстов с противоположными эмоционально-смысловыми доминантами одним и тем же диктором, то в обеих группах испытуемых не было ни одного студента, который бы продемонстрировал максимальную степень эмоциогенности при прочтении обоих текстов.

Заключение

Признавая необходимость междисциплинарного подхода к изучению проблемы «эмоции и язык», охарактеризуем кратко термин «эмоциогенность» текста в соотношении с двумя другими терминами: «эмоциональность» – это характеристика личности говорящего, основанная на анализе использованных им вербальных и невер-

бальных средств; «эмотивность» – характеристика языковых средств, содержащих в своем значении эмотивный компонент, а следовательно, и текста в целом; «эмоциогенность» – характеристика текста с точки зрения человека, воспринимающего текст.

Поскольку для определения степени эмотивности текста необходимо оценивать результат его восприятия, нами предложено анализировать интонационные (и, шире, просодические) характеристики речи человека, читающего текст.

Для экспериментального исследования были выбраны два художественных текста, характеризующихся противоположными эмоционально-смысловыми доминантами, которые в соответствии с типологией, разработанной В.П. Беляниным, относятся к категориям «светлый» и «печальный».

Степень эмотивности обоих текстов зависит от количества просодических признаков, используемых конкретным испытуемым.

При минимальной степени выразительности, как правило, меняются диапазон (сужается при выражении активных эмоций и расширяется при выражении пассивных эмоций) и тембр (в текстах с положительной эмоционально-смысловой доминантой он становится светлым, а в текстах с отрицательной доминантой, напротив, темным).

При средней степени выразительности, кроме названных, маркированными являются также регистр (в «светлом» тексте – повышается, а в «печальном» тексте – понижается); доминирует не эмоционально нейтральное (ИК-1), а эмоционально маркированное понижение тона (ИК-2а – в обоих текстах, а также ИК-5 – в «светлом» тексте).

При высокой степени эмотивности текста добавляется также увеличение длительности гласных звуков в слове, стоящем под синтагматическим ударением.

Таким образом, разброс просодических характеристик при чтении художественных текстов обусловлен следующими факторами:

- 1) интерпретация эмоций как активных или пассивных;
- 2) глубина проникновения в содержание текста;
- 3) способность испытуемого переживать те же эмоции, что и персонаж;

4) умение испытуемого «расслабиться» в экспериментальных условиях.

Адекватное интонационное выражение эмоций возможно лишь в том случае, если субъект речи непосредственно их испытывает.

Полагаем, что степень эмотивности одного и того же текста может варьировать для разных личностей. Чем более сходны эмоциональные типы личностей говорящего и слушающего, тем больше вероятность, что созданный говорящим эмотивный текст окажется эмотивным для слушающего.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-012-00284 А «Психолингвистическое исследование эмотивности учебных текстов (формирование эмоции интереса)»).

The study was funded by RFBR (project number 20-012-00284 A “Psycholinguistic research of expository text emotogenicity (emotion of interest formation)”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балли Ш., 1961. Французская стилистика. М. : Изд-во иностр. лит. 394 с.
- Бабенко Л. Г., 1989. Лексические средства обозначения эмоций в языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 184 с.
- Белянин В. П., 2000. Основы психолингвистической диагностики : Модели мира в литературе. М. : Триволта. 248 с.
- Болотов В. И., 1981. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности : Основы эмотивной стилистики текста. Ташкент : Фан. 116 с.
- Залевская А. А., 2001. Текст и его понимание. Тверь : Твер. гос. ун-т. 177 с.
- Ионова С. В., 1998. Эмотивность текста как лингвистическая проблема : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград. 197 с.
- Ионова С. В., 2022. Лингвистика эмоций в контексте современных научных исследований // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 3 (166). С. 221–226.
- Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф., 1977. Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 8. Проблемы теоретической и экспериментальной

- ной лингвистики / под общ. ред. В. А. Звегинцева. М. : Изд-во Моск. ун-та. С. 180–209.
- Леонтьев А. Н., 1971. Потребности, мотивы, эмоции : конспект лекций. М. : Изд-во Моск. ун-та. 41 с.
- Маслова В. А., 1991. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука. С. 179–204.
- Нушикян Э. Л., 1986. Типология интонации эмоциональной речи. Киев ; Одесса : Вища школа. 160 с.
- Пиотровская Л. А., Трущелёв П. А., 2019. Экспериментальное исследование эмоциогенности текстов (формирование интереса в учебном тексте) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 192. С. 112–123.
- Пиотровская Л. А., Трущелёв П. Н., 2020а. С чего начинается учебный текст? // Вопросы психолингвистики. № 4 (46). С. 76–90. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-46-4-76-90
- Пиотровская Л. А., Трущелёв П. Н., 2020б. Что делает текст интересным? Языковые способы повышения эмоциогенности учебных текстов // Russian Journal of Linguistics. Т. 24, № 4. С. 991–1016. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016
- Русская грамматика. В 2 т. Т. 1, 1980 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука. 784 с.
- Светозарова Н. Д., 1982. Интонационная система русского языка. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 175 с.
- Светозарова Н. Д., 2000. Интонация в художественном тексте. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та. 180 с.
- Судакова Л. И., 1993. Регистровые различия русской интонации и их функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 22 с.
- Филимонова О. Е., 2007. Эмоциология текста : Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб. : Кн. Дом. 448 с.
- Шаховский В. И., 2008. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис. 416 с.
- Шаховский В. И., 2009. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 3-е. М. : ЛИБРОКОМ. 208 с.
- Шаховский В. И., 2019. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. № 1. С. 35–43. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-11035
- Daneš F., 1982. Intonace v textu a promluvě // Slovo a slovesnost. № 2. S. 83–100.
- Daneš F., 1987. Kognitivnost a emocionálnost // Jazykovědné actuality. Ročník 24, № 1–2. S. 24–27.
- Jacobson R., 1960. Linguistics and Poetics: Concluding Statement // Style in Language. N. Y. ; L. : Massachusetts Institute of Technology. P. 350–377.
- Hall E. W., 1961. Our Knowledge of Fact and Value. Chapel Hill : University of North Carolina Press. 240 p.
- Koschut S., 2018. Researching Emotions in International Relations: Methodological Perspectives on the Emotional Turn // Speaking from the Heart : Emotion Discourse Analysis in International Relations / ed. by M. Clement, E. Sangar. Cham : Palgrave Macmillan. P. 277–301. DOI: 10.1007/978-3-319-65575-8_12
- Mathesius V., 1947. Několik slov o podstatě věty // Čeština a obecný jazykozpyt. Praha : Academia. S. 224–233.
- Piotrovskaya L., 2009. Description, Expression and Reflection of Emotions in Language Behaviour // Cognitive Approaches to Language and Linguistic Data : Studies in Honor of Barbara Lewandowska-Tomaszczyk. Frankfurt a. M [etc.] : Peter Lang. P. 307–338.

ИСТОЧНИКИ

- Андреев Л. В подвале // Андреев Л. Повести и рассказы. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. С. 137–145.
- Золя Э. Карьера Ругонов. 116 с. URL: <https://e-knigi.com/proza/klassicheskaja-proza/page-4-139045-emil-zolya-karera-rugonov.html>

REFERENCES

- Balli Sh., 1961. *Frantsuzskaya stilistika* [The French Stylistics]. Moscow, Izd-vo inostr. lit. 394 p.
- Babenco L.G., 1989. *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsiy v yazyke* [Lexical Means of Denoting Emotions in the Russian Language]. Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta. 184 p.
- Belyanin V.P., 2000. *Osnovy psikholingvisticheskoy diagnostiki: Modeli mira v literature* [Fundamentals of Psycholinguistic Diagnostics (The Patterns of World in Literature)]. Moscow, Trivolta Publ. 248 p.
- Bolotov V.I., 1981. *Emotsionalnost teksta v aspektakh yazykovoy i neyazykovoy variativnosti: Osnovy emotivnoy stilistiki teksta* [The Emotionality of a Text in Aspects of Linguistic and Non-Linguistic Variability. The Basics of Emotional Style of a Text]. Tashkent, Fan Publ. 116 p.
- Zalevskaya A.A., 2001. *Tekst i ego ponimanie* [Text and Its Comprehension]. Tver, Tver. gos. un-t. 177 p.

- Ionova S.V., 1998. *Emotivnost teksta kak lingvisticheskaya problema: dis. ... kand. filol. nauk* [Text Emotiveness as a Linguistic Problem. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd. 197 p.
- Ionova S.V., 2022. Lingvistika emotsiy v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy [Linguistics of Emotions in the Context of Modern Scientific Researches]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University], no. 3 (166), pp. 221-226.
- Kodzasov S.V., Krivnova O.F., 1977. Foneticheskie vozmozhnosti gortani i ikh ispolzovanie v russkoy rechi [Phonetic Capabilities of Larynx and Their Usage in Russian Speech]. Zvegintsev V.A., ed. *Publikatsii otdeleniya strukturnoy i prikladnoy lingvistiki. Vyp. 8. Problemy teoreticheskoy i eksperimentalnoy lingvistiki* [Publications of Structural and Applied Department. Iss. 8. Problems of Theoretical and Experimental Linguistics]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 180-209.
- Leontyev A.N., 1971. *Potrebnosti, motivy, emotsii: konspekt lektsiy* [Needs, Motives, Emotions. Compendium of Lectures]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 41 p.
- Maslova V.A., 1991. Parametry ekspressivnosti teksta [The Options of Text Expressivity]. Teliya V.N., ed. *Chelovecheskiy faktor v yazyke. Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [Human Factor in Language. Language Mechanisms of Expressivity]. Moscow, Nauka Publ., pp. 179-204.
- Nushikyan E.L., 1986. *Tipologiya intonatsii emotsionalnoy rechi* [Typology of Emotional Speech Intonation]. Kiev, Odessa, Vishcha shkola Publ. 160 p.
- Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.A., 2019. Eksperimentalnoye issledovanie emotsiogenosti tekstov (formirovanie interesa v uchebnom tekste) [An Experimental Investigation of Text Emotiogenicity (Formation of Interest in a School Text)]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 192, pp. 112-123.
- Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N., 2020a. S chego nachinaetsya uchebnyy tekst? [Where Does an Interesting Expository Text Begin?]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 4 (46), pp. 76-90. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-46-4-76-90
- Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N., 2020b. Chto delaet tekst interesnym? Yazykovye sposoby povysheniya emociogenosti uchebnykh tekstov [What Makes a Text Interesting? Interest-Evoking Strategies in Expository Text from Russia School Textbooks]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 4, pp. 991-1016. DOI: 10.22363/2687008820202449911016
- Shvedova N.Yu., ed. *Russkaya grammatika. V 2 t. T. 1* [Russian Grammar. In 2 Vols. Vol. 1], 1980. Moscow, Nauka Publ. 784 p.
- Svetozarova N.D., 1982. *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [Russian Intonation System]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta. 175 p.
- Svetozarova N.D., 2000. *Intonatsiya v khudozhestvennom tekste* [Intonation in Literary Text]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta. 180 p.
- Sudakova L.I., 1993. *Registrovye razlichiya russkoy intonatsii i ikh funktsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Register Differences of Russian Intonation and Their Functions. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 22 p.
- Filimonova O.E., 2007. *Emotsiologiya teksta: Analiz reprezentatsii emotsiy v angliyskom tekste* [Emotiology of the Text. Analysis of Emotions Representation in the English Text]. Saint Petersburg, Kn. Dom Publ. 448 p.
- Shakhovskiy V.I., 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnosis Publ. 416 p.
- Shakhovskiy V.I., 2009. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Emotions Categorization in the Lexical and Semantic System]. Moscow, LIBROKOM Publ. 208 p.
- Shakhovskiy V.I., 2019. Emotsionalnaya kartina mira v verbalnoy prezentatsii [Emotional Worldview in Verbal Presentation]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word Journal], no. 1, pp. 35-43. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-11035
- Daneš F., 1982. Intonace v textu a promluvě. *Slovo a slovesnost*, no. 2, s. 83-100.
- Daneš F., 1987. Kognitivnost a emocionálnost. *Jazykovědné artuality*, ročník 24, no. 1-2, s. 24-27.
- Jacobson R., 1960. Linguistics and Poetics. Concluding Statement. *Style in Language*. New York, London, Massachusetts Institute of Technology, pp. 350-377.
- Hall E.W., 1961. *Our Knowledge of Fact and Value*. Chapel Hill, University of North Carolina Press. 240 p.
- Koschut S., 2018. Researching Emotions in International Relations. Methodological Perspectives on the Emotional Turn. Clement M., Sangar E., eds. *Speaking from the Heart. Emotion Discourse Analysis in International Relations*. Cham, Palgrave Macmillan, pp. 277-301. DOI: 10.1007/978-3-319-65575-8_12

Mathesius V., 1947. Několik slov o podstatě věty.

Čeština a obecný jazykozpyt. Praha, Academia, s. 224-233.

Piotrovskaya L., 2009. Description, Expression and Reflection of Emotions in Language Behaviour.

Cognitive Approaches to Language and Linguistic Data: Studies in Honor of Barbara Lewandowska-Tomaszczyk. Frankfurt am Main, etc., Peter Lang, pp. 307-338.

SOURCES

Andreev L. V podvale [In Cellar]. Andreev L. *Povesti i rasskazy* [Tales and Stories]. Vladivostok, Izd-vo Dalnevost. un-ta, pp. 137-145.

Zolya E. *Karyera Rugonov* [The Fortune of the Rugons]. 116 p. URL: <https://e-knigi.com/proza/klassicheskaja-proza/page-4-139045-emil-zolya-karera-rugonov.html>

Information About the Author

Larisa A. Piotrovskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Herzen University, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, larisa11799@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0195-5194>

Информация об авторе

Лариса Александровна Пиотровская, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, larisa11799@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0195-5194>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.4>

UDC 81'23:159.942
LBC 81.006

Submitted: 31.08.2022
Accepted: 28.11.2022

EMOTIVE COMPONENT OF THE IMPACT IN THE INTERNET BLOG TEXT

Larisa O. Butakova

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Svetlana Yu. Vyazigina

Omsk State Technical University, Omsk, Russia

Abstract. The article focuses on application capabilities of the semantic differential experimental technique aimed at identification of the emotive component of the Internet blog texts impact on the recipients who belong to varied linguistic cultures. The confirmed hypothesis reveals the strongest impact on recipients of the blog texts in cases when the employed value categories coincide with their cultural reference. It means that the impact is nationally marked. The experiments, carried out at the initial stage of the long-time period extended research into Russian values system transformation, resulted in establishing the selected blog texts impact strength for the Russian and American groups of recipients. The natively stipulated character of the blog content impact was noted, since the articles offered for reading by each group of the experiment participants contained the material relevant to a particular linguistic culture and values. Their presence directed the respondents' perception and determined the quality of the response emotions and types of response. The phased presentation of the text of the article, positive and negative comments made it possible to establish the dependence of the reception process on the impact vector laid down by each object. This vector was proved to direct the transformation of the perception of the recipients. The article text reception accompanied by graphic objects and further comments reading as a combination of heterogeneous sign systems (text, photo) that complement each other and contributed to a better information assimilation by the recipients in the direction in which the Internet diary author wanted it.

Key words: emotivity, value, factor analysis, semantic differential, impact.

Citation. Butakova L.O., Vyazigina S.Yu. Emotive Component of the Impact in the Internet Blog Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 39-52. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.4>

УДК 81'23:159.942
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 31.08.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

ЭМОТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕКСТА ИНТЕРНЕТ-БЛОГА

Лариса Олеговна Бутакова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Светлана Юрьевна Вязигина

Омский государственный технический университет, г. Омск, Россия

Аннотация. В статье показаны возможности применения экспериментальной методики семантического дифференциала для выявления эмотивной составляющей воздействия текстов интернет-блога на реципиентов – представителей разных лингвокультур. Подтверждена гипотеза о том, что тексты блогов, оперирующие ценностными категориями соответствующей реципиенту культуры, оказывают на него наиболее сильное воздействие. В результате проведенных экспериментов, ставших первым этапом лонгитюдного исследования, посвященного трансформации системы ценностей российского общества (2015–2025 гг.), установле-

на высокая степень воздействия выбранных текстов интернет-блога на русскую и американскую группы реципиентов. Выявлен национально ориентированный характер воздействия блогерского контента в целом, поскольку статьи, предлагаемые участникам эксперимента в каждой группе для прочтения, содержали актуальный материал, связанный с определенной лингвокультурой и ценностями. Их наличие направляло восприятие испытуемых, что обусловило характер ответных эмоций и типов реагирования. Поэтапное предъявление текста статьи, положительных и отрицательных комментариев к нему позволило обнаружить зависимость процесса рецепции от заложенного каждым объектом вектора воздействия. Доказано, что именно он направлял трансформацию восприятия реципиентов. Восприятие объекта реципиентом текста блога трансформировалось в том числе и за счет гетерогенных составляющих электронного дневника: рецепция текста статьи в сопровождении с графическими объектами и дальнейшее чтение комментариев как сплава генетически разных знаковых систем (текст, фото), дополняющих друг друга, способствовало лучшему усвоению информации реципиентами в том направлении, в котором это выгодно автору интернет-дневника.

Ключевые слова: эмотивность, ценность, факторный анализ, семантический дифференциал, воздействие.

Цитирование. Бугакова Л. О., Вязигина С. Ю. Эмотивная составляющая воздействия текста интернет-блога // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 39–52. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.4>

Введение

Организирующая функция средств массовой информации (далее – СМИ), в частности цифровых, в жизни современного общества заключается не только в поиске и оперативной передаче данных, но и в контроле над внутренним духовным миром человека, возможностями его трансформации, а также контролем за эмоциональным состоянием общества. Эффективным средством глубокого влияния на сознание человека, группы лиц, общества в целом может стать речевая манипуляция на уровне эмотивной организации текстов. Наиболее комфортной средой для реализации таких трансформаций является современное виртуальное пространство, что способствует популяризации дигитальных жанров современных СМИ.

Цель речевого воздействия – изменение индивидуального сознания и создание определенной организации деятельности человека, спровоцированной в нужном коммуникатору направлении. Исходя из сказанного, приемлемой можно считать общую трактовку речевого воздействия: оно заключается в «произвольном и непроизвольном воздействии субъекта на реципиента в процессе речевого общения, осуществляемого преимущественно в устной и письменной форме, а также в форме внутренней речи, которое определяется сознательными и бессознательными интенциями субъекта, целями коммуникации и конкретной знаковой ситуацией в совокупности с фоновыми знаниями, осуще-

ствляется с помощью лингвистических, паралингвистических и символических интертекстуальных и графических средств и способно влиять на индивидуальное и коллективное сознание и поведение реципиентов с разной степенью эффективности и результативности» [Шелестюк, 2014, с. 40–41].

Проблема выделения типов и способов воздействия напрямую связана с проблемами определения роли эмоций для когнитивной и коммуникативной деятельности человека, о чем неоднократно писал В.И. Шаховский, отмечая, что в человеке все движется эмоциями: его креативное мышление, аксиологическое поведение, вербальные рефлексии, в том числе и эмоциональные [Шаховский 2008; 2009]. Такие особенности эмотивной составляющей речевого поведения говорящего и адресата имеют когнитивную природу, не могут, по убеждению В.И. Шаховского, не отражаться в тексте, составляя важнейшую текстовую категорию, без которой невозможно понимание текста и характера его воздействия [Шаховский 2008; Шаховский, Сорокин, Томашева, 1998; Эмотивный код языка..., 2004]. Авторы эмотивной концепции текста не случайно подчеркивают: «Эмоциональный уровень текста и его составляющие (эмотемы – система эмотем – эмоциональный тон – динамика эмоционального тона) особенно значимы в коммуникации для диалога автора и адресата, т. к. они определяют общую эмоциональную тональность текста, влияющую на формирование его смысла и эмоциональной реакции адресата в сознании адресата» [Болотнова, 2022, с. 199].

Экспериментальное исследование, результаты которого представлены в статье, проводилось в 2015 г. и стало первым этапом комплексного изучения (2015–2025 гг.) трансформации ценностей носителей русской культуры. Актуальность данного лонгитюдного эксперимента заключается в возможности прогнозирования дальнейшей трансформации ценностных структур общества и установления зависимости таких изменений от факторов меняющейся «среды» (начиная от событий жизни лингвокультурного и мирового сообщества и заканчивая их отражением в виртуальном пространстве).

Цель статьи – показать, какими экспериментальными способами можно выявить эмотивную составляющую воздействия текстов интернет-блога на реципиентов – представителей разных лингвокультур, связав характер воздействия, полимодальную организацию виртуального дневника с транслированием национально обусловленных ценностных смысловых компонентов.

Материал и методы

Вопрос об измерении степени речевого воздействия сегодня остается актуальным. В научном дискурсе чаще всего применяется методика субъективного шкалирования, разработанная еще в 1955 г. группой американских исследователей во главе с Ч. Осгудом [Osgood, Suci, Tannenbaum].

Указанная методика обладает рядом преимуществ, что сделало ее востребованной в научной среде: она предоставляет возможности количественного и качественного анализа смыслов и группового сознания [Дружинин, 2003, с. 317].

Благодаря использованию данной методики стало возможным воссоздать субъективное семантическое пространство, то есть описать сенсорно-афферентный и эмоционально-оценочный образ объекта, воспринимаемого конкретным индивидом. Обобщение всех показателей позволяет определить «ценность» объекта для группы индивидов [Петренко, 2010, с. 89], поскольку экспериментатор «...ставит задачу увидеть, услышать, понять и пережить произведение с позиции зрителя, читателя, слушателя, описать произведение

в его превращенной форме – форме события, опыта духовной жизни другого человека» [Петренко 2010, с. 303]. Методика представляет собой «процедуру оценки набора понятий по ряду биполярных шкал, образованных наиболее частотными прилагательными-антонимами» [Мягкова 2000, с. 64]. Полученные результаты, как правило, сводятся к универсальным факторам, эксплицирующим «трехмерное семантическое пространство, осями которого являются три основных фактора: Оценка, Сила и Активность» [Мягкова 2000, с. 64]. Очевидно, что есть связь между числовыми показателями, полученными по шкалам, соответствующим фактором и силой воздействия текста: чем интенсивнее нагрузка, зафиксированная на положительной части шкалы, тем выше уровень воздействия речевого произведения на реципиента [Шмелев, 2002, с. 71].

Экспериментальный психолингвистический подход коррелирует с исследованиями по коммуникативной стилистике, в рамках которой устанавливаются доминанты и способы регулятивности и регулятивные стратегии в различных типах текстов, используется понятие «эмотивного кода текста», отношения автора и адресата интерпретируются как диалог на основе текста. Такой диалог «становится возможным благодаря ассоциативной деятельности, включающей приобщение к смысловому развертыванию текста и формирующей прагматический эффект, в котором значительную роль играют эмоции и приобщение к эмоциональной тональности текста» [Болотнова, 2022, с. 199] (см. анализ коммуникативного подхода: [Болотнов 2015; Болотнова 2022; Языковая личность..., 2017]). Этот эффект, возникающий в результате воздействия смыслового развертывания, эмотивной, ценностной составляющих текста, может быть зафиксирован с помощью методики семантического дифференциала, которая использована в нашем исследовании для определения специфики воздействия ценностных составляющих текста статьи интернет-блога на носителей русского языка.

Для подтверждения нашего предположения о том, что особенно сильное воздействие оказывают тексты блогов, опериру-

ющие ценностными категориями соответствующей реципиенту культуры, то есть воздействие имеет национально маркированный характер, нами было принято решение о проведении дополнительного эксперимента с представителями западной (американской) культуры. Сопоставление результатов, полученных от двух групп респондентов (русской и американской), позволяет говорить об особенностях восприятия информации русской группой реципиентов на основе имеющегося в их сознании культурного кода, формирующего ценностную общность данной группы, а также о возможной трансформации родной для русских реципиентов системы ценностей и, следовательно, трансформации восприятия предложенного объекта через речевое воздействие, оказываемое автором блога.

Результаты и обсуждение

Реципиентами экспериментального исследования стали носители русского языка, студенты технического вуза первого и второго курсов. Цель эксперимента – определение уровня эмоционально-оценочного восприятия текста статьи интернет-блога и комментариев читателей. Процедура эксперимента охватывала три этапа.

На первом этапе испытуемые должны были оценить образ русских по 20 семибалльным (от -3 до +3) двухполюсным шкалам. Шкалы были заданы прилагательными-опозитамии: *маленький – большой, трусливый – храбрый, хилый – могучий, темный – светлый, грязный – чистый, печальный – радостный, грубый – нежный* и т. п.

Указанные шкалы были получены на предварительном этапе в ходе опроса групп русских и американских студентов, в рам-

ках которого представителям каждой группы нужно было описать с помощью пяти прилагательных русских и американцев (см. таблицу).

Далее к каждой лексической единице было подобрано антонимическое соответствие с переводом на русский и английский языки. Таким образом, было сформировано два вида анкет (на русском и английском языке), включающих 20 семибалльных двухполюсных шкал.

После анкеты с заданием оценить образ русских испытуемым была предложена анкета с теми же шкалами, размещенными в другом порядке, с заданием оценить образ славян. Следует отметить, что большинством русских студентов понятия «русские» и «славяне» воспринимались как абсолютные синонимы, в связи с чем их соотношение в контексте данного эксперимента вызвало непонимание со стороны некоторых реципиентов.

Внешний анализ анкет на первом этапе подтвердил равнозначность восприятия образов данных явлений.

Через неделю, на втором этапе эксперимента, этим же испытуемым было предложено прочитать статью Ю. Магаршак из электронного дневника, посвященную анализу «русского национализма» (Магаршак). Автор статьи в довольно жесткой форме разделял понятия «русские» и «славяне», настаивая на отсутствии между ними весомой связи. Текст статьи также содержал довольно резкие комментарии в адрес обеих этнических групп.

После чтения статьи учащиеся оценивали образы русских и славян по тем же 20 антонимическим категориям, полученным в результате предварительного опроса русских и американских реципиентов, но расположенным в измененном порядке. Задача данного этапа

Результаты опроса русских и американских студентов

Results of Russian and American students' survey

Ответы русской группы		Ответы американской группы	
Русские	Американцы	Русские	Американцы
1. Храбрый	1. Активный	1. Unhappy (несчастный)	1. Truthful (честный)
2. Любимый	2. Грязный	2. Rough (грубый)	2. Strong (сильный)
3. Светлый	3. Агрессивный	3. Big (большой)	3. Good (хороший)
4. Могучий	4. Глупый	4. Cheerful (веселый)	4. Kind (добрый)
5. Приятный	5. Чужой	5. Merry (счастливый)	5. Joyful (радостный)

эксперимента заключалась в выявлении трансформации восприятия предложенных объектов в результате речевого воздействия, оказанного статьей интернет-блога.

Третий этап эксперимента состоялся через неделю. Тем же испытуемым было дано задание прочитать комментарии к статье читателей интернет-блога. Испытуемые были заранее распределены на две группы. Для первой были заблокированы комментарии читателей, поддерживающих мнение автора. В итоге реципиенты вынуждены были читать только резко негативные комментарии в адрес автора статьи. Участники второй группы должны были читать комментарии пользователей, поддерживающих мнение автора интернет-блога. После ознакомления с комментариями участникам обеих групп еще раз нужно было оценить в двух анкетах образы русских и славян (см. описание эксперимента: [Вязигина, 2015, с. 203]).

Полученные результаты в виде двух групповых матриц оценок испытуемыми образа русских и образа славян были проанализированы с помощью методики факторного анализа. Так были установлены два семантических пространства с размещением в их пределах указанных объектов (см. рис. 1–3). В результате обработки данных в каждой группе было выделено по три значимых фактора. Названия полученных факторов представлены образующими их шкалами.

Фактор «Эмоциональная оценка» (26 % общей дисперсии) объединил эмоциональное отношение к образу славян по шкалам: *печальный – радостный* (вес факторной нагрузки – 0,806), *унылый – жизнерадостный* (0,805), *грустный – веселый* (0,751), *несчастный – счастливый* (0,731).

Фактор «Сила» (25 % общей дисперсии) составили шкалы: *хилый – могучий* (вес факторной нагрузки – 0,809), *слабый – сильный* (0,744), *чужой – родной* (0,7).

Фактор «Активность» (20 % общей дисперсии) был представлен шкалами: *пассивный – активный* (вес факторной нагрузки – 0,786), *агрессивный – неагрессивный* (0,748).

Для формализации восприятия образа русских также было выделено три фактора.

Фактор «Эмоциональная оценка» (30 % общей дисперсии) охватил шкалы: *несчаст-*

ный – счастливый (вес факторной нагрузки – 0,843), *печальный – радостный* (0,756), *унылый – жизнерадостный* (0,754).

Фактор «Сила» (26 % общей дисперсии) составили шкалы: *маленький – большой* (вес факторной нагрузки – 0,775), *чужой – родной* (0,762).

Фактор «Активность» (16 % общей дисперсии) оказался равным одной паре шкал: *пассивный – активный* (вес факторной нагрузки – 0,776).

Рассматривая факторную структуру обоих объектов, следует отметить совпадение большинства шкал с максимальным весом факторной нагрузки в обеих группах, что говорит о восприятии реципиентами образов предложенных объектов как максимально близких.

Трансформация восприятия предложенных русским реципиентам объектов представлена на графиках (см. рис. 1–3). Несмотря на изначально положительное отношение испытуемых к обоим объектам шкалирования (расположение точки «до чтения статьи»), чтение статьи способствовало трансформации восприятия данных объектов, что было выражено в снижении факторного значения обоих объектов на этапе «после чтения статьи» (см. рис. 1, 2).

Однако в сравнении со статьей значительно большую суггестивную функцию выполнили комментарии читателей. Следует отметить, что на восприятие образа русских и славян сильное воздействие оказало последовательное прочтение статьи, транслирующей позицию автора, и комментариев читателей, как поддерживающих авторскую позицию, так и отрицающих ее. Эмоциональная составляющая и доказательная база данных текстов способствовали тому, что восприятие шкалируемых объектов реципиентами претерпело значительную трансформацию, относительно своего первоначального значения (см. рис. 1, 2).

Так, воздействие положительных комментариев, то есть написанных читателями, согласными с мнением автора, в большей степени трансформировало восприятие образа славян по всем трем факторам (см. рис. 1, 2), в особенности по факторам «Сила» и «Активность» (см. рис. 3).

Полученные результаты можно объяснить концентрацией эмотивности в текстах

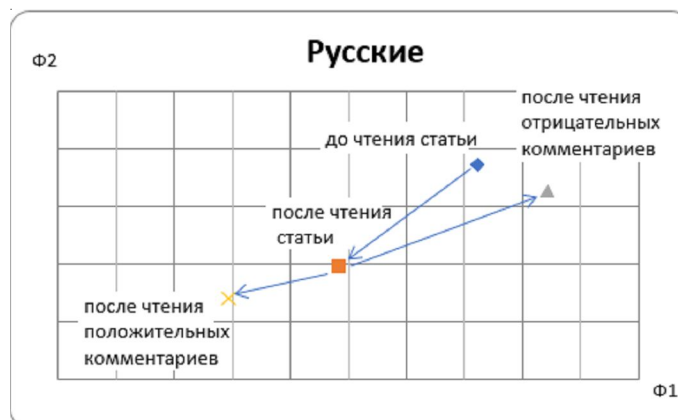

Рис. 1. Семантическое пространство восприятия образа русских до и после чтения статьи и комментариев (Ф1, Ф2):

Ф1 – «Эмоциональная оценка»; Ф2 – «Сила»

Fig. 1. Semantic space of perception of the image of Russian before and after reading the article and comments (Ф1, Ф2):

Ф1 – “Emotional assessment”; Ф2 – “Strength”

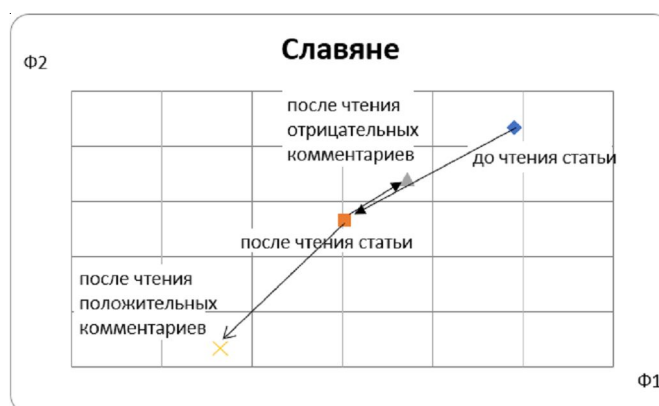

Рис. 2. Семантическое пространство восприятия образа славян до и после чтения статьи и комментариев (Ф1, Ф2):

Ф1 – «Эмоциональная оценка»; Ф2 – «Сила»

Fig. 2. Semantic space of perception of the image of Slavs before and after reading the article and comments (Ф1, Ф2):

Ф1 – “Emotional assessment”; Ф2 – “Strength”

комментариев, как положительных, так и отрицательных. Текст статьи, вероятно, воздействовал на логико-рациональном уровне. Кроме этого, комментарии всегда производят впечатление «голоса народа», тех, кто близок читателю, что усиливает восприятие не самого текста, а композиции «текст + комментарии определенного рода».

Негативная для реципиента информация, не совпавшая с его позицией, вероятно, вызвала сильное эмоциональное раздражение, оказав большее воздействие, которое сохра-

нялось длительный период времени. Именно с этим эффектом можно связать резкое изменение значений факторной нагрузки после чтения отрицательных комментариев.

Завершая описание данного эксперимента, заключим, что предложенная русским реципиентам статья из популярного интернет-блога регулировала их восприятие на информативном уровне – с помощью содержания актуальной для данной группы информации, на лексико-семантическом уровне – за счет выбора лексических средств ее представления,

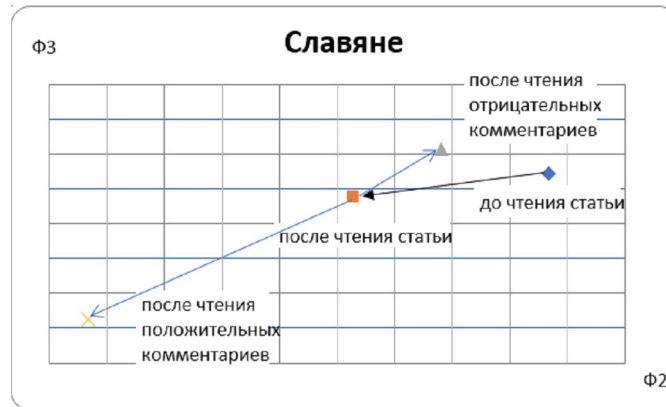

Рис. 3. Семантическое пространство восприятия образа славян до и после прочтения статьи и комментариев (Ф2, Ф3):

Ф2 – «Сила»; Ф3 – «Активность»

Fig. 3. Semantic space of perception of the image of Slavs before and after reading the article and comments (Ф2, Ф3):

Ф2 – “Strength”; Ф3 – “Activity”

на визуальном уровне – мультимедийным форматом «носителя» и спецификой его гетерогенных составляющих.

Для верификации полученных результатов было принято решение о проведении идентичной серии экспериментов с англоговорящими реципиентами, носителями американской культуры.

На данном этапе целью нашего исследования было выявление трансформации восприятия объекта реципиентами американской культуры.

Американская этническая группа, как и любая локальная цивилизация, формирует собственный тип культуры и, соответственно, имеет свои традиции, культурные черты и сложившуюся индивидуальную систему ценностей. Формирование данной системы проходило под прямым воздействием ряда факторов, таких как географические особенности развития, приток иммигрантов и т. д. Однако особое влияние на формирование общественного сознания оказали идеи английских протестантов. Именно пуританизм, по мнению ряда исследователей (Л. Гринфилд, Т.Г. Голенпольский, В.П. Шестаков, О.В. Ладыка), стал идеологической базой, заложившей основы американской этики, морали и культурных традиций, определив идею особого пути развития американского общества [Попова, 2004, с. 19]. Таким образом, религиозный оптимизм, свойственный первым поселенцам, прибывшим в

Новый Свет из Старой Европы, заложил основу духовного образа современной Америки [Голенпольский, Шестаков, 1981, с. 18]. Считая себя группой «талантливых святых», «призванных самим Господом Богом», пилигримы позиционировали себя особыми людьми, пришедшими, чтобы «обладать этой землей» [Сардар, Дэвис, 2003, с. 115]. Именно осознание своей исключительности определило два базовых принципа концепта «американской мечты» – осознание своей избранности и понимание особой миссии Америки [Ладыка, 2014, с. 118].

В результате сложившийся американский национальный характер отражает особый склад мышления, психологии и поведения, а также совокупность социально-психологических черт и социальных стереотипов.

В эксперименте с американскими реципиентами объектом исследования стала блогговая часть одного из самых посещаемых на момент проведения эксперимента новостных сайтов США – The Huffington Post. В данном интернет-издании публиковались новостные статьи, сатирические заметки и блоги, в основном на политические, экономические и общесоциальные темы.

Эксперимент проводился в сентябре – октябре 2016 г. с применением метода семантического дифференциала и последующим факторным анализом полученных данных. Участниками эксперимента стали студенты

первого и второго годов обучения колледжа при университете города Цинциннати в штате Огайо, США (University of Cincinnati, College of Business).

Эксперимент состоял из трех этапов. На первом этапе участникам эксперимента предлагалось оценить образ американцев по 20 семибалльным (от -3 до +3) двухполюсным шкалам. Шкалы были представлены антонимическими лексическими единицами, в том числе – прилагательными: *bad* (плохой) – *good* (хороший), *weak* (слабый) – *strong* (сильный), *stupid* (глупый) – *clever* (умный) и т. д., полученными в результате предварительного опроса.

Далее испытуемым предлагалось оценить образ афроамериканцев с помощью такой же анкеты с измененным порядком шкал.

При анализе анкет на данном этапе была выявлена неидентичность восприятия американцев и афроамериканцев американской группой тестируемых.

Через неделю был проведен второй этап эксперимента: группе с теми же испытуемыми предлагалось прочитать статью L. Susong из интернет-блога HuffPo (Susong), посвященную проблеме взаимоотношений черного и белого населения Америки. В статье была описана скандальная ситуация, произошедшая на ежегодной свадебной конференции Creative at Heart, организаторы которой разместили в Instagram * приглашение на данное мероприятие и фотографию с 26 улыбающимися женщинами с белым цветом кожи. Среди комментаторов статьи сразу возникло недоумение. Они разделились на тех, кто утверждал, что данная фотография является намеком на привилегию белой расы в США и публичное унижение афроамериканцев в данном посте в Instagram, и тех, кто счел данную позицию несостоятельной или же вообще не обратил на это никакого внимания. Статья была написана от первого лица и выражала мнение автора, который в довольно категоричной форме утверждал, что подобное отношение просто недопустимо в цивилизованном обществе.

После чтения статьи испытуемым было предложено оценить образы американцев и

афроамериканцев по тем же шкалам. Порядок следования шкал в анкете был изменен. Данный этап эксперимента позволил установить трансформацию восприятия заявленного объекта как следствие речевого воздействия статьи указанного интернет-блога.

Спустя неделю был проведен третий этап эксперимента, целью которого было выявление трансформации сознания реципиентов в результате рецепции комментариев читателей. Предварительно все испытуемые были разделены на две группы. Первой группе реципиентов были предложены комментарии читателей, поддерживающих мнение автора статьи и защищающих таким образом права афроамериканского населения США. Вторая группа читала комментарии пользователей, выражающих противоположную мнению автора позицию. Текст комментариев содержал либо негативное отношение к афроамериканцам в целом, либо уверенность в благих намерениях организаторов конференции и убеждение в отсутствии злых помыслов у авторов данного поста.

По окончании всех этапов эксперимента две групповые матрицы оценок предложенных объектов шкалирования (образ американцев, образ афроамериканцев) были подвергнуты процедуре факторного анализа, с помощью которого были установлены два семантических пространства и места указанных объектов в них. На основании полученных данных в каждой группе были выделены три значимых фактора, названиями которых стали наименования образующих их шкал.

Факторный анализ образа американцев привел к определению трех шкал.

Первый фактор – «Оценка» (22 % общей дисперсии) его образовали шкалы, описывающие эмоциональное состояние реципиентов в момент рецепции объекта шкалирования: *angry* (злой) – *kind* (добрый) (вес факторной нагрузки – 0,893), *gloomy* (унылый) – *joyful* (веселый) (0,795), *sad* (печальный) – *merry* (радостный) (0,710), *blue* (грустный) – *cheerful* (радостный) (0,701).

* Деятельность социальной сети Instagram признана террористической и экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Второй фактор «Сила» (20 % общей дисперсии) образован шкалами: *passive* (пассивный) – *active* (активный) (вес факторной нагрузки – 0,839), *rough* (грубый) – *sensitive* (нежный) (0,735), *weak* (слабый) – *strong* (сильный) (0,732).

Третий фактор «Активность» (17 % общей дисперсии) составили шкалы: *passive* (пассивный) – *active* (активный) (вес факторной нагрузки – 0,812), *coward* (боязливый) – *brave* (смелый) (0,719).

Восприятие образа афроамериканцев также представлено тремя факторами. Первый – «Оценка» (24 % общей дисперсии) образован шкалами: *nasty* (противный) – *pleasant* (приятный) (вес факторной нагрузки – 0,748), *false* (фальшивый) – *truthful* (правдивый) (0,720), *gloomy* (унылый) – *joyful* (веселый) (0,715).

Второй фактор «Сила» (20 % общей дисперсии) составлены шкалами: *feeble* (слабый) – *mighty* (сильный) (вес факторной нагрузки – 0,803), *small* (маленький) – *big* (большой) (0,732), *aggressive* (агрессивный) – *non aggressive* (неагрессивный) (0,707).

Третий фактор «Активность» (19 % общей дисперсии) образован шкалами: *passive* (пассивный) – *active* (активный) (вес факторной нагрузки 0,821), *false* (фальшивый) – *truthful* (правдивый) (0,724).

Трансформация восприятия объектов в результате чтения статьи и комментариев пользователей графически выражена изменением координат точки в семантическом пространстве восприятия образов американцев и афроамериканцев.

Точка «до чтения статьи» на обоих графиках расположена в области положительных значений по обеим координатным осям, что указывает на изначальное позитивное восприятие обоих объектов шкалирования. Далее, в результате рецепции текста статьи интернет-блога, координаты точек «после чтения статьи» на графиках изменились. Так, при восприятии образа американцев на этапе «после чтения статьи» значение фактора 2 значительно увеличилось, в то время как значение фактора 1 снизилось (см. рис. 4). Таким образом, объект стал восприниматься более «активным», «вызывающим чувства» и «сильным», но отношение реципиентов к нему изменилось в негативную сторону. В сравнении с этим при восприятии

образа афроамериканцев эмоциональное состояние реципиентов также значительно изменилось (см. рис. 5). На графиках видно, что восприятие обоих предложенных объектов «после чтения статьи» отмечено ростом напряженного состояния реципиентов, что выражено увеличением значения координат точки по фактору 2. Однако при восприятии «американцев» со значительным ростом фактора 2 заметно снижение показателей фактора 1. Так, американцы стали восприниматься более «злыми», «печальными» и «грустными». В сравнении с этим замечен незначительный рост фактора 1 при восприятии образа афроамериканцев. Восприятие данного объекта трансформировалось в сторону более «приятного», «правдивого» и «радостного».

Изменение координат точки первой группы реципиентов, прочитавших комментарии читателей, не согласных с мнением автора, подчеркивающих несостоятельность обвинений в адрес организаторов описанного в статье мероприятия, свидетельствует о трансформации восприятия объектов шкалирования под воздействием текста комментариев. Так, у первой группы реципиентов при восприятии образа американцев напряженное состояние по оси фактора 2 незначительно уменьшилось, в то время как позитивное отношение реципиентов к данной группе вернулось практически на прежний уровень по фактору 1 (см. рис. 4). Напряженность состояния реципиентов при восприятии образа афроамериканцев по фактору 2 уменьшилась – параллельно с уменьшением значения фактора 1 (см. рис. 5).

В результате рецепции комментариев читателей, солидарных с мнением автора статьи, второй группой испытуемых проследивается дальнейшая трансформация восприятия образа американцев и афроамериканцев в траектории, заложенной текстом статьи (см. рис. 5). Так, при восприятии образа американцев второй группой реципиентов увеличивается напряженное состояние данной группы (фактор 2), при этом позитивное восприятие к предложенному объекту значительно уменьшается (см. рис. 4).

Не менее ярко речевое воздействие статьи и комментариев отразилось на значениях показателей фактора 3 (см. рис. 6, 7). На эта-

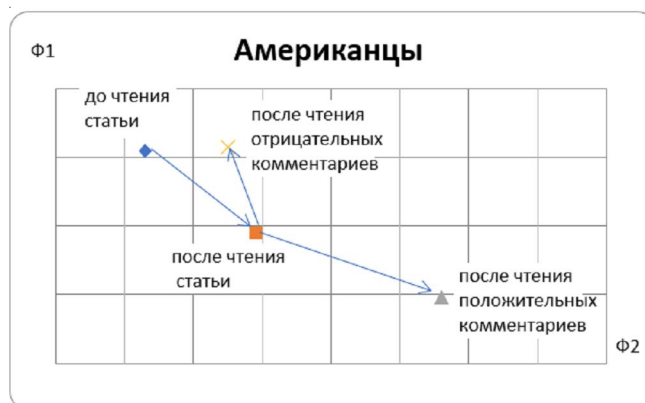

Рис. 4. Семантическое пространство восприятия образа американцев до и после чтения статьи и комментариев (Ф1, Ф2):

Ф1 – «Эмоциональная оценка»; Ф2 – «Сила»

Fig. 4. Semantic space of perception of the image of Americans before and after reading the article and comments (Ф1, Ф2):

Ф1 – “Emotional assessment”; Ф2 – “Strength”

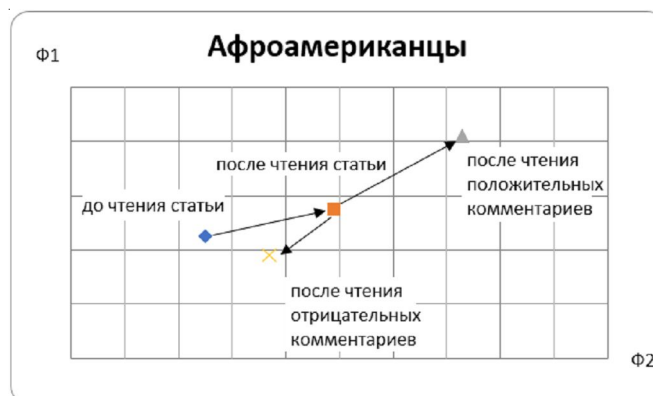

Рис. 5. Семантическое пространство восприятия афроамериканцев до и после чтения статьи и комментариев (Ф1, Ф2):

Ф1 – «Эмоциональная оценка»; Ф2 – «Сила»

Fig. 5. Semantic space of perception of the image of African Americans before and after reading the article and comments (Ф1, Ф2):

Ф1 – “Emotional assessment”; Ф2 – “Strength”

пе «до чтения статьи» его значение располагается в области положительных значений по оси данного фактора. В результате восприятия текста статьи на этапе «после чтения статьи» показатели фактора 3 трансформируются в сторону уменьшения значения данного фактора по обоим объектам (см. рис. 6, 7). При восприятии образа афроамериканцев с уменьшением значения фактора 3 увеличивается значение фактора 1 (см. рис. 7). При восприятии образа американцев уменьшение значения фактора 3 сопровождается уменьшением показателя фактора 1 (см. рис. 6).

На этапе «После чтения положительных комментариев», то есть комментариев читателей, солидарных с мнением автора интернет-блога, у соответствующей группы реципиентов сохраняется та же тенденция трансформации восприятия данных объектов: уменьшение показателей обоих факторов при восприятии американцев и уменьшение показателя фактора 3 совместно с увеличением показателя фактора 1 при восприятии афроамериканцев.

Этап «после чтения отрицательных комментариев», то есть написанных читателями, не согласными с мнением автора, представ-

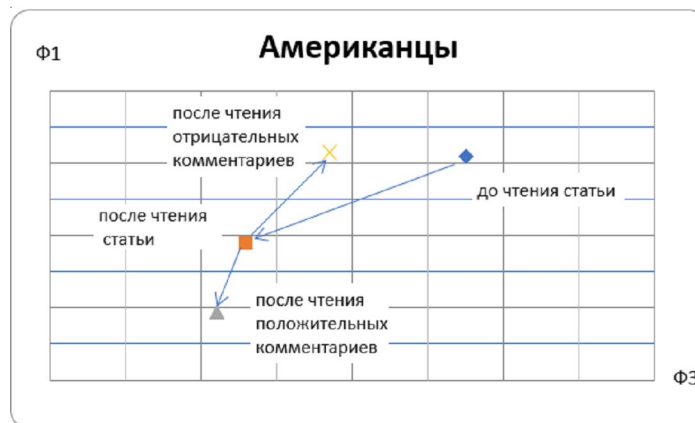

Рис. 6. Семантическое пространство восприятия образа американцев до и после чтения статьи и комментариев (Ф1, Ф3):

Ф1 – «Эмоциональная оценка»; Ф3 – «Активность»

Fig. 6. Semantic space of perception of the image of Americans before and after reading the article and comments (Ф1, Ф3):

Ф1 – “Emotional assessment”; Ф3 – “Activity”

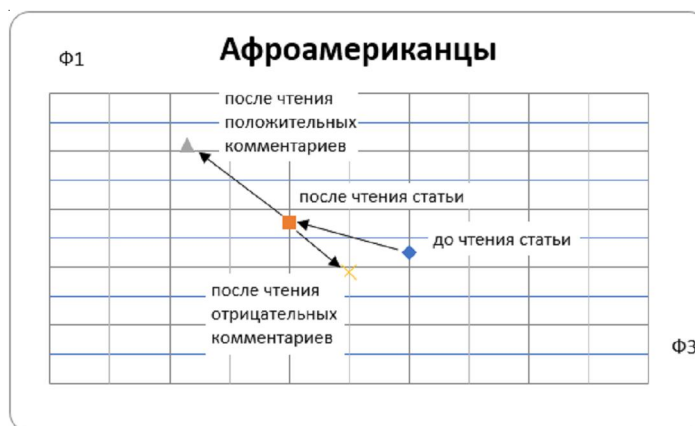

Рис. 7. Семантическое пространство восприятия образа афроамериканцев до и после чтения статьи и комментариев (Ф1, Ф3):

Ф1 – «Эмоциональная оценка»; Ф3 – «Активность»

Fig. 7. Semantic space of perception of the image of African Americans before and after reading the article and comments (Ф1, Ф3):

Ф1 – “Emotional assessment”; Ф3 – “Activity”

лен изменением значения фактора «Активность» в сторону увеличения его значения при восприятии как американцев, так и афроамериканцев (см. рис. 6, 7).

Полученные результаты свидетельствуют о высокой степени воздействия выбранного нами интернет-блога на американскую группу реципиентов. Указанное воздействие осуществлялось за счет взаимодействия семиотически разнородных составляющих интернет-блога как мультимедийного текста, содержа-

щего актуальную для каждой группы реципиентов информацию, затрагивающую ценностную организацию каждой из этих групп.

Выводы

Результаты проведенной серии экспериментов подтверждают суггестивную функцию интернет-блога как сложного поликодового семиотического текста, способного трансформировать восприятие предложенного объекта реципиентами.

Тексты интернет-блогов, имеющие национально маркированный характер, оказывают особо сильное воздействие на реципиентов соответствующей культуры. Предложенные русским и американским испытуемым к прочтению статьи содержали актуальный для каждой группы материал, касающийся ценностной организации каждой группы индивидуально.

Рецепция текста статьи в сопровождении с графическими объектами и дальнейшее чтение комментариев, также представляющих собой объединение генетически разных знаковых систем (текст, фото), дополняющих друг друга, способствовало лучшему усвоению информации реципиентами в том направлении, в котором это выгодно автору интернет-дневника.

В процессе чтения статьи блога, а также положительных и отрицательных комментариев восприятие указанного объекта испытуемыми обеих групп трансформировалось в зависимости от заложенного в тексте вектора воздействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болотнов А. В., 2015. Текстовая деятельность как отражение коммуникативного и когнитивного стилей информационно-медийной языковой личности. Томск : Том. центр науч.-техн. информации. 273 с.
- Болотнова Н. С., 2022. Концепция эмотивности В.И. Шаховского в контексте исследований по коммуникативной стилистике текста // Известия ВГПУ. Филологические науки. № 3 (166). С. 197–203.
- Вязигина С. Ю., 2015. Смысловая трансформация индивидуального сознания под воздействием интернет-блогов // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». № 4. С. 202–207.
- Голенпольский Т. Г., Шестаков В. П., 1981. «Американская мечта» и «американская действительность». М. : Искусство. 208 с.
- Дружинин В. Н., 2003. Экспериментальная психология. СПб. : Питер. 320 с.
- Ладька О. В., 2014. Американский национальный характер и его интерпретация в работах лингвистов // Новый взгляд. Международный научный вестник. № 4. С. 114–123.
- Мягкова Е. Ю., 2000. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск : Изд-во Кур. гос. пед. ун-та. 110 с.

- Петренко В. Ф., 2010. Основы психосемантики. М. : Эксмо. 480 с.
- Попова М. К., 2004. Национальная идентичность и ее отражение в художественном сознании. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т. 170 с.
- Сардар З., Дэвис М. В., 2003. Почему люди ненавидят Америку? М. : Проспект. 240 с.
- Шаховский В. И., 2008. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис. 416 с.
- Шаховский В. И., 2009. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград : Перемена. 170 с.
- Шаховский В. И., Сорокин Ю. А., Томашева И. В., 1998. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград : Перемена. 148 с.
- Шелестюк Е. В., 2014. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. М. : Флинта : Наука. 344 с.
- Шмелев А. Г., 2002. Психодиагностика личностных черт. СПб. : Речь. 480 с.
- Эмотивный код языка и его реализация, 2003 : коллектив. моногр. / науч. ред. В. И. Шаховский. Волгоград : Перемена. 174 с.
- Языковая личность и медиасреда: коммуникативно-когнитивные аспекты взаимодействия, 2017 / под ред. Н. С. Болотновой. Томск : Изд-во Том. ЦНТИ. 248 с.
- Osgood C. E., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. URL: <https://books.google.ru/books-id>

ИСТОЧНИКИ

- Magarshak* – Магаршак Ю. Русские не славянский народ. URL: <http://echo.msk.ru/blog/ym4/846118-echo/>
- Susong* – Susong L. The Ugly Truth About White Privilege in the Wedding Industry. URL: https://www.huffpost.com/entry/white-privilege-and-inclusion-in-the-wedding-industry_b_57bcea52e4b007f1819a3fe3

REFERENCES

- Bolotnov A.V., 2015. *Tekstovaya deyatel'nost kak otrazhenie kommunikativnogo i kognitivnogo stiley informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti* [Textual Activity as a Reflection of the Communicative and Cognitive Styles of the Information-Media Linguistic Personality]. Tomsk, Tom. tsentr nauch.-tekhn. informatsii. 273 p.
- Bolotnova N.S., 2022. *Kontseptsiya emotivnosti V.I. Shakhovskogo v kontekste issledovaniy po*

- kommunikativnoy stilistike teksta [The Conception of V.I. Shakhovsky's Emotiveness in the Context of Studying the Communicative Stylistics of the Text]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 3 (166), pp. 197-203.
- Vyazigina S. Yu., 2015. Smyslovaya transformatsiya individualnogo soznaniya pod vozdeystviem internet-blogov [Semantic Transformation of Individual Consciousness Under the Influence of Internet Blogs]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya»* [Herald of Tver State University. Series: Philology], no. 4, pp. 202-207.
- Golenpolskiy T.G., Shestakov V.P., 1981. «Amerikanskaya mechta» i «amerikanskaya deystvitelnost» [“American Dream” and “American Reality”]. Moscow, Iskusstvo Publ. 208 p.
- Druzhinin V.N., 2003. *Ekspperimentalnaya psikhologiya* [Experimental Psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ. 320 p.
- Ladyka O.V., 2014. Amerikanskiy natsionalnyy kharakter i ego interpretatsiya v rabotakh lingvistov [American National Character and Its Interpretation in the Works of Linguists]. *Novyy vzglyad. Mezhdunarodnyy nauchnyy vestnik* [A New Look. International Scientific Bulletin], no. 4, pp. 114-123.
- Myagkova E. Yu., 2000. *Emotsionalno-chuvstvennyy komponent znacheniya slova* [Emotional-Sensory Component of the Word Meaning]. Kursk, Izd-vo Kur. gos. ped. un-ta. 110 p.
- Petrenko V.F., 2010. *Osnovy psikhosemantiki* [Fundamentals of Psychosemantics]. Moscow, Eksmo Publ. 480 p.
- Popova M.K., 2004. *Natsionalnaya identichnost i ee otrazhenie v khudozhestvennom soznanii* [National Identity and Its Reflection in Artistic Consciousness]. Voronezh, Voronezh. gos. un-t. 170 p.
- Sardar Z., Devis M.V., 2003. *Pochemu lyudi nenavidyat Ameriku?* [Why Do People Hate America?]. Moscow, Prospekt Publ. 240 p.
- Shakhovskiy V.I., 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis Publ. 416 p.
- Shakhovskiy V.I., 2009. *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokulturologii* [Language and Emotions in the Aspect of Linguoculturology]. Volgograd, Peremena Publ. 170 p.
- Shakhovskiy V.I., Sorokin Yu.A., Tomasheva I.V., 1998. *Tekst i ego kognitivno-emotivnye metamorfozy (mezhkulturnoe ponimanie i lingvoekologiya)* [Text and Its Cognitive-Emotive Metamorphoses (Intercultural Understanding and Lingvoecology)]. Volgograd, Peremena Publ. 148 p.
- Shelestyuk E.V., 2014. *Rechevoe vozdeystvie: ontologiya i metodologiya issledovaniya* [Speech Impact: Ontology and Research Methodology]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 344 p.
- Shmelev A.G., 2002. *Psikhodiagnostika lichnostnykh chert* [Psychodiagnostics of Personality Traits]. Saint Petersburg, Rech Publ. 480 p.
- Shakhovskiy V.I. ed., 2003. *Emotivnyy kod yazyka i ego realizatsiya: kollektiv. monogr.* [Emotive Language Code and Its Implementation. Collective Monograph]. Volgograd, Peremena Publ. 174 p.
- Bolotnova N.S. ed., 2017. *Yazykovaya lichnost i mediasreda: kommunikativno-kognitivnye aspekty vzaimodeystviya* [Linguistic Personality and Media Environment: Communicative and Cognitive Aspects of Interaction]. Tomsk, Izd-vo Tom. TsNTI. 248 p.
- Osgood C.E., Suci G., Tannenbaum P. *The Measurement of Meaning*. URL: <https://books.google.ru/books-id>

SOURCES

- Magarshak Yu. *Russkie ne slavyanskiy narod* [Russians Are Not Slavic People]. URL: <http://echo.msk.ru/blog/ym4/846118-echo/>
- Susong L. *The Ugly Truth About White Privilege in the Wedding Industry*. URL: https://www.huffpost.com/entry/white-privilege-and-inclusion-in-the-wedding-industry_b_57bcea52e4b007f1819a3fe3

Information About the Authors

Larisa O. Butakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Dostoevsky Omsk State University, Prosp. Mira, 55a, 644077 Omsk, Russia, larisabut@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

Svetlana Yu. Vyazigina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Omsk State Technical University, Prosp. Mira, 11, 644050 Omsk, Russia, viazigina_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1740-424X>

Информация об авторах

Лариса Олеговна Бутакова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, 644077 г. Омск, Россия, larisabut@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3210-2311>

Светлана Юрьевна Вязигина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Омский государственный технический университет, просп. Мира, 11, 644050 г. Омск, Россия, viazigina_s@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1740-424X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.5>

UDC 81'23:159.942
LBC 81.006

Submitted: 12.09.2022
Accepted: 28.11.2022

ASSOCIATIVE POTENTIAL OF LEXEMES – DESIGNATIONS OF EMOTIONS

Elena N. Goots

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Abstract. The purpose of the article is to determine and present the associative potential of words denoting emotions. The object of the study is the associative fields of stimulus words *joy* and *hate*. The empirical material was obtained as a result of two stages of the trend psycholinguistic research (2002 and 2020), the centre of which was a free associative experiment, carried out among the teenagers. When comparing the core of associative fields that were modelled employing the material of two experiments, cultural stereotypes were identified. They are assimilated in the process of adolescent socialization. An analysis of various reactions (nuclear, low-frequency and single) in associative fields, identifying the level of association stereotyping led to the conclusion that this indicator was reduced in the associative fields of the experiment conducted in 2020. A deduction is made about the factors that influence the dynamics of the associative potential of stimuli, which denote emotions. These include an increase in the number of different reactions in associative fields due to single associations, the diversity of their meanings and relations with the stimulus word, the combination of communicative tactics of the subjects in experimental conditions. The material and outcomes of the trend research conducted in the teenage audience expand the idea of the associative potential of emotion designation and can also be useful for solving various didactic and psychological problems.

Key words: associative potential, free associative experiment, associative field, stimulus word, emotion, types of reactions, trend research.

Citation. Goots E.N. Associative Potential of Lexemes – Designations of Emotions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 53-64. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.5>

УДК 81'23:159.942
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 12.09.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

АССОЦИАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМ – ОБОЗНАЧЕНИЙ ЭМОЦИЙ

Елена Николаевна Гуц

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Аннотация. Цель статьи – определить и охарактеризовать ассоциативный потенциал слов, обозначающих эмоции. Объект исследования составляют ассоциативные поля слов-стимулов *Радость* и *Ненавидеть*. Эмпирический материал получен в результате проведения двух этапов трендового психолингвистического исследования (2002 и 2020 гг.), центром которого стал свободный ассоциативный эксперимент, проведенный в подростковой аудитории. При сравнении ядра ассоциативных полей, смоделированных на материале двух экспериментов, были выявлены культурные стереотипы, которые усваиваются в процессе социализации подростка. Результаты анализа разных реакций (ядерных – частотных, периферийных – малочастотных и единичных) демонстрируют снижение уровня стереотипности ассоциаций в ассоциативных полях, построенных на основе данных эксперимента 2020 года. Установлены факторы, влияющие на динамику ассоциативного потенциала стимулов, обозначающих эмоции: увеличение количества разных реакций в ассоциативных полях за счет единичных ассоциаций, разнообразие их смыслов и отношений со словом-стимулом, совмещение коммуникативных тактик испытуемых в экспериментальных условиях. Материалы и выводы проведенного исследования не только расширяют представление об ассоциативном потенциале номинаций эмоций, но и могут быть полезны для решения многих дидактических и психологических задач.

Ключевые слова: ассоциативный потенциал, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, слово-стимул, эмоция, типы реакций, трендовое исследование.

Цитирование. Гуд Е. Н. Ассоциативный потенциал лексем – обозначений эмоций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 53–64. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.5>

Введение

Настоящее исследование выполнено в русле ассоциативной лингвистики. В ее фокусе находится ряд проблем: особенности ассоциативного поведения испытуемых в экспериментах, разделенных во времени; классификация реакций, полученных в ассоциативных экспериментах; специфика ассоциаций на стимулы и др. В статье эти проблемы рассматриваются на материале ассоциативных полей слов-стимулов, обозначающих эмоции, смоделированных в результате трендовых экспериментов (2002 и 2020 гг.). В связи с этим базовыми для нас понятиями стали «эмоциональная система» (по Апресяну, одна из самых сложных систем человека [Апресян, 1995, с. 366]), и «наивная картина эмоций» (по Апресяну, особенности отражения и концептуализации эмоциональной системы в языке [Апресян, 1995, с. 367]). Анализируя реакции, полученные в ассоциативном эксперименте, на стимулы – номинанты эмоций, мы учитывали пять фаз в развитии (сценарии) эмоций, выделенные Ю.Д. Апресяном: физическое восприятие или ментальное созерцание некоторого положения вещей; интеллектуальную оценку этого положения вещей как вероятного или неожиданного, желательного или нежелательного для субъекта; собственно эмоцию; желание продлить или пресечь существование причины, которая вызывает эмоцию; внешнее проявление эмоции [Апресян, 1995, с. 366–369].

Теоретико-методологической основой исследования послужили положения, разрабатываемые в рамках изучения стратегий идентификации слов-стимулов и типов реакций в условиях ассоциативного эксперимента, а также характера связи $S - R$ (стимул – реакция), коммуникативных тактик реципиентов, эмоционально-чувственного компонента значения вербальных ассоциаций.

Термин «идентификация слова» используется «для обозначения полного набора про-

текающих в речемыслительной деятельности человека процессов, продуктом которых является субъективное переживание знания (понимания) того, о чем идет речь, с учетом эмоционально-оценочных нюансов, при взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации» [Залевская, 2000, с. 175].

Изучению стратегий идентификации слова посвящена обширная литература (см., например: [Гладких, Доценко, Мирон, 2016; Золотова, 2005; Комарова, 2007; Наумова, 1984; Сазонова, 2000; Тогоева, 2000]). При исследовании идентификации слов, относящихся к эмоциональной сфере человека, важен учет человеческого фактора, субъективного переживания знания / понимания того, что стоит за предлагаемой в эксперименте языковой единицей, даже если это «смутное представление о некоторой области деятельности или ситуации, с которыми как-то может быть связан именуемый словом объект» [Залевская, 2014, с. 50].

Теоретической базой исследования отношения $S - R$ (стимул – реакция) в ассоциативных полях эмоций стало положение об эмотивности в статусе языковой категории, образующей не только внутрисловные, но и межсловные парадигмы [Шаховский, 2008, с. 29], основанные на следующих принципах: «каждый эмотив имеет неэмотивный коррелят; единицы дескриптивной номинации находятся в системных связях с единицами эмотивной номинации через синонимические, антонимические ряды, ЛСГ и ЛСП, в которых эмотивы образуют периферию; возможно вычленение лексико-семантического поля эмотивов» [Шаховский, 2008, с. 30].

В качестве психолингвистического основания исследования ассоциативных полей слов-стимулов, обозначающих эмоции, было использовано положение о том, что, поскольку носители языка, как правило, не дифференцируют своего отношения к слову и называемому этим словом объекту, а любое воспринимаемое или используемое индивидом сло-

во включается в контекст предшествующего (языкового и неязыкового) опыта человека, которому свойственно реагировать на мир эмоционально, целесообразно рассматривать любое слово языка в качестве носителя эмоционально-чувственного значения [Мягкова, 2000]. Итак, для нас важно рассматривать любое слово-реакцию как языковую единицу, которая содержит эмоционально-чувственный компонент, «отражающий комплекс связанных со словом разнообразных переживаний, специфической особенностью которого является одновременное функционирование на разных уровнях осознания» [Мягкова, 2000, с. 85].

При анализе ассоциативного материала, полученного в результате свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2002 г. (далее – САЭ-1), и свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2020 г. (далее – САЭ-2), мы учитывали характер отношений, возникающих между стимулом и реакцией, восстанавливали (когда это было возможно без экспертной оценки) ход ассоциативного процесса, определяли тактики и стратегии выбора испытуемым той или иной реакции.

Ю.Н. Караулов выделил пять коммуникативных тактик, используемых испытуемыми в свободном ассоциативном эксперименте: предикацию (в узком смысле – как приписывание признака предмету), номинацию (в том числе дефиницию), локацию, оценку и пропозицию [Караулов, 1999, с. 108–109]. Результаты анализа реакций по «вертикали» (всей совокупности реакций испытуемого на все стимулы данного эксперимента) [Гуц, 2005] позволил определить не только коммуникативные тактики, но и стратегии, которые «легче всего обнаруживаются в повторяемости способов реагирования на различные стимулы в одной и той же анкете» [Гольдин, Мартьянов, Сдобнова, 2004, с. 224]. Таким образом, мы рассматриваем ассоциативную тактику как выбор испытуемыми языковых моделей реагирования и ассоциативную стратегию как выбор коммуникативных моделей. Нельзя не учитывать того, что «одна и та же коммуникативная стратегия может обслуживаться в ассоциациях, соответствующим различным тактикам» [Гольдин, Мартьянов, Сдобнова, 2004, с. 224].

В данном исследовании мы не ставили цели выстроить новую, оригинальную клас-

сификацию ассоциаций. Для анализа реакций, полученных в ассоциативных экспериментах, была использована ранее разработанная классификация, опирающаяся на логические, психологические, лингвистические и культурологические классификации [Гуц, 2005, с. 70–76], и дополненная в соответствии со спецификой ассоциативного материала. Необходимо было учесть факторы, оказывающие существенное влияние как на построение классификации, так и на интерпретацию данных, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Для нас значимыми являются следующие факторы: характер стимула и наличие в словестимуле коннотативного компонента.

Представим классификацию типов реакций [Гуц, 2005], дополненную в ходе анализа ассоциативного материала.

Собственно семантические реакции. К этой группе мы относим (в рамках данной работы) синонимы, антонимы, психологические симиляры и психологические оппозиции. Коммуникативная тактика испытуемых, использовавших данные реакции, – номинация (по Караулову).

Примеры:

Радость – *счастье, удовольствие, кайф, наслаждение, ликование, приподнятость; грусть, горе, печаль, ненависть, разочарование, радоваться.*

Ненавидеть – *презирать, не любить, избегать, не уважать, враждовать, не воспринимать; гнев, злоба, ненависть, ярость, антипатия, неприязнь, отвращение, игнор.*

Реакции пояснения. При таком типе ассоциирования испытуемый стремится объяснить значение стимула различными способами: «это может быть либо стремление дать дефиницию, либо объяснить значение слова через конкретную ситуацию, близкую испытуемому» [Горошко, 2001, с. 216].

Примеры:

Радость – *основа жизни, избыток эмоций, хорошее настроение, внутреннее состояние.*

Ненавидеть – *жабу давить, желать смерти, не хочется видеть, терпеть не мочь, сделать гадость, делать падлу, не могу видеть этого человека; настроение, чувство, плохое чувство, порок, сильное чувство, эмоции; чувствовать, разрушаться.*

Кроме того, мы, как и Е.И. Горошко, относим к реакциям пояснения ассоциаты-гиперонимы, то есть учитываем стремление испытуемых использовать коммуникативную тактику «номинация», объясняя значение стимула через более общее, более широкое по значению слово.

Реакции развертывания. Это группа реакций, дополняющих слово-стимул до некоторой единой структуры. Коммуникативная тактика испытуемых – предикация. В нашем материале можно выделить собственно предикативные, атрибутивные, объектные и функциональные реакции [Горошко, 2001]. Ситуационные реакции (термин Е.И. Горошко) мы рассматриваем в группе собственно ассоциативных.

Примеры:

Радость – *за ближнего, за других, за урок, бывает, обманчива, прет, в глазах, в деньгах, в вещах, в жизни, победы, матери, ребенка, искренняя, безграничная, огромная, редкая, слепая, тихая.*

Ненавидеть – *себя, зло, людей, всех, врагов, либералов, ЕГЭ; всем сердцем, за поступки, искренне, незачем, неприятно.*

Представляя реакции развертывания, необходимо отметить наличие в ассоциативных полях «синтаксических примитивов», то есть таких пар $S - R$, «в которых синтаксическая связь между членами пары не выявлена, грамматически не оформлена, но с опорой на семантическую или тематико-ситуативную общность стимула и реакции может быть восстановлена» [Караулов, 1999, с. 69].

Примеры:

Радость – *веселый, делиться, бесценно, жизнь.*

Ненавидеть – *дружба, вселенная, лох, нет, враг.*

Собственно ассоциативные реакции. Данные реакции являются результатом «пропозициональной» тактики испытуемых, «отдающих предпочтение пропозиции, т. е. отвечающих на стимул актантом или актантами, при которых предикация прямо не обозначена, а только подразумевается и которые вместе со стимулом задают пропозицию» [Караулов, 1999, с. 123].

Этот тип реакций – самый многочисленный и самый сложный для интерпретации. Необходимо обнаружить смысловую связь

между стимулом и тем образом, представлением, ситуацией, которые вызваны стимулом и вербализованы в эксперименте. Если исследователь не владеет фоновыми знаниями, необходимыми для интерпретации ассоциаций, он прибегает к помощи экспертов (в проведенных нами экспериментах – подростков).

Примеры:

Радость – *улыбка, смех, семья, дети, успех, отдых, юность, девушка, мама, музыка, решение проблем, утро, шарики, покупка, подарки.*

Ненавидеть – *ссора, стресс, обида, злость, неосознанный, гнев.*

Оценочные реакции. Выделение оценочных реакций необходимо в классификации вербальных ассоциаций. Однако, приступая к анализу реакций, мы учитывали выработанное в ассоциативной лингвистике положение о том, что «выражение оценки может сопровождать любой тип связей в паре $S - R$, но оценочными можно считать только такие пары, где оценочное отношение преобладает» [Караулов, 1999, с. 110]. Поэтому в группе оценочных реакций были оставлены (при анализе результатов САЭ-1) только те реакции, которые допускают простейшую и очевидную (без экспертной оценки) замену на *хорошо* или *плохо* [Гуц, 2005, с. 76].

Несмотря на все ограничения, мы признаем наличие смешанных реакций, совмещающих основную и оценочную стратегии. Например, развертывание + оценка; собственно ассоциативная + оценка.

Предсказуемые реакции. Исследование ассоциативного потенциала эмоций на материале двух экспериментов потребовало расширения представленной классификации реакций и рассмотрения предсказуемых реакций, которые «опираются на имеющиеся в сознании устойчивые формальные и содержательные образования», а сочетание стимула с «предсказуемой» реакцией «воспринимается как элемент (или элементы) единой устойчивой языковой или когнитивной системы» [Красных, 1998, с. 120].

Примеры:

Радость – *полные штаны.*

Ненавидеть – *вертеть, видеть, знать, слышать, смотреть.*

Таким образом, мы следуем традиции рассмотрения смешанных реакций, соглашаясь с мнением А.П. Клименко: «Решить, какой именно стратегией руководствовались испытуемые в данном конкретном случае, просто невозможно, тем более, что испытуемый, возможно, выбирает ассоциацию, именно исходя из разнообразия связей двух слов. Поэтому нельзя удивляться ни двоякому толкованию некоторых связей, ни тому, что некоторые возможности интерпретации не учтены в случае подведения отношения под другой тип» [Клименко, 1974, с. 49–50]. Однако считаем, что включение в классификацию смешанных реакций не упрощает анализ, не ставит под сомнение адекватность построенной модели ассоциативного поля, а, наоборот, делает интерпретацию отношений $S - R$ более точной, объективной (достоверной) и проверяемой.

Материал и методы

Трендовое экспериментальное исследование проводилось в форме свободного ассоциативного эксперимента в 2002 г. (САЭ-1) и в 2020 г. (САЭ-2) с целью выявить изменения в рассматриваемых ассоциативных полях и на их основе определить ассоциативный потенциал номинаций эмоций.

Для того чтобы повысить валидность экспериментального исследования мы максимально приблизили условия проведения ассоциативных экспериментов (САЭ-1 и САЭ-2) к тем условиям, которые соблюдались при организации и проведении серии ассоциативных экспериментов для «Славянского ассоциативного словаря» (представлены в работе Н.В. Уфимцевой [Уфимцева, 2000]). Был использован тот же список стимулов (112), то же количество испытуемых (500), письменная форма выполнения. Отличие заключалось в социальной и возрастной характеристике испытуемых. В эксперименте приняли участие школьники старших классов 15–17 лет (г. Омск). В 2020 г. мы повторили эксперимент, сохранив стимульный список и методику проведения эксперимента.

В стимульном списке (112 слов) представлено только три слова-стимула, относящихся к сфере эмоций: *Радость, Любовь, Ненавидеть*. Для анализа их ассоциативного потенциала, то

есть для решения задач, поставленных в данной статье, мы ограничились двумя стимулами и соответственно двумя ассоциативными полями, смоделированными по результатам САЭ-1 и САЭ-2: «Радость» и «Ненавидеть». Отличие ассоциатов на стимулы, выраженные разными частями речи, например существительным и глаголом, показано Н.В. Уфимцевой [Уфимцева, 1983, с. 153–154], наша задача состояла в поиске того, что сближает искомые реакции, в определении ядра ассоциативных полей эмоций, несмотря на частеречную принадлежность стимула.

Результаты

I. На первом этапе анализа ассоциативного материала были рассмотрены ядерные, частотные реакции в каждом исследуемом ассоциативном поле. К ядерным (в рамках данного исследования) мы относим реакции с частотой ≤ 10 . Цель данного этапа – определить коммуникативные тактики испытуемых и соответственно типы частотных реакций в каждом ассоциативном поле¹.

Ассоциативное поле «Радость» САЭ-1

РАДОСТЬ – счастье (148); веселье (77); кайф (56); смех (45); улыбка (32); горе (28); подарок (9), хорошо (9); анаша (6); удача (5); успех (3), хорошее настроение (3); грусть (2), жизнь (2), печаль (2), победа (2), праздник (2), радуга (2), смеяться (2), солнце (2), ура (2), чувство (2); бабушка, в жизни, веселиться, весело, веселое настроение, весёлый, восторг, глаза, гордость, горечь, горечь, дети, другому, дружба, зло, злость, избыток эмоций, каникулы, клёво, конопля, конфета, круто, лето, ликование, мгновение, мир, наслаждение, настроение, недолго, новость, ощущение, парень, полные штаны, прёт, приподнятость, радоваться, разочарование, свобода, себе, торжество, торкнуло, тоска, удовольствие, хорошая весть, чувствовать, шарик, шоколад (1); 488 + 12

САЭ-2

РАДОСТЬ – счастье (83); грусть (41); жизнь (32); улыбка (27); горе (22); смех (17); веселье (12); печаль (10); радуга (9), семья (9); любовь (8); дети (6), друзья (6), искренняя (6), эмоции (6); детство (5), злость (5); момент (4), успех (4), хорошо (4); большая (3), временно (3), гадость (3),

гордость (3), здоровье (3), каникулы (3), праздник (3); в глазах (2), в деньгах (2), в мелочах (2), внутри (2), восторг (2), всегда (2), встреч (2), деньги (2), долгая (2), жизни (2), жить (2), искренность (2), мгновение (2), надежда (2), настроение (2), общение (2), отдых (2), победы (2), подарок (2), свет (2), свобода (2), слабость (2), сладость (2), смысл (2), собака (2), удовольствие (2), чувство (2), юность (2); а, ансамбль, безграничная, бесценно, близкие люди, боль, бригантина, бывает, в вещах, в жизни, вместе, внутр. состояние, время, все хорошо, встреча, встречи, глаза, гореть, девушка, делиться, детей, до слез, добро, долгожданная, долина, дорого, достижение, достижение цели, драма, еда, желания, животные, за ближнего, за других, за урок, звёзды, искреннее чувство, истинная, классно, конфеты, леденец, люди, мама, матери, мелочи, место, мечта, милота, мимолетность, моменты, моя, музыка, мыльные пузыри, настроения, не бывает, не вечна, не всегда, не радостна, ненависть, неожиданность, нету ее, обещание, обман, обманчива, огромная, основа жизни, отпуск, ощущение, письмо, пицца, плохость, победа, подарки, покупка, почему, привет, путешествия, радость, ребенка, ребенок (хорошее самочувствие), ребёнок, редкая, решение, решение проблем, рождение, с кем-то, сладкое, слезы, слепая, солнце, спокойствие, срок, стена, страх, сценичный восторг, тихая, торт, торты, ура, утро, часто, шарики, шарики (воздушные), шоколадка, штаны, юмор (1); 499 + 1

Представим результаты анализа ядерных элементов исследуемых ассоциативных полей (далее – АП) «Радость».

Отметим высокую частотность реакций АП «Радость» в САЭ-1. Шесть реакций имеют частоту ≤ 20 . Наибольшая частотность (148) у реакции *счастье*. В ассоциативном поле САЭ-2 наибольшую частотность (83) также имеет реакция *счастье*.

В исследуемых полях представлено пять повторяющихся реакций: *счастье* (148/83), *веселье* (77/12), *смех* (45/17), *улыбка* (32/27), *горе* (28/22). Здесь и далее мы указываем количество одинаковых реакций, представленных в ядрах ассоциативных полей, смоделированных на материале двух экспериментов 2002 и 2020 годов.

В ассоциативном поле САЭ-2 отсутствует (в анализируемой части) только реакция *кайф*. В ядре ассоциативного поля САЭ-1 отсутствуют только ассоциации *жизнь* (32) и *печаль* (10), представленные в поле САЭ-2. Таким образом, отмеченные пять реакций яв-

ляются константами: постоянными и частотными реакциями испытуемых на стимул *Радость* в трендовом экспериментальном исследовании. Анализируя отношение *Радость – счастье* в ядре ассоциативных полей САЭ-1 и САЭ-2, мы использовали и результаты факторного и кластерного исследований, проведенных в 2004 г. для пяти ассоциативных полей «Кайф», «Удовольствие», «Наслаждение», «Радость», «Счастье» [Гуц, 2005, с. 139–146]. Сравнение этих материалов с результатами, представленными в данной статье, подтверждает наличие стабильных отношений *S – R* в ядрах исследуемых полей.

Ведущая коммуникативная тактика испытуемых, отвечающих на стимул *Радость* частотными реакциями, – номинация. В условиях эксперимента, когда необходимо написать «первое пришедшее на ум слово», испытуемые стремятся реагировать словом, по их мнению, связанным со стимулом по смыслу или противопоставленное ему.

Радость – *счастье* как «веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения» (ТСРЯ, с. 640). Она может быть связана с весельем как проявлением «беззаботно-радостного настроения, оживленного, радостного времяпрепровождения» (ТСРЯ, с. 76), а также со *смехом*, *улыбками* и даже *кайфом*. Однако испытуемые и в САЭ-1, и в САЭ-2 (реакций 28 и 22 соответственно) идентифицировали радость, используя слова *горе* и *печаль*, обозначающие противоположные состояния человека – «скорбь, глубокую печаль» (ТСРЯ, с. 138) и «чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи» (ТСРЯ, с. 517). Таким образом, частотность ядерных реакций в анализируемых полях предсказуема и закономерна: испытуемые не задумываясь идентифицируют слово-стимул, используя слово-ассоциацию из своего актуального лексикона и выражая (чаще всего неосознанно) свое эмоциональное состояние во время выполнения экспериментального задания.

В ядре ассоциативного поля (САЭ-2) отмечена реакция *жизнь*, которая отличается от остальных ядерных реакций. Эта реакция может быть интерпретирована и как реакция развертывания («синтаксический примитив»), и как собственно ассоциативная: Радость – *жизнь* – (в *жизни*). Радость – «это и есть

жизнь, для меня жизнь без радости невозможна». Безусловно, второй вариант всего лишь потенциальный, возможный и требующий уточнения и экспертной оценки.

Ассоциативное поле «Ненавидеть» САЭ-1

НЕНАВИДЕТЬ – не любить (97); презирать (85); враг (53); зло (52); врага (39); любить (27); не уважать (16); убить (11); злость (10); злоба (6); нельзя (4); злиться (3), себя (3); бесить (2), кого-либо (2), ложь (2), лох (2), месть (2), не переносить (2), не терпеть (2), ненависть (2), терпеть (2), человек (2), чувство (2); антипатия, боль, бомжей, враждовать, всегда и везде, вселенная, всех и всё, гнев, делать падлу, дерьмо, долго, жабу давить, желать смерти, жизнь, завидовать, запах, затаить злобу, кого-то, ком в горле, кофе, метить, мясо, навсегда, не воспринимать, не думать, не могу видеть этого человека, не нравится, не переваривать, недруга, нельзя ненавидеть, неприязнь, обсирать, огонь, отстойника, плохо, подонка, послать, предатель, презрение, проклинать, разрушаться, ругаться, рэпера, сделать гадость, скунс, страшное чувство, убивать, угнетать, учителя, человека, чёрное, честь, школу, шпану, эмоции, ярость (1); 484 + 16

САЭ-2

НЕНАВИДЕТЬ – любить (110); себя (34); злость (18); терпеть (17); зло (14); не любить (13); враг (11); видеть (10); гнев (9); кого-то (8); людей (7); злиться (6), злоба (6), презирать (6), человека (6); всех (5), ненависть (5), плохо (5); ненавидеть (4), убивать (4); врагов (3), жить (3), зря (3), исключение (3), нельзя (3), обида (3), обожать (3), слабость (3), страдать (3), ярость (3); бесить (2), бессмысленно (2), вертеть (2), всё (2), жизнь (2), зависть (2), избегать (2), месть (2), не понимать (2), не уважать (2), но любить (2), отвращение (2), простить (2), прощать (2), разрушение (2), убить (2), холод (2), чувства (2), чувство (2); агрессия, безнаказанно, бесит, биологию, боль, больница, вокруг, воров, врага, вражда, враньё, вред, всем сердцем, всё что не нравится, глагол, глаза, глупо, гнать, грех, дискомфорт, до конца, дождь, дом, друг, друг друга, дружба, думать, его, ЕГЭ, ждатель, желать, за поступки, за поступок, за что, завидовать, зеленый, знать, и любить, игнор, искренне, искренняя любовь, Казахстан, кого, кого либо, корыстовать, кулак, либералов, ложь, любить (не верить в это), люди, мел, моменты, монотонно, мстить, наказывать, настроение, не хочется видеть, невзлюбить, невидеть, негатив, недоверие, нежелание, незачем, некоторых, неосознанный, неприязнь, неприятно, неприятных людей, несчастье, нет, обман, объединяет, окружающих, оскорблять, осознавать, ошибка, пла-

кать, плач, плохое чувство, помидор, порок, посуда, предатель, предательство, предать, предмет, признание, разлюбить, разочароваться, разрываться, разъярённость, ревность, саморазрушение, секс, сила, сильное (чувство), Ситхи (звёздные войны), скрывать это, слышать, смерть, смотреть, сожалеть, ссора, стресс, существ, существо, схожее, терпеть не мочь, тормозиться, трудно, трудности, убил бы, угореть, угнетать, ужин, умереть, унижать, учеба, физика, физику, фильм, хейтить, чувствовать, школу, эмоции, эх, 11 глаголов исключения, hate, ?, = (1); 496 + 4

В каждом поле мы выделили 10 ядерных реакций. Общих среди них только четыре: *враг* (53/11), *зло* (52/14), *любить* (27/13), *не любить* (97/13). Реакция *враг* является (в рамках нашего исследования) реакцией развёртывания, причем «синтаксическим примитивом»: *ненавидеть* (кого?) – *враг* – *врага*. Коммуникативная тактика испытуемых – предикация. Нужно отметить и то, что в ядре ассоциативного поля САЭ-1 находится ассоциат *врага*, употребленный испытуемыми в нужном для данного словосочетания падеже: *ненавидеть* (кого?) – *врага* (39).

Реакция *зло* также является реакцией развёртывания: *ненавидеть* (что?) – *зло*. Однако возможна еще одна интерпретация отношений в данной паре *S – R*: Ненавидеть – это *зло*.

Реакцию *любить*, как и все антонимы и оппозиции, мы относим к собственно семантическим реакциям, а коммуникативную тактику испытуемых определяем как тактику номинации. Любить – «испытывать любовь» – «глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство» (ТСРЯ, 2001, с. 336) и ненавидеть – «питать ненависть к кому-чему-н.», то есть «чувство сильной вражды, злобы» (ТСРЯ, 2001, с. 408), в языковом сознании испытуемых, безусловно, объединены и представляют «предсказуемую» пару номинантов эмоций, чья противопоставленность и в то же время близость очевидны.

Реакция *любить* – первая в ассоциативном поле САЭ-2, а в ассоциативном поле САЭ-1 первой стала реакция-отрицание: *не любить*. Таким образом, можно отметить следующие частотные отношения между стимулом и реакцией: 1) стимул – отрицание / противопоставление – реакция (*ненавидеть – любить*); 2) стимул – пояснение – реакция (*ненавидеть – не любить*).

Ядерные реакции, представленные только в одном ассоциативном поле, выражены глаголами: *презирать, не уважать* (коммуникативная тактика испытуемых – номинация; реакция пояснения), *убить* (коммуникативная тактика – пропозиция; собственно ассоциативная реакция); существительным *злость* (коммуникативная тактика – пропозиция; собственно ассоциативная реакция); местоимением *себя* (коммуникативная тактика – номинация; реакция развертывания).

Реакции *терпеть* и *видеть* (САЭ-2) – это «предсказуемые» ассоциации, основанные на знании участниками эксперимента исключений из правила о написании личных окончаний глагола и моментальной реакции «знатока» этого школьного правила.

II. На втором этапе анализа ассоциативного материала были рассмотрены малочастотные и единичные реакции в ассоциативных полях САЭ-1 и САЭ-2.

Ассоциативные поля «Радость»: всего разных реакций (ядерных, малочастотных и единичных) в ассоциативном поле (САЭ-1) – 69, в ассоциативном поле (САЭ-2) – 161. Таким образом, индексы разнообразия (стереотипности реакций), которые вычисляются по формуле $R = N / G$, где N – число разных реакций в поле, G – число всех реакций на данное слово-стимул [Уфимцева, 1983, с. 151; Гольдин, 2020, с. 19], следующие: 0,138 (САЭ-1) и 0,322 (САЭ-2).

Ассоциативные поля «Ненавидеть»: всего разных реакций в ассоциативном поле 2002 г. (САЭ-1) – 82, в ассоциативном поле 2020 г. (САЭ-2) – 175. Индексы разнообразия реакций соответственно 0,164 и 0,350.

Увеличение индекса разнообразия реакций в ассоциативных полях САЭ-2 объясняется уменьшением частотности ядерных и периферийных реакций и соответственно большим количеством и разнообразием единичных, что означает относительно больший разброс ответов испытуемых на исследуемые стимулы в САЭ-2.

III. На третьем этапе обработки данных определялось количество разных реакций в каждой группе, соответствующей типу ассоциаций.

1. Собственно семантические и реакции пояснения. Для анализа коммуникативных тактик испытуемых и определения типов реакций на стимулы *Радость* и *Ненавидеть* мы

объединили собственно семантические реакции и реакции пояснения. Для них характерна общая коммуникативная тактика – номинация, нацеленная на объяснение, пояснение слова-стимула с использованием следующих языковых единиц: синонимы или симиляры, антонимы или оппозиции, гиперонимы и словосочетания.

2. Реакции развертывания и собственно ассоциативные реакции. В ходе анализа экспериментального материала, реакции, обозначающие эмоциональную оценку слова-стимула, были рассмотрены как составляющие смешанных реакций в парах с реакциями развертывания и собственно ассоциативными.

Ассоциативное поле «Радость»

Собственно семантические реакции + реакции пояснения: 25 (САЭ-1), 18 (САЭ-2). Однако необходимо отметить уже представленную на первом этапе анализа материала ядерную, первую в ассоциативных полях реакцию *счастье* с частотой соответственно 148 (САЭ-1) и 83 (САЭ-2).

Реакции развертывания + оценочные реакции: 12 (САЭ-1), 49 (САЭ-2).

Собственно ассоциативные реакции + оценочные реакции: 28 (САЭ-1), 85 (САЭ-2).

Ассоциативное поле «Ненавидеть»

Собственно семантические реакции + реакции пояснения: 28 (САЭ-1) и 85 (САЭ-2).

Реакции развертывания + оценочные реакции: 34 (САЭ-1) и 95 (САЭ-2).

Собственно ассоциативные + оценочные реакции: 16 (САЭ-1) и 44 (САЭ-2).

Таким образом, в ассоциативных полях со стимулом *ненавидеть* и в САЭ-1 и в САЭ-2 зафиксировано наибольшее количество реакций развертывания. Полученные нами результаты подтверждают подсчеты, сделанные Н.В. Уфимцевой на материале «Словаря ассоциативных норм русского языка»: «...когда в качестве стимула выступает существительное, то 41 % реакций являются парадигматическими и 59 % синтагматическими. Когда стимулом является глагол, парадигматические реакции составляют 18,7 %, синтагматические – 81,3 %» [Уфимцева, 1983, с. 153–154]. В нашей классификации парадигматические реакции соответствуют собственно семанти-

ческим реакциям, синтагматические реакции – реакциям развертывания. Частеречная принадлежность стимула, безусловно, влияет на коммуникативную тактику испытуемого в ассоциативном эксперименте.

Однако, как мы полагали ранее, «если при восприятии какого-либо слова в речи у адресата с достаточной степенью регулярности актуализируются определенные структуры образа сознания, то и в условиях свободного ассоциативного эксперимента с большой степенью вероятности может повториться этот же процесс» [Гуц, 2005, с. 60]. Из этого следует, что, кроме основных двух тактик испытуемых, частотной может оказаться и тактика пропозиции, «восходящая к некоторому прототипическому для данного испытуемого тексту» [Караулов, 1999, с. 123]. Анализ результатов трендового исследования подтверждает это предположение: разнообразными и многочисленными оказались собственно ассоциативные реакции, единичные, «маргинальные», мотивированные жизненным опытом испытуемого, его реакцией на стимул, обозначающий эмоцию, психологическими и поведенческими особенностями и эмоциональным состоянием испытуемого в момент проведения эксперимента.

Доминантными в ассоциативном процессе становятся фоновые знания, ощущения, оценки. Нельзя не согласиться с Е.Р. Иоанесян в том, что «неотъемлемым компонентом прототипического сценария радости является наличие приятной для субъекта ситуации» [Иоанесян, 2020, с. 28]. У этой ситуации есть причина: Радость – *мыльные пузыри, письмо, пицца, подарки, покупка, торт, шарики, ананас, конопля, еда*. Кроме реакций, отражающих конкретные, «вещественные» причины радости, представлены (в САЭ-1 и в САЭ-2) немногочисленные реакции, выходящие за пределы материальных отношений: Радость – *решение проблем, рождение, дружба, хорошая весть, утро, победа, момент, здоровье, мгновение, бриганттина, добро, желания, звезды, мечта*.

В парах *S – R* со стимулом *ненавидеть* и собственно ассоциативной реакцией доминантными становятся функциональная и причинно-следственная связи: *Ненавидеть – убивать, завидовать, разлюбить, разочаро-*

ваться, сожалеть, умереть, унижать, злиться, ждать, мстить, простить, наказать, угнетать; боль, вражда, вред, недоверие, саморазрушение, несчастье, сила, слабость, злость, гнев, обида.

Выводы

Трендовое исследование ассоциативного потенциала слов, обозначающих эмоции, потребовало рассмотрения ряда теоретических вопросов для адекватного анализа экспериментального материала. В их число входило изучение типов реакций и их соответствия коммуникативным тактикам испытуемых в условиях свободного ассоциативного эксперимента, выявление структуры ассоциативного поля (ядра и периферии) и особенностей ядерных элементов, вычисление индекса разнообразия реакций и одновременно уровня стереотипности элементов ассоциативных полей, смоделированных на материале двух разнесенных по времени экспериментов, выяснение роли эмоциональной оценки в лексическом значении слов-реакций и необходимости рассмотрения смешанных ассоциаций, выявление качественно-количественных изменений в составе единичных реакций и на этой основе определение ассоциативного потенциала исследуемых лексем.

При сравнении ядра ассоциативных полей «Радость» и «Ненавидеть» в САЭ-1 и САЭ-2 были установлены «константы сознания», культурные стереотипы, которые усваиваются в процессе социализации подростка. Для АП «Радость» таким элементом является реакция *счастье*, для АП «Ненавидеть» – *любить (не любить)*.

Результаты анализа разных реакций (ядерных, малочастотных и единичных) в ассоциативных полях, выявление уровня стереотипности ассоциаций демонстрируют снижение этого показателя в ассоциативных полях САЭ-2 (2020 г.). Эта закономерность была отмечена и ранее, например при сравнении материалов «Словаря ассоциативных норм русского языка» и «Русского ассоциативного словаря»: «снижение стереотипности реакций – в среднем на 12 %» [Уфимцева, 2002, с. 161].

Материалы проведенного нами трендового исследования убедительно подтверждают тезис о том, что «сознание русских из “монологического” стало “полилогом”, в нем обнаруживается множественность подходов, позиций, оценок, что создает основу для обмена разным содержанием и служит залогом, по М.М. Бахтину, возможности развития, создания нового содержания» [Уфимцева, 2002, с. 162]. В этом мы видим ответ на вопрос об ассоциативном потенциале исследуемых лексем.

Увеличение количества разных реакций в сравниваемых ассоциативных полях, разнообразие их смыслов и отношений со словом-стимулом, совмещение коммуникативных тактик испытуемых в экспериментальных условиях – все это создает необходимые предпосылки для реализации ассоциативного потенциала стимулов, обозначающих эмоции. Как показали результаты исследования, рост ассоциативного потенциала обеспечивается увеличением и разнообразием индивидуально-личностных ассоциаций.

Трендовое исследование проведено в подростковой аудитории на репрезентативной и достаточной выборке, что дает нам основание для выводов об ассоциативном поведении усредненной обобщенной личности подростка и ассоциативном потенциале исследуемых слов-стимулов, обозначающих эмоции. Нельзя не согласиться с В.И. Шаховским в том, что «проблема “Человек в языке”, а следовательно, и проблема “Эмоции человека в языке” – это не только лингвистическая проблема. Это и дидактическая проблема, которая требует пересмотра традиционных методов обучения родному и неродному языку, перехода к новым направлениям в методике (коммуникативному, социосемиотическому, когнитивному)» [Шаховский, 2008, с. 48–49]. Считаем, что материалы и выводы проведенного в подростковой аудитории трендового исследования, цель которого – выявление ассоциативного потенциала лексем, обозначающих эмоции, могут быть полезны «для изучения динамического эмоционального взаимодействия языковой личности с ее окружением» [Шаховский, 2008, с. 49], а значит – для решения многих дидактических и психологических проблем.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Орфография участников опроса сохранена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1995. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 767 с.
- Гладких Г. Г., Доценко Т. И., Мирон Я. Ю., 2016. Влияние фактора «профессиональное образование» на идентификацию аббревиатур // Вестник Пермского государственного национального исследовательского института. № 4. С. 63–73.
- Гольдин В. Е., Мартыянов А. О., Сдобнова А. П., 2004. Компьютерная версия ассоциативного словаря школьников Саратова и Саратовской области // Русский язык сегодня. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. М. : Ин-т рус. яз. РАН. С. 214–226.
- Гольдин В. Е., 2020. Языковое сознание. Речевая коммуникация : избр. работы. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 496 с.
- Горошко Е. И., 2001. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков ; М. : РА-Каравелла. 320 с.
- Гуц Е. Н., 2005. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка. Омск : Вариант-Сибирь. 259 с.
- Залевская А. А., 2000. Введение в психолингвистику. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т. 382 с.
- Залевская А. А., 2014. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова. М. ; Берлин : Директ-Медиа. 328 с.
- Золотова Н. О., 2005. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Тверь : Лилия Принт. 203 с.
- Иоанесян Е.Р., 2020. Типы семантических переходов, лежащих в основе номинации эмоций // Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков : коллектив. моногр. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 5–69.
- Караулов Ю. Н., 1999. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М. : ИРЯ РАН. 180 с.
- Клименко А. П., 1974. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. Минск : Мин. пед. ин-т иностр. яз. 108 с.
- Комарова Ю. В., 2007. Идентификация незнакомого слова как первая ступень познания нового: интегративная природа // Слово и текст: психолингвистический подход. Вып. 7. Тверь : Твер. гос. ун-т. С. 82–87.

- Красных В. В., 1998. Виртуальная реальность или реальная виртуальность?: Человек. Сознание. Коммуникация. М. : Диалог-МГУ. 350 с.
- Мягкова Е. Ю., 2000. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. Курск : Изд-во Кур. гос. пед. ун-та. 110 с.
- Наумова Т. Н., 1984. Способы идентификации значения слова в онтогенезе речи // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. Калинин : Калинин. гос. ун-т. С. 111–115.
- Сазонова Т. Ю., 2000. Моделирование процессов идентификации слова человеком: психолингвистический подход. Тверь : Твер. гос. ун-т. 134 с.
- Тогоева С. И., 2000. Психолингвистические проблемы неологии. Тверь : Твер. гос. ун-т. 155 с.
- Уфимцева Н. В., 1983. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики. М. : Наука. С. 140–180.
- Уфимцева Н. В., 2000. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 207–219.
- Уфимцева Н. В., 2002. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка. М. : Наука. С. 152–170.
- Шаховский В. И., 2008. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис. 416 с.
- Goldin V.E., Martyanov A.O., Sdobnova A.P., 2004. Kompyuternaya versiya assotsiativnogo slovarya shkolnikov Saratova i Saratovskoy oblasti [Computer Version of the Associative Dictionary of Schoolchildren of Saratov and the Saratov Region]. *Russkiy yazyk segodnya. Vyp. 3. Problemy russkoy leksikografii* [Russian Language Today. Iss. 3. Problems of Russian Lexicography]. Moscow, In-t rus. yaz. RAN, pp. 64-75.
- Goldin V.E., 2020. *Yazykovoe soznanie. Rechevaya kommunikatsiya: izbr. raboty* [Linguistic Consciousness. Speech Communication. Selected Work]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 496 p.
- Goroshko E.I., 2001. *Integrativnaya model svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta* [Integrative Model of Free Associative Experiment]. Kharkov, Moscow, RA-Karavella Publ. 320 p.
- Goots E.N., 2005 *Psikholingvisticheskoe issledovanie yazykovogo soznaniya podrostka* [A Psycholinguistic Study of the Language Consciousness of a Teenager]. Omsk, Variant-Sibir Publ. 259 p.
- Zalevskaya A.A., 2000. *Vvedenie v psikholingvistiku* [Introduction to Psycholinguistics]. Moscow, Ros. gos. gum. un-t. 382 p.
- Zalevskaya A.A., 2014. *Chto tam – za slovom? Voprosy interfeysnoy teorii znacheniya slova* [What Is There Behind the Word? Questions of the Interface Theory of the Meaning of the Word]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ. 328 p.
- Zolotova N.O., 2005. *Yadro mentalnogo leksikona cheloveka kak estestvennyy metayazyk* [The Core of the Human Mental Lexicon as a Natural Metalanguage]. Tver, Liliya Print Publ. 203 p.
- Ioanesyan E.R., 2020. *Tipy semanticheskikh perekhodov, lezhashchikh v osnove nominatsii emotsiy* [Types of Semantic Transitions Underlying the Nomination of Emotions] *Predstavlenie emotsionalnoy sfery cheloveka na materiale raznykh yazykov: kollektiv. monogr.* [Representation of the Emotional Sphere of a Person on the Material of Different Languages. Collective Monograph]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN, pp. 5-69.
- Karaulov Yu.N., 1999. *Aktivnaya grammatika i assotsiativno-verbalnaya set* [Active Grammar and Associative-Verbal Network]. Moscow, IRYa RAN. 180 p.
- Klimenko A.P., 1974. *Leksicheskaya sistemnost i ee psikholingvisticheskoe izuchenie* [Lexical System and Its Psycholinguistic Study]. Minsk, Min.ped.in-t inostr.yaz. 108 p.

СЛОВАРИ

- АСП – Гуц Е. Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск : Вариант – Сибирь, 2004. 153 с.
- ТСРЯ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М. : Азбуковник, 2001. 944 с.

REFERENCES

- Apresyan Yu.D., 1995. *Izbrannye trudy. V 2 t. T. 2. Integralnoe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. In 2 vols. Vol. 2. Integral Description of the Language and System Lexicography]. Moscow, Shk. «Yaz. rus. kultury» Publ. 767 p.
- Gladkikh G.G., Dotsenko T.I., Miron Ya. Yu., 2016. Vliyanie faktora «professionalnoe obrazovanie» na identifikatsiyu abbreviatur [The Impact of “Professional Education” Factor on Acronyms Identification]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo natsionalnogo issledovatel'skogo instituta* [Bulletin of the Perm State National Research Institute], no. 4, pp. 63-73.

- Komarova Yu. V., 2007. Identifikatsiya neznakomogo slova kak pervaya stupen poznaniya novogo: integrativnaya priroda [Identification of an Unfamiliar Word as the First Step in Learning a New One: Integrative Nature]. *Slovo i tekst: psikholingvisticheskiy podkhod. Vyp. 7* [Word and Text. Psycholinguistic Approach. Iss. 7]. Tver, Tver. gos. un-t, pp. 82-87.
- Krasnykh V. V., 1998. *Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost? : Chelovek. Soznanie. Kommunikatsiya* [Virtual Reality or Real Virtuality? Human. Consciousness. Communication]. Moscow, Dialog-MGU Publ. 350 p.
- Myagkova E. Yu., 2000. *Emotsionalno-chuvstvennyy komponent znacheniya slova* [Emotional-Sensory Component of the Meaning of the Word]. Kursk, Izd-vo Kur. gos. ped. un-ta. 110 p.
- Naumova T. N., 1984. Sposoby identifikatsii znacheniya slova v ontogeneze rechi [Methods for Identifying the Meaning of a Word in the Ontogenesis of Speech]. *Psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty problemy yazykovykh kontaktov* [Psychological and Linguistic Aspects of the Language Contacts Problem]. Kalinin, Kalin. gos. un-t, pp. 111-115.
- Sazonova T. Yu., 2000. *Modelirovanie protsessov identifikatsii slova chelovekom: psikholingvisticheskiy podkhod* [Modelling of Human Word Identification Processes: Psycholinguistic Approach]. Tver, Tver. gos. un-t. 134 p.
- Togoeva S. I., 2000. *Psikholingvisticheskie problemy neologii* [Psycholinguistic Problems of Neology]. Tver, Tver. gos. un-t. 155 p.
- Ufimtseva N. V., 1983. Opyt eksperimentalnogo issledovaniya razvitiya slovesnogo znacheniya [Experimental Study of the Development of Verbal Meaning]. *Psikholingvisticheskie problemy semantiki* [Psycholinguistic Problems of Semantics]. Moscow, Nauka Publ., pp. 140-180.
- Ufimtseva N. V., 2000. Yazykovoe soznanie i obraz mira slavyan [Linguistic Consciousness and the Image of the World of the Slavs]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic Consciousness and the Image of the World]. Moscow, In-t yazykoznaneya RAN, pp. 207-219.
- Ufimtseva N. V., 2002. Kultura i problema zaimstvovaniya [Culture and the Problem of Borrowing]. *Vstrechi etnicheskikh kultur v zerkale yazyka* [Meetings of Ethnic Cultures in the Mirror of Language]. Moscow, Nauka Publ., pp. 152-170.
- Shakhovskiy V. I., 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis Publ. 416 p.

DICTIONARIES

- Goots E. N. *Assotsiativnyy slovar podrostka* [Associative Dictionary of a Teenager]. Omsk, Variant – Sibir Publ., 2004. 153 p.
- Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001. 944 p.

Information About the Author

Elena N. Goots, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Literature and Document Communications, Dostoevsky Omsk State University, Prosp. Mira, 55a, 644077 Omsk, Russia, egoots@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1604-6575>

Информация об авторе

Елена Николаевна Гуц, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, 644077 г. Омск, Россия, egoots@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1604-6575>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.6>

UDC 81'23:159.93
LBC 81.006

Submitted: 01.09.2022
Accepted: 28.11.2022

NOCICEPTION AND ITS LINGUOCREATIVE POTENTIAL IN ARTISTIC-AESTHETIC REPRESENTATION¹

Irina V. Zykova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. One of the perspectives in the development of linguistics is investigating the role that the sensory-perceptual system plays in the linguocreative activity of an individual. The present paper analyzes specificity of verbal conceptualization of nociception, or pain, in the artistic experimental discourse. The novel “Extremely Loud & Incredibly Close” (2005) by the contemporary American writer J.S. Foer has been selected as the research material. The plot of this book is based on the facts of several catastrophes of world significance – the terrorist attack in New York on September 11, 2001, the Second World War, and the nuclear bombing in Japan. Among its main themes are the tragic fates of people who are victims of these catastrophes and the physical and psychological pain they suffered. In this work, we apply the method of discursive-parametric analysis of linguistic creativity. The use of this method results in establishing linguistic innovations (perceptual collocations, phraseological modifications, creative metaphors, syntactic anomalies, etc.) that emerge in the artistic experimental discourse. According to the research findings, both the formation and functioning of these linguistic innovations depend on such macroparameters as “the time of publication”, “the subtype of discourse”, “the subject/plot”, and “main characters”. Of special interest are also multimodal neologisms, which are created as an integration of language signs with visual-graphic means in the novel under consideration.

Key words: nociception, pain, linguistic creativity, artistic experimental discourse, discursive-parametric analysis, multimodal innovations, “Extremely Loud & Incredibly Close”.

Citation. Zykova I.V. Nociception and Its Linguocreative Potential in Artistic-Aesthetic Representation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 65-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.6>

УДК 81'23:159.93
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 01.09.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

НОЦИЦЕПЦИЯ И ЕЕ ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ¹

Ирина Владимировна Зыкова

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Одним из актуальных направлений развития лингвистики является изучение роли сенсорно-перцептивной системы в лингвокреативной деятельности личности. В статье в фокусе внимания находится вопрос о специфике и способах языковой концептуализации ноцицепции (боли) в художественном экспериментальном дискурсе. В качестве материала выбран роман современного американского писателя

Дж.С. Фоера «Extremely Loud & Incredibly Close» (2005). Основу сюжета произведения составили факты нескольких катастроф мирового значения – теракт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., Вторая мировая война: бомбардировка Дрездена и ядерная бомбардировка Хиросимы. Среди главных тем – трагическая судьба людей и перенесенная ими физическая и психологическая боль. В работе применен метод дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности, посредством которого выявлен механизм возникновения определенных языковых новаций (перцептивных коллокаций, фразеологических модификаций, креативных метафор, синтаксических аномалий и др.) в художественном экспериментальном дискурсе. Установлена зависимость их формирования и функционирования от таких макропараметров, как «время создания произведения», «подтип дискурса», «тематика / сюжет» и «основные персонажи». Охарактеризованы особенности использования элементов визуально-графического ряда во взаимодействии с языковыми средствами и образования особого типа новаций – полимодальных.

Ключевые слова: ноцицепция, боль, лингвокреативность, художественный экспериментальный дискурс, дискурсивно-параметрический анализ, полимодальные новации, «Жутко громко & запредельно близко».

Цитирование. Зыкова И. В. Ноцицепция и ее лингвокреативный потенциал в художественно-эстетической репрезентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 65–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.6>

**Введение:
ноцицепция и направления
ее изучения в лингвистике**

Изучение специфики концептуализации перцептивных ощущений, чувств и эмоций человека посредством разных средств языковой системы в различных типах дискурса и коммуникативных практиках является одним из актуальных фундаментальных направлений общей теории языка. Об этом свидетельствует большое количество отечественных и зарубежных исследований, проведенных на протяжении значительного исторического периода и ведущихся в настоящее время по данной проблематике (см., например: [Гак, 2016; Fishman, 2022; Kövecses, 2000; McLaren, 2010; Poulton, 2020; Rudy, 2002]). На современном этапе развития лингвистики не вызывает сомнения тот факт, что без обращения к психофизиологическим процессам (к ним относятся и перцептивный процесс), рассматриваемым сквозь призму их неразрывной связи с языком, социумом и культурой, вряд ли возможно целостное постижение тех глубоких механизмов, которые выступают источником как системного генезиса языковых единиц, так и индивидуального дискурсо- или текстопорождения. Растущий интерес к этой проблематике обуславливает активное развитие новых междисциплинарных направлений лингвистики, каковыми, в частности, являются, лингвистика эмоций [Шаховский, 2008; 2016; Ионова, 2019], лингвосенсорика [Харченко, 2012; Нагорная, 2017], неопсихо-

лингвистика и психолингвокультурология [Бубнова и др., 2017].

Лингвистическое изучение перцепции опирается сегодня на обширный опыт и знания, накопленные в целом ряде наук, прежде всего в соответствующих разделах физиологии, психологии и философии, а также в когнитивных науках, культурологии, социологии, семиотике, антропологии и др. В каждой из этих научных дисциплин и созданных на их основе междисциплинарных направлений, как в свое время совершенно справедливо отмечал Б.Г. Ананьев, складывается конкретная теория перцепции (или теория ощущений) «или ее своеобразное приложение» [Ананьев, 1961, с. 4] (подробнее см.: [Зыкова, 2017]). Несмотря на многообразие существующих подходов к пониманию перцепции и отсутствие единого мнения в отношении ее разновидностей, общепризнанным является выделение ноцицепции как особо значимого (в психофизиологическом, личностном, культурном, социальном и когнитивном планах) перцептивного феномена.

Ноцицепция, или боль (болевое ощущение, болевая рецепция), – это, по мнению Б.Г. Ананьева, особый вид чувствительности; болевые ощущения доставляют человеку страдания и вызывают различные по сложности защитные действия [Ананьев, 1961]. Д. Турк и Т. Руди отмечают, что боль – сложное субъективное чувство, на характер и интенсивность которого важное влияние оказывают такие психологические явления, как настроение и ожидания, внимание и вну-

шение, мотивация, эмоциональное состояние и когнитивные процессы, а также понимание источника боли и приписываемое ей значение [Turk, Rudy, 1992]. Х.Р. Шиффман указывает на несколько факторов, позволяющих рассматривать боль как уникальное ощущение. Среди них выделим такие, как индивидуальный характер восприятия боли разными людьми, ее социальную и культурную обусловленность, широчайший диапазон разновидностей боли, фиксируемых в ее множественных вербальных описаниях, которые отличаются разной степенью образности [Шиффман, 2003] (ср., например: *колющая, ноющая, грызущая, разрывающая на части, режущая, сверлящая, тянущая боль; excruciating, sharp, searing, stabbing, dull pain; remove, kill, soothe, suffer, get pain; pain goes away / comes back*).

Прояснить суть и отличительные свойства ноцицепции позволяет и сопоставление толкований феномена боли в специализированных и общеязыковых словарях. Приведем некоторые из них.

Согласно энциклопедии психологии, боль – это «одновременно ощущение и эмоция, вызванные текущим или недавним повреждением тканей, возможностью повреждения тканей или даже дисфункцией нервной системы при отсутствии повреждения тканей» (ЕР, р. 23), это «сложное, многофакторное, перцептивное явление – уникальный субъективный опыт, который может модулироваться установками, убеждениями, ожиданиями, эмоциональным состоянием человека и его реакцией на явления окружающей среды» (ЕР, р. 27). В философском энциклопедическом словаре указывается, что боль – «психическое состояние, возникающее в результате сверхсильных или разрушительных воздействий на организм при угрозе существованию или целостности» (ФЭС). В толковом словаре С.И. Ожегова слово *боль* имеет два значения: «1. Ощущение страдания. *Физическая б. Душевная б.*; 2. Приступ физического страдания. *Начались боли. Боли в области печени*» (ТСО). В «Малом академическом словаре» боль описывается как «ощущение физического или нравственного страдания» (МАС).

В целом определения ноцицепции, представленные в научном дискурсе и общеязыковом узусе, показывают, что боль понимается как сенсорная реакция, ощущение, эмоция, чувство, вид чувствительности, болезнь, переживание, состояние, феномен, (аффективный) процесс, качество, самая сложная область человеческого опыта. Двумя главными и во многом взаимообусловленными разновидностями боли принято считать физическую и психологическую (душевную, нравственную).

Научная литература, посвященная разнообразным аспектам лингвистического изучения ноцицепции, объемна. Исследования охватывают широкий круг вопросов, теоретическое осмысление которых осуществляется посредством различных современных методов лингвистики и ее междисциплинарных направлений. Материалом для постижения феномена боли служат лексикографические данные, национальные корпуса текстов, разновидности дискурсов (повседневный, медицинский, художественный и др.). Например, используя метод корпусного анализа, М.А. Халлидей анализирует синтаксис базовых выражений боли в английском языке [Halliday, 1998]. В рамках функциональной грамматики и с привлечением положений когнитивной лингвистики К. Ласкарату разрабатывает понятие «язык боли» («*language of pain*») на базе изучения зафиксированного описания пациентами своих болевых ощущений во время приема у врача. В результате исследования выявлены особенности лексики, используемой для выражения физической боли, а также специфика метафорической концептуализации феномена боли в греческом языке (например, *pain as a malevolent aggressor, a torturer, an imprisoning enemy*) [Lascaratou, 2007]. Э. Борелли, Д. Крепальди, К.А. Порро и К. Каччари провели психолингвистическое исследование итальянских слов (существительных, прилагательных и глаголов), выражающих физическую и социальную боль, и пришли к выводу, что слова, используемые для передачи социальной боли (например, *abbandono, lutto*), отличаются более негативной окраской и большей силой неприятного воздействия, чем слова, описывающие физическую боль (например, *ago, malattia*) [Borelli et al., 2018]. Линг-

вистическому анализу концептуализации боли в типологической перспективе посвящено исследование А.А. Бонч-Осмоловской, Е.В. Рахилиной и Т.И. Резниковой. Авторами установлены лексическая сочетаемость и синтаксические особенности русских глаголов боли, выявлены типы метафорических источников. В результате анализа русского материала выделен предварительный набор параметров, существенных для сопоставления семантического поля «боль» в языках мира [Бонч-Осмоловская, Рахилина, Резникова, 2007]. Детальный обзор лингвистических исследований боли представлен в работе А.В. Нагорной [2017].

В последнее время можно констатировать усиление интереса к изучению концептуализации боли в художественном дискурсе, который обладает особыми ресурсами художественно-эстетической передачи боли, значительными возможностями для формирования образных представлений о глубине, интенсивности, характере, разновидностях ноцицепции. Например, А.В. Варзин обращается к анализу языкового выражения феномена боли в художественных произведениях Ф.М. Достоевского, а также в его публицистических текстах и письмах. В ходе изучения выявлены контекстуальные комбинации значений слова *боль*, установлена тесная взаимосвязь внешних симптомов и внутренних ощущений физической и душевной боли, а также раскрыты способы образного представления ситуаций боли в рассматриваемых произведениях [Варзин, 2021] (об особенностях языковой репрезентации боли в художественном дискурсе см. также: [Шлейфер, 2015]). Специфика когнитивной обработки болевых ощущений, их субъективность и интроспективность обуславливают множественность и разнообразие их образной (прежде всего метафорической и метонимической) номинации или репрезентации как вербальными, так и невербальными средствами. Данный факт помещает в фокус внимания вопрос о (лингво)креативном потенциале ноцицепции в художественном дискурсе и в дискурсах других типов и разного рода коммуникации, в частности полимодальной (см., например: [Semino, 2013]).

Наше исследование проводится в русле актуальных тенденций изучения ноцицепции в

лингвистике и направлено в настоящей статье на изучение способов вербальной концептуализации боли в художественном экспериментальном дискурсе. Мы исходим из понимания перцепции в целом и ноцицепции в частности как важного «механизма» в системном и дискурсивно обусловленном создании различных языковых единиц, отличающихся в разные исторические периоды развития языковой системы и в разных дискурсивных практиках определенной степенью новизны и/или оригинальности. Передача боли в художественном произведении осуществляется в рамках реализации не только конкретных эстетических, но и этических установок, что делает ее особо привлекательным и значимым объектом для исследования.

Материал и методы

Материалом исследования является роман американского писателя Джонатана Саффрана Фоеера «Extremely Loud & Incredibly Close» (пер. «Жутко громко & запредельно близко»)². Роман был издан в 2005 г. и в короткий срок стал бестселлером. Он удостоен нескольких литературных наград и премий, переведен на другие европейские языки, экранизирован и попал в фокус научных исследований (см., например: [Gerlach, 2011; Pabst, 2008]). Применение ряда нетрадиционных художественных техник и приемов относит рассматриваемое произведение к разряду экспериментальных. Инновационный характер романа «Extremely Loud & Incredibly Close» раскрывается в целом ряде факторов, среди которых мы выделим следующие: 1) экспериментирование с композиционным построением текста; 2) экспериментирование со средствами визуально-графического ряда, вводимыми в текст художественного произведения. Остановимся подробнее на каждом.

Экспериментирование с композиционной структурой как романа, так и отдельных его глав проявляется в нарушении событийно-темпоральной линейности повествования, которое ведется попеременно от лица трех персонажей, являющихся родственниками разных поколений и переживших трагедию в своей жизни – смерть близких и любимых людей. Роман состоит из семнадцати глав и, как от-

мечает Н. Герлах, посвящен тому, как три главных персонажа смогли пережить полученную психологическую травму, какие переживания и чувство вины они испытывают и как справляются с ними на уровне языка, действий и образов (*deal with these on the level of language, action and image*) [Gerlach, 2011].

Повествование в девяти главах (1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15 и 17) ведется от лица главного героя романа – девятилетнего мальчика по имени Оскар Шелл³. Оскар рассказывает о том, как его отец, Томас Шелл, погибает в результате совершенной 11 сентября 2001 г. террористической атаки на башни-близнецы Всемирного торгового центра в американском городе Нью-Йорке. Мальчик не может смириться со смертью отца. Через год после трагедии он находит в его вещах необычный ключ и вместе с ним небольшой листок бумаги с написанной на нем фамилией *Black*. Принимая находку за своего рода «послание» от отца, Оскар решает найти замок, открывающийся этим ключом. Как ключ, так и фамилия *Black* (букв. *Черный*) обретают в романе многомерное символическое прочтение. В ходе поиска Оскар встречает самых разных людей, жизнь которых также не лишена горя и страдания. Ни одна из услышанных личных историй не оставляет мальчика равнодушным и становится объектом его рефлексии и самоанализа. Среди них и история японской женщины, дочь которой умирает на ее руках в результате атомной бомбардировки японского города Хиросимы 6 августа 1945 года. Несмотря на то что результат поиска замка приносит Оскару разочарование, обретенный социальный опыт дает ему силы справиться с сильной психологической травмой.

Четыре главы (2, 6, 10 и 14) представляют собой написанные, но не отправленные письма дедушки Оскара, Томаса Шелла – старшего, которые он адресовал своему сыну – отцу Оскара, Томасу Шеллу – младшему. В этих письмах он говорит о том, как выжил в страшной бомбардировке немецкого города Дрездена 13–15 февраля 1945 г., но потерял родителей и девушку Анну, любовь к которой он пронес через всю свою жизнь; как годы спустя в Америке он случайно встретился с младшей сестрой Анны и женился на ней. Узнав о том, что она беременна, Томас

Шелл – старший бросает ее и своего еще не родившегося ребенка. В своих письмах он рассказывает о том, как со дня своего ухода из семьи он каждый день пишет сыну письма, на страницах которых размышляет о случившихся в его жизни событиях, где главное место занимали горе, одиночество, страдание, разочарование, тоска, чувства вины и раскаяния. Из-за пережитых потрясений Томас Шелл – старший лишается речи. Примечательно, что названия рассматриваемых глав формулируются по единому принципу: один и тот же риторический вопрос и указание на конкретную дату, например: *Why I'm not where you are 5/21/63* (*Почему я не там, где ты 21/5/63*).

Другие четыре главы (4, 8, 12 и 16) содержат письма, написанные бабушкой Оскара и адресованные ему. Данные главы имеют одинаковое название, раскрывающее основную суть и тему их содержания, – *My feelings* (*Мои чувства*). В письмах бабушка Оскара откровенно делится с внуком своими сокровенными мыслями, переживаниями и чувствами о том, как складывалась ее судьба: о том, что смогла спастись в бомбардировке Дрездена, но не смогла помочь своей старшей сестре Анне и отцу; о том, как неожиданно встретила с Томасом Шеллом, возлюбленным Анны, которого она полюбила при первом знакомстве в Дрездене и любила всю жизнь и предательство которого стало для нее страшным ударом. Ее письма-откровения – знак безграничной любви и доверия к Оскару, веры в его понимание и эмпатию.

Благодаря оригинальному композиционному построению романа и отдельных его глав стирается грань между настоящими и прошлыми трагическими событиями: они обретают вневременное и внепространственное измерение и надличностное значение, возводя переносимую персонажами как физическую, так и душевную боль в статус глобального социального явления, объединяющего людей разных поколений и полов, национальностей и культур, разного общественного положения и образовательного уровня. Боль выступает «актором» консолидации и духовного единения людей, обретает особый аксиологический смысл, позволяя выйти на новый уровень осмысления жизни и найти в себе

силы не уступить тяжелейшим жизненным обстоятельствам.

Отдельного внимания заслуживает и экспериментирование автора с визуально-графическими средствами, благодаря которым феномен боли получает полимодальную форму выражения.

В современных исследованиях можно встретить разные классификации визуально-графических элементов, используемых в анализируемом романе. Например, Л. Футерман выделяет фотографии, пустые страницы и оригинальные типографические средства [Futerman]. По мнению С. Пабста, фотографии в романе «Extremely Loud & Incredibly Close» выполняют несколько функций. На интрафикциональном уровне (intrafictional level) они выступают как визуализация боли и травмы, доказательства существования и идентичности, свидетельства истории, средства документирования и верификации, суррогат опыта и способ выражения. На экстрафикциональном уровне (extrafictional level) они служат не только средством продолжения повествования на визуальном уровне, но и напоминанием о том, что фотографии всегда открыты для множественных интерпретаций и не обязательно способствуют установлению подлинности и истины, как это часто воспринимается в повседневной жизни. По-видимому, они направлены на фикционализацию (fictionalization) происходящего и построение собственной версии его понимания, в зависимости от которой могут быть и способом справиться с полученным сильным эмоциональным потрясением, и способом замедлить процесс излечения душевных ран [Pabst, 2008, p. 5]. Как отмечает О.В. Шалагина, пустота (или пустые страницы) символизируют в произведении Дж.С. Фоеера последствия нанесенной травмы [Шалагина, 2021]. Особым разнообразием отличаются так называемые типографические средства. В рассматриваемом произведении применяются графические символы, математические знаки, капитализация, курсивизация, масштабирование, графогибридализация, уплотнение межзнакового интервала, зачеркивание, цветовое выделение, постраничное разбиение текста и др. В современной научной литературе указанные средства определяются по-разному: оригинальные (некон-

венциональные) литературные приемы, интермедийные приемы, поликодовые знаки, графические окказионализмы, графические стилистические средства и пр. Например, по отношению к такого рода визуально-графическим средствам П.В. Силаев использует термин «графон», которым обозначается «стили-стически-релевантное искажение графической нормы, отражающее индивидуальные или диалектные нарушения фонетической нормы, приобретающие прагматическую нагрузку (экспрессивно-выделительную, эмоционально-оценочную, эстетическую)» [Силаев, 2015, с. 117]. В ходе анализа нескольких произведений Дж.С. Фоеера исследователь делает вывод о том, что креативный потенциал графических средств позволяет автору усиливать эмоциональное воздействие текста, обнажать внутреннюю форму слов и тем самым расставлять необходимые смысловые акценты, предельно концентрировать знаковое выражение главных мыслей [Силаев, 2015].

Таким образом, отмеченные особенности анализируемого романа создают условия для разного рода конвенциональных и неконвенциональных способов репрезентации ноцицептивных ощущений в художественном экспериментальном дискурсе, раскрытия определенных векторов их эстетизации.

В работе мы используем метод дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности, разрабатываемый в рамках коллективного научного проекта в Институте языкознания РАН. В ходе исследования нами были выделены три уровня параметров, анализ которых позволяет системно подойти к оценке особенностей проявления креативного потенциала языка в разных типах дискурса. Первый уровень представлен макродискурсивными параметрами, которые эксплицируют влияние внешних факторов на реализацию креативного потенциала языковой системы в дискурсе, например: «период / время создания произведения», «тематика / сюжет», «подтип дискурса», «возрастная классификация», «основные персонажи» [Зыкова, 2021]. Второй уровень включает микродискурсивные параметры, позволяющие судить о креативном использовании языковых средств и выявить новации, создаваемые в том или ином дискурсе. Нами были установлены 52 микропарамет-

ра лингвокреативности следующих категорий: «фонологические» (например, «звуковой повтор»), «морфологические» (например, «категориальная новация глагола»), «словообразовательные» (например, «окказиональное словосложение»), «лексические» (например, «ономастическая новация»), «синтаксические» (например, «синтагматическая новация») и «(орфо)графические» (например, «графическое акцентирование») [Зыкова, 2021]. Третий уровень составляют интердискурсивные параметры, которые раскрывают влияние дискурсов на лингвокреативность друг друга (например, повышение лингвокреативности кинодискурса за счет включения в него элементов поэтического дискурса) (см. подробнее: [Лингвокреативность в дискурсах разных типов..., 2021]).

Основное внимание в настоящей статье уделяется анализу макро- и микродискурсивных параметров, направленному на выявление обусловленности актуализации определенных микропараметров лингвокреативности такими макропараметрами, как «время создания» романа «*Extremely Loud & Incredibly Close*» (2005), «тематика / сюжет» (одна из тем – тема боли), «подтип дискурса» (художественный экспериментальный дискурс) и «основные персонажи» (подробно о них см. выше). Перейдем к рассмотрению полученных результатов.

Результаты и обсуждение

Языковая концептуализация феномена боли начинается на уровне названия романа: «*Extremely Loud & Incredibly Close*» («Жутко громко & запредельно близко»). Оно представляет собой словосочетание с сочинительной связью между компонентами, обозначающими разные перцептивные ощущения: *loud* передает экстероцептивное ощущение громкого звука ('producing or capable of producing much noise') (NODE, p. 1093), а *close* – проприоцептивное ощущение близкого расстояния ('only a short distance away') (NODE, p. 345). Образование смыслов высокой степени интенсивности данных перцептивных ощущений достигается за счет наречий *extremely* (чрезвычайно) и *incredibly* (невероятно), обозначающих предельную степень их (то есть ощущение)

ний) проявления. Данные наречия представляют собой перцептивные интенсификаторы, указывающие либо на приближение описываемых с их помощью ощущений к болевым порогам, либо на крайнюю степень их проявления, свидетельствующую о нетипичном (обостренном, или даже несколько болезненном) психоэмоциональном состоянии человека или его восприятию происходящего. В названии используется графогибридизация – замена английского союза *and* (и) знаком «&». В целом название романа служит целям передачи сильного психологического потрясения или эмоционального шока, которые испытывает человек, оказавшийся в крайне трудных жизненных обстоятельствах.

Частотное употребление перцептивных интенсификаторов *extremely* и *incredibly* – одна из отличительных черт речи Оскара, свидетельствующая о повышенном пороге чувствительности в восприятии им явлений мира и жизненных ситуаций, не только своих, но и чужих. Отметим синтагматические особенности этих наречий. В ходе исследования были установлены три основных структурных типа образуемых ими коллокаций. Наиболее многочисленными являются коллокации со структурой 'extremely / incredibly + adjective / participle' (например, *extremely hard* – чрезвычайно тяжело, *incredibly tired* – невероятно устал). Значительно меньшим количеством характеризуются коллокации, основанные на сочетании данных наречий с атрибутивным словосочетанием: 'extremely / incredibly + [adjective + noun]' (например, *an extremely subtle performance* – чрезвычайно тонкое исполнение, *an incredibly long time* – невероятно долгое время) – и с наречием: 'extremely / incredibly + adverb' (например, *extremely loudly* – чрезвычайно громко, *incredibly much* – невероятно сильно). В семантическом плане большинство языковых единиц, входящих в коллокации, представляют собой обозначения различных чувств и эмоций, физических или психических состояний, разнообразных перцептивных ощущений, что позволяет говорить о преобладании в романе коллокаций особого рода – перцептивных коллокаций, например: *extremely dark* – чрезвычайно мрачный, *extremely brave* – чрезвычайно храбрый, *extremely beautiful* – чрезвычайно

красивый, *an incredibly sad day* – невероятно грустный день, *incredibly frustrate* – невероятно расстроенный, *incredibly panicky* – невероятно паникующий. Установленные перцептивные коллокации зачастую используются в романе для эксплицитного или имплицитного выражения психологической боли, которую причиняют Оскару, в частности, воспоминания, общение со знакомыми или близкими людьми (одноклассниками, матерью) или с малознакомыми лицами (соседом по дому мистером Блэком), их непонимание или недостаточное внимание к его горю, а также для передачи боли, которую Оскар остро ощущает в жизни других людей, например:

(1) I know he just wanted to be friendly, but it made me **incredibly angry** (Foer, p. 7). – Я знал, что хотел подружиться, но разозлился запредельно (Фоер, с. 16);

(2) Even after a year, I still had **an extremely difficult time** doing certain things, like taking showers, for some reason, and getting into elevators, obviously (Foer, p. 50). – Даже спустя год мне по-прежнему жутко трудно делать некоторые вещи – типа принимать душ (почему-то) и ездить на лифте (само собой) (Фоер, с. 62);

(3) I felt, that night, on that stage, under that skull, **incredibly close** to everything in the universe, but also **extremely alone** (Foer, p. 169). – В тот вечер, на той сцене, под тем черепом я почувствовал свою запредельную близость ко всей Вселенной, но одновременно и жуткое одиночество (Фоер, с. 213).

Через специфику использования перцептивных, и в частности ноцицептивных, коллокаций осуществляется языковая концептуализация таких проявлений боли или ее непосредственных причин и следствий, как чувства тоски и одиночества, чувство страха и паники, чувство опасности, подозрительность и недоверие, чувство ненависти или сильной раздражительности.

Помимо выделения особой группы коллокаций с перцептивными интенсификаторами *extremely* и *incredibly*, все языковые репрезентанты боли, установленные нами в романе, можно распределить на две группы: языковые единицы, описывающие физическую боль, и языковые единицы, выражающие психологическую (или душевную) боль. Выражение как физической, так и психологической боли осуществляется посредством прямых и

непрямых номинаций, а также их комбинированием (или синтезом) с определенными средствами визуально-графического ряда, что создает специфические полимодальные новации.

Среди языковых средств, использованных в романе для передачи физической боли, необходимо отметить такие основные номинации ноцицепции, как *pain* (боль) и производное прилагательное *painful* (болезненный, причиняющий боль), *ache* (боль, болеть) и производные существительные *stomachache* (боль в желудке), *headache* (головная боль), *sore* (болезненный, болячка) и *sick* (больной), *feel bad* (болеть, плохо себя чувствовать), медицинские термины (например, *break an ankle* (сломать лодыжку), *bandage* (перевязка), *give injections* (делать уколы)), глаголы физического воздействия, вызывающие боль (например, *hit* (ударять), *destroy* (уничтожать), *burn* (жечь), *strike* (ударять) и др.) и описания нанесения или получения увечий или ран (например, *it took the skin off my hand* (это содрало кожу на моей руке), *be on fire* (быть в огне)), болевые или эмоциональные дескрипторы, дескрипторы пороговых ощущений (например, *horrible* (ужасный), *feel terribly cold* (испытывать жуткий холод)). Ср., например:

(4) ...The next thing I remember is **feeling terribly cold**, I realized I was lying on the ground, **the pain was complete**, it let me know I hadn't died... (Foer, p. 259). – ...Дальше помню, что мне ужасно холодно, я осознаю, что лежу на земле, и нет ничего, кроме боли, боль подсказывала мне, что я жив... (Фоер, с. 314);

(5) ...He **struck me across the face**, it was the first time he had ever **struck** me, that was the last time I saw my parents (Foer, p. 256). – ...Он дал мне пощечину, он впервые поднял на меня руку, я больше никогда не видел своих родителей (Фоер, с. 310);

(6) She'd **been hit** by a cab while she was crossing Broadway... (Foer, p. 286). – Она попала под такси, когда переходила Бродвей... (Фоер, с. 345).

Собирательный образ физической боли в анализируемом произведении представляет слово *ambulance* ('машина скорой помощи'), например:

(7) An **ambulance** drove down the street between us, and I imagined who it was carrying, and what had happened to him. Did he **break an ankle**

attempting a hard trick on his skateboard? Or maybe he **was dying from third-degree burns on ninety percent of his body?** (Foer, p. 76–77). – По улице, которая нас разделяла, проехала «Скорая», и я представил того, кто внутри, и что с ним случилось. Как он, типа, сломал лодыжку, выполняя навороченный трюк на скейтборде. Или как умирает от ожогов третьей степени, покрывающих девяносто процентов его тела (Фоер, с. 110).

Психологическая (или душевная) боль, которую испытывает Оскар и его родные, а также и другие герои данного романа, репрезентирована широким спектром языковых средств. Высокой частотностью обладают такие единицы, как *hurt* (v, n) (болеть, боль), *cry* (v, n) (плакать, плачь) и *tears* (слезы), *suffer* (страдать) и производное существительное *suffering* (страдание), *be / feel sorry*, *regret* (сожалеть), *miss* (скучать), например:

(8) I pulled the book from him. It was wet with **tears** running down the pages, as if the book itself were crying (Foer, p. 216). – Я взял у него тетрадь. Она намочила, и слезы текли по ее страницам, как будто это тетрадь плакала (Фоер, с. 266);

(9) The end of **suffering** does not justify the **suffering**, and so there is no end to **suffering**, what a mess I am, I thought, what a fool, how foolish and narrow, how worthless, how pinched and pathetic, how helpless (Foer, p. 47). – Конец страданий не оправдывает страданий, потому-то у страданий и не бывает конца, во что я превратился, подумал я, ну и дурак, какой глупый и какой ограниченный, какой нищий и жалкий, какой беспомощный (Фоер, с. 59).

Значимую роль в репрезентации психологической боли или болезненного психоэмоционального состояния в произведении играют образные средства, в особенности фразеологизмы, используемые в базовых и модифицированных формах, и метафоры, конвенциональные и креативные, например:

(10) Does it **break my heart**, of course, **every moment of every day, into more pieces than my heart was made of...** (Foer, p. 31). – Рвет ли мне это сердце, еще бы, каждую секунду каждого дня на столько кусочков, что, кажется, их уже не составить вместе... (Фоер, с. 41);

(11) I **zipped myself all the way into the sleeping bag of myself**, not because I was hurt, and not because I had broken something, but because they were cracking up (Foer, p. 53). – Я застегнулся на все «молнии» внутри себя самого, но не потому, что уда-

рился, и не потому, что что-то разбил, а потому, что там шла тусовка (Фоер, с. 65);

(12) I haven't always been silent, I used to talk and talk and talk and talk, I couldn't **keep my mouth shut, the silence overtook me like a cancer...** (Foer, p. 339). – Я не всегда был нем, когда-то я говорил, и говорил, и говорил (Фоер, с. 405);

(13) **That secret was a hole in the middle of me** that every happy thing fell into (Foer, p. 76). – Эта тайна была дырой в моем сердце, в которую проваливалась любая радость (Фоер, с. 110);

(14) It looked almost like she had been crying, but I knew that was impossible, because once she told me that she **emptied herself of tears** when Grandpa left (Foer, p. 111). – Было похоже, что она плакала, хотя я знал, что это невозможно, потому что она сама мне когда-то сказала, что после ухода бабушки выплакала все слезы (Фоер, с. 152);

(15) “What do you mean, **bury your feelings?**” “No matter how much I feel, I'm not going **to let it out**. If I have to cry, I'm gonna **cry on the inside**. If I have **to bleed, I'll bruise**. If my **heart starts going crazy**, I'm not gonna tell everyone in the world about it...” (Foer, p. 246). – «Что значит, упрячешь чувства?» – «Не буду их демонстрировать. Если потекут слезы, пушу их по изнанке щек. Если кровь – получится синяк. И если сердце начнет выпрыгивать из груди, никому не скажу...» (Фоер, с. 300);

(16) It took me a long time, I don't know how long, minutes, hours, **my heart got tired...** (Foer, p. 334). – На это ушло много времени, точно не знаю, сколько, минуты, часы, сердце ныло... (Фоер, с. 401).

Для передачи своего тягостного, мучительного внутреннего состояния, душевных терзаний Оскар использует метафору «тяжелой для ношения обуви» – *to wear heavy boots* («испытывать тяжесть на душе»), рекуррентное и креативное использование которой позволяет квалифицировать ее как фразеологический неологизм, например:

(17) I desperately wish I had my tambourine with me now, because even after everything I'm **still wearing heavy boots**, and sometimes it helps to play a good beat (Foer, p. 6). – Как же мне сейчас не хватает моего тамбурина, потому что даже после всего у меня на сердце остались гири, а на нем сыграешь – и гири кажутся легче (Фоер, с. 16);

(18) ...And then I was all alone again, and I hadn't accomplished anything, and **my boots were the heaviest they'd ever been in my life** (Foer, p. 285). – ...В опять я оказался один, и ни к чему не приблизился, и таких тяжелых гирь у меня на сердце еще никогда не было (Фоер, с. 344).

Сильное эмоциональное потрясение выражается в романе посредством описания экспрессивных жестов, носящих зачастую метафорический и метафтонимический характер, речевого поведения или речевых стратегий персонажей, наиболее значимыми среди которых являются (у)молчание и отказ разговаривать на определенные темы, уклонение от ответа и ложь.

(19) He **hid his face in his hands** (Foer, p. 216). – Он уткнулся лицом в ладони (Фоер, с. 266);

(20) We rented a car, and it took us more than two hours to get there, even though it wasn't far away, because **Mom kept stopping to go to the bathroom and wash her face** (Foer, p. 114). – Мы взяли машину напрокат, но потратили на дорогу больше двух часов, хоть это и недалеко, потому что мама все время куда-нибудь сворачивала, чтобы умыться (Фоер, с. 155);

(21) She **grabbed my shoulders** and said, "What is it?" **The way she was holding me hurt my arms**, but I didn't show anything (Foer, p. 122). – Она схватила меня за плечи и сказала: «Что случилось?» Она меня здорово стиснула, даже плечам стало больно, но я не показал виду (Фоер, с. 163);

(22) I **hit the floor with my fists**. I wanted to **break my hands**, but when it hurt too much, I stopped (Foer, p. 282). – Я била кулаками в паркет. Хотела сломать себе руки, но когда стало совсем больно, остановилась (Фоер, с. 339);

(23) We **never talked about the past** (Foer, p. 90). – Мы никогда не говорили о прошлом (Фоер, с. 126);

(24) Also I've had to **tell a googolplex lies**, which doesn't make me feel good about myself... (Foer, p. 316). – Еще мне пришлось соврать гуголплекс раз, за что я себя не уважаю... (Фоер, с. 378).

В ситуациях обострения психологической боли, причиной которого становятся разные обстоятельства и люди, Оскар причиняет себе физическую боль – наставляет себе синяки (*to give a bruise*), чтобы «заглушить» (глубокие) душевные переживания. Выявлен факт обыгрывания значений существительного и глагола *bruise*: *bruise* используется в романе не только в прямом, или базовом, значении 'to injure by striking or pressing, without breaking the skin' ('нанести травму ударом или надавливанием, не разрывая кожу'), но и в переносном *bruise* – 'to hurt, especially psychologically' ('причинить психологическую боль'). Ср., например:

(25) If I'd been alone, I would have **given myself the biggest bruise** of my life. I **would have turned myself into one big bruise** (Foer, p. 368). – Будь я один, я бы себе поставил огромный синяк. Во все тело (Фоер, с. 439);

(26) I was so mad at myself for not noticing it before that I gave myself a little **bruise** (Foer, p. 59). – От злости, что не заметил его сразу, я наставил себе небольшой синяк (Фоер, с. 73);

(27) She said, "Your dad died?" I told her yes. I told her, "**I bruise easily**." (Foer, p. 67). – Она сказала: «У тебя умер папа?» Я сказал да. И добавил: «Я очень ранимый» (Фоер, с. 85).

Боль может передаваться с помощью синтаксических средств и приемов. Среди синтаксических новаций отметим предложения, длина которых (значительно) превосходит общепринятые стандарты за счет неправильного использования знаков препинания. Весьма показательной в этом отношении является глава *Why I'm not where you are 4/12/78 (Почему я не там, где ты 12/4/78)*, в которой дедушка Оскара рассказывает о пережитой им бомбардировке Дрездена, о своем тяжелом ранении и потере всех самых близких ему людей. Вспоминая все происходившее с ним в это страшное время, Томас Шелл – старший ставит между разными предложениями не точки, а запятые, тем самым усиливая эмоциональность высказывания, длина которого отражает, по сути, длительность заново переживаемой им общечеловеческой и личной катастрофы, передает представление об испытываемой им неослабевающей и до сих пор непрерывающейся боли. При этом сделанные пунктуационные ошибки получают специальное акцентирование на письме: они отмечены обводкой красного цвета. Такого рода нарушения пунктуации, сигнализирующие о психоэмоциональном расстройстве личности, и их особая выделенность, указывающая на их отрефлексированность, декодируются как формы проявления глубокой психологической травмы, которой нет срока давности (см. рис. 1).

Как уже указывалось, анализируемое произведение отличается многообразием используемых визуально-графических средств в раскрытии как ключевых, так и сопутствующих или субсидиарных тем и концептуальных линий. Продемонстрируем применение

ends of my arms. I remember losing my balance, I remember a single thought in my head: *Keep thinking*. (As long as I am thinking, I am alive, but at some point I stopped thinking, the next thing I remember is feeling terribly cold, I realized I was lying on the ground, the pain was complete, it let me know I hadn't died, I started moving my legs and arms, my movements must have been noticed by one of the soldiers that had been put into action all over the city, looking for survivors, I later learned that there had been more than 220 bodies taken from the foot of the bridge, and 4 came back to life, I was one of them. They loaded

Рис. 1. Фрагмент главы «Why I'm not where you are 4/12/78»

Fig. 1. The excerpt from the chapter *Why I'm not where you are 4/12/78*

данных средств для концептуализации боли на следующих примерах:

(28) ~~EXTREMELY DEPRESSED~~

INCREDIBLY ALONE (Foer, p. 207). –

~~ЖУТКО ПОДАВЛЕННО~~

ЗАПРЕДЕЛЬНО ОДИНОКО (Foer, с. 254);

(29) ~~HEAVY BOOTS~~

HEAVIER BOOTS (Foer, p. 164). –

~~ГИРИ НА СЕРДЦЕ~~

КУЧА ГИРЬ НА СЕРДЦЕ (Foer, с. 208);

(30) ...I broke my life down into letters, for love I pressed “5, 6, 8, 3,” for death, “3, 3, 2, 8, 4,” when the suffering is subtracted from the joy, what remains? (Foer, p. 331). – ...Я разобрал свою жизнь по буквам, для любви нажимал «5, 8, 2, 6, 8», для смерти – «7, 6, 3, 7, 8», если из радости вычтешь страдание, что остается? (Foer, с. 396);

(31) ... The man took my passport and asked me the purpose of my visit, I wrote in my daybook, “To mourn,” and then, “To ~~mourn~~ try to live,” <...> (Foer, p. 329). – ...Какой-то человек взял мой паспорт и спросил о цели моего визита, я написал в дневнике: «Скорбеть», а затем: «~~Скорбеть~~ попробовать жить» <...> (Foer, с. 394–395);

(32) The only thing in the whole kitchen was a photograph of an elephant on the wall next to the phone. <...> “It looks like the elephant in that photograph is crying.” <...> I got extremely close to the picture, and it was true. <...> She nodded and said, “Didn’t I read somewhere that elephants are the only other animals that bury their dead?” (Foer, с. 104–106). – Из фенечек во всей кухне была только фотка слона на стене рядом с телефоном. <...> «А кажется, что слон на этом фото плачет». <...> Я подошел жутко близко к фото – она была права. <...> Она кивнула и сказала: «Мне кажется, я где-то читала, что из всех животных слоны – единственные, кто хоронит своих мертвецов» (Foer, с. 143–146).

Примеры (28)–(32) представляют случаи интеграции таких языковых единиц, как percep-

тивные коллокации, конвенциональные и креативные метафоры, прямые номинации с рядом визуально-графических средств: зачеркиванием, капитализацией, заменой слов математическими знаками (цифрами), врезанием в художественной текст фотографии. Пример (32) является наиболее ярким, поскольку в текст врезается фотография (см. рис. 2).

Врезка делается в момент обсуждения Оскаром и Эбби Блэк вопроса о способности проявления людьми и животными чувства боли от потери членов своей семьи. Данная фотография вместе с вербальными средствами создает сложный образ, лежащий в основу полимодальной метафоры. Кроме того, крупный план вытекающей из глаза слона слезы представляет собой и визуальную (кинематографическую) метонимию боли. В целом созданные автором произведения полимодальные (или гетеросемиотические) новации позволяют многомерно и объемно представить переживания боли в анализируемом романе, усилить ее аксиологический план в процессе художественно-эстетической репрезентации.

Заключение

Предпринятое нами исследование направлено на осмысление роли сенсорно-перцептивной системы в лингвокреативной деятельности личности. В качестве частной научной задачи нами изучался вопрос о специфике концептуализации ноцицептивных (болевых) ощущений в художественном экспериментальном дискурсе.

Достижение конкретной задачи потребовало рассмотрения вопросов, касающихся

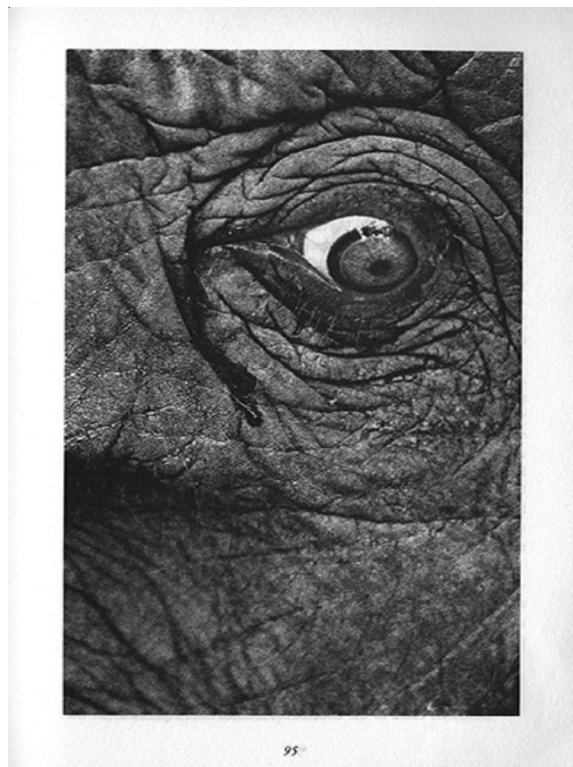

Рис. 2. Фотография из романа «Extremely Loud & Incredibly Close»

Fig. 2. The photo from the novel *Extremely Loud & Incredibly Close*

ся специфики развития научного знания в области исследования ноцицепции, проводимого в рамках многих наук (психологии, физиологии, философии, семиотики и т. д.), и особенностей изучения боли в лингвистике и в созданных на ее основе междисциплинарных направлениях. Выявленное разнообразие интерпретаций боли, фиксируемых в научной литературе и лексикографических источниках, свидетельствует о сложной природе данного феномена, не поддающегося строго формальным описаниям. Поэтому изучение феномена боли в лингвистике приобретает сегодня широкие масштабы и проводится с применением разного методологического инструментария. Полученные в настоящее время сведения убеждают в исключительной роли перцепции в целом и ноцицепции в частности в когнитивной деятельности человека и их значительном креативном потенциале при смыслопорождении, системном и дискурсивно обусловленном продуцировании различных языковых единиц и их функционировании. Одним из актуальных векторов изучения ноцицепции является ее воплощение в художественном дискурсе.

Для исследования процесса языковой концептуализации боли мы обратились к роману Дж.С. Фоеера «Extremely Loud & Incredibly Close» («Жутко громко & запредельно близко»), основу сюжета которого составили факты нескольких катастроф мирового значения (теракт в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., Вторая мировая война: бомбардировка Дрездена и ядерная бомбардировка Хиросимы). Среди главных его тем – трагическая судьба людей и перенесенная ими физическая и психологическая боль. С использованием метода дискурсивно-параметрического анализа лингвокреативности установлена зависимость активности определенных микропараметров лингвокреативности от таких макропараметров, как «время создания произведения», «подтип дискурса», «тематика / сюжет» и «основные персонажи». Наибольшей значимостью в языковой концептуализации боли в романе, представляющем художественный экспериментальный дискурс, характеризуются такие микропараметры лингвокреативности, как «лексический экспрессив и эмотив», «стилистический троп», «фразеологизм», «синтаксическая фигура», «параллельные конструкции», «неза-

висимая автосемантия», «синтагматическая новация», «синтаксическая ошибка», «модификация с буквами», «новация со знаками препинания», «новация с написанием (слитно, раздельно)», «графическое акцентирование», «графогибридизация» и «специфика локализации языковой единицы». В ходе исследования был установлен особый тип новаций – полимодальные новации, представляющие собой интегрирование равнозначимых языковых единиц и определенных элементов визуально-графического ряда.

В целом предпринятое исследование позволяет установить глубинные механизмы лингвокреативной деятельности личности, взаимосвязь перцептивных и когнитивных процессов в художественном творчестве, ориентированном на реализацию определенных прагматических задач и эстетических установок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040 «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке») в Институте языкознания РАН.

The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 19-18-00040 “Parametrization of linguistic creativity in discourse and language” and is carried out in the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

² Здесь и далее перевод с английского В. Арканова.

³ Отдельно отметим, что в романе главы не имеют нумерации. В рамках настоящей статьи номера глав вводятся не только для удобства анализа. Как показывает исследование, присвоение главам последовательных номеров выявляет факт того, что их очередность имеет особую значимость в композиционной организации романа и развертывании его сюжетной линии. Так, те главы, повествование в которых ведется от лица Оскара, даются через одну, а в каждой второй главе в роли повествователя выступает либо дедушка, либо бабушка Оскара. Такая очередность создает впечатлительное межпоколенное полилога (Оскар – дедушка – Оскар – бабушка – Оскар – дедушка – Оскар – бабушка и т. д.), позволяет детально представить точку зрения каждого из собеседников на события, касающиеся их семьи и происходящие в историческом контексте мировых катастроф, раскрыть глубину их эмоциональных переживаний и душевной связи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ананьев Б. Г., 1961. Теория ощущений. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 457 с.
- Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., 2007. Концептуализация боли в русском языке: типологическая перспектива // Труды международной конференции «Диалог-2007». М. : Изд-во РГГУ. С. 76–82.
- Бубнова И. А., Зыкова И. В., Красных В. В., Уфимцева Н. В., 2017. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М. : Гнозис. 392 с.
- Варзин А. В., 2021. БОЛЬ: слово, образ и концепт в речемыслительном пространстве Ф.М. Достоевского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 12, № 2. С. 436–453.
- Гак В. Г., 2016. Языковые преобразования : Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. М. : ЛИБРОКОМ. 408 с.
- Ионова С. В., 2019. Лингвистика эмоций – наука будущего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 1 (134). С. 124–131.
- Зыкова И. В., 2017. Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода // Бубнова И. А., Зыкова И. В., Красных В. В., Уфимцева Н. В. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / под ред. В. В. Красных. М. : Гнозис. С. 262–342.
- Зыкова И. В., 2021. Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов : Пределы и возможности : коллектив. моногр. / отв. ред. И. В. Зыкова. М. : Р. Валент. С. 100–189.
- Лингвокреативность в дискурсах разных типов : Пределы и возможности, 2021 : коллектив. моногр. / отв. ред. И. В. Зыкова. М. : Р. Валент. 564 с.
- Нагорная А. В., 2017. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : аналит. обзор / отв. ред. Э. Б. Яковлева. М. : ИНИОН РАН. 86 с.
- Силаев П. В., 2015. Особенности использования графических стилистических средств в художественных произведениях Дж.С. Фоера // Известия Смоленского государственного университета. № 2 (30). С. 116–127.
- Харченко В. К., 2012. Лингвосенсорика : Фундаментальные и прикладные аспекты. М. : ЛИБРОКОМ. 216 с.
- Шалагина О. В., 2021. Фотография как иллюстративный материал в репрезентации травматичес-

- кого опыта в романе Дж.С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 14, вып. 12. С. 3749–3753.
- Шаховский В. И., 2008. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис. 416 с.
- Шаховский В. И., 2016. Эмоции : Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М. : URSS. 128 с.
- Шиффман Х. Р., 2003. Ощущение и восприятие. Изд. 5-е. СПб. : Питер. 928 с.
- Шлейфер Р., 2015. Ужасающая фактуальность боли : Семиотика и возможность репрезентации чувственного опыта // Новое литературное обозрение. № 5 (135). С. 16–27.
- Borelli E., Crepaldi D., Porro C. A., Cacciari C., 2018. The Psycholinguistic and Affective Structure of Words Conveying Pain // PLoS ONE. Vol. 13, № 6. Art. e0199658. DOI: 10.1371/journal.pone.0199658
- Fishman A., 2022. The Picture Looks Like My Music Sounds: Directional Preferences in Synesthetic Metaphors in the Absence of Lexical Factors // Language and Cognition. Vol. 14, iss. 2. P. 208–227. DOI: <https://doi.org/10.1017/langcog.2022.2>
- Futerman L. Graphic and Photographic: Reading Photographs in Jonathan Safran Foer’s *Extremely Loud and Incredibly Close*. URL: https://www.academia.edu/16927262/Graphic_and_Photographic_Reading_Photos_in_Jonathan_Safran_Foers_Extremely_Loud_and_Incredibly_Close
- Gerlach N., 2011. Wearing Heavy Boots – Trauma in Jonathan Safran Foer’s “Extremely Loud and Incredibly Close”. Norderstedt : GRIN Verlag. 41 p.
- Halliday M. A., 1998. On the Grammar of Pain // Functions of Language. № 5.1. P. 1–32.
- Kövecses Z., 2000. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling. Cambridge : Cambridge University Press. 244 p.
- Lascaratou Ch., 2007. The Language of Pain. Expression or Description? Amsterdam : John Benjamins. 237 p.
- McLaren K., 2010. The Language of Emotions: What Your Feelings are Trying to Tell You. Toronto : Sounds True. 432 p.
- Pabst S., 2008. Pain, Trauma and the Need to Visualize: Intermediality in Jonathan Safran Foer’s “Extremely Loud and Incredibly Close” and W.G. Sebald’s “Austerlitz”. Norderstedt : GRIN Verl. 114 p.
- Poulton T., 2020. The Smells We Know and Love: Variation in Codability and Description Strategy // Language and Cognition. Vol. 12, iss. 3. P. 501–525. DOI: <https://doi.org/10.1017/langcog.2020.11>
- Rudy G., 2002. Mystical Language of Sensation in the Later Middle Ages. N. Y. ; L. : Routledge. 188 p.
- Semino E., 2013. Figurative Language, Creativity, and Multimodality in the Communication of Chronic Pain in Two Different Genres // Figurative Language, Genre and Register. Cambridge : Cambridge University Press. P. 267–304.
- Turk D. C., Rudy T. E., 1992. Cognitive Factors and Persistent Pain: A Glimpse into Pandora’s Box // Cognitive Therapy and Research. Vol. 16, № 2. P. 99–122.

ИСТОЧНИКИ

- Foer* – Foer J. S. *Extremely Loud & Incredibly Close*. СПб. : КАРО, 2020. 416 p.
- Фоер* – Фоер Дж. С. *Жутко громко & запредельно близко* : [пер. с англ. В. Арканова]. М. : Эксмо, 2022. 512 с.

СЛОВАРИ

- MAC* – Боль // Малый академический словарь. М. : Ин-т рус. яз. Акад. наук СССР, 1957–1984. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/3525/%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C>
- ТСО* – Боль // Толковый словарь Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/14262>
- ФЭС* – Боль // Философский энциклопедический словарь. 2010. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1868/%D0%91%D0%9E%D0%9B%D0%AC
- EP* – Encyclopedia of Perception / ed. by E. B. Goldstein. California : SAGE Publications, 2010. 1228 p.
- NODE* – The New Oxford Dictionary of English. Oxford ; N. Y. : The Oxford University Press, 1999. 2154 p.

REFERENCES

- Ananyev B.G., 1961. *Teoriya oshchushcheniy* [Theory of Sensations]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta. 457 p.
- Bonch-Osmolovskaya A.A., Rahilina E.V., Reznikova T.I., 2007. Kontseptualizatsiya boli v russkom yazyke: tipologicheskaya perspektiva [Conceptualization of Pain in Russian: Typological Perspective]. *Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog-2007»* [Proceedings of the International Conference “Dialogue-2007”]. Moscow, Izd-vo RGGU, pp. 76-82.

- Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnykh V.V., Ufimtseva N.V., 2017. *(Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokulturologiya: Novye nauki o cheloveke govoryashchem* [(Neo)Psycholinguistics and (Psycho)Linguoculturology: New Sciences About a Speaking Person]. Moscow, Gnosis Publ. 392 p.
- Varzin A.V., 2021. BOL: slovo, obraz i kontsept v rechemyslitelnom prostranstve F.M. Dostoevskogo [PAIN: Word, Image and Concept in the Dostoevskys Thought and Speech Space]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 12, no. 2, pp. 436-453.
- Gak V.G., 2016. *Yazykovye preobrazovaniya: Vidy yazykovykh preobrazovaniy. Faktory i sfery realizatsii yazykovykh preobrazovaniy* [Language Transformations: Types of Language Transformations. Factors and Spheres of Implementation of Language Transformations]. Moscow, LIBROKOM Publ. 408 p.
- Ionova S.V., 2019. Lingvistika emotsiy – nauka budushchego [Linguistics of Emotions – Science of the Future]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University], no. 1 (134), pp. 124-131.
- Zykova I.V., 2017. Pertsepsiya i frazeologicheskii znak v svete (psikho)lingvokulturologicheskogo podkhoda [Perception and Phraseological Sign in Light of the (Psycho)Linguoculturological Approach]. Bubnova I.A., Zykova I.V., Krasnykh V.V., Ufimtseva V.V. *(Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokulturologiya: Novye nauki o cheloveke govoryashchem* [(Neo)Psycholinguistics and (Psycho)Linguoculturology: New Sciences About a Speaking Person]. Moscow, Gnosis Publ., pp. 262-342.
- Zykova I.V., 2021. Lingvokreativnost v kinodiskurse [Linguistic Creativity in Film Discourse]. *Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektiv. monogr.* [Linguistic Creativity in Discourses of Different Types: Limits and Possibilities. Collective Monograph]. Moscow, R.Valent Publ., pp. 100-189.
- Zykova I.V., ed. *Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti: kollektiv. monogr.* [Linguistic Creativity in Discourses of Different Types: Limits and Possibilities. Collective Monograph], 2021. Moscow, R. Valent Publ. 564 p.
- Nagornaya A.V., 2017. *Lingvosensorika kak perspektivnoe napravlenie sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy: analit. obzor* [Linguosensory Studies as a Promising Direction of Modern Linguistic Research: Analyt. Review]. Moscow, INION RAN. 86 p.
- Silaev P.V., 2015. Osobennosti ispolzovaniya graficheskikh stilisticheskikh sredstv v khudozhestvennykh proizvedeniyakh Dzh.S. Foera [Features of the Use of Graphic Stylistic Means in the Works by J.S. Foer]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Smolensk State University], no. 2 (30), pp. 116-127.
- Kharchenko V.K., 2012. *Lingvosensorika: Fundamentalnye i prikladnye aspekty* [Linguosensory Studies: Fundamental and Applied Aspects]. Moscow, LIBROKOM Publ. 216p.
- Shalagina O.V., 2021. Fotografiya kak illyustrativnyy material v reprezentatsii travmaticheskogo opyta v romane Dzh.S. Foera «Zhutko gromko i zapredelno blizko» [Photography as an Illustrative Material in the Representation of Traumatic Experience in J.S. Foers Novel “Extremely Loud and Incredibly Close”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], vol. 14, iss. 12, pp. 3749-3753.
- Shakhovskiy V.I., 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnosis Publ. 416 p.
- Shakhovskiy V.I., 2016. *Emotsii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokulturologiya* [Emotions: Pre-linguistics, Linguistics, Linguoculturology]. Moscow, URSS Publ. 128 p.
- Shiffman H.R., 2003. *Oshchushchenie i vospriyatie* [Sensation and Perception]. Saint Petersburg, Piter Publ. 928 p.
- Schleifer R., 2015. Uzhasayushchaya faktualnost boli: Semiotika i vozmozhnost reprezentatsii chuvstvennogo opyta [The Terrible Facticity of Pain: Semiotics and the Possibility of Representing Sensate Experience]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], no. 5 (135), pp. 16-27.
- Borelli E., Crepaldi D., Porro C.A., Cacciari C., 2018. The Psycholinguistic and Affective Structure of Words Conveying Pain. *PLoS ONE*, vol. 13, no. 6. Art. e0199658. DOI: 10.1371/journal.pone.0199658
- Fishman A., 2022. The Picture Looks Like My Music Sounds: Directional Preferences in Synesthetic Metaphors in the Absence of Lexical Factors. *Language and Cognition*, vol. 14, iss. 2, pp. 208-227. DOI: <https://doi.org/10.1017/langcog.2022.2>
- Futerman L. *Graphic and Photographic: Reading Photographs in Jonathan Safran Foer's Extremely Loud and Incredibly Close*. URL:

- https://www.academia.edu/16927262/Graphic_and_Photographic_Reading_Photos_in_Jonathan_Safran_Foer's_Extremely_Loud_and_Incredibly_Close
- Gerlach N., 2011. *Wearing Heavy Boots – Trauma in Jonathan Safran Foer's "Extremely Loud and Incredibly Close"*. Norderstedt, GRIN Verlag. 41 p.
- Halliday M.A., 1998. On the Grammar of Pain. *Functions of Language*, no. 5.1, pp. 1-32.
- Kövecses Z., 2000. *Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling*. Cambridge, Cambridge University Press. 244 p.
- Lascaratou Ch., 2007. *The Language of Pain. Expression or Description?* Amsterdam, John Benjamins. 237 p.
- McLaren K., 2010. *The Language of Emotions: What Your Feelings are Trying to Tell You*. Toronto, Sounds True. 432 p.
- Pabst S., 2008. *Pain, Trauma and the Need to Visualize: Intermediality in Jonathan Safran Foer's "Extremely Loud and Incredibly Close" and W.G. Sebald's "Austerlitz"*. Norderstedt, GRIN Verl. 114 p.
- Poulton T., 2020. The Smells We Know and Love: Variation in Codability and Description Strategy. *Language and Cognition*, vol. 12, iss. 3, pp. 501-525. DOI: <https://doi.org/10.1017/langcog.2020.11>
- Rudy G., 2002. *Mystical Language of Sensation in the Later Middle Ages*. New York, London, Routledge. 188 p.
- Semino E., 2013. Figurative Language, Creativity, and Multimodality in the Communication of Chronic Pain in Two Different Genres. *Figurative Language, Genre and Register*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 267-304.
- Turk D.C., Rudy T.E., 1992. Cognitive Factors and Persistent Pain: A Glimpse into Pandora's Box. *Cognitive Therapy and Research*, vol. 16, no. 2, pp. 99-122.

SOURCES

- Foer J.S. *Extremely Loud & Incredibly Close*. Saint Petersburg, KARO Publ., 2020. 416 p.
- Foer Dzh.S.; Arkanov V., transl. *Zhutko gromko & zapredelno blizko* [Extremely Loud & Incredibly Close]. Moscow, Eksmo Publ, 2022. 512 p.

DICTIONARIES

- Bol [Pain]. *Malyy akademicheskij slovar* [Small Academic Dictionary]. Moscow, In-t rus. yaz. Akad. nauk SSSR, 1957–1984. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/mas/3525/%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C>
- Bol [Pain]. *Tolkovyy slovar Ozhegova* [Ozhegov's Explanatory Dictionary]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/14262>
- Bol [Pain]. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary], 2010. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1868/%D0%91%D0%9E%D0%9B%D0%AC
- Goldstein E.B., ed. *Encyclopedia of Perception*. California, SAGE Publications, 2010. 1228 p.
- The New Oxford Dictionary of English*. Oxford, New York, The Oxford University Press, 1999. 2154 p.

Information About the Author

Irina V. Zyкова, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Section of Theoretical Linguistics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovsky Lane, 1/1, 125009 Moscow, Russia, irina_zykova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0430-7769>

Информация об авторе

Ирина Владимировна Зыкова, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания, Институт языкознания РАН, пер. Большой Кисловский, 1/1, 125009 г. Москва, Россия, irina_zykova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0430-7769>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.7>

UDC 811.161.1'373.612.2
LBC 81.411.2-36

Submitted: 09.05.2022
Accepted: 28.11.2022

**RUSSIAN TACTILE METAPHOR IN TERMS OF EMOTIVENESS
(A STUDY OF THE LEXICO-PHRASEOLOGICAL FIELD *GLADIT'*)¹**

Elena A. Yurina

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Elena A. Shlotgauer

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the directions of the concept *Gladit'* (*Stroke*) metaphorisation in Russian that is presented in lexical and phraseological units with the initial motivating semantics of tactility. The cognitive model of the tactile metaphor is described in terms of figurative and emotional-and-evaluative interpretation of tactile impact and tactile perception processes. The theoretical basis of the research is grounded in the semasiological theory of language figurativeness, the linguistic theory of emotiveness, the cognitive theory of metaphor, and the propositional-frame analysis of the verb semantics. The methods of field modelling, component and contextual analysis of conceptual and connotative semantics, cognitive-pragmatic analysis of metaphorical representations of conceptual content are used. The analysis of the units, which constituent the lexico-phraseological field *Gladit'* (*Stroke*), represented by the tactile verbs as well as adjectives, nouns, and adverbs derived from them contributed to revealing the propositional-frame structure of the concept *Gladit'* (*Stroke*). Its elements are metaphorically mapped into the spheres of psychic, mental, speech, social, political, everyday mechanical, and physical processes. The language units that represent the metaphor of tactility are noted to express wide range of emotional assessments. The cognitive foundations of metaphorical projections are found to be based on the tactile impact of the tactile signal sender, and the emotional reaction of the subject who perceives it.

Key words: figurative language, cognitive metaphor, tactile interaction, concept *Gladit'* (*Stroke*), lexico-phraseological field.

Citation. Yurina E.A., Shlotgauer E.A. Russian Tactile Metaphor in Terms of Emotiveness (A Study of the Lexico-Phraseological Field *Gladit'*). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 81-96. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.7>

УДК 811.161.1'373.612.2
ББК 81.411.2-36

Дата поступления статьи: 09.05.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

**РУССКАЯ ТАКТИЛЬНАЯ МЕТАФОРА В АСПЕКТЕ ЭМОТИВНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ГЛАДИТЬ»)¹**

Елена Андреевна Юрина

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Елена Александровна Шлотгауэр

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье на материале лексических и фразеологических единиц с исходной мотивирующей семантикой тактильности охарактеризованы направления метафоризации концепта «Гладить» в русском языке.

ке. Когнитивная модель тактильной метафоры описана в аспекте образной и эмоционально-оценочной интерпретации процессов тактильного воздействия и тактильного восприятия. Теоретическую основу исследования составили семасиологическая теория языковой образности, лингвистическая теория эмотивности, когнитивная теория метафоры и пропозиционально-фреймовый анализ семантики глагола. Используются методы полевого моделирования, компонентного и контекстного анализа понятийной и коннотативной семантики, когнитивно-прагматического анализа метафорических репрезентаций концептуального содержания. В результате анализа единиц лексико-фразеологического поля «Гладить», представленного глаголами с семантикой тактильного воздействия, производными от них прилагательными, существительными и наречиями, определена пропозиционально-фреймовая структура концепта «Гладить», элементы которой метафорически проецируются в сферы психических, ментальных, речевых, социальных, политических, практически-деятельностных (механических, физических) процессов. Установлено, что языковые единицы, выражающие метафору тактильности, передают широкий спектр различных эмоциональных оценок обозначаемых явлений. К когнитивным основаниям метафорических проекций относятся характер тактильного воздействия со стороны отправителя тактильного сигнала и эмоциональная реакция субъекта, воспринимающего это воздействие.

Ключевые слова: образный язык, когнитивная метафора, тактильное взаимодействие, концепт «Гладить», лексико-фразеологическое поле.

Цитирование. Юрина Е. А., Шлотгауэр Е. А. Русская тактильная метафора в аспекте эмотивности (на материале лексико-фразеологического поля «Гладить») // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 81–96. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.7>

Введение

Одним из трендов современной когнитивной науки является теория воплощенного познания (*embodied cognition*), которая доказывает связь познавательных процессов человека с телесным опытом его взаимодействия с окружающим миром [Lakoff, Johnson, 1999]. Когнитивная теория метафоры (*cognitive / conceptual metaphor*) рассматривает первичный чувственный опыт в качестве когнитивной базы для концептуализации явлений более абстрактного порядка, а представления о внутреннем мире человека, социальных процессах и явлениях моделируются по аналогии с физическим опытом, полученным из разных каналов восприятия [Lakoff, Johnson, 1980; Gibbs, 1992; Glucksberg, 2001].

Вербализация чувственного опыта входит в поле изучения лингвосенсорики, исследующей лексикон различных модусов перцепции: слуха, зрения, обоняния, вкуса, осязания [Харченко, 2012; Нагорная, 2017]. Помимо номинаций перцептивного опыта в рамках лингвосенсорики рассматривается метафоризация различных видов чувственного восприятия: вкусового [Полякова, Юрина, 2020], обонятельного [Молодкина, 2010], слухового [Жантурина, 2010], зрительного [Чалей, 2018], тактильного [Брагина, Кузьмина, 2019].

Изучению метафоризации тактильных ощущений в русистике уделено значительно меньше внимания, чем метафоризации ощущений, полученных через остальные каналы восприятия действительности. На данный момент отсутствуют отдельные работы, посвященные комплексному исследованию метафорического переосмысления тактильных жестов (гладить, щекотать, щипать, толкать, царапать и т. п.). Лингвисты касаются вопросов метафоризации тактильного опыта при рассмотрении синестезии (то есть наряду с вопросами метафоризации опыта, полученного из других каналов восприятия), отмечая, что центральное место среди синестетических метафор занимают метафоры, восходящие к осязательным ощущениям [Телегин, Телегина, 2017; Стариченко, 2017; Мукина, 2018]. По мнению Л.В. Лаенко, этот факт доказывает эволюционную первичность осязания как вида перцепции [Лаенко, 2005].

Осязание является самым телесным из всех видов ощущений, поскольку при получении информации через тактильное взаимодействие человек находится в непосредственном контакте с окружающими его объектами действительности [Нагорная, 2017, с. 44]. Тактильный контакт обеспечивается через соприкосновение (физическое давление) объекта с кожей человека или иное воздействие на нее (вибрационное, температурное). Возникающее тактильное ощущение складывается из ощу-

щений, предоставляемых несколькими относительно независимыми сенсорными системами, рассеянными по всей коже, – тактильной механорецепцией, отвечающей за распознавание объектов и их характеристик на ощупь, терморепцепцией, системой восприятия боли и С-тактильной системой, реализующей эмоциональный аспект тактильного восприятия [Варламов и др., 2020, с. 82].

Некоторые исследователи [Лаенко, 2005] разграничивают осязание (или пассивное осязание) как восприятие, которое осуществляется через тактильные механорецепторы, то есть всю поверхность кожи, и тактильность (или активное осязание) как восприятие, которое осуществляется с участием рецепторов мышц (проприорецепторов), обеспечивающих движение рук, пальцев, реализующих тактильное воздействие. К осязанию относятся ощущения, полученные кожей от внешнего раздражителя, то есть тактильное восприятие, на основе которого осуществляется получение тактильного сигнала (*она нежно погладила меня по голове*). К тактильности – физическое прикосновение человека к объекту, то есть тактильное воздействие, коррелирующее с отправлением тактильного сигнала (*от радости я гладил дедушкины руки*).

Все прикосновения по объекту воздействия делятся: а) на направленные на себя; б) направленные на партнера по коммуникации. К первой группе относятся прикосновения, совершаемые в результате функциональных действий, а также действий, нацеленных на получение информации о тактильной характеристике объекта [Варламов и др., 2020, с. 85]. Ко второй группе относятся прикосновения, направленные на выражение внутреннего состояния человека и обеспечение коммуникации. Они получили название «тактильные жесты». Сообщение, которое передает субъект посредством тактильного жеста, является «тактильным коммуникативным сигналом» [Варламов и др., 2020, с. 82].

Характер отправления тактильного сигнала может передавать эмоциональное отношение адресанта, а сенсорное ощущение от тактильного воздействия вызывает определенную эмоциональную реакцию адресата, что свидетельствует о прямой связи перцептивного опыта с динамикой эмоционального со-

стояния человека. Отражение эмоций на языковом уровне исследуется лингвистикой эмоций, или эмогиологией [Шаховский, 2008; Ионов, 2019; Ларина, 2009; и др.].

Проблематика данной статьи непосредственно связана с исследованием метафорической интерпретации тактильного воздействия (тактильных жестов и коммуникативных сигналов) и тактильного восприятия (осозательных ощущений) средствами русского языка. Объектом анализа выступает система образных средств русского языка, репрезентирующих когнитивную метафору, источником которой является концепт «Гладить», связанный с тактильным воздействием на объект (*гладить* ‘доставлять приятные тактильные ощущения кому-л., обдувая теплым или прохладным воздухом’) и восприятием тактильных ощущений со стороны объекта и/или субъекта тактильного воздействия (*гладкий* ‘текущий легко, без затруднений, без нарушений привычных норм (о событиях жизни)’). Предметом исследования являются когнитивные модели, представленные в лексических и фразеологических номинациях с переносно-образной семантикой, которые демонстрируют один из случаев метафорической интерпретации исходной сферы тактильного чувственного опыта. В задачи исследования входит: 1) рассмотрение фреймовой структуры исходного концепта «Гладить»; 2) отбор образных лексических и фразеологических единиц русского языка, а также случаев их дискурсивного функционирования, репрезентирующих метафоризацию элементов (слов) рассматриваемой концептуальной структуры; 3) выявление аспектов и направлений метафоризации концепта «Гладить», представленных в системе образных средств русского языка; 4) определение процессов и явлений окружающего мира, которые образно переосмысливаются посредством данной тактильной метафоры; 5) описание эмоционально-оценочного содержания образных средств языка, транслирующих тактильную метафору.

Под тактильной метафорой в когнитивном аспекте понимается концептуальная модель осмысления различных явлений действительности по аналогии с осозательным опытом человека. Данная модель представляет собой разновидность более широкой перцеп-

тивной метафоры, основанной на проекциях чувственного опыта из различных модальностей восприятия (визуального, обонятельного, вкусового, тактильного). Языковыми репрезентантами тактильной метафоры выступают номинативные и дискурсивные единицы, обладающие образным иносказательным значением.

Материал и методы

Для решения поставленных задач из «Малого академического словаря» русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой (МАС) методом сплошной выборки были отобраны и проанализированы все слова, репрезентирующие концепт «Гладить» в их прямых значениях, а также рассмотрены метафорические значения этих слов устойчивого и контекстно обусловленного характера. По данным Национального корпуса русского языка были собраны контексты, репрезентирующие метафорическое функционирование номинаций рассматриваемого концепта, анализ которых позволил дополнительно выявить стабильно воспроизводимые языковые метафоры и фразеологизированные словосочетания, не отмеченные в словаре.

Материал исследования составили 112 единиц лексико-семантического поля, репрезентирующего процессуальный концепт «Гладить» (*гладить, пригладить, сгладиться, заглаживать, сглаживание, гладко, гладь* и т. д.) в его понятийном и образно-символическом планах содержания. Данное поле объединяет все языковые средства, демонстрирующие данный тактильный жест. Под тактильным жестом мы понимаем «коммуникативный знак, имеющий определенное означающее и означаемое, при этом форма жеста представляет собой движение человеческого тела или его части, имеющее основной целью физический контакт с партнером по коммуникации, частью собственного тела или другим объектом, а значение жеста зависит не только или не столько от воспринимаемой зрительной формы движения, но и от характера физического контакта» [Варламов и др., 2020, с. 84]. В число рассматриваемых языковых средств входит 34 единицы в прямых значениях и 78 единиц в переносно-образных

значениях, функционирующие в речевых произведениях (всего проанализировано 290 контекстов).

В исследовании реализуется образно-центрический подход, при котором рассматривается комплекс языковых средств репрезентации одного метафоризируемого концепта. По словам Н.А. Илюхиной, «естественной единицей метафорики в современной лингвистике признан концепт – как воспроизводимая говорящим и воспринимаемая реципиентом единица и как единица систематизированного лингвистического описания» [Илюхина, Долгова, Кириллова, 2016, с. 21]. Под концептом, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, мы понимаем «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин, 2007, с. 24].

Концепт «Гладить» в русском языке репрезентирован номинативным лексико-семантическим полем, которое насчитывает 34 языковые единицы. Центральным элементом – именем концепта и лексической доминантой поля – является глагол *гладить*, также в него входят префиксальные глаголы *погладить – поглаживать, пригладить – приглаживать, загладить – заглаживать, сгладить – сглаживать, изгладить – изглаживать*; возвратные глаголы *гладиться, погладиться – поглаживаться, пригладиться – приглаживаться, загладиться – заглаживаться, сгладиться – сглаживаться, изгладиться – изглаживаться*; отглагольные существительные *поглаживание, приглаживание, заглаживание, сглаживание, изглаживание*; прилагательные *гладкий, неизгладимый*; производные от них наречия *гладко, неизгладимо* и существительные *гладкость, неизгладимость* и *гладь*.

Система образных значений, присущих данным языковым единицам, формирует вторичное метафорическое поле, которое объединяет образную лексику и фразеологию на основании семантической близости мотивационно-образного содержания, отсылающего к концептам из сферы-источника. В состав образных средств включаются языковые и речевые метафоры, метафорические дериваты (собственно образные слова), устойчивые образные сравнения, идиомы, пословицы и поговорки.

Образное лексико-фразеологическое поле, мотивированное глаголом *гладить*, представляет собой полевою структуру, систематизированную по исходной области метафоризации – сфере тактильного взаимодействия, к которой относится концепт из сферы-источника «Гладить». Оно включает 63 языковые метафоры: *гладкий* ‘текущий легко, без затруднений, без нарушений привычных норм (о событиях жизни)’, *гладить* ‘доставлять приятные тактильные ощущения кому-л., обдувая теплым или прохладным воздухом’, *сгладить* ‘сделать менее ощутимым, менее резким и сильным’, *загладить* ‘исправить, искупить или смягчить последствия негативных воздействий’, *неизгладимый* ‘незабываемый’ и т. д.; 15 фразеологических единиц с учетом разных фразеологических значений: *взятки гладки* ‘невозможно призвать к ответственности’, *гладить по ушам* ‘говорить что-то приятное, мило разговаривать, преследуя корыстные интересы, желая задобрить, расположить к себе кого-л.’, *гладить по головке* ‘хвалить, одобрять, потакать, потворствовать чьим-л. поступкам’, *гладить по шерсти* ‘поступать или говорить в соответствии с чьим-л. желанием’, *гладить против шерсти* ‘говорить или делать кому-л. неприятное’, *гладить по самолюбию* ‘поощрять, хвалить’, *сгладить острые углы* ‘смягчить, сделать менее резким’, *изгладиться из памяти* ‘забыться’, *тишь да гладь (да божья благодать)* ‘о спокойной, безмятежной жизни’, *гладить глазами / взглядом* ‘ласково смотреть, выражая нежность, любовь, симпатию, расположение’, *гладить по душам* ‘умиротворять, успокаивать’, *гладить утюгом* (1) ‘оказывать сильное психологическое, идеологическое воздействие, убеждать, агитировать’ и (2) ‘созда-

вать трудности, суровые испытания’ – и авторское фразеологизированное словосочетание *гладить по голенищам*, используемое в значении ‘угодничать, демонстративно проявлять лояльность’. В контекстах также представлено окказиональное употребление устойчивых образных средств. Например, идиома *гладить против шёрстки / шерсти* встречается в двух значениях: 1) ‘о перемещении судна по воде против течения’ – *Между тем вороненое крыло Онеги вздрогнуло, как-то странно накренилось и стало голубо-пепельным, рябым, словно само гладило воду против шерсти, рябым, словно поклеванным дождинками* (Озеров Л. Онежская быль); 2) ‘о солнце, освещающем и согревающим покрытую растительностью поверхность земли’ – *Солнце гладило землю против шерсти – и земля вздымалась травами, лесами, ветрами, землетрясениями и северными сияниями* (Платонов А. П. Эфирный тракт).

По мнению В.И. Шаховского, на базе метафорического переноса может формироваться эмоциональный аспект значения [Шаховский, 2008, с. 116], что наглядно демонстрируют языковые единицы с исходной семантикой тактильности. Так, жест эмоционального одобрения, закрепленный в образном выражении *гладить по головке* ‘хвалить, одобрять, потакать, потворствовать чьим-л. поступкам’, метафорически выражает идею положительного эмоционального отношения в целом. Весь комплекс положительно-оценочной коннотации метафоры *гладкий (гладкая речь, жизнь течёт гладко* и т. п.) связан с эмоцией одобрения. Таким образом, тактильный опыт человека может лежать в основе языковой репрезентации эмоционального опыта, поскольку сенсорные ощущения от тактильных воздействий непосредственно влияют на эмоциональное состояние человека; ср.: *гладить по шерсти (+) – гладить против шерсти (-)*.

Концепт «Гладить» является процессуальным по своему содержанию, поэтому его когнитивная структура представляет собой фрейм, отражающий прототипическую ситуацию, включающую само физическое действие, субъект его совершающий, объект, на который оно направлено, а также прочих участников и обстоятельства реализации этого

процесса (инструмент, поверхность и т. п.). Описание концептуальной структуры процесса осуществляется посредством пропозиционально-фреймового анализа, разработанного и представленного в работах, посвященных исследованию глагольной семантики [Бабушкин, 1996; Кубрякова, 1992; Лебедева, 1999; Филлмор, 1988]. Метафоризация процесса с представлением концептуальной модели области-источника в виде пропозиционально-фреймовой структуры была ранее рассмотрена Е.А. Юриной [Юрина, 2018] и Н.А. Живаго [Живаго, 2017] на примере глаголов обработки и приготовления пищи.

По определению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, фрейм – это «мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт, объемное представление, некоторая совокупность стандартных знаний о предмете или явлении» [Попова, Стернин, 2007, с. 84]. Фрейм, имея иерархическую структуру, демонстрирует модель типовой ситуации посредством субфреймов и совокупности слотов, представляющих типовые компоненты этой ситуации [Красных, 2002, с. 165]. А.П. Чудинов определяет слоты как «элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации» [Чудинов, 2001, с. 46].

Анализ эмотивного содержания тактильной метафоры опирается на исследования, в которых категория эмотивности интерпретируется с учетом экстралингвистических и лингвистических факторов (см., например: [Ларина, 2009; Телия, 1986; Шаховский, 2008]), и включает в себя коммуникативно-прагматический анализ ситуации выражения эмоций, выявление способов вербализации эмоций говорящим (лексических, синтаксических, графических и пр.), определение эмотивного экстенционала и интенционала языковой единицы.

Результаты и обсуждение

В толковых словарях фиксируются два неметафорических значения глагола *гладить*: 1. (сов. *выгладить*). Делать гладким, проводя горячим утюгом, утюжить; 2. (сов. *погладить*). Проводить ладонью, пальцами и т. п., приглаживая что-л. || Ласкать, легко проводя рукой (МАС). При этом у второго значения

отмечается семантический оттенок, связанный с эмоциональным жестом проявления ласки, заботы, утешения, одобрения. Данный оттенок значения составляет эмотивный импликационал понятия, который может быть выражен суждением ‘мне нравится делать это движение, я оцениваю это взаимодействие как положительное, поскольку предполагаю, что адресат также получает удовольствие от этого движения’.

В фокусе метафоры тактильности находится прежде всего содержание второго словарного значения, которое непосредственно связано с тактильным воздействием и составляет понятийное ядро концепта «Гладить». Пропозициональная структура данного фрейма включает такие слоты, как субъект (агенса), объект (пациенса), инструмент (рабочий орган), локализация (место соприкосновения и перемещения инструмента), цель тактильного воздействия и качество тактильных ощущений.

Пропозициональным ядром фрейма является тактильное воздействие, при котором одушевленный субъект (агенса) проводит ладонью или пальцами руки (инструмент) по поверхности (локус) объекта (пациенса) с определенным намерением (цель воздействия). Логический анализ содержания глагола *гладить* с учетом варьирования определенных слотов базового фрейма позволяет выделить три субфрейма, соответствующие лексико-семантическим вариантам данной глагольной лексемы, которые задействованы в метафоризации исходной концептуальной структуры.

Первый субфрейм представляет прототипическую ситуацию, в которой реализуется функциональный жест, нацеленный на трансформацию изначально неровной поверхности в ровную и гладкую, а инструментом воздействия выступает ладонь или пальцы воздействующего субъекта. Тактильные ощущения при этом испытывает сам субъект тактильного воздействия и его объект в том случае, если это одушевленное лицо (*пригладить волосы на голове, разгладить одежду на теле*). Этому субфрейму соответствует лексико-семантический вариант глагола *гладить* в значении ‘проводить ладонью, пальцами, рукой, приглаживая что-л.’:

(1) Катерина Петровна открыла глаза и сухой рукой начала судорожно **гладить** одеяло (Паустовский К. Г. Телеграмма).

Второй субфрейм описывает ситуацию, в которой реализуется коммуникативный тактильный жест нежности, одобрения, утешения, нацеленный на чувственное и эмоциональное воздействие на одушевленный объект (человека или животное) путем поглаживания и передачи приятных тактильных ощущений, которые испытывают как субъект, так объект воздействия. Этому субфрейму соответствует значение ‘ласкать кого-л., легко проводя рукой по телу’:

(2) Анна Николаевна протягивает руку и как-то неловко **гладит** Андрея по макушке (Дурненков В. Мир молится за меня).

Третий субфрейм представляет трудовой процесс глажения утюгом одежды, тканей и может быть рассмотрен как частный (специализированный) случай первого субфрейма. Инструментом здесь выступает утюг, объектом – одежда, ткань, а целеполагание связано со стремлением сделать поверхность ровной, гладкой. В этой ситуации ни субъект, ни объект не испытывают тактильных ощущений. Этой пропозиции соответствует первое словарное значение, которое в нашей логике мы будем рассматривать как третий лексико-семантический вариант глагольной лексемы *гладить* ‘разглаживать поверхность чего-л. при помощи утюга’:

(3) Только сапоги чистить, да одежду **гладить**, да пыль с френчика стирать (Смирнов П. Д. Проповеди).

Субфреймы, составляющие структуру концепта «Гладить», представлены в таблице.

Анализ образных единиц, репрезентирующих концепт «Гладить» как область-источник метафоризации, показал, что все три субфрейма, а также составляющие их слоты подвергаются метафоризации и отображаются в когнитивной структуре метафорически обозначаемых ситуаций.

Первый субфрейм, отражающий функциональное действие по разглаживанию поверхности, проецируется в сферы: 1) психологического взаимодействия людей (*загладить вину, загладить трещину в отношениях, загладить размолвки, загладить угрызения совести, пригладить имеющиеся разногласия, обиды загладились*); 2) взаимоотношений участников социальных, политических, экономических процессов (*загладить неудачу рыбака, загладить свои проступки, загладить нанесённый ущерб; загладить то зло, которое мы сделали, заглаживать нелепый прокол, сгладить нелепость ситуации, инцидент загладился, следы бедствия загладились, сгладились после гражданской войны следы разрухи и лишений, мутная гладь общественной и культурной жизни, эксперимент проходит не гладко, внедрение ЕГЭ прошло гладко*); 3) речевой и интеллектуальной деятельности (*загладить грубость, напрасные слова, невольное хамство, загладить суровое молчание своего внука, гладь текста, говорил гладко, заглаженная речь, сгладить ухабы записанных предложений*); 4) явлений общественной жизни (*загладить пережитые тяжёлые годы, загладить свое немецкое происхождение*); 5) внешнего вида, состояния здоровья (*оспа оставила неизгладимые следы на лице, неизгладимые морщины, неизгладимое обезображивание лиц*);

Фреймовая структура концепта «Гладить»

Concept *Gladit'* (*Stroke*) frame structure

Слот	Субфрейм		
	1. Проводить ладонью, пальцами, приглаживая что-л.	2. Ласкать кого-л., легко проводя рукой по телу	3. Разглаживать утюгом поверхность чего-л.
Субъект	человек	человек	человек
Инструмент	рука – ладонь / пальцы	рука – ладонь / пальцы	рука – утюг
Действие	плавное перемещение	плавное перемещение	плавное перемещение
Локализация	имеющая неровности поверхность	часть тела адресата	имеющая неровности поверхность
Объект	предмет / человек / животное	человек / животное	одежда, ткань
Цель	сделать поверхность ровной, гладкой	доставить приятные ощущения, положительные эмоции	сделать поверхность ровной, гладкой

б) ментальной сферы (*неизгладимые рубцы в мышлении, неизгладимый след в размышлениях, неизгладимый отпечаток на психике, на сознании людей, неизгладимое воздействие на сознание, неизгладимый из памяти образ, событие не изгладится из памяти, не загладится в памяти день*).

Например, ситуация урегулирования конфликтных отношений метафорически моделируется как стремление активного субъекта (агенса) *загладить* либо свою вину перед тем, кто на него обижен, либо наладить отношения между конфликтующими сторонами – *сгладить* конфликт. Действиями, словами, поведением субъект выражает сочувствие, сожаление, доброе расположение, ласковое отношение к адресату / адресатам:

(4) Ей всегда удавалось *сглаживать* и шероховатости в отношениях отца с Арнольдом Григорьевичем – их жесткие полемики она умела свести к шутке (Кио И. Э. Иллюзии без иллюзий).

Субъектом и объектом действия является человек, инструментом – слова, жесты и мимика человека, локализация представляется как тактильное воздействие на «поврежденную поверхность» взаимоотношений. Неприятные последствия конфликта, тягостная атмосфера осмысливаются как деструкция и повреждения на поверхности (*шероховатости, углы, «камни преткновения»*), нарушающие *гладкость* межличностных отношений. Цель данного воздействия – устранение этих изъянов, их выравнивание, *сглаживание* для приведения отношений в гармоничное состояние, а сами психологически комфортные отношения мыслятся как ровная, *гладкая* поверхность:

(5) Отношения должны быть строго безопасными, комфортными, *гладкими* и строиться под наблюдением психотерапевтов с двух сторон (Cosmopolitan).

Сглаживание последствий конфликтных ситуаций, мыслимых как нечто острое (острота, углы), происходит также между коллективными субъектами социальных, политических отношений:

(6) Многолетние притеснения старообрядцев со стороны правительства и официальной церкви, компромиссы со Святейшим Синодом, в том

числе и появление Единоверческой церкви, с годами *сгладили* остроту противостояния (Колмогоров А. Г. Мне доставшееся : Семейные хроники Надежды Лухмановой).

Субъектами тактильного жеста могут быть не только люди, но и результаты их деятельности (*компромисс, договорённости*).

Слоты первого фрейма проецируются также на ситуацию устранения неприятных эмоциональных ощущений, оставшихся в памяти человека в результате травмирующих жизненных ситуаций. Субъект, испытывая вину, сожаление, стремится *сгладить* последствия своих ошибок, недостатков, поведения, которое было негативно оценено партнером по коммуникации (7), или *сгладить*, смягчить, исправить неблагоприятные обстоятельства, в которых оказался сам субъект (8):

(7) Я махала ей рукой и улыбалась, пытаюсь *сгладить* свою утреннюю дерьмовость, а когда автобус отъехал, опустила глаза на конверт (Коф С. В Иерусалиме секса нет // Волга);

(8) Пермяков постарается *сгладить* конфликт с жизнью (Кутенков Б. Элегия и романс // Волга. 2014).

В примере (7) субъектом и объектом является человек, цель субъекта совпадает с ситуацией, в которой он стремится загладить вину, поскольку человек считает свои действия причиной сложившейся негативной атмосферы, которая влияет на взаимоотношения. Своими действиями, словами, мимикой, являющимися инструментом, субъект старается исправить оказанное негативное впечатление, которое мыслится как неровность на *гладкой* поверхности гармоничных отношений.

В сознании человека *гладкими* мыслятся также поверхность кожи человека и его здоровье. Различного рода физические дефекты, последствия тяжелых болезней нарушают эту гладкость (*неизгладимые шрамы, неизгладимые следы оспы, неизгладимые следы тяжёлой болезни*).

В ситуации исправления неблагоприятных обстоятельств, минимизации негативных последствий субъектом является, как правило, человек или животное:

(9) Оказалось, что самки амадины Гульда, вынужденные взять в мужья самца с «неправильным» цветом головы, производят на свет четверо

больше сыновей, чем дочерей. Это позволяет им **сгладить** последствия неудачного замужества (Марков А., Наймарк Е. Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий).

Различные действия субъекта по устранению последствий сложившейся жизненной ситуации представляются как инструмент, локализация мыслится как тактильное воздействие на поверхность *гладкого* течения событий, поврежденную затруднениями, жизненными перипетиями. Целью воздействия является приведение поверхности в насколько это возможно гладкое, ровное, плавное состояние, которым представляются действия, жизнь, идущая по плану легко, без осложнений:

(10) На пограничной заставе все прошло **гладко**, точила лишь одна мысль: «Мы уезжаем – а они, наши новые друзья, остаются...» (Беллендир С. Уфа – Луганск. Дорога дружбы // Бельские просторы).

В метафорических конструкциях в качестве субъектов тактильных жестов, помимо человека, представлены явления, благотворно влияющие на жизнь и эмоциональное состояние человека (*фортуна, как будто желая **загладить** пережитые Губертом тяжёлые годы, повернулась к нему лицом; покой загладил остатки досады*).

Еще одной ситуацией, на которую проецируется данный фрейм, является улучшение коммуникативных качеств устных и письменных высказываний. Воздействующий субъект, заметив нарушения норм построения текста или речи, стремится его исправить – *сгладить* ошибки, неточности, недостатки:

(11) Там правитель канцелярии **погладит** шероховатости, вставит надлежащие статьи законов, помаслит, округлит – смотришь, ан «вверенный край» и проглотил! (Салтыков-Щедрин М. Е. Письма к тетеньке);

(12) Там достаточно материала, даже после **приглаживания** нашей цензурой ([Комментарий] // v1.ru).

Субъектом выступает человек (автор, редактор, цензор), объектом – текстовое или речевое пространство (текст, очерки, переводы, речь, мысли). Недостатки или неудобная информация мыслятся как изъяны, шероховатости, нарушающие *гладкость*, целостность текста:

(13) Формальная **гладкость** речи Павла – признак подозрительный, ибо свидетельствует об его опустошенности или о необходимости ему сохранить себе свою тайну (Флоренский П. А. Имена).

Целью является воздействие на «поврежденную поверхность» текста, приведение его в *гладкое*, ровное состояние:

(14) Именно там, где начинали проступать первые признаки разъедающей чинное повествование эрозии и **гладь** текста подергивалась рябью безумия, и происходило самое интересное... (Шикера Сергей. Стень // Волга).

Этот же субфрейм проецируется в социальную сферу на ситуацию приведения чего-либо к количественному или качественному единообразию, нивелировки различий:

(15) Ипотека сможет **сгладить** перекосы и уменьшить закредитованность населения (Яковенко Д. Банкиры и дзен // Эксперт).

Субъектом и объектом выступают явления из различных сфер жизни общества (*сезонно **сглаженная** динамика импорта, единая одежда **сгладит** социальное неравенство, голод **сгладил** сословные различия*). Цель совершаемого действия – выравнивание различий, разнящихся показателей, которые в метафорической картине мира мыслятся как неровности на *гладкой* поверхности.

Проекция данного субфрейма в ментальную сферу связана с образным выражением процесса избавления от воспоминаний, нарушающих «*гладкую* поверхность» памяти. При этом события могут быть как негативные (16), так и позитивные (17):

(16) Но, хотя мое горе никогда не **изгладится из памяти**, душа каждый раз холодеет от ужаса, когда я приступаю к рассказу о нем (Лурье С. Поступки, побуждения, слова // Звезда);

(17) Долго не **загладится в памяти** жителей Вашингтона день 15 сентября. Это был день не только тепла и солнца, это был день торжественной встречи Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева (Иванов Б. Америка рукоплещет высокому гостю. Мир шагает за океан // Огонек).

Эмоционально значимое и остро воспринимаемое событие образно мыслится как нарушение ровной поверхности – отпечаток, след, повреждение (*оставил **неизгладимый***

след в памяти, произвела на него неизгладимое впечатление, неизгладимая рана), а превращение события в незначимое для человека концептуализируется как его *сглаживание*.

Таким образом, метафорическое переосмысление первого субфрейма представлено следующими когнитивными моделями:

1. Устранение ошибок, конфликтных взаимоотношений, неблагоприятных ситуаций – это разглаживание поверхности; спокойная жизнь имеет «гладкую поверхность».

2. Ослабление физической и душевной боли, избавление от негативных воспоминаний – это разглаживание поверхности; психологический комфорт имеет «гладкую поверхность».

3. Устранение физических изъянов – это разглаживание поверхности; здоровое тело имеет «гладкую поверхность».

4. Устранение ошибок в тексте – это разглаживание поверхности; красивая речь, стилистически правильный текст имеет «гладкую поверхность».

5. Устранение существенных различий в общественной жизни, социально-экономических показателях – это разглаживание поверхности; справедливое, гармоничное общество имеет «гладкую поверхность».

Второй субфрейм представляет коммуникативный тактильный жест ласкового прикосновения к адресату с целью доставить ему приятные ощущения, передать собственное положительное эмоциональное отношение, повлиять на его эмоциональное состояние (успокоить, выразить поддержку и одобрение). Данный субфрейм метафорически проецируется на явления следующих концептуальных областей: 1) природные стихии и природные объекты (*ветер гладит колени / голову / лицо / глаза / щёки, воздух гладит лицо / ноздри, дождик гладит лицо, бриз гладит по щекам, ветер гладил вершину горы, волны ласково гладили валуны, лучи гладили поверхность моря, ветер приглаживает траву, солнце гладило землю против шерсти*); 2) физическое перемещение предмета по поверхности (*гладит валенком асфальт, гладит ладонями пол в поисках очков, погладить тампоном маленький участок на большой темной доске*); 3) эмоционально-

психологическое воздействие на адресата словами, поведением (*гладить по самолюбию, гладить по голенищам, погладить по голловке, гладить по/против шерсти*); 4) ментально-речевое воздействие на адресата (*гладить по ушам*).

В рамках второго субфрейма проекции осуществляются преимущественно в сферу межличностных отношений. При этом тактильный жест, несущий коммуникативный сигнал ласки и утешения (*гладить по головке, по шерсти / шерстке, по самолюбию*), образно характеризует различные ситуации выражения одобрения, похвалы, социальной поддержки, положительной оценки действий адресата. Жест ласки и заботы ассоциируется с поощрением:

(18) Когда ты стремишься наверх, никто не будет подсаживать и **гладить по головке**. Если все выдержал – хорошо. Если сломался, никто не пожалеет (Шубин А. Путь к благополучию).

Субъектом и объектом эмоционального воздействия остается человек, инструментом выступают ласковые слова, жесты, мимика человека. Эмоциональная поддержка образно мыслится как жест поглаживания. Ситуация сглаживания проблем, создания комфортных условий передается идиомой *гладить по шерсти*:

(19) Но пусть никто не заблуждается: советская власть умеет **гладить** не только **по шерсти** (Львов А. Двор).

В данном случае объектом прототипической ситуации, соответствующей второму субфрейму, является домашнее животное, таким образом реализуется зооморфная метафора. Обратная ситуация критики, осуждения, совершения поступков, неприятных человеку, идущих наперекор его мнению, образно осмысливается как дискомфортное поглаживающее движение против шерсти животного:

(20) Товарища Ермасова? Не хотели **гладить против шерсти**? А придется! Придется высказаться, товарищ Уманский... (Трифонов Ю. Утоление жажды).

Слоты рассматриваемого субфрейма проецируются в ментально-речевую сферу. Идиома *гладить по ушам* передает ситуа-

цию навязчивых и заискивающих разговоров через образ ласкающего тактильного жеста:

(21) А я подхожу, слышу: Ваня **по ушам** кого-то **гладит**. Вот это да, думаю, кого это он привел? (Карапузов Д. Моя дорогая Клаудия Шлиффер).

В качестве инструмента тактильного воздействия мыслятся приятные слова, которыми субъект старается расположить к себе собеседника, создавая благоприятную эмоциональную обстановку.

При метафорическом сдвиге представления о тактильном контакте могут переноситься на зрительную модальность восприятия – о ласке свидетельствует взгляд, выражение лица:

(22) И она опять почувствовала к нему нежность и, ничего не отвечая, только улыбнулась, точно **погладила** его **глазами** (Проскурин П. Черные птицы).

В данном контексте взгляд человека выступает в роли инструмента, а плавность движения и выразительность глаз осмысливаются как ласкающее движение руки. В качестве объекта в метафорических контекстах выступают различные части тела человека (**гладила** *взглядом плечи*) или предметы (**гладит**, *любовно разглядывает запертую дверь*).

Тактильный жест поглаживания активно задействован в образной характеристике взаимодействия человека с природой. Различные природные стихии и явления (холод, ветер, воздух, свет, бриз, вода) в метафорической модели обозначаемой ситуации занимают позицию субъекта тактильного воздействия, посредством чего реализуется в тексте прием олицетворения:

(23) Через опущенные окна врывается солёно-присушенный ветер и мягко **гладит** лицо (Пашкевич А. Сим победиши).

Не только природные стихии, но и различные объекты (капли, листья деревьев и т. д.) при мягком прикосновении к телу человека ассоциируются с ласковым тактильным жестом:

(24) Капли **гладили** лицо и катились за воротник (Силаев А. Подлое сердце родины).

В метафорическом переосмыслении природные явления (лучи, ветер, волны) воздействуют не только на человека, но и на неживые объекты (горы, валуны, поверхность моря):

(25) Оранжевые закатные лучи, пройдя наискось через облака, **гладили** поверхность моря (Тюгаева Елена. Ворота в мир // Волга).

Слоты второго субфрейма также проецируются на ситуацию соприкосновения неодушевленных предметов с поверхностью материальных объектов:

(26) Дворник замолчал, несколько раз **погладил** метлой тротуар, забрызгал грязью сапоги и брюки Евсею, остановился и заметил... (Горький М. Жизнь ненужного человека).

Механическое действие, не связанное с тактильным взаимодействием, образно осмысливается как тактильный контакт руки человека с поверхностью объекта (**погладить** *тампоном кусок доски, гладить* *валенком асфальт*).

Ироничное эвфемистическое использование глагола *гладить* наблюдается при метафорической проекции второго субфрейма на ситуацию нанесения ударов (**гладить** *плетью любопытных*). В метафорическом переосмыслении глагол *гладить* обозначает действие противоположное своему исходному значению:

(27) Отец хлопнул его по мягким частям и сказал:

– Вот по этим самым местам раньше ремешком **гладили** в подобных случаях (Макаренко А. С. Книга для родителей).

Тактильный жест ласкового поглаживания образно характеризует в русском языке следующие процессы и явления:

1. Выражать одобрение, поддержку, похвалу, добрые чувства словами, действиями, мимикой, взглядом – это ласково гладить, гладить по шерсти.

2. Выражать осуждение, критиковать, говорить или делать неприятное – это гладить против шерсти.

3. Выражать лесть, демонстрировать услужливость, угодливость – это ласково гладить.

4. Плавно проводить каким-л. предметом по поверхности – это ласково гладить.

5. Доставлять приятные тактильные ощущения, обдувая воздухом, согревая солнцем или омывая водой (о явлениях природы), – это ласково гладить.

6. Наносить удары по телу человека – это «гладить» (ирон.).

Третий субфрейм, передающий ситуацию разглаживания одежды утюгом, метафорически проецируется в сферу общественной жизни на ситуацию информационного манипулирования общественным сознанием, эмоционально-психологического давления. Объектом выступает мышление человека:

(28) Тяжелым утюгом глядят и гладят костромичам мозги: возлюби родную серость, перестань слышать слово! (Леонович В. Продолжение диалога // Дружба народов).

Воздействие тяжелым и горячим утюгом ассоциируется с влиянием пропаганды на мышление и психику человека. Подобный образ использован в поэтическом тексте для метафорического изображения суровых жизненных испытаний:

(29) Нас гладит Бог железным утюгом / Он любит нас с ожогами на коже (Рогов О. Г. Очерки русской неподцензурной поэзии второй половины XX века // Волга).

Третий субфрейм представлен следующими когнитивными моделями:

1. Манипулировать общественным сознанием – это гладить утюгом.
2. Подвергать суровым испытаниям – это гладить утюгом.

Заключение

Тактильный опыт взаимодействия человека с окружающим миром лежит в основе метафорического переосмысления различных аспектов человеческой жизни. Все участники и этапы рассматриваемого процесса, выявленные посредством пропозиционально-фреймового анализа, метафорически интерпретируются при осмыслении и образном означивании психологического взаимодействия людей, взаимоотношений участников социальной, политической, экономической, общественной жизни; ментальной, речевой и интеллектуальной деятельности, физических действий и природных явлений.

Когнитивными основаниями метафорических проекций являются, во-первых, направленность тактильного воздействия на выравнивание поверхности предмета (*гладить* в значении ‘разглаживать неровности’), во-вторых, положительное эмоциональное ощущение от ласкового поглаживания (*гладить* в значении ‘ласкать, нежно проводя рукой’). В первом случае в фокусе метафоризации находится ситуация тактильного воздействия, аксиологически маркированная как «гладкий, ровный – это хорошо», а «шероховатый, неровный – это плохо». Во втором случае в фокусе метафоризации находится ситуация тактильного восприятия, в соответствии с которой оценочная оппозиция представлена как «нежный, приятный – это хорошо», а «болезненный, неприятный – это плохо».

На основании проведенного анализа, демонстрирующего направления и аспекты метафорической интерпретации тактильного жеста *гладить*, а также тактильных ощущений от этого воздействия, можно определить типовые образные аналогии, проявленные в метафорических номинациях и свойственные русской языковой картине мира: 1) гладкая поверхность объекта выступает эталоном гармонии и правильности, в то время как неровность и шероховатость ассоциируется с ошибками и затруднения, которые нужно *разгладить* или *сгладить*, чтобы придать объекту былую безупречность; 2) приятные тактильные ощущения от поглаживающих прикосновений ассоциируются с приятными эмоциональными впечатлениями от ласковых слов, одобряющих жестов и взглядов; 3) приятные тактильные ощущения от поглаживающих прикосновений ассоциируются с нежным тактильным и температурным воздействием со стороны природных стихий и объектов; 4) с поглаживанием ассоциируются плавные механические движения предмета по поверхности; 5) приятный тактильный жест поглаживания иронически переосмысливается как нанесение побоев.

Созидательная семантика глагола *гладить*, выражающего положительный эффект воздействия на объект (выравнивание деструкций и доставление приятных ощущений), обуславливает количественное преобладание образных контекстов с положительной оценочной коннотацией (93 %). Однако в метафори-

ческом переосмыслении рассматриваемый глагол и производные от него могут обозначать также действия деструктивного характера (7 %). Метафоризация тактильного воздействия и восприятия находит выражение в семантике языковых метафор и фразеологических единиц, которые, по данным корпусного исследования, активно употребляются в современном дискурсе.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ, соглашение № 075-15-2022-1139, проект «Тактильная дефензивность и способы ее преодоления: влияние тактильных контактов на психоэмоциональное и социальное развитие человека».

The study was supported with a grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, agreement No. 075-15-2022-1139, project “Tactile Defensiveness and Ways to Overcome It: The Impact of Tactile Contacts on the Psychoemotional and Social Development of a Person”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабушкин А. П., 1996. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 104 с.
- Брагина Н. Г., Кузьмина А. Н., 2019. Тактильные метафоры и их функционирование в современном русском языке // Русская речь. № 5. С. 7–21. DOI: 10.31857/S013161170005688-5
- Варламов А. А., Кравченко А. Н., Горбачева А. В., Осадчий М. А., 2020. Язык прикосновений: биологические аспекты тактильного восприятия и особенности тактильных коммуникативных сигналов // Вопросы языкознания. № 2. С. 75–92. DOI: 10.31857/S0373658X0008857-1
- Жантурина Б. Н., 2010. Перцептивные метафоры звука // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология и искусствознание». Вып. 44, № 17 (198). С. 12–16.
- Живаго Н. А., 2017. Метафоризация образов тепловой обработки пищи в русском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 10 (187). С. 32–38. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-32-38
- Илюхина Н. А., Долгова И. А., Кириллова Н. О., 2016. Метафора и системность: семасиологический и когнитивный аспекты. Самара : Самар. ун-т. 188 с.
- Ионова С. В., 2019. Лингвистика эмоций – наука будущего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 1 (134). С. 124–131.
- Красных В. В., 2002. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис. 284 с.
- Кубрякова Е. С., 1992. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка : Модели действия. М. : Наука. С. 84–90.
- Лаенко Л. В. 2005. Перцептивный признак как объект номинации : дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж. 465 с.
- Ларина Т. В., 2009. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Яз. слав. культур. 512 с.
- Лебедева Н. Б., 1999. Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск : Изд-во Том. ун-та. 262 с.
- Молодкина Ю. Н., 2010. Синестетическая метафора запаха (корпусное исследование) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск. 21 с.
- Мукина О. Г., 2018. Феномен синестезии как стилеобразующий элемент поэтического текста // Язык и мышление : Психологические и лингвистические аспекты : материалы XVIII Международ. науч. конф. (Орехово-Зуево, 16–18 мая 2018 г.) / отв. ред. А. В. Пузырёв. М. : Ин-т языкознания РАН ; Орехово-Зуево : Гос. гуманит.-технол. ун-т : Психол. ин-т Рос. акад. образования. С. 134–136.
- Нагорная А. В., 2017. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований : аналит. обзор. М. : ИНИОН РАН. 86 с.
- Полякова А. А., Юрина Е. А., 2020. Метафоризация вкусовых признаков в русском языке и картине мира // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 2 (208). С. 76–84. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-2-76-84
- Попова З. Д., Стернин И. А., 2007. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад. 314 с.
- Скляревская Г. Н., 2004. Метафора в системе языка. СПб. : Филол. фак. СПбГУ. 166 с.
- Стариченко Н. С., 2017. Сенсорные характеристики вина как объект синестетической метафоры в интернет-пространстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 4. С. 35–43. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-35-43
- Телегин Л. А., Телегина Д. А., 2017. Синестезия прилагательных с перцептивными признаками «мягкий» и «жесткий» в русском, англ.

- лийском и французском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 6. С. 95–105. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-6-95-1057
- Телия В. Н., 1986. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / отв. ред. А. А. Уфимцева. М. : Наука. 141 с.
- Филлмор Ч., 1988. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс. С. 52–92.
- Харченко В. К., 2012. Лингвосенсорика : Фундаментальные и прикладные аспекты. М. : Либроком. 216 с.
- Чалей О. В., 2018. Метафорические модели зрение → вкус // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков : сб. ст. по материалам межвуз. студ. науч.-практ. конф. (Москва, 5–6 февр. 2018 г.). М. : [б. и.]. С. 24–28.
- Чудинов А. П., 2001. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 238 с.
- Шаховский В. И., 2008. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис. 416 с.
- Юрина Е. А., 2018. Концептуальная метафора поглощения жидкости в пищевом коде русской лингвокультуры // Русистика. Т. 16, № 4. С. 428–450. DOI: 10.22363/2618-8163-2018-16-4-428-450
- Gibbs R., 1992. Categorization and Metaphor Understanding // Psychological Review. Vol. 99, no. 3. P. 572–575.
- Glucksberg S., 2001. Understanding Figurative Language – From Metaphors to Idioms. N.Y. : Oxford University Press. 144 p.
- Lakoff G., Johnson M., 1999. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. N.Y. : Basic Books. 640 p.
- Lakoff G., Johnson M., 1980. Metaphors We Live By. Chicago : The University of Chicago Press. 256 p.

ИСТОЧНИК

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

СЛОВАРЬ

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. Т. 1 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд. стер. М. : Рус. яз., 1999. 698 с.

REFERENCES

- Babushkin A.P., 1996. *Tipy kontseptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka* [Types of Concepts in the Lexico-Phraseological Semantics of the Language]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. gos. un-ta. 104 p.
- Bragina N.G., Kuzmina A.N., 2019. Taktilnye metafory i ikh funktsionirovanie v sovremennom russkom yazyke [Tactile Metaphors and Their Functioning in Modern Russian]. *Russkaya rech* [Russian Speech], no. 5, pp. 7-21. DOI: 10.31857/S013161170005688-5
- Varlamov A.A., Kravchenko A.N., Gorbacheva A.V., Osadchiy M.A., 2020. Yazyk prikosnoveniy: biologicheskie aspekty taktilnogo vospriyatiya i osobennosti taktilnykh kommunikativnykh signalov [Language of Touch: Biological Aspects of Social Touch Perception and the System of Tactile Communicative Signals]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 75-92. DOI: 10.31857/S0373658X0008857-1
- Zhanturina B.N., 2010. Perceptivnye metafory zvuka [Perceptual Metaphors of Sound]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya i iskusstvovedenie»* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology and Art Criticism], iss. 44, no. 17 (198), pp. 12-16.
- Zhivago N.A., 2017. Metaforizatsiya obrazov teplovy obrabotki pishchi v russkom yazyke [Metaphorization of Thermal Processing Images in Russian Language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 10 (187), pp. 32-38. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-32-38
- Ilyukhina N.A., Dolgova I.A., Kirillova N.O., 2016. *Metafora i sistemnost: semasiologicheskii i kognitivnyy aspekty* [Metaphor and Systemicity: Semasiological and Cognitive Aspects]. Samara, Samar. un-t. 188 p.
- Ionova S.V., 2019. Lingvistika emotsiy – nauka budushchego [Linguistics of Emotions as Study of the Future]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of Volgograd State Pedagogical University], no. 1 (134), pp. 124-131.
- Krasnykh V.V., 2002. *Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiya* [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ. 284 p.
- Kubryakova E.S., 1992. Glagoly deystviya cherez ikh kognitivnye kharakteristiki [Action Verbs Through Their Cognitive Characteristics].

- Logicheskiy analiz yazyka: Modeli deystviya* [Logical Language Analysis. Action Models]. Moscow, Nauka Publ., pp. 84-90.
- Laenko L.V. 2005. *Pertseptivniy priznak kak obyekt nominatsii: dis. ... d-ra filol. nauk* [Perceptual Attribute as an Object of Nomination. Dr. philol. sci. diss.]. Voronezh. 465 p.
- Larina T.V., 2009 *Kategoriya vzhlivosti i stil kommunikatsii: sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokulturnykh traditsiy* [Category of Politeness and Style of Communication: Comparison of English and Russian Linguistic and Cultural Traditions]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 512 p.
- Lebedeva N.B. 1999. *Polisituativnost glagolnoy semantiki (na materiale russkikh prefiksnykh glagolov)* [Polysituational Verbal Semantics (Based on Russian Prefixed Verbs)]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta. 262 p.
- Molodkina Yu.N., 2010. *Sinesteticheskaya metafora zapakha (korpusnoe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Sinesthetic Smell Metaphor (Case Study). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Kursk. 21 p.
- Mukina O.G., 2018. Fenomen sinestezii kak stileobrazuyushchiy element poeticheskogo teksta [The Phenomenon of Synesthesia as a Style-Forming Element of a Poetic Text]. Puzyrev A.V., ed. *Yazyk i myshlenie: Psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty: materialy XVIII Mezhdunar. nauch. konf. (Orehovo-Zuevo, 16–18 maya 2018 g.)* [Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects. Proceedings of the 18th International Scientific Conf. (Orehovo-Zuevo, May 16–18, 2018)]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN; Orekhovo-Zuevo, Gos. gumanit.-tehnol. un-t, Psikhol. in-t Ros. akad. obrazovaniya, pp. 134-136.
- Nagornaya A.V., 2017. *Lingvosensorika kak perspektivnoe napravlenie sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy: analit. obzor* [Sensory Linguistics as a Promising Area of Modern Linguistic Research. Analytical Review]. Moscow, INION RAN. 86 p.
- Polyakova A.A., Yurina E.A., 2020. Metaforizatsiya vkusovykh priznakov v russkom yazyke i kartine mira [Metaphorization of Taste Characteristics in the Russian Language and the Picture of the World]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], iss. 2 (208), pp. 76-84. DOI:10.23951/1609-624X-2020-2-76-84
- Popova Z.D., Sternin I.A., 2007. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, AST Publ., Vostok-Zapad Publ. 314 p.
- Sklyarevskaya G.N, 2004. *Metafora v sisteme yazyka* [The Metaphor in the System of Language]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU. 166 p.
- Starichenko N.S., 2017. *Sensornye kharakteristiki vina kak obyekt sinesteticheskoy metafory v internet-prostranstve* [Sensory Characteristics of Wine as a Subject of Synesthetic Metaphor in the Internet]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 4, pp. 35-43. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-35-43
- Telegin L.A., Telegina D.A., 2017. *Sinesteziya prilagatelnykh s pertseptivnymi priznakami «myagkiy» i «zhestkiy» v russkom, angliyskom i frantsuzskom yazykakh* [Synaesthetic Meanings of the Adjectives with Perceptual Features “Soft” and “Hard” in Russian, English and French]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 6, pp. 95-105. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-6-95-105
- Teliya V.N., 1986. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units]. Moscow, Nauka Publ. 141 p.
- Fillmor Ch., 1988. *Freymy i semantika ponimaniya* [Frames and the Semantics of Understanding]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 23. Kognitivnye aspekty yazyka* [New in Foreign Linguistics. Vol. 23. Cognitive Aspects of the Language]. Moscow, Progress Publ., pp. 52-92.
- Kharchenko V.K., 2012. *Lingvosensorika: Fundamentalnye i prikladnye aspekty* [Linguosensorics: Fundamental and Applied Aspects]. Moscow, Librokom Publ. 216 p.
- Chaley O.V., 2018. *Metaforicheskie modeli zrenie → vkus* [Metaphorical Models of Vision → Taste]. *Aktualnye problemy obshchey teorii yazyka, perevoda, mezhkulturnoy kommunikatsii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: sb. st. po materialam mezhvuz. stud. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 5–6 fevr. 2018 g.)* [Current Issues of the General Theory of Language, Translation, Intercultural Communication, and Methods of Teaching Foreign Languages. Collection of Articles on the Proceedings of the Interuniversity Student Scientific and Practical Conference (Moscow, February 5–6, 2018)]. Moscow, s.n., pp. 24-28.
- Chudinov A.P., 2001. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000)* [Russia in a

- Metaphorical Mirror. Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000)]. Yekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t. 238 p.
- Shakhovskiy V.I., 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis Publ. 416 p.
- Yurina E.A., 2018. Kontseptualnaya metafora pogloshcheniya zhidkosti v pishchevom kode russkoy lingvokultury [Liquid Intake Conceptual Metaphor in Russian Cultural and Linguistic Gastronomic Code]. *Rusistika* [Russian Language Studies], vol. 16, no. 4, pp. 428–450. DOI: 10.22363/2618-8163-2018-16-4-428-450
- Gibbs R., 1992. Categorization and Metaphor Understanding. *Psychological Review*, vol. 99, no. 3, pp. 572–575.
- Glucksberg S., 2001. *Understanding Figurative Language – From Metaphors to Idioms*. New York, Oxford University Press. 144 p.
- Lakoff G., Johnson M., 1999. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought*. New York, Basic Books. 640 p.
- Lakoff G., Johnson M., 1980. *Metaphors We Live By*. Chicago, The University of Chicago Press. 256 p.

SOURCE

Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

DICTIONARY

Evgeneva A.P., ed. *Slovar russkogo yazyka. V 4 t. T. 1* [Dictionary of the Russian Language. In 4 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1999. 698 p.

Information About the Authors

Elena A. Yurina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia; Professor, Department of the Russian Language, National Research Tomsk State University, Prosp. Lenina, 36, 634050 Tomsk, Russia, yourina2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1552-1488>

Elena A. Shlotgauer, Postgraduate Student, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia, elenashlotgauer@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9979-3108>

Информация об авторах

Елена Андреевна Юрина, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия; профессор кафедры русского языка, Национальный исследовательский Томский государственный университет, просп. Ленина, 36, 634050 г. Томск, Россия, yourina2007@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1552-1488>

Елена Александровна Шлотгауэр, аспирант кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, elenashlotgauer@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9979-3108>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.8>

UDC 81'367:159.942
LBC 81.053.6

Submitted: 29.08.2022
Accepted: 05.12.2022

NATURMORPHIC IMAGES IN SLAVIC AND TURKIC EMOTIVE PHRASEOLOGY: PARALLELS AND CONTRASTS

Larisa A. Kiseleva

Samara National Research University, Samara, Russia

Abstract. The article is devoted to a comparative study of the naturmorphic images underlying the internal form of emotive phraseological units in Slavic and Turkic languages (Russian, Bulgarian, Polish, Czech, Tatar). These images are noted to correlate with the corresponding code of culture, which assumes a figurative interpretation of the realia of the world with consideration of knowledge about both living and inanimate nature. The revealed images of animals, birds, insects, plants, natural objects and phenomena, elements constitute a well-arranged system, the components of which are analyzed in terms of both frequency and universality/ethnospecificity. These images are actualized when describing a wide range of emotions (joy, sadness, love, resentment, shame, excitement, etc.), but most of them relate to negative states, primarily fear and anger. The most productive are zoomorphic images, as well as images of natural objects, phenomena and elements (such as the sky, thunder, fire, water, etc.), which often reveal universality due to external factors. The inner form of many emotive phraseological units is based on the metonymic principle, according to which emotions are described by referring to their bodily symptoms (chills, tears, facial expressions, etc.). The universality and ethnospecificity of images are proved to have linguistic and extralinguistic reasons.

Key words: phraseology, Slavic languages, Turkic languages, cultural code, naturmorphic code, emotivity.

Citation. Kiseleva L.A. Naturmorphic Images in Slavic and Turkic Emotive Phraseology: Parallels and Contrasts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 97-107. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.8>

УДК 81'367:159.942
ББК 81.053.6

Дата поступления статьи: 29.08.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

НАТУРМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ В СЛАВЯНСКОЙ И ТЮРКСКОЙ ЭМОТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: ПАРАЛЛЕЛИ И КОНТРАСТЫ

Лариса Айратовна Киселева

Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, г. Самара, Россия

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному исследованию натурморфных образов, лежащих в основе внутренней формы эмотивных фразеологизмов в славянских (русском, болгарском, польском, чешском) и тюркском (татарском) языках. Показано, что эти образы соотносятся с соответствующим кодом культуры, который отражает образную интерпретацию реалий мира сквозь призму знаний как о живой, так и о неживой природе. Выделенные образы животных, птиц, насекомых, растений, природных объектов и явлений, стихий составляют упорядоченную систему, элементы которой охарактеризованы в аспектах частотности реализации и универсальности / этноспецифичности содержания. Установлено, что во всех исследуемых языках натурморфные образы актуализируются при описании широкого диапазона эмоций (радости, печали, любви, обиды, стыда, волнения и т. д.); большинство из них связано с отрицательными состояниями, прежде всего страхом и гневом. В качестве наиболее продуктивных зафиксированы зооморфные образы, образы природных объектов, явлений и стихий, которые нередко обнаруживают универсальность. Опре-

делено, что в основе внутренней формы многих эмотивных фразеологизмов лежит метонимический принцип, в соответствии с которым эмоции описываются посредством отсылки к их телесным симптомам (озноб, слезы, мимические выражения и т. д.). Причины универсальности / этноспецифичности образов имеют языковой и неязыковой характер.

Ключевые слова: фразеология, славянские языки, тюркские языки, культурный код, натурморфный код, эмотивность.

Цитирование. Киселева Л. А. Натурморфные образы в славянской и тюркской эмотивной фразеологии: параллели и контрасты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 97–107. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.8>

Введение

Важнейшей задачей контрастивных исследований в области фразеологии является определение универсальных и этноспецифических особенностей образной семантики устойчивых оборотов, прежде всего установление сходств и различий их внутренней формы. Именно образность представляет собой один из главных критериев для сопоставления фразеологических систем разных языков, поскольку она присуща большинству устойчивых оборотов и формирует ядро их экспрессивного значения (см., например: [Мокиенко, 1980, с. 123]). Сопоставительное исследование образной основы фразеологических единиц (далее – ФЕ) в двух и более языках предполагает установление закономерностей отражения тех или иных кодов культуры (антропоморфного, предметного, числового и т. д.) во внутренней форме данных оборотов. Такой анализ, как мы уже отмечали, позволяет не только выявить наиболее значимые реалии культуры определенного этноса, но и охарактеризовать особенности их языковой интерпретации сквозь призму доминирующих образов, установить степень их универсальности / этноспецифичности в разных языках, описать закономерности трансляции образно-коннотативной семантики ФЕ в иноязычную / инокультурную среду и т. д. [Киселева, 2018]. На наш взгляд, доминирующие образы, лежащие в основе внутренней формы ФЕ того или иного языка / языков, составляют строгую, упорядоченную систему, за которой стоят стереотипы, связанные с осмыслением тех или иных предметов и явлений мира носителями разных языков. Эти стереотипы регулярно воспроизводятся в образной семантике ряда ФЕ, за счет чего приобретают статус символов, определенных «ключей» для декодирования

имплицитной неязыковой информации. Их углубленный анализ возможен также в проекции на фразеологическую картину мира, для которой характерно доминирование образно-экспрессивного компонента, обуславливающего номинацию реалий путем отсылки к тем жизненным ситуациям, установкам и т. д., которые имеют особую значимость для представителей того или иного этноса. Именно поэтому в рамках сопоставительной лингвистики востребованы исследования базовых фразеологических концептов, наиболее ярко отражающих специфику мировосприятия носителей разных языков, их ценностные приоритеты, психологические установки и т. д. Фразеологический концепт является «минимальной единицей, возникающей в процессе формирования концептуального содержания» [Золотых, 2008, с. 19]. В рамках сопоставительного подхода возникает возможность по-новому осмыслить те проблемы, которые ранее ставились традиционной лингвистикой. Одна из таких проблем – определение степени семантической эквивалентности ФЕ, обозначающих аналогичные реалии в разных языках. В частности, с позиций сопоставительной лингвокультурологии исследователи рассматривают эквивалентность ФЕ на уровне не только денотативной, но и образно-коннотативной семантики, в связи с чем обращают особое внимание на совпадения и различия внутренней формы ФЕ в разных языках, прежде всего генетически и типологически далеких.

Материал и методы исследования

Данная работа посвящена анализу эмотивных фразеологических единиц славянских (русского, болгарского, польского, чешского) и тюркского (татарского) языков, отражающих во внутренней форме натурморфный код куль-

туры. Фактический материал извлечен нами методом сплошной выборки из фразеологических словарей указанных языков, по мере необходимости привлекались также данные толковых словарей (см. список словарей). Всего нами проанализировано около 200 единиц (примерно по 40 единиц в каждом из указанных языков). Обращение к материалу названных славянских и тюркского языков представляет большой интерес по той причине, что они, с одной стороны, имеют определенные типологические различия, а с другой – обнаруживают генетические либо функциональные связи (как, например, русский и татарский языки, носители которых на протяжении многих столетий проживают на одной территории и активно контактируют друг с другом).

При анализе фактического материала нами использовался ряд взаимосвязанных методов: 1) методы контрастивной лингвистики (в том числе установление межъязыковых фразеологических соответствий); 2) методы лингвистической семантики (установление степени семантической эквивалентности анализируемых единиц); 3) методы сопоставительной лингвокультурологии (выявление сходств и различий натурморфных образов, связанных с ответствующим кодом культуры).

Результаты и обсуждение

В лингвистике предлагаются разные дефиниции понятия «культурный код» [Бразговская, 2019; Гудков, Ковшова, 2007; Красных, 2001; и др.], однако во всех дефинициях содержится указание на то, что данный код является носителем культурного смысла, имеющего этноспецифический характер. Перечень культурных кодов также по-разному определяется лингвистами в зависимости от целей и эмпирической базы исследования. В числе культурных кодов часто выделяют натурморфный, при этом соответствующий термин не имеет однозначного толкования. Так, некоторые авторы в качестве примера реализации натурморфной метафоры рассматривают фразеологизмы, в образной форме описывающие такие природные феномены, как стихии (вода, огонь, воздух, земля), небесные тела (солнце, луна и др.) и т. д. [Кондратьева, 2012]. По мнению других исследователей, на-

турморфный код является родовым по отношению к зооморфному и вегетативному кодам, то есть репрезентируется посредством языковых (прежде всего фразеологических) единиц, внутренняя форма которых отсылает к коллективным знаниям о представителях флоры и фауны (см., например: [Скорнякова, 2010, с. 23–25]). В этом случае синонимом термина «натурморфный» можно считать используемый В.В. Красных термин «биоморфный» [Красных, 2001, с. 14]. В данной работе мы предлагаем более широкое понимание термина «натурморфный код», имея в виду, что он связан с образной интерпретацией реалий мира сквозь призму знаний как о живой, так и о неживой природе. В этом случае по отношению к его частным реализациям может быть употреблен термин «субкод», например: «зооморфный субкод», «орнитологический субкод», «фитонимический субкод» и т. п.

Поскольку внутренняя форма анализируемых эмотивных фразеологизмов в славянских и тюркском языках основана на параллелях с окружающим природным миром, то это, вероятно, указывает на возникновение данных единиц в ранние периоды исторического развития. Как считают исследователи, для мифопоэтического мировоззрения космологического периода (дородовой эпохи) характерно отсутствие четких границ между субъектом и объектом, человеком и природой, в какой-то мере даже отождествление того и другого (см., например: [Топоров, 1982, с. 13]). По тонкому наблюдению Г. и Г.А. Франкфуртов, «для современного человека мир явлений есть в первую очередь “Оно”, для древнего – а также для примитивного человека – он есть “Ты”. <...> Это не означает (как часто думают), что первобытный человек для объяснения природных явлений наделяет неодушевленный мир человеческими характеристиками. Для первобытного человека неодушевленного мира попросту не существует» (цит. по: [Новик, 1994, с. 114–115]). В этом утверждении содержатся важные для лингвиста смыслы, благодаря которым мы отчасти можем объяснить образные параллели в области фразеологии разных языков. В наибольшей степени образные ресурсы языка оказываются задействованы при описании «внутреннего человека», особенно его эмоциональной

сферы, что представляется вполне закономерным: чувства и переживания отличаются максимальной степенью субъективности, которая затрудняет их адекватную регистрацию и описание. Язык же «конструирует» внутренний мир человека за счет определенных образных моделей, многие из которых являются регулярными и продуктивными как в одном, так и в нескольких языках. Подтвердим данные положения с опорой на материал названных выше языков.

Так, яркая внутренняя форма отличает ФЕ, которые интерпретируют эмоциональные явления путем их ассоциации со свойствами и признаками различных реалий природного (шире – органического) мира (буквальный перевод с болгарского, польского, чешского и татарского наш. – Л. К.):

а) животных: рус. *дуться / надуться как (будто, словно, точно) мышь на крупу* ‘прост. ирон. кто-л. очень сильно обижен и выражает недовольство своим видом’, *сердце дрожит (трепещет) как (будто, словно, точно) овечий (заячий) хвост* ‘прост. шутил. кто-л. испытывает страх, робость и т. п.’, *поджать хвост* ‘прост. презр. испугавшись последствий своих действий, поступков, становится осмотрительным, осторожным’, *кошки скребут на душе* у кого ‘разг. экспрес. кому-л. очень грустно, тоскливо, тревожно’, *смотреть волком (зверем)* ‘разг. предосуд. выказывать своим неприветливым видом неприязнь, враждебное, недружелюбное отношение к кому-либо’, *телячий восторг* ‘ирон. слишком бурный или беспричинный, бессмысленный восторг’, *как собака палку* ‘прост. ирон. очень сильно (не любить, не хотеть)’, *краснеть / покраснеть как рак* ‘о человеке, у которого от сильного волнения, смущения и т. п. прилила к лицу кровь’ и др.; болг. *гълтвам (лапвам) въдицата* ‘влюбляться по уши в кого-л.’ (букв. ‘проглатывать удочку’), *заешки сърце* ‘заячья душа’ (букв. ‘заячье сердце’), *животински страх* ‘животный страх’ и др.; пол. *nudzić się jak tops* ‘разг. невыносимо (ужасно) скучать’ (букв. ‘скучать как мопс’), *drzeć kota* ‘быть не в ладах, жить как кошка с собакой’ (букв. ‘драть кошек (котов)’), *stanąć komuś kością (ością) w gardle* ‘стать (встать) поперек горла кому-л.’ (букв. ‘стать костью (рыбной) в горле у кого-л.’) и

др.; чеш. *žere ho to* ‘это терзает его’ (букв. ‘это [животное] ест его’), *nasaditi (komu) hada* ‘причинить кому-л. беспокойство; растревожить кого-л.’ (букв. ‘подложить кому-л. змею’), *býti (s kým) na štíru* ‘быть с кем-л. на ножах’ (букв. ‘быть с кем-л. на скорпионе’), *býti jako pijavka* ‘пристать как банный лист’ (букв. ‘быть как пиявка’) и др.; тат. *бүре булып уласаң да* ‘хоть волком вой’, *куян йөрәк (жәң)* ‘трус’ (букв. ‘заячье сердце (душа)'), *койрыкны бот арасына кыстыру* ‘поджать хвост’ (букв. ‘зажать хвост между ногами’), *атка менгәндәй булу* ‘прыгать от радости’ (букв. ‘как будто на лошадь залезть’) и др.;

б) птиц: рус. *дразнить гусей* ‘ирон. вызывать гнев, раздражать’, *летать на крыльях* ‘экспрес. быть в приподнятом, восторженном настроении’ и др.; пол. *piąć z radości (ze szczęścia, z zachwytu)* ‘шумно восторгаться (радоваться)’ (букв. ‘петь [как петух] от радости (счастья, восторга)'), *nadął się jak sowa* ‘надулся как мышь на крупу’ (букв. ‘надулся как сова’), *złościć się jak indyk* ‘злиться’ (букв. ‘злиться как индюк’), *rozwścieczony kogut (indyk)* ‘разъяренный петух (индюк)’ и др.; чеш. *být červený jako krocan* ‘злиться’ (букв. ‘красный как индюк’), *vztekat se jako krocan* ‘злиться’ (букв. ‘злиться как индюк’), *je červený jako kohout* ‘покраснеть от злости’ (букв. ‘красный как петух’) и др.; тат. *канатланып йөрү* ‘ходить окрыленным, воодушевленным’, *канатланып китү* ‘неожиданно окрылиться, воодушевиться’, *алтын кош тоткан кебек булу* ‘сиять от счастья’ (букв. ‘словно поймать золотую птицу’) и др.;

в) насекомых: рус. *мурашки бегают / побежали / забежали (ползут / ползают / поползли) по коже (по спине, по телу)* ‘разг. ощущается озноб от сильного страха, волнения, ужаса’, *ровно (как, будто, словно, точно) муху проглотил* ‘прост. о том, кто недоволен, имеет расстроенный, кислый вид’, *мухи дохнут (мрут)* ‘прост. презрит. невыносимо скучно’; болг. *досадна муха* ‘разг. назойливый человек’ (букв. ‘досадная муха’), *ходя като муха без глава* ‘ходить как в воду опущенный’ (букв. ‘ходить как муха без головы’); тат. *аркадан кырмыскалар (тараканнар) йөри* ‘мурашки бегают по спине’ (букв. ‘мурашки (тараканы) бегают по спине’) и т. д.;

г) растений: рус. *хуже горькой редьки* 'разг. презр. 1. Что-л. или кто-л. невыносимы, нетерпимы. 2. Невыносимо, очень сильно (надоест)', *дрожать как <осиновый> лист* 'разг. экспрес. испытывать чувство страха (ощущая мелкую дрожь в теле)', *хоть трава не расти* 'разг. экспрес. кто-л. совершенно равнодушен, безразличен к кому-л. или к чему-л.' и др.; болг. *чувствувам се в небрано лозе* 'разг. чувствовать себя не в своей тарелке' (букв. 'чувствовать себя в необранном винограднике'), *седя като на тръни* 'сидеть как на иголках (угольях)' (букв. 'сидеть как на колючках (шипях)'), *вършея тръне на главата* на някого 'изводить, донимать кого-л.' (букв. 'молотить колючки (шпы) на голове у кого-л.');

пол. *przyczepić się (uczepić się) jak rzep (do) psiego ogona* 'пристать как банный лист' (букв. 'прицепиться (уцепиться) как репей к собачьему хвосту'), *mieć z kimś na pieńku* 'быть с кем-л. не в ладах, иметь зуб на кого-л.' (букв. 'быть с кем-л. на пеньке'); чеш. *to je mile jako osina v oku* 'ирон. это приятно, как заноза в глазу' (букв. 'это приятно, как ость в глазу'), *mnohú hořký lupínek snísti* 'хлебнуть горя' (букв. 'съесть горький листок'), *kousnouti do kyselého jablka* 'разг. испытать неприятность; начать неприятное дело' (букв. 'откусить кислое яблоко'), *trásti se jako osika* 'дрожать как осиновый лист'; тат. *киндер маен сыгу* 'лить слезы' (букв. 'выжимать конопляное масло') и др.;

д) природных объектов: рус. *душа на небе* у кого 'разг. экспрес. кто-л. испытывает чувство величайшей радости', *на седьмом небе* 'разг. экспрес. безгранично счастлив, глубоко удовлетворен', *чернее тучи* кто 'разг. экспрес. кто-л. очень мрачен, угрюм', *гора <лежит> на душе* у кого 'разг. экспрес. о тягостном душевном состоянии, о тяжелых заботах', *гора с плеч (свалилась)* у кого 'разг. экспрес. наступило полное облегчение после избавления от забот, тревог, тяжелых обязанностей', *камень с души свалился* у кого 'разг. экспрес. кто-л. почувствовал большое душевное облегчение, избавившись от чего-л. гнетущего, тягостного', *сквозь землю провалиться* 'разг. иметь сильное желание исчезнуть, скрыться куда-либо (от стыда, смущения)' и др.; болг. *на седмото небе* 'на седь-

мом небе', *планина падна от гърба ми* 'у меня гора с плеч свалилась' (букв. 'у меня гора со спины свалилась'), *потъна вдън земята* 'хочется сквозь землю провалиться (от стыда)' (букв. 'утонуть вглубь земли') и др.; пол. *być w siódmym niebie* 'быть (чувствовать себя) на седьмом небе' (букв. 'быть на седьмом небе') и др.; тат. *жиде кат куккә (күкләргә) менү (ашу)* 'быть на седьмом небе от счастья' (букв. 'подняться на седьмой слой неба'), *баш күккә тию (тия язү)* 'запрыгать от радости; донельзя обрадоваться' (букв. 'головой <почти> задевать небо'), *күктән бәхет иңү* 'счастье привалило' (букв. 'счастье спустилось с неба'), *кара болыт булып йәрү* 'ходить чернее тучи', *елганың яры тулган* 'готов расплакаться' (букв. 'берег реки полон'), *күзенә күл тулган* 'готов расплакаться' (букв. 'в глазу полное озеро') и др.;

е) природных явлений: рус. *мороз по коже (спине) дерет (подирает / подрал, продурает / продрал, побирает / побрал, пробирает / пробрал, пробегает / пробежал, идет / прошел, пробегает / пробежал)* 'разг. ощущается озноб от сильного страха, ужаса, волнения', *бросает (кидает) в жар (пот, холод)* кого 'экспрес. кто-либо испытывает сильное волнение при испуге, неприятных переживаниях и т. п.', *как будто (словно) громом пораженный* кто 'разг. экспрес. в растерянности, оцепенении, ошеломлении и т. п.', *метать громы и молнии* 'экспрес. ирон. распекать, отчитывать кого-л. (чаще без достаточных причин, оснований); говорить гневно, раздраженно, чрезмерно упрекая кого-л. или угрожая кому-л.' и др.; болг. *като ударен от гром* 'как громом пораженный' (букв. 'как будто громом пораженный') и др.; пол. *patrzyć (wpatrywać się) w kogoś jak w tęczę* 'боготворить кого-л.; восхищаться кем-л.' (букв. 'смотреть на кого-л. как на радугу'), *ciskać gromy (pioruny, piorunami)* 'метать громы и молнии' (букв. 'бросать громы (молнии)'), *jak rażony piorunem* 'как громом пораженный' (букв. 'как будто пораженный молнией') и др.; чеш. *mraz ti přeběhl po zádech* 'у него мороз пробежал по спине' и др.; тат. *буран туздыру* 'задать жару, метать громы и молнии' (букв. 'поднять метель'), *яшен суккан кебек (суккандай) булу* 'как

гром среди ясного неба' (букв. 'как громом поразило'), *кабагыннан кар яудырып, кер-фегеннэн боз яудырып* 'проявлять недовольство, раздражение' (букв. 'сбрасывая с век снег, сбрасывая с ресниц град') и др.;

ж) стихий: рус. *как огня бояться* 'разг. экспрес. очень сильно, панически (бояться кого-либо)', *как (будто, словно, точно) в воду опущенный* 'разг. экспрес. угнетенный, психически подавленный чем-либо, удрученный' и др.; болг. *вардя се като от огън* 'бояться как огня' (букв. 'беречься, остерегаться как огня'), *вря и кипя* 'быть вне себя от ярости' (букв. 'кипеть и кипеть') и др.; пол. *bać się jak ognia* 'бояться как огня', *w gorącej wodzie kąpany* 'вспыльчивый, нетерпеливый' (букв. 'выкупанный в горячей воде'), *zagotowało się w kimś* 'кого-л. взорвало (прорвало); кто-л. вскипел' (букв. 'закипело в ком-л.') *вря и кипя*; чеш. *míti (z koho, z čeho) luft* 'сильно бояться кого-л., чего-л.' (букв. 'иметь от кого-л., чего-л. воздух'), *hned je oheň na střeše* 'разг. он очень вспыльчив' (букв. 'сразу, тотчас [появляется] огонь на крыше'), *přijítí do varu* 'вскипеть, разгневаться, раскипятиться' (букв. 'закипеть') и др.; *хэсрэт уты йоту* 'кого-л. постигло горе' (букв. 'глотать огонь горя, печали'), *жиде якка ут чэчү* 'метать громы и молнии' (букв. 'метать огонь на семь сторон'), *ачу утында* 'пылать гневом' (букв. 'в огне гнева'), *утлар чэчү* 'рвать и метать' (букв. 'сеять огонь'), *уттан курыккан кебек курку* 'бояться как огня' и др.

Анализ приведенных ФЕ проведен с опорой на разные критерии, которые учитывают те или иные аспекты их семантики.

I. Эмотивные фразеологизмы рассмотрены с точки зрения их денотативного значения: специфики номинации тех или иных эмоциональных явлений с опорой на определенные образы; регулярности использования отдельных образов для описания эмоций, близких по своему качеству или положительному / отрицательному знаку, и т. д. Установлено, что натурморфные образы актуализируются при описании широкого диапазона эмоциональных явлений (радости, печали, любви, обиды, стыда, волнения и т. д.), однако большинство данных образов соотносится с отрицательными эмоциями, прежде всего со страхом и гневом,

которые непосредственно связаны с биологическим существованием человека, с инстинктом самосохранения, а потому почти единодушно причисляются психологами к числу базовых (см., например: [Изард, 2003; Орто-ни, Клоур, Коллинз, 1995; и др.]. Если иметь в виду использование различных натурморфных образов для репрезентации одной и той же эмоции, то наибольший их перечень формируют средства описания указанных отрицательных переживаний (страха и гнева), а также печали. Например, фразеологическая репрезентация чувства страха в анализируемых языках осуществляется с опорой на целый ряд образов, в том числе животных (зайца, овцы и т. д.), насекомых (муравья, таракана и т. д.), растений (осины), природных явлений (моро-за), стихий (огня, воздуха и т. д.).

II. Натурморфные образы, лежащие в основе внутренней формы эмотивных ФЕ, ранжированы по степени продуктивности их участия в выражении эмотивной семантики как в одном, так и в нескольких языках. Некоторые образы являются универсальными, поскольку в большинстве рассматриваемых языков они передают одинаковые или близкие эмотивные смыслы, другие же имеют этноспецифический характер:

A. Наиболее частотными являются зооморфные образы, которые в разных языках нередко обнаруживают общность, обусловленную внешними факторами – сходством наивных знаний носителей этих языков о внешнем виде, типичных повадках животных и т. д. Например, в эмотивной фразеологии русского, болгарского, татарского языков отражаются представления о том, что заяц – очень пугливое животное, в связи с чем внутренняя форма многих ФЕ, описывающих страх, отсылает к образу этого живого существа, которое становится символическим воплощением указанной эмоции. Аналогичные знания, как показано Ф.Н. Гукетловой, закреплены и во фразеологии других языков, в том числе индоевропейских и кавказских [Гукетлова, 2009]. В некоторых случаях образ определенного животного может лежать в основе внутренней формы ФЕ в двух и более анализируемых языках, но при этом он не только соотносится с разными эмоциями, но и имеет неодинаковое содержание. Например, образ соба-

ки актуализируется при описании негативных эмоций в русском и польском языках, но в первом он связывается с неприязнью, нежеланием и передает представления о характерных повадках животного (*как собака палку* ‘прост. ирон. очень сильно (не любить, не хотеть)’), а во втором используется при описании скуки (*nudzić się jak mops* ‘разг. невыносимо (ужасно) скучать’ (букв. ‘скучать как мопс’)). Нами выявлены уникальные зооморфные образы, которые демонстрируют то, как именно в сознании носителей определенного языка интерпретируются характерные особенности тех или иных представителей фауны. Своеобразие этой интерпретации зависит от многих внешних факторов, в числе которых климатические условия проживания носителей данного языка, характер их хозяйственной деятельности, культурно-исторический опыт, традиции и верования, ценностные ориентации и т. д. Большинство зооморфных образов являются уникальными в плане передачи эмотивной семантики, то есть лежат в основе внутренней формы фразеологизмов лишь в каком-либо одном из анализируемых языков. Так, многие русские эмотивные ФЕ связаны с актуализацией образа волка, что обусловлено большой значимостью данного образа для русской народной культуры и фольклора. При этом в рамках анализируемой фразеологии образ волка наделяется отрицательными коннотациями, в связи с чем используется для описания ряда негативных эмоциональных явлений, таких как злость, враждебность и т. п. Можно предположить, что в образной семантике таких сочетаний запечатлены мифологические представления о способности представителей животного мира наносить вред людям: пленять, принуждать к чему-либо, вселяться в них, мучить, отравлять, умерщвлять и т. д. (подробно см.: [Гура, 1997, с. 38–40, 85–89]);

Б. В анализируемых языках продуктивными и регулярно воспроизводимыми во внутренней форме ФЕ являются также образы, связанные с представлениями о природных стихиях. Некоторые из этих образов обнаруживают универсальность, при этом ее степень может варьироваться. Так, образ огня, который актуализируется при описании страха, демонстрирует абсолютное тождество в большинстве рассматриваемых языков: рус. *как*

огня бояться ‘разг. экспрес. очень сильно, панически (бояться кого-либо)’, болг. *вардя се като от огън* ‘бояться как огня’, пол. *bać się jak ognia* ‘бояться как огня’, тат. *уттан курыккан кебек курку* ‘бояться как огня’. Это тождество может быть объяснено, с одной стороны, генетическим родством языков (если иметь в виду указанные славянские языки), а с другой – сходством житейского опыта, на основе которого формируются коллективные знания о природных стихиях, общие для носителей разных языков. Однако наряду с универсальными компонентами образа огня обнаруживаются и уникальные его черты: например, в татарском языке он служит для передачи знаний не только о страхе, но и о печали (*хәсрәт уты* ‘горе горькое’, букв. ‘огонь горя, печали’). Образ огня используется в некоторых языках для передачи представлений о гневе (рус. *метать искры* ‘экспрес. зло, сердито смотреть’; чеш. *hned je oheň na střeše* ‘разг. он очень вспыльчив’ (букв. ‘сразу, тотчас [появляется] огонь на крыше’); тат. *ачу утында* ‘пылать гневом’ (букв. ‘в огне гнева’), *утлар чәчү* ‘рвать и метать’ (букв. ‘сеять огонь’)). Отметим, что гнев может представляться в образе воды (пол. *w gorącej wodzie kąpany* ‘вспыльчивый, нетерпеливый’ (букв. ‘выкупанный в горячей воде’); чеш. *přijíti do varu* ‘вскипеть, разгневаться, раскипятиться’ (букв. ‘закипеть’)), однако степень универсальности этого образа относительна, поскольку он реализуется лишь в отдельных языках. Параллельное использование данных образов в анализируемых языках также можно объяснить общностью фоновых знаний о том, что условием кипения воды является наличие огня.

В. При репрезентации эмотивной семантики в исследуемых языках не менее активно используются образы, связанные с природными объектами (небо, земля, гора, туча и т. д.) и природными явлениями (гром, молния, жар, холод и т. д.). Например, универсальностью отличается образ неба, лежащий в основе внутренней формы ФЕ со значением счастья, радости, удовольствия: рус. *на седьмом небе* ‘разг. экспрес. безгранично счастлив, глубоко удовлетворен’; болг. *на седмото небе* ‘на седьмом небе’; пол. *być w siódmym niebie* ‘быть (чувствовать себя) на седьмом

небе»; чеш. *být v sedmém nebi* 'быть на седьмом небе'; тат. *жиде кат куккә (күкләргә) мену (ашу)* 'быть на седьмом небе от счастья' (букв. 'подняться (взойти) на седьмой слой неба (небес)'). Данные ФЕ отражают «и культурную память архетипа, то есть языческое представление об устройстве небесного свода... и христианское представление о седьмом небе как Царстве Божиим» [Пирманова, 2008, с. 16]. Аналогичная параллельная актуализация в разных языках характерна и для образа грома: рус. *как будто (словно) громом пораженный* кто 'разг. экспрес. в растерянности, оцепенении, ошеломлении и т. п.'; болг. *като ударен от гром* 'как громом пораженный'; пол. *jak rażony piorunem* 'как громом пораженный' (букв. 'как будто пораженный молнией'); тат. *яшен суккан кебек (суккандай) булу* 'как гром среди ясного неба' (букв. 'как (будто) громом поразило'). В то же время другие образы проявляют относительную универсальность, ср.: рус. *гора с плеч (свалилась)* у кого 'разг. экспрес. наступило полное облегчение после избавления от забот, тревог, тяжелых обязанностей' и болг. *планина падна от гърба ми* 'у меня гора с плеч свалилась' (букв. 'у меня гора со спины свалилась'); рус. *чернее тучи* кто 'разг. экспрес. кто-л. очень мрачен, угрюм' и тат. *кара болыт булып йәру* 'ходить чернее тучи'.

III. Многие эмотивные ФЕ в славянских и тюркском языках строятся на основе сравнительных оборотов, и в данном случае образы животных, птиц, природных объектов и т. д. выступают как эталоны сравнения. При этом общая образная семантика характерна для двух и более рассматриваемых языков, но соотносится она, во-первых, с разными эмоциями, во-вторых, с разными субкодами. Иллюстрацией первого случая служат следующие ФЕ: рус. *красный как рак* кто, *краснеть / покраснеть как рак* 'о человеке, у которого от сильного волнения, смущения и т. п. прилила к лицу кровь' и чеш. *být červený jako krocán* 'злиться' (букв. 'быть красным как индюк'). Второй случай представлен следующими примерами: рус. *дуться / надуться как (будто, словно, точно) мышшь на крупу* 'прост. ирон. кто-л. очень сильно обижен и выражает недовольство своим видом' (зоо-

морфный субкод) и пол. *nadał się jak sowa* 'надулся как мышшь на крупу' (букв. 'надулся как сова') (орнитологический субкод). По мнению исследователей, в устойчивых сравнениях «раскрывается самобытность национальной культуры, национальный склад образного мышления» [Огольцев, 2010, с. 7], в связи с чем их сопоставительный анализ позволяет выявить общность и различия механизмов образной интерпретации реалий мира носителями разных языков.

IV. В основе внутренней формы многих эмотивных ФЕ лежит метонимический принцип, в соответствии с которым эмоции описываются сквозь призму их разнообразных телесных (невербальных) симптомов. Среди них в качестве наиболее актуальных выделяются следующие:

– озноб: рус. *мороз по коже (спине) дерет* 'разг. ощущается озноб от сильного страха, ужаса, волнения'; чеш. *traz ti přeběhl po zádech* 'у него мороз пробежал по спине'; тат. *аркадан кырмыскалар (тараканнар) йәри* 'мурашки бегают по спине' (букв. 'мурашки (тараканы) бегают по спине') и т. д.;

– мимические выражения: рус. *чернее тучи* кто 'разг. экспрес. кто-л. очень мрачен, угрюм', *метать искры* 'экспрес. зло, сердито смотреть', *ровно (как, будто, словно, точно) муху проглотил* 'прост. о том, кто недоволен, имеет расстроенный, кислый вид'; пол. *nadał się jak sowa* 'надулся как мышшь на крупу' (букв. 'надулся как сова'); тат. *кара болыт булып йәру* 'ходить чернее тучи' и т. д.;

– пантомимика: болг. *ходя като муха без глава* 'ходить как в воду опущенный' (букв. 'ходить как муха без головы'); тат. *атка менгәндәй булу* 'прыгать от радости' (букв. 'как будто на лошадь залезть') и т. д.;

– слезы: тат. *күзенең яше күл булу* 'проливать море слез' (букв. 'слезы стали озером') и т. д.

Выводы

Натурморфные образы, которые определяют специфику внутренней формы эмотивных ФЕ в славянских и тюркском языке, соотносятся с соответствующим кодом культуры, предполагающим образную репрезента-

цию эмоций сквозь призму знаний как о живой, так и о неживой природе. Выявленные нами образы животных, птиц, насекомых, растений, природных объектов и явлений, стихий составляют упорядоченную систему, элементы которой ранжируются как по частотности использования, так и по универсальности / этноспецифичности содержания. Данные образы задействованы при описании широкого круга эмоций, однако большинство из них связано с отрицательными состояниями, прежде всего страхом и гневом.

Наибольшей продуктивностью отличаются зооморфные образы, образы природных объектов, явлений и стихий (небо, гром, туча, огонь, вода и т. д.), которые являются либо универсальными, либо уникальными. Общность содержания образов обусловлена генетическим родством языков либо сходством знаний их носителей о природных явлениях. Уникальность образов мотивирована своеобразием осмысления отличительных особенностей животных, природных стихий и т. д. представителями той или иной лингвокультуры. Этот процесс зависит от многих внешних факторов: климатических условий проживания этноса, его культурно-исторического опыта, традиций и верований и т. д.

Многие анализируемые ФЕ представляют собой сравнительные обороты, в рамках которых происходит преобразование натурморфных образов в эталоны сравнения. Данные эталоны в разных языках могут соотноситься с разными натурморфными субкодами, тем самым демонстрируя широту образного потенциала наименований природных реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бразговская Е. Е., 2019. Семиотика. Языки и коды культуры. М. : Юрайт. 187 с.
- Гатаулина Р. В., 2010. Фразеологические единицы, характеризующие психические состояния человека, в немецком, английском и татарском языках : дис. ... канд. филол. наук. Казань. 205 с.
- Гудков Д. Б., Ковшова М. Л., 2007. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М. : Гнозис. 285 с.
- Гукетлова Ф. Н., 2009. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков). М. : Тезаурус. 228 с.
- Гура А. В., 1997. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик. 912 с.
- Золотых Л. Г., 2008. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики (на материале русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород. 48 с.
- Изард К. Э., 2003. Психология эмоций. СПб. : Питер. 464 с.
- Киселева Л. А., 2018. Культурный код как основа внутренней формы эмотивных фразеологизмов (на материале славянских языков) // Доклады Башкирского университета. Т. 3, № 2. С. 189–193.
- Кондратьева О. Н., 2012. Натурморфная метафора как средство осмысления концепта «душа» в русской лингвокультуре (диахронический аспект) // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. № 4. С. 83–93.
- Красных В. В., 2001. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М. : МАКС Пресс. Вып. 19. С. 5–19.
- Мокиенко В. М., 1980. Славянская фразеология. М. : Высш. шк. 205 с.
- Новик Е. С., 1994. Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору : сб. ст. М. : Вост. лит. С. 110–163.
- Огольцев В. М., 2010. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М. : Либроком. 192 с.
- Ортони А., Клоур Дж., Коллинз А., 1995. Когнитивная структура эмоций // Язык и интеллект. М. : Прогресс. С. 314–384.
- Пирманова С. И., 2008. Культурные коннотации фразеологизмов с компонентами *свет – небо – земля* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург. 22 с.
- Скорнякова Р. М., 2010. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира : автореф. ... дис. д-ра филол. наук. М. 47 с.
- Топоров В. Н., 1982. Первобытные представления о мире (общий взгляд) // Очерки естественных наук в древности. М. : Наука. С. 8–40.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Анкова-Ничева К. Нов фразеологичен речник на българския език. София : Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1993. 460 с.
- Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь : в 2 т. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Рус. яз. ; Варшава : Ведза Повшехна, 1980. 2 т.
- Димитрова Л. Българско-руски речник. Варна : Хирон 2000, 2000. 955 с.

- Сафиуллина Ф. С. Татарско-русский фразеологический словарь. Казань : Магариф, 2001. 335 с.
- Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. : в 2 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука, 1991. 2 т.
- Чешско-русский словарь / сост. А. И. Павлович. Изд. 8-е, испр. М. : Рус. яз., 1989. 830 с.
- Hampl L. Ptactwo we frazeologii czeskiej i polskiej. Konceptualizacja – obraz – odzwierciedlenie. Bielsko : Biaia, 2012. 261 s.
- Nowy słownik języka polskiego / redakcja naukowa B. Dunaj. Warszawa : WILGA, 2005. 899 s.
- Słownik języka polskiego. T. 1–3 / red. M. Szymczak. Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1978–1981.

REFERENCES

- Brazgovskaya E.E., 2019. *Semiotika. Yazyki i kody kultury* [Semiotics. Languages and Culture Codes]. Moscow, Yurayt Publ. 187 p.
- Gataullina R.V., 2010. *Frazeologicheskie edinitsy, kharakterizuyushchie psikhicheskie sostoyaniya cheloveka, v nemetskom, angliyskom i tatarskom yazykakh: dis. ... kand. filol. nauk* [Phraseological Units Characterizing a Person's Mental States in German, English and Tatar Languages. Cand. philol. sci. diss.]. Kazan. 205 p.
- Gudkov D.B., Kovshova M.L., 2007. *Telesnyy kod russkoy kultury: materialy k slovaryu* [The Body Code of Russian Culture: Materials for the Dictionary]. Moscow, Gnozis Publ. 285 p.
- Guketlova F.N., 2009. *Zoomorfnyy kod kultury v yazykovoy kartine mira (na materiale frantsuzskogo, kabardino-cherkesskogo i russkogo yazykov)* [Zoomorphic Code of Culture in the Linguistic Picture of the World (Based on the Material of French, Kabardino-Circassian and Russian Languages)]. Moscow, Tezaurus Publ. 228 p.
- Gura A. V., 1997. *Simvolika zhitovnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ. 912 p.
- Zolotykh L.G., 2008. *Kognitivno-diskursivnye osnovy frazeologicheskoy semantiki (na materiale russkogo yazyka): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Cognitive-Discursive Foundations of Phraseological Semantics (Based on the Material of the Russian Language). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Belgorod. 48 p.
- Izard K.E., 2003. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of Emotions]. Saint Petersburg, Piter Publ. 464 p.
- Kiseleva L.A., 2018. *Kulturnyy kod kak osnova vnutrenney formy emotivnykh frazeologizmov (na materiale slavyanskikh yazykov)* [Cultural Code as the Basis of the Internal Form of Emotive Phraseological Units (Based on the Material of Slavic Languages)]. *Doklady Bashkirskogo universiteta* [Reports of Bashkir University], vol. 3, no. 2, pp. 189-193.
- Kondrateva O.N., 2012. *Naturmorfnyaya metafora kak sredstvo osmysleniya kontsepta «dusha» v russkoy lingvokulture (diakhronicheskiy aspekt)* [Natural Metaphor as a Means of Understanding the Concept of "Soul" in Russian Linguoculture (Diachronic Aspect)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova* [Bulletin of the M.A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities], no. 4, pp. 83-93.
- Krasnykh V.V., 2001. *Kody i etalony kultury (priglasenie k razgovoru)* [Codes and Standards of Culture (Invitation to a Conversation)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Consciousness, Communication. Collection of Articles]. Moscow, MAKS Press Publ., iss. 19, pp. 5-19.
- Mokienko V.M., 1980. *Slavyanskaya frazeologiya* [Slavic Phraseology]. Moscow, Vyssh. shk. Publ. 205 p.
- Novik E.S., 1994. *Arkhaicheskie verovaniya v svete mezhlichnostnoy kommunikatsii* [Archaic Beliefs in the Light of Interpersonal Communication]. *Istoriko-etnograficheskie issledovaniya po folkloru: sb. st.* [Historical and Ethnographic Research on Folklore. Collection of Articles]. Moscow, Vost. lit. Publ., pp. 110-163.
- Ogol'tsev V.M., 2010. *Ustoychivye sravneniya v sisteme russkoy frazeologii* [Stable Comparisons in the System of Russian Phraseology]. Moscow, Librokom Publ. 192 p.
- Ortoni A., Klour Dzh., Kollinz A., 1995. *Kognitivnaya struktura emotsiy* [The Cognitive Structure of Emotions]. *Yazyk i intellekt* [Language and Intelligence]. Moscow, Progress Publ., pp. 314-384.
- Pirmanova S.I., 2008. *Kulturnye konnotatsii frazeologizmov s komponentami svet – nebo – zemlya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Cultural Connotations of Phraseological Units with Components Light – Sky – Earth. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg. 22 p.
- Skornyakova R.M., 2010. *Lingvokulturologicheskaya kontseptsiya modelirovaniya yazykovoy kartiny mira: avtoref. ... dis. d-ra filol. nauk* [Linguoculturological Concept of Modeling the Linguistic Picture of the World. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 47 p.
- Toporov V.N., 1982. *Pervobytnye predstavleniya o mire (obshchiy vzglyad)* [Primitive Ideas About

the World (General View)]. *Ocherki estestvennonauchnykh znaniy v drevnosti* [Essays on Natural Science Knowledge in Antiquity]. Moscow, Nauka Publ., pp. 8-40.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Ankova-Nicheva K. *Nov frazeologichen rechnik na bulgarskiya ezik* [New Phraseological Dictionary of the Bulgarian Language]. Sofiya, Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Okhridski», 1993. 460 p.
- Gessen D., Stypula R. *Bol'shoy polsko-russkiy slovar: v 2 t.* [Large Polish-Russian Dictionary. In 2 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ.; Warsaw, Vedza Povshekhna Publ., 1980.
- Dimitrova L. *Bulgarsko-ruski rechnik* [Bulgarian-Russian Dictionary]. Varna, Khiron 2000 Publ., 2000. 955 p.
- Safiullina F.S. *Tatarsko-russkiy frazeologicheskiy slovar* [Tatar-Russian Phraseological Dictionary]. Kazan, Magarif Publ., 2001. 335 p.
- Fedorov A.I., ed. *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII–XX v.: v 2 t.* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the Late 18th–20th Centuries. In 2 Vols.], Novosibirsk, Nauka Publ., 1991.
- Pavlovich A.I., ed. *Cheshsko-russkiy slovar* [Czech-Russian Pictionary]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1989. 830 p.
- HAMPL L. *Ptactwo we frazeologii czeskiej i polskiej. Konceptualizacja – obraz – odzwierciedlenie.* Bielsko, Biaia, 2012. 261 s.
- Dunaj B., ed. *Nowy słownik języka polskiego.* Warszawa, WILGA, 2005. 899 s.
- Szymczak M., ed. *Słownik języka polskiego. T. 1–3.* Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe, 1978–1981.

Information About the Author

Larisa A. Kiseleva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Mass Communication, Samara National Research University, Moskovskoye Shosse, 34, 443086 Samara, Russia, larisakiseleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4875-6435>

Информация об авторе

Лариса Айратовна Киселева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королева, Московское шоссе, 34, 443086 г. Самара, Россия, larisakiseleva2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4875-6435>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.9>

UDC 811.161.1'23
LBC 81.411.2-003

Submitted: 28.09.2022
Accepted: 28.11.2022

THE CONCEPT OF HAPPINESS IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF NATIVE RUSSIAN SPEAKERS: PSYCHOLINGUISTIC ASPECT

Yan Kai

School of International Studies of Sun Yat-Sen University, Zhuhai, China

Zhang Bin

School of International Studies of Sun Yat-Sen University, Zhuhai, China

Abstract. The comprehensive description of the Russian language consciousness fragment, which is associated with the feeling of happiness, is introduced in conformity with the psycholinguistic approach to the analysis of linguistic facts. The article describes the associative field of the *happiness* lexeme in the Russian language. Some culturally rich cognitive features that form the content of the happiness as the feeling in the Russian linguistic consciousness have been identified with consideration of associative dictionaries. The analysis has resulted in determining some basic cognitive categories in the Russian language consciousness: emotion and feeling, belonging, object, evaluation, being, volume, space, time, state, action, characteristic, quality, expression, subject-person, reason, light, distance, goal, animals, desire, weight, color, place, food, value, attitude, degree, plant, others. The metaphorical models of the Happiness concept realization have been observed: happiness is a living being; happiness is light; happiness is a place to be; happiness is food; happiness is an object. They are characteristic and significant for the mentality of the Russian language native speakers. The algorithm suggested for the linguistic analysis of Happiness concept may be applied to the description of other emotive concepts. All the results obtained during the analysis, are relevant for the development of psycholinguistics and emotive linguistics.

Key words: concept, happiness, linguistic consciousness, cognitive category, Russian language.

Citation. Yan Kai, Zhang Bin. The Concept of Happiness in the Linguistic Consciousness of Native Russian Speakers: Psycholinguistic Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 108-122. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.9>

УДК 811.161.1'23
ББК 81.411.2-003

Дата поступления статьи: 28.09.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЧАСТЬЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Янь Кай

Школа международного перевода Университета им. Сунь Ятсена, г. Чжухай, Китай

Чжан Бинь

Школа международного перевода Университета им. Сунь Ятсена, г. Чжухай, Китай

Аннотация. Комплексное описание фрагмента русского языкового сознания, связанного с представлениями о чувстве счастья, выполнено в русле психолингвистического подхода к анализу языковых фактов. В статье описано ассоциативное поле лексемы *счастье* в русском языке; с опорой на данные ассоциативных словарей определены культурно насыщенные когнитивные признаки, которые формируют содержание представлений о чувстве счастья и находят отражение в русском языковом сознании. Выявлены базовые когнитивные категории эмотивного концепта «Счастье», к которым относятся: эмоция и чувство, принадлежность, объект, оценка, существо, объем, пространство, время, состояние, действие, характеристика, каче-

ство, выражение, субъект-человек, причина, свет, расстояние, цель, животные, желание, вес, цвет, место, пища, ценность, отношение, степень, растение, другие. Установлены метафорические модели реализации данного концепта: счастье – это живое существо; счастье – это свет; счастье – это место нахождения; счастье – это еда; счастье – это объект, которые характерны и значимы для менталитета носителей русского языка и культуры. Предложенный в работе алгоритм лингвистического анализа концепта «Счастье» может быть использован для описания других эмотивных концептов. Полученные результаты актуальны для развития психолингвистики и эмотивной лингвистики.

Ключевые слова: концепт, счастье, языковое сознание, когнитивная категория, русский язык.

Цитирование. Янь Кай, Чжан Бинь. Представление о счастье в языковом сознании носителей русской культуры: психолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 108–122. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.9>

Посвящается светлой памяти основателя российской школы лингвистики эмоций профессора В.И. Шаховского

Введение

Лингвистическое осмысление представления как концепта уже имеет научную традицию и чаще всего проводится в лингвокультурологических и лингвокогнитивных исследованиях (см. работы: [Арутюнова, 1990; Вежибицкая, 1999; Воркачѳ, 2004; Воробьев, 1997; Карасик, 2004; Колесов, 2002; Красных, 1998; Степанов, 1997; Чернейко, 1997; Шаховский, 1987; и др.]).

Анализ эмотивного концепта «Счастье» в современном языкознании впервые встречается в работе С.Г. Воркачѳа, который на материале русского языка выделяет три основные (понятийная, метафорическая и образная) составляющие семантики данного концепта, описывает функционирование его семантического дублета Блаженство в религиозном и поэтическом дискурсах [Воркачѳ, 2004]. В.В. Колесов рассматривает представления о судьбе и счастье в русской ментальности [Колесов, 2002]. А.Д. Шмелев описывает культурные концепты «Любовь» и «Счастье» в русской языковой модели мира [Шмелев, 2002]. Кроме того, данный концепт исследуют Н.А. Туранина и Е.В. Гулик, выявляя основные способы репрезентации концепта «Счастье» в художественной картине мира В. Токаревой [Туранина, Кулик, 2010]; Н.Ю. Мальчакитова сопоставляет данный концепт в языковой картине мира эвенков и русских [Мальчакитова, 2011]; Ли Цианьхуа и И.Б. Смирнов представляют культурные особенности кон-

цепта «Счастье» в китайской языковой картине мира [Ли Цианьхуа, Смирнов, 2013]; Г.Ш. Унарокова и Р.Б. Унарокова анализируют этот концепт с лингвокультурологической точки зрения в адыгейском языке [Унарокова Р. Б., Унарокова Г. Ш., 2012]; Н.С. Карпова изучает данный концепт в чувашской лингвокультуре [Карпова, 2015]; В.Н. Соловар рассматривает концепт «Счастье» в сопоставлении хантыйского, русского и татарского языков [Соловар, 2016]; Е.А. Черкашина и И.Ю. Тимофеева исследуют концепт «Счастье» в русском языке [Черкашина, 2016] и национальной культуре [Тимофеева, 2020]; А.П. Вахненко изучает сочетаемость абстрактного существительного *счастье* в русском языке [Вахненко, 2018]; Яо Жун проводит сопоставительный анализ концепта «Счастье» в языковом сознании носителей русского и китайского языков [Яо Жун, 2019] и др.

Однако проблема изучения представления-концепта как ключа к раскрытию культурно-национальных особенностей языкового сознания человека говорящего и как пути выявления особенностей понимания культурной ценности носителями того или иного языка в современном лингвокультурном сообществе в рамках психолингвистических исследований решена не окончательно, что свидетельствует об актуальности настоящей работы.

Цель работы состоит в выявлении культурнонасыщенных когнитивных признаков, формирующих содержание представления о чувстве счастья в русском языковом сознании.

Объект работы – представление-концепт «Счастье» в русском языковом сознании. Предмет – когнитивные составляющие, которые формируют содержание указанного представления-концепта в русском языковом сознании.

Материал и методы

Теоретико-методологической базой настоящей работы являются теория речевой деятельности А.А. Леонтьева, теория языкового сознания Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой и других представителей Московской психолингвистической школы.

Как главный инструмент исследования представителями этой школы широко используется термин «*языковое сознание*» (далее – ЯС) (см. работы О.В. Балясниковой, В.П. Белянина, И.А. Бубновой, Д.Б. Гудкова, Д.В. Журавлёва, Ю.Н. Караулова, А.В. Кирилиной, В.В. Красных, А.А. Леонтьева, А.Н. Леонтьева, Е.С. Никитиной, М.А. Пильгун, В.А. Пищальниковой, А.Г. Полянской, Г.А. Сониной, Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, Р.М. Фрумкиной и др.).

По мнению А.А. Леонтьева, «иметь сознание – владеть языком. А владеть языком – владеть значениями. Значение есть единица сознания (имеется в виду языковое, вербальное значение). Сознание при таком понимании является знаковым» [Леонтьев, 1993, с. 16]. В развитие идеи А.А. Леонтьева и А.Н. Леонтьева Н.В. Уфимцева пишет, что формирование сознания начинается «с биодинамической ткани движения и действия и чувственной ткани образа до возникновения вербального значения» [Уфимцева, 2013, с. 130]. Исследователь отмечает, что «за каждым словом родного языка стоит количество знаний и умений, связанных с культурным предметом, который слово обозначает...» [Уфимцева, 2013, с. 130]. При этом языковое сознание определяется «как отражение деятельности в ее обусловленности когнитивными процессами и актуализация этих отношений в коммуникации через посредство языкового знака» [Балясникова и др., 2018, с. 233]. Кроме того, ЯС понимается как ряд структур сознания, для формирования которых используются социальные знания, связанные с языковыми символами [Уфимцева, 1983, с. 145]. Языковое сознание также рассматривается как разновидность конвенционального сознания, которое представляет собой механизм сознания, управляющий языковой деятельностью. Оно формирует, преобразует и хранит языковые символы, чтобы зас-

тавить людей что-то воспринимать [Нечаева, 2010, с. 98].

В данной работе мы вслед за Е.Ф. Тарасовым понимаем ЯС как «совокупность образов сознания, формируемых и овеществляемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов, 2000, с. 26], при этом ЯС является только «одной из универсальных форм сознания, объясняющих наше чувственное восприятие» [Тарасов, 2014, с. 35].

При определении концепта как представления мы опираемся на работы А.В. Олянич, который считал, что представление – один из способов и форм концептуализации семантического содержания – обычно «сохраняет свою генетическую связь с образностью; мир невидимый, которому принадлежат концепты – культурологические универсалии, как правило, стремится обрести свое “телесное воплощение” в чувственных образах» [Олянич, 2015, с. 124]. Представление-концепт как «совокупность семантических признаков по своей активности и креативности сопоставимо с аристотелевской формой – способом внутренней организации и способом существования предмета, в данном случае семантического содержания, которому она придает индивидуальную определенность. Концепт здесь не только и не столько представляет содержание сознания, но и оформляет его» [Олянич, 2015, с. 123]. Добавим слова М.В. Пименовой, которая отмечает, что концепт отражает категориальные, метафоричные и «ценностные характеристики знаний о некоторых фрагментах мира. В структуре концепта заключаются признаки, функционально значимые для соответствующей культуры» [Пименова, 2011, с. 129]. Культура трактуется вслед за В.Н. Телия как «мировидение и миропонимание народа, обладающее семиотической природой» [Телия, 1996, с. 222].

В данной работе концепт определяется в соответствии с трактовкой, предложенной А.В. Оляничем, как основная единица языкового сознания, то есть специфического индивидуального и группового способа мировосприятия и миропонимания, задаваемого совокупностью когнитивных характеристик и признаков [Олянич, 2015, с. 124].

Подчеркнем, что представление-концепт «Счастье» как единица языкового сознания относится к системе базовых ценностей русской культуры.

Для достижения цели в статье используются следующие методы: описание, наблюдение, лексикографический, семантический и концептуальный анализ; моделирование ассоциативного поля и семантический дифференциал, кроме того, обобщение данных проводится с применением статистического метода.

Источниками фактического материала послужили (см. список источников и словарей): 1) различные словари русского языка (энциклопедические, мифологические, историко-этимологические, толковые и семантические); 2) данные свободных ассоциативных экспериментов из РАС, СИБАС, ЕВРАС, САС и др.; 3) современные контексты, передающие значение 'счастье', отобранные из НКРЯ. Нами были проанализированы 20 словарных статей, 1 696 реакций на стимул *счастье* и около 30 000 контекстов из НКРЯ.

Результаты и обсуждение

Результаты проведенного анализа (некоторые из них представлены в [Чжан, Янь, 2022; Янь, Чжан, 2022]) сводятся к следующему:

1. В славянской культуре чувство счастья непосредственно связано с представлениями о судьбе, доле, участи, удаче и хлебе (подробнее см.: [Чжан, Янь, 2022]).

2. В русской культуре чувство счастья имеет внутреннее и внешнее выражение: это состояние человека, соответствующее внутреннему удовлетворению, полноте и пониманию смысла жизни, это внешнее выражение чувства глубокого довольства и большой радости, это благосклонность судьбы и успех в жизни, а также общепризнанная конечная субъективная цель деятельности личности; его проявление в русском менталитете тесно связано с представлениями о довольстве, судьбе, успехе, радости и жизни [Чжан, Янь, 2022].

3. В значении слова *счастье* в русском языке выделяются некоторые смысловые компоненты, которые могут входить в содержательное ядро концепта «Счастье»: 'чувство

и состояние полного удовлетворения человека, успех'; в приядерную часть – 'судьба', 'хорошая участь (доля)', 'радость', 'хороший удел' [Чжан, Янь, 2022].

4. В русском языковом сознании определяются базовые когнитивные категории: эмоция и чувство (503, ≈30.84 %), принадлежность (304, ≈17.92 %), объект (180, ≈10.62 %), оценка (87, ≈5.13 %), существо (82, ≈4.83 %), объем (60, ≈3.54 %), пространство (57, ≈0.94 %), время (55, ≈3.25 %), состояние (48, ≈2.83 %), действие (43, ≈2.54 %), характеристика (41, ≈2.42 %), качество (40, ≈2.36 %), выражение (38, ≈2.24 %), субъект-человек (30, ≈1.77 %), причина (19, ≈1.12 %), свет (18, ≈1.06 %), расстояние (16, ≈3.36 %), цель (6, ≈0.35 %), животные (6, ≈0.35 %), желание (6, ≈0.35 %), вес (5, ≈0.29 %), цвет (5, ≈0.29 %), место (5, ≈0.29 %), пища (4, ≈0.24 %), ценность (4, ≈0.24 %), отношение (4, ≈0.24 %), степень (4, ≈0.24 %), растение (2, ≈0.12 %), другие (4, ≈0.24 %) (в скобках приведена частотность названных категорий в абсолютных числах и в процентном отношении к общему числу реакций на слово-стимул *счастье*) (подробнее см.: [Янь, Чжан, 2022]).

5. В русском языковом сознании определяются базовые метафорические модели (счастье – это живое существо; счастье – это свет; счастье – это место нахождения; счастье – это еда; счастье – это объект) концепта «Счастье», которые характерны и значимы для носителей русского языка и культуры.

Прокомментируем полученные результаты, представив описание предварительного анализа данных свободных ассоциативных экспериментов на стимул *счастье* в русском языковом сознании, позволившего выделить базовые когнитивные категории концепта «Счастье» в русском языковом сознании и выявить культурологические смыслы и когнитивные признаки, формирующие содержание исследуемого представления-концепта в русском языковом сознании.

И. С использованием данных РАС, СИБАС, ЕВРАС, САС и др. было построено ассоциативное поле на стимул *счастье* в сознании носителей русского языка, которое представим (по количественному параметру) в виде иерархической структуры (см. таблицу). В структуре ассоциативного поля лексемы

счастье в русском языке выделяются следующие уровни: 1) ядро (представлено самыми частотными реакциями); 2) центр (представлен наиболее частотными реакциями); 3) периферия (формируется единичными реакциями). Было проанализировано 1 696 реакций; в таблице после слова-реакции в скобках указано количество случаев такой реакции.

II. С опорой на концепцию В.В. Красных [2001] значения слов-реакций на стимул *счастье* в русском языке были объединены в категории. Когнитивная категория – это «концептуальное объединение, или организация, каких-либо объектов по определенным семантическим признакам или свойствам» [Янь, 2018, с. 12]. На рисунке представлены категории концепта «Счастье» по количественному убыванию ассоциаций (подробно см.: [Чжан, Янь, 2022; Янь, Чжан, 2022]).

В языковом сознании носителей русской культуры стимул *счастье* концептуализируется с помощью следующих категорий: эмоция и чувство, принадлежность, объект, оценка,

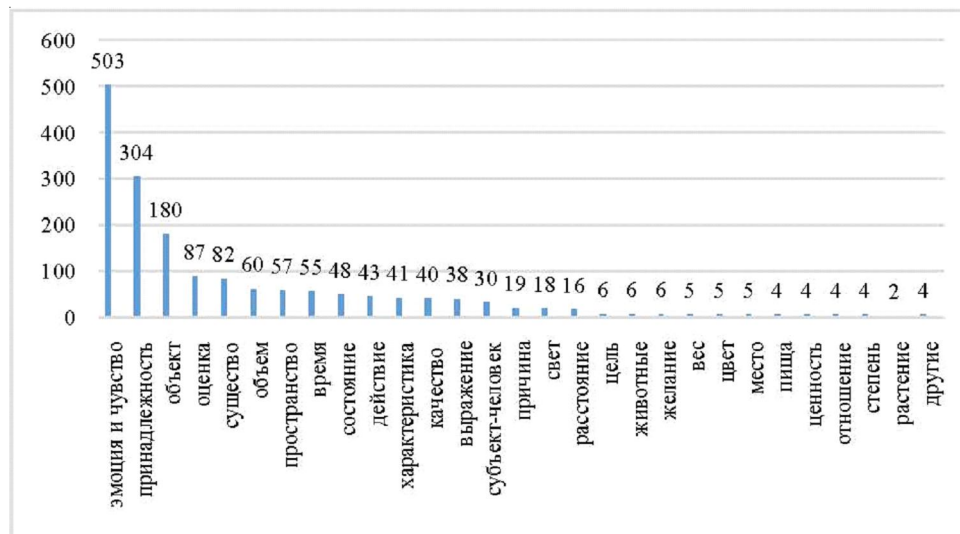
существо, объем, пространство, время, состояние, действие, характеристика, качество, выражение, субъект-человек, причина, свет, расстояние, цель, животные, желание, вес, цвет, место, пища, ценность, отношение, степень, растение, другие.

III. В этой части работы нами прокомментированы выборочно взятые данные, которые входят в ядерную и центральную части ассоциативного поля и значимы для категоризации концепта «Счастье» в русском языковом сознании.

В категории «эмоция и чувство» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является слово *радость* (195; 37.28 %). По данным Толкового словаря русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова, лексема *счастье* в русском языке имеет значение ‘*состояние* довольства, благополучия, *радости* от полноты жизни, от *удовлетворения* жизнью’ (курсив наш. – Я. К., Ч. Б.) (ТСРЯУ). По мнению С.Г. Воркачёва, в русской культуре счастье – «оператор трехзначной фе-

Ассоциативное поле на стимул *счастье* в языковом сознании носителей русского языка
Associative field on the stimulus of *happiness* in the linguistic consciousness of native Russian speakers

Структура	Реакция	Частотность	Общая сумма
Ядро	радость 195; есть 195 (РАС; СИБАС; САС; ЕВРАС)	390 (≈23.00 %)	1 696
Центр	любовь 167; мое 60; жизнь 45; большое 43; горе 40; несчастье 39; семья 36; удача 32; хорошо 27; деньги 22; огромное 19; улыбка 19; его не может не быть 15; нет 14; добро 11; близко 10; здоровье 10; солнце 10; улыба 10; жить 9; не в деньгах 9; свет 8; много 8; в семье 8; беда 7; ура 7; вечное 7; дети 7; успех 7; в жизни 6; всегда 6; дом 6; женское 6; свобода 6; семейное 6; смех 6; веселье 6; безграничное 5; будет 5; вместе 5; любить 5; мечта 5; мир 5; наше 5; привалило 5; рядом 5; светлое 5; чувство 5; в деньгах 4; вдвоем 4; людей 4; мимолетное 4; на земле 4; найти 4; это хорошо 4; птица 4; бывает 3; в любви, 3; вдруг 3; далеко 3; девушки 3; должно быть 3; личное 3; не бывает 3; недолговечно 3; одно 3; отпуск 3; полное 3; понимание 3; прекрасно 3; придет 3; сияние 3; спокойствие 3; удовольствие 3; хочу 3; человека 3; в доме 3; блаженство 3; это просто 3; happy 2; безгранично 2; благо 2; будущее 2; было 2; быстротечное 2; быть 2; вам 2; вера 2; во всем 2; воздух 2; восторг 2; всем 2; встреча 2; гармония 2; где оно? 2; где-то 2; главное 2; грусть 2; девушка 2; добиваться 2; долгожданное 2; жизни 2; здорово 2; зыбкое 2; любимый 2; людское 2; мало 2; миг 2; мне 2; на двоих 2; надежда 2; не вечно 2; невозможно 2; недостижимо 2; неземное 2; ненастье 2; неожиданное 2; непостоянно 2; он 2; оно есть 2; оно не может не быть 2; отдых 2; отлично 2; песня 2; подарок 2; покой 2; ребенок 2; розовый 2; самое главное 2; сердце 2; сессия 2; смысл 2; смысл жизни 2; состояние 2; судьба 2; счастье 2; улыбки 2; в личной жизни 2; хорошее 2; его нет 2; настоящее 2; человеческое 2 (РАС; СИБАС; САС; ЕВРАС)	1 036 (≈61.08 %)	
Периферия	1 (отказ); good 1; абсолютное 1; абстрактно 1; бабочка, 1; без меры 1; без слез 1; безбрежное 1; «...» 1 (РАС; СИБАС; САС; ЕВРАС)	270 (≈15.91 %)	

Базовые когнитивные категории концепта «Счастье» в русском языковом сознании
Basic cognitive categories of the Happiness concept in the Russian language consciousness

лицитарной логики – противостоит как несчастью, так и счастью, – благополучию, удовлетворенности и ориентировано на превышение нормы ожидания блага, переживаемое субъектом как радость» [Воркачѳв, 2004, с. 75]. При этом категория счастья – «многомерное интегративное ментальное образование, включающее интеллектуальную общеаксиологическую оценку и оценку эмоциональную в форме радости либо удовлетворения» [Воркачѳв, 2004, с. 81]. Эмоция радости – это самый мощный источник энергии и силы, поскольку именно эта эмоция возникает в результате исполнения желания, удовлетворения потребности, достижения цели [Малышева, 2015]. Ср.: *Определить это счастье (радость, которой никто не отнимет от нас...)* (Шмеман А. Д. Дневники. 1973–1983); *Именно в этом фильме я увидела свое личное счастье – любовь* (Форум: Джейн Остин. 2007–2011).

В категории «принадлежность» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры стало слово *есть* (195; 61.14 %) в значении ‘существует, имеется, находится в наличии’ (ТСРЯУ). Сочетание *иметь счастье* в русском языке обозначает формулу вежливости, употребляемую в значении ‘удостоиться чего-л.’ (ТСРЯУ). Ср.: *Мы тоже задумались о счастье и вскоре в поисках его оказались на площади Мира. “Счастье есть. Его не может не быть” – странным образом при первом же*

взгляде не здание мэрии пришли на ум слова Раисы Максимовны (Весенние диалоги // Встреча (Дубна). 2003. 3 мая).

В категории «объект» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является *жизнь* (45; 25 %). *Жизнь*, по словам В.А. Туева и А.А. Суловой, – это энергия, бодрость, полнота духовных и нравственных сил, источник радости, счастья. Жизнь как своего рода мысль и жизненная необходимость имеет смысл для каждого [Туев, Сулова, 2019]. «Искать смысл жизни, свое место в обществе, свое духовное состояние, свое призвание – значит искать истинный путь, который приведет к счастью» [Шандулаева, 2009]. Счастье означает степень, с которой индивид оценивает общее состояние своей жизни как положительное [Veenhoven, 1991]. Е.О. Смолина, характеризуя счастье, приводит мнение И.А. Джидарьян о том, что в обыденном сознании людей счастье ассоциируется с постоянной, полной и обоснованной удовлетворенностью жизнью и ее условиями [Смолева, 2016, с. 77]. Ср.: *Потому что только после лагерей можно почувствовать, какое это счастье – жизнь и воля* (Радзинский Э. Наш Декамерон. 1980–1990).

В категории «оценка» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является *хорошо* (27; 31.03 %). А.Д. Шмелев пишет, что слово *счастье* в рус-

ской культуре может употребляться в следующих случаях: «1) удача и счастье; 2) когда человеку так хорошо, что у него не остается неудовлетворенных желаний» [Шмелев, 2002, с. 175]. В безличном предложении русского языка слово *хорошо* выполняет функцию сказуемого и выражает значение ‘очень приятно, удачно’. Кроме того, слово *счастье* в функции сказуемого означает ‘хорошо, удачно, повезло’, что передает особое эмоциональное состояние радости, воодушевления после успешно завершённого дела. Ср.: *Конечно, когда Островский пишет “Правда хорошо, а счастье лучше”, то он думает, что счастье хорошо, а правда лучше* (Кржижановский С. Д. Пьеса и ее заглавие (1939) // Новое литературное обозрение. 2001. № 52).

В категории «время» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является *вечное* (7; 12.72 %). Слово *вечное* в русском языке означает ‘что-то бесконечное во времени, не имеющее ни начала, ни конца’. В то же время слово *вечное* в русском языке имеет значение ‘вневременное’ (подробнее см.: ТСРЯУ). Ср.: *И совершенно счастлив тот, кто умел подарить свою волю другому и стать свободным: это счастье вечное и ему будут вверены свет и утро вселенной* (Пришвин М. М. Дневники. 1920).

В категории «состояние» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является *свобода* (6; 12.5 %). Счастье человека и его свобода в русской культуре тесно связаны, ср.: *счастье в свободе* (из Посланий Учителя Света), *Свободу дайте мне – найду я счастье сам!* (Е.А. Баратынский). Для русского менталитета *счастье* – «в высшей гармонии духа» (Ф.М. Достоевский). Ср.: *Недаром в русском языке слово свет звучит как истина, счастье, свобода, как символ любимого существа – это земля, вселенная, это, наконец, люди* (Гранин Д. Искатели. 1954).

В категории «действие» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является *жить* (9; 20.93 %). Ср.: *Что такое счастье? Счастье – это жить в Советской стране! А что такое несчастье?* (Хайт А. Монологи, миниатюры, воспоминания. 1991–2000).

В категории «характеристика» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является *полное* (3; 7.31 %). Сочетаемость *полное счастье* отражено в русской классике: *Да! Пришло наконец это время, пришло в минуту удач, золотых надежд и самого полного счастья, все вместе, все разом пришло!* (Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. 1861); *Делюсь я с тобою властью, Слуга твоей красоты, За то, что полное счастье, Последнее счастье – ты* (Гумилев С. Канцона третья: «Как тихо стало в природе...»). 1918). Ср.: *А если рядом море и солнце встает каждый день – это уже полное счастье и благополучие* (Дорофеев А. Эле-Фантик // Мурзилка. 2003).

В категории «выражение» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является *улыбка* (3; 7.32 %). *Улыбка* в русском языке – это ‘внешнее проявление счастливого эмоционального состояния’. Ср.: *Мент опустил дубину и повернулся (наконец-то) к нам лицом: на юном лице застыло счастье, улыбка длящейся девственной радости* (Маканин В. Андеграунд, или Герой нашего времени. 1996–1997).

В категории «причина» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является *встреча* (2; 10.53 %). Г.И. Урбанович строит лексико-семантические поля «судьба, счастье, удача» в русском языке и пишет, что «в поле судьбы, счастья присутствуют модели, которые указывают на способ обретения судьбы [Урбанович, 2007, с. 7]. Ср.: *Они приближают окончательную победу, общее счастье, счастье жить опять в родном городе, счастье встречи и совместной, хорошей жизни* (Патрунов Ф. Детские письма с двумя штампами цензуры // Наука и жизнь. 2007).

В категории «свет» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является *свет* (8; 44.44 %). Слово *свет* в русском языке означает: ‘лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым; электромагнитные волны в интервале частот, воспринимаемых глазом’. Кроме того, *свет* – это в переносном значении ‘блеск глаз под влиянием какого-л. чувства, радостное, ясное выражение лица’ (подроб-

нее см.: ТСРЯУ). Отсюда вытекает объяснение значения прилагательного *светлый* – ‘ничем не омраченный; радостный, счастливый’ (ЕНСРЯЕ). Все эти смысловые элементы являются частью эмоционального ‘счастья’, потому что счастливый человек полон света, излучает его, чтобы сделать других счастливее [Мартынова, 2020]. Е.В. Комаров выделяет метафорическую модель концепта «Счастье» в русском языковом сознании: *счастье – это свет* [Комаров, 2016, с. 68]. По его мнению, счастье как «интенсивное, как правило, кратковременное эмоциональное состояние часто метафорически переосмысливается и уподобляется источнику света, который заставляет сиять и светиться лицо и глаза» [Комаров, 2016, с. 68]. Ср.: *И ощутил в себе свет как счастье* (Васильева Лариса. Озаренная // Наука и религия. 2011).

В категории «расстояние» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является *близко* (10; 62.5 %). «Россиянам крайне важны отношения с родными и близкими» [Каюмова, Пепельницына, 2016], то есть в русской культуре считается важным, чтобы близкие друг другу люди были счастливы. Вероятно, данную реакцию можно отнести к прецедентному высказыванию *А счастье было так возможно, / Так близко!* из романа в стихах «Евгений Онегин» А.С. Пушкина (глава 8, строфа 47, монолог Татьяны). В данном высказывании речь идет о несостоявшемся счастье, о неиспользованных возможностях, которые в настоящий момент уже упущены. При этом в русском языковом сознании в концепте «Счастье» – «в отличие от его западных аналогов – наблюдается ключевой мотив русской языковой картины мира: противопоставление “низкого”, “бытового” и “высокого”, только “высокое” имеет здесь целиком земное содержание и не может пониматься как “горнее”» [Шмелев, 2002, с. 180]. Ср.: *Ходили чуть ли не по всему городу, два раза чуть под пули не угодили, а оказалось, что “счастье так близко, так возможно”* (Пантелеев А. И. Ленка Пантелеев. 1938–1952).

В категории «цвет» концепта «Счастье» самой частотной реакцией носителей русской культуры является *розовый*. В русском языке слово *розовый* – в переносном значении

‘ничем не омраченный, заключающий в себе только светлое, радостное и приятное’ (подробнее см.: ТСРЯУ). Розовый цвет в русской культуре символизирует удовольствие, радость и счастье [Бочкарев, 2017]. Ср.: *Для многих нынешним символом нашего города предстают не роскошные новостройки, а жакетовские двухэтажки, крашенные в розовый цвет, очевидно, для придания жизни радостного оттенка* (Кириллин А. С собой не возьму // Сибирские огни. 2012).

В категории «животные» концепта «Счастье» наиболее частотна реакция *птица* (4; 66.67 %). В русском языке слово *птица* имеет коннотативное значение: ‘человек с точки зрения его общественного положения и значения’ (ср.: *птица высокого полета*) (подробнее см.: ТСРЯУ). Как отмечает Г.Ш. Унарокова, в синонимический ряд лексемы *счастье* входит фразеологизм *синяя птица* [Унарокова, 2014, с. 88]. В русской культуре синяя птица понимается как символ счастья, то, что воплощает для кого-либо высшее счастье. Ср.: *И уплывет у Нинки из рук синяя птица – счастливая судьба неработающей домохозяйки* (Гинзбург Е. С. Крутой маршрут. Часть 1. 1967).

С опорой на методику концептуального анализа Л.О. Чернейко (подробно см.: [Чернейко, 1997; 2019; и др.]), на работу [Комаров, 2016] и на основе данных ассоциативного поля лексемы *счастье* и выделенных базовых когнитивных категорий были определены некоторые метафорические модели (X – ЭТО Y) концепта «Счастье» в русском языковом сознании.

«Счастье – это живое существо». В рамках данной метафоры рассматриваемый концепт мыслится как живое существо, что выражается с помощью глаголов: прийти (*счастье пришло*), приходиться (*счастье приходит*), уйти (*счастье ушло*), быть (*счастье будет, счастье было*), существовать (*счастье существует*), дать (*счастье дано человеку*), ждать (*счастье ждет*), бывать (*счастье бывает*) и др. Например: *Если бы тогда мне сказали, что через несколько дней я буду на совещании вместе с товарищем Сталиным, что я буду сидеть от него так близко, что смогу следить за каждым его жестом, я бы не поверил. Счастье пришло*

неожиданно (Разумовский Ф. Миражи счастья // Знание – сила. 1998).

«Счастье – это свет». В рамках данной метафоры концепт «Счастье» мыслится как свет, что выражается с помощью следующих слов: свет (*счастье → свет*), светить (*счастье светило*), светлый (*светлое счастье*), сияние (*счастье → сияние*). Например: *Ты его спрячь и не трогай, а на новый год он принесет тебе большое светлое счастье!* (Воробьев К. Вот пришел великан. 1971).

«Счастье – это место нахождения (или пространство)». В рамках данной метафоры концепт «Счастье» мыслится как место нахождения, что выражается с помощью следующих слов: дома (*счастье → дома*), гараж (*счастье → гараж*), земля (*счастье → земля*), Питер (*счастье → Питер*), рай (*счастье → рай*). Например: *Я вот всех их знаю-люблю, боюсь за них и за рану-мать, и за отца-челку, а в счастье своем никогда не признаюсь»* (Некрасова Е. Ложь-молодежь. Повести-близнецы // Волга. 2016).

«Счастье – это объект». В рамках данной метафоры концепт «Счастье» мыслится как объект действия, что выражается с помощью следующих слов: любить (*любить счастье*), жить (*жить в счастье*), искать (*искать счастье*), найти (*найти счастье*), хотеть (*хотеть счастье*), обретать (*обретать счастье*) и др. Например: *Он убегает из дома и начинает жизнь, окутанную во лжи, но с определенной целью – вернуть счастье в их дом, и чтобы мама и папа снова были вместе* (Форум. Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь». 2006–2011).

«Счастье – это еда». В рамках данной метафоры концепт «Счастье» мыслится как еда, что выражается с помощью следующих слов: еда (*счастье → еда*), мороженое (*счастье → мороженое*), пиво (*счастье → пиво*), пирог (*счастье → пирог*). Например: *Кусай, доходной... да на счастье! Да кусай, некраденое!* (Павлов О. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь. 2001).

Заключение

В основе эмотивного концепта «Счастье» лежат сложные культурно насыщенные ког-

нитивные признаки, характерные для мировоззрения и миропонимания носителей русской культуры. Применение лексикографического и психолингвистического подходов к изучению эмотивного концепта дало возможность установить глубинную взаимосвязь языка, культуры и (языкового) сознания, а также значимые для русского менталитета смыслы. Предложенный в работе алгоритм лингвистического анализа позволяет раскрыть особую систему представлений носителей того и иного языка, которая лежит в основе содержания эмотивных концептов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аругюнова Н. Д., 1990. Теория метафоры. М. : Прогресс. 512 с.
- Балясникова О. В., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Чулкина Н. Л., 2018. Языковое сознание: региональный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. № 22 (2). С. 232–250.
- Бочкарев А. Е., 2017. О цветовых обозначениях чувств и эмоций в русском языковом сознании // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 4. С. 43–51.
- Вахненко А. П., 2018. Сочетаемость абстрактного существительного «счастье» // Вопросы науки и образования. № 6 (18). С. 93–97.
- Вежбицкая А., 1999. Семантические универсалии и описание языков. М. : Яз. рус. культуры. 776 с.
- Воркачѳ С. Г., 2004. Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис. 236 с.
- Воробьев В. В., 1997. Лингвокультурология: теория и методы. М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов. 331 с.
- Карасик В. И., 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М. : Гнозис. 389 с.
- Карпова Н. С., 2015. Концепт «счастье» в чувашской лингвокультуре // Вестник Чувашского государственного педагогического университета. № 4 (88). С. 41–45.
- Каюмова А. Х., Пепельницына П. А., 2016. Благополучие россиян в 2015 году // Достижения науки и образования. № 11 (12). С. 41–45.
- Колесов В. В., 2002. Философия русского слова. СПб. : Юна. 444 с.
- Комаров Е. В., 2016. Корпусное исследование метафор, объективирующих концепт «счастье» в современном русском языке // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 4 (59). С. 65–72.

- Красных В. В., 1998. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М. : Диалог-МГУ. 350 с.
- Красных В. В., 2001. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М. : Гнозис. 270 с.
- Леонтьев А. А., 1993. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 16–21.
- Ли Цианьхуа, Смирнов И. Б., 2013. Концепт «счастье» в китайских пословицах и поговорках // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Т. 1, № 3. С. 175–185.
- Малышева Н. А., 2015. Лингвокогнитивная специфика эмоциональных концептов «Радость – счастье» // Инновационная наука. № 11-2. С. 236–240.
- Мальчакитова Н. Ю., 2011. Концепт счастье в языковой картине мира эвенков и русских // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. № 10. С. 50–53.
- Мартынова Е. М. 2020. Свето- и цветономинации фелицитарного аспекта существования человека // Вестник Череповецкого государственного университета. № 3 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sveto-itsvetonominatsii-felitsitarnogo-aspekta-suschestvovaniya-cheloveka>
- Нечаева Е. Ф., 2010. Что говорят о языковом сознании слова-паразиты (на материале русского и французского языков) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 98–101.
- Олянич А. В., 2015. Концепт как представление // Поволжский педагогический журнал. № 2 (7). С. 121–129.
- Пименова М. В., 2011. Концептуальные исследования и национальная ментальность // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. № 4. С. 126–132.
- Смолева Е. О., 2016. Факторы счастья и удовлетворенности жизнью населения региона: социологический аспект // Проблемы развития территории. № 6 (86). С. 76–93.
- Соловар В. Н., 2016. Вербализация концепта «счастье, удача» в хантыйском языке (на фоне русского и татарского языков) // Вестник угроведения. № 3 (26). С. 77–85.
- Степанов Ю. С., 1997. Константы: словарь русской культуры. М. : Яз. рус. культуры. 824 с.
- Тарасов Е. Ф., 2000. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 24–32.
- Тарасов Е. Ф., 2014. Прологомены к теории языкового сознания // Вопросы психолингвистики. № 4 (22). С. 24–35
- Телия В. Н., 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Яз. рус. культуры. 288 с.
- Тимофеева И. Ю., 2020. Концепт «счастье» в русской культуре // Инновационные аспекты развития науки и техники : сб. избр. ст. II Международный науч.-практ. конф. Саратов : Цифровая наука. С. 186–194.
- Туев В. А., Сулова А. А., 2019. Понимание счастья в контексте смысла жизни человека // Вестник Бурятского государственного университета. № 3. С. 28–37.
- Туралина Н. А., Гулик Е. В., 2010. Репрезентанты концепта счастье в прозе Виктории Токаревой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 6 (50). С. 75–78.
- Унарокова Г. Ш., 2014. Лексико-семантическая организация концепта «Счастье / happiness» в русском и английском языках // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. № 2 (140). С. 86–90.
- Унарокова Р. Б., Унарокова. Г. Ш., 2012. Лингвокультурный концепт «насып / счастье» в адыгейском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2, Филология и искусствоведение. № 3. С. 244–247.
- Урбанович Г. И., 2007. Генетическая характеристика лексико-семантического поля «судьба, счастье, удача» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 23 с.
- Уфимцева Н. В., 1983. Опыт экспериментального исследования развития словесного значения // Психолингвистические проблемы семантики : сб. науч. ст. / под ред. А. А. Леонтьева, А. М. Шахнарович. М. : Наука. С. 140–180.
- Уфимцева Н. В., 2013. Идеи Ф. Де Соссюра в психолингвистическом прочтении // Вопросы психолингвистики. № 1 (17). С. 44–51.
- Черкашина Е. А., 2016. Концепт «счастье» в русском языке // Вестник Таганрогского института им. А.П. Чехова. № 2. С. 38–43.
- Чернейко Л. О., 1997. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М. : URSS. 319 с.
- Чернейко Л. О., 2019. Понятия «проекция» и «проективный смысл» в терминосистеме когнитивной лингвистики // Критика и семиотика. № 2. С. 158–170.
- Чжан Бин, Янь Кай, 2022. Культурно-национальная специфика семантики слова «счастье» в русском языке: лексикографический аспект // Актуальные вопросы филологии

- и лингводидактики : моногр. памяти проф. Ф.А. Литвина. Орел : Картуш. С. 127–133.
- Шандулаева А. И., 2009. Неразрывность смысла, счастья и истины жизни // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1, Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 1. С. 20–25.
- Шаховский В. И., 1987. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 190 с.
- Шмелев А. Д., 2002. Русская языковая модель мира : материалы к слов. М. : Яз. слав. культуры. 224 с.
- Янь Кай, 2018. Анализ лексических средств выражений эмоций в современном русском языке и в художественных текстах И.А. Бунина (радость, удивление, страх) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 34 с.
- Янь Кай, Чжан Бин, 2022. Базовые когнитивные категории концепта счастье в русском языковом сознании // Когнитивные исследования языка. Вып. 4 (51). Язык – социальная когниция – коммуникация : материалы XI Междунар. конгр. по когнитив. лингвистике. Тамбов : Державинский. С. 835–838.
- Яо Жун, 2019. Концепт счастье в русском и китайском языковых сознаниях // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 8, № 4 (29). С. 312–315.
- Veenhoven R., 1991. Is Happiness Relative? // Social Indicators Research. Vol. 24, № 1. P. 1–34.

ИСТОЧНИК

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

СЛОВАРИ

- БТСРЯК – Большой толковый словарь русского языка Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
- ЕВРАС – Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>
- ЕНСРЯЕ – Ефремова Т. Ф., 2000. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2 т. М. : Рус. яз. 2 т.
- МАС – Малый академический словарь. URL: <https://gufo.me/dict/mas>
- РАС – Русский ассоциативный словарь. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/>
- САС – Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А., Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф. Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский,

болгарский, украинский. М. : [б. и.], 2004. – 800 с. URL: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS_pdf/SAS.pdf

- СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (Сибирь и Дальний Восток). URL: <http://adictru.nsu.ru/>
- ТСЖВЯД – Толковый словарь живого великорусского языка Даля. URL: <https://gufo.me/dict/dal>
- ТСД – Толковый словарь Дмитриева. URL: <https://gufo.me/dict/dmitriev>
- ТСРЯУ – Толковый словарь русского языка Ушакова. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov>
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь. URL: <https://rus-philosophy-enc.slovaronline.com/>

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1990. *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, Progress Publ. 512 p.
- Balyasnikova O.V., Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Chulkina N.L., 2018. Yazykovoe soznanie: regionalnyy aspekt [Linguistic Consciousness: Regional Aspect]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], no. 22 (2), pp. 232–250.
- Bochkarev A.E., 2017. O tsvetovykh oboznacheniyakh chuvstv i emotsiy v russkom yazykovom soznanii [Color Terms of Feelings and Emotion in the Russian Language Consciousness]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 4, pp. 43–51.
- Vakhnenko A.P., 2018. Sochetaemost abstraktnogo sushchestvitelnogo «schaste» [Matching Abstract Noun “Happiness”]. *Voprosy nauki i obrazovaniya* [Questions of Science and Education], no. 6 (18), pp. 93–97.
- Vezhbitskaya A., 1999. *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic Universals and Descriptions of Languages]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 776 p.
- Vorkachev S.G., 2004. *Schastye kak lingvokulturnyy kontsept* [Happiness as a Linguocultural Concept]. Moscow, Gnozis Publ. 236 p.
- Vorobyev V.V., 1997. *Lingvokulturologiya: teoriya i metody* [Cultural Linguistics: Theory and Methods]. Moscow, Izd-vo Ros. un-ta družby narodov. 331 p.
- Karasik V.I., 2004. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, and Discourse]. Moscow, Gnozis Publ. 389 p.
- Karpova N.S., 2015. Kontsept «schaste» v chuvashskoy lingvokulture [The Concept of

- “Happiness” in the Chuvash Linguistic Culture]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Chuvash State Pedagogical University Bulletin], no. 4 (88), pp. 41-45.
- Kayumova A.Kh., Pepelnitsyna P.A., 2016. Blagopoluchie rossiyan v 2015 godu [Well-Being of Russians in 2015]. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya*, no. 11 (12), pp. 41-45.
- Kolesov V.V., 2002. *Filosofiya russkogo slova* [Philosophy of the Russian Word]. Saint Petersburg, Yuna Publ. 444 p.
- Komarov E.V., 2016. Korpusnoe issledovanie metafor, obyektiviruyushchikh kontsept «schaste» v sovremennom russkom yazyke [Corpus Study of Metaphors That Objectify the Concept of “Happiness” in the Modern Russian Language]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologii* [In the World of Science and Art: Issues of Philology, Art and Culturology], no. 4 (59), pp. 65-72.
- Krasnykh V.V., 1998. *Virtualnaya realnost ili realnaya virtualnost?* [Virtual Reality or Real Virtuality?]. Moscow, Dialog-MGU Publ. 350 p.
- Krasnykh V.V., 2001. *Osnovy psikholingvistiki i teorii kommunikatsii* [Fundamentals of Psycholinguistics and Communication Theory]. Moscow, Gnozis Publ. 270p.
- Leontev A.A., 1993. Yazykovoe soznanie i obraz mira [Linguistic Consciousness and the Image of the World]. *Yazyk i soznanie: paradoksalnaya ratsionalnost* [Language and Consciousness: Paradoxical Rationality]. Moscow, In-t yazykoznaniya RAN, pp. 16-21.
- Li Tsankhua, Smirnov I.B., 2013. Kontsept «schaste» v kitayskikh poslovitsakh i pogovorkakh [The Concept of “Happiness” in Chinese Proverbs and Sayings]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], vol. 1, no. 3, pp. 175-185.
- Malysheva N.A., 2015. Lingvokognitivnaya spetsifika ehmotSIONalnykh kontseptov «Radost – schaste» [Linguocognitive Specificity of Emotional Concepts “Joy – Happiness”]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovation Science], no.11-2, pp. 236-240.
- Malchakitova N.Yu., 2011. Kontsept schaste v yazykovoy kartine mira evenkov i russkikh [The Concept of Happiness in the Language Picture of the World of Evenks and Russians]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [BSU Bulletin. Philosophy], no. 10, pp. 50-53.
- Martynova E.M., 2020. Svet- i tsvetonominatsii felitsitarnogo aspekta sushchestvovaniya cheloveka [Light and Color Nominations of the Felicitative Aspect of Human Existence]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], no. 3 (96). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sveto-i-tsvetonominatsii-felitsitarnogo-aspekta-suschestvovaniya-cheloveka>
- Nechaeva E.F., 2010. Chto govoryat o yazykovom soznanii slova-parazity (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) [What Do Parasitic Words Say About Linguistic Consciousness (On the Basis of Russian and French Languages)]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 98-101.
- Olyanich A.V., 2015. Kontsept kak predstavlenie [Concept as Representation]. *Povolzhskiy pedagogicheskii zhurnal*, no. 2 (7), pp. 121-129.
- Pimenova M.V., 2011. Kontseptualnye issledovaniya i natsionalnaya mentalnost [Conceptual Investigations and National Mentality]. *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Humanitarian Vector. Series: Pedagogy, Psychology], no. 4, pp. 126-132.
- Smoleva E.O., 2016. Faktory schastya i udovletvorennosti zhiznyu naseleniya regiona: sotsiologicheskii aspekt [Happiness Factors and Life Satisfaction of the Region’s Population: Sociological Aspect]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory’s Development], no. 6 (86), pp. 76-93.
- Solovar V.N., 2016. Verbalizatsiya kontsepta «schaste, udacha» v khantyyskom yazyke (na fone russkogo i tatarskogo yazykov) [Verbalization of the Concept “Happiness, Luck” in the Khanty Language (Against the Background of the Russian and Tatar Languages)]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], no. 3 (26), pp. 77-85.
- Stepanov Yu.S., 1997. *Konstanty: slovar russkoy kultury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 824 p.
- Tarasov E.F., 2000. Aktualnye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Actual Problems of the Analysis of Linguistic Consciousness]. *Yazykovoe soznanie i obraz mira* [Linguistic Consciousness and the Image of the World]. Moscow, In-t Yazykoznaniya RAN, pp. 24-32.
- Tarasov E.F., 2014. Prolegomeny k teorii yazykovogo soznaniya [Prolegomena to the Theory of Linguistic Consciousness]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 4 (22), pp. 24-35.
- Teliya V.N., 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i*

- lingvokulturologicheskiy aspekty* [Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguoculturological Aspects]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ. 288 p.
- Timofeeva I.Yu., 2020. Kontsept «schastye» v russkoy culture [The Concept of “Happiness” in Russian Culture]. *Innovatsionnye aspekty razvitiya nauki i tekhniki: sb. izbr. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Innovative Aspects of the Development of Science and Technology. Collection of Selected Articles of the 2nd International Scientific and Practical Conference]. Saratov, Tsifrovaya nauka Publ., pp. 186-194.
- Tuev V.A., Suslova A.A., 2019. Ponimanie schastya v kontekste smysla zhizni cheloveka [Happiness Perception in the Context of the Meaning of Human Life]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University], no. 3, pp. 28-37.
- Turanina N.A., Gulik E.V., 2010. Rerezentanty kontsepta schaste v proze Viktorii Tokarevoy [Representatives of the Concept of Happiness in the Prose of Victoria Tokareva]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 6 (50), pp. 75-78.
- Unarokova G.Sh., 2014. Leksiko-semanticheskaya organizatsiya kontsepta «Schaste / happiness» v russkom i anglijskom yazykakh [The Lexico-Semantic Organization of a Concept “Happiness” in the Russian and English language]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History], no. 2 (140), pp. 86-90.
- Unarokova R.B., Unarokova. G.Sh., 2012. Lingvokulturnyy kontsept «nasyp / schaste» v adygeyskom yazyke [Linguocultural Concept “nasyp / Happiness” in the Adyghean Language]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series 2. Philology and Art History], no. 3, pp. 244-247.
- Urbanovich G.I., 2007. *Geneticheskaya kharakteristika leksiko-semanticheskogo polya «sud’ba, schast’e, udacha» v russkom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Genetic Characteristics of the Lexical-Semantic Field “Fate, Happiness, Luck” in the Russian Language. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 23 p.
- Ufimtseva N.V., 1983. Opyt eksperimentalnogo issledovaniya razvitiya slovesnogo znacheniya [Experimental Study of the Development of Verbal Meaning]. Leontev A.A., Shakhnarovich A.M., eds. *Psikholingvisticheskie problemy semantiki: sb. nauch. st.* [Psycholinguistic Problems of Semantics. Collection of Scientific Articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 140-180.
- Ufimtseva N.V., 2013. Idei F. De Sossyura v psikholingvisticheskom prochtenii [De Sossur’s Ideas in a Psycholinguistic Perspective]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 1 (17), pp. 44-51.
- Cherkashina E.A., 2016. Kontsept «schaste» v russkom yazyke [The Concept of “Happiness” in Russian]. *Vestnik Taganrogskogo instituta im. A.P. Chekhova* [Journal of the A.P. Chekhov Taganrog Institute], no. 2, pp. 38-43.
- Cherneyko L.O., 1997. *Lingvofilosofskiy analiz abstraktnogo imeni* [Linguo-Philosophical Analysis of an Abstract Name]. Moscow, URSS Publ. 319 p.
- Cherneyko L.O., 2019. Ponyatie «proektsiya» i «proektivnyy smysl» v terminosisteme kognitivnoy lingvistiki [The Concept of “Projection” and “Projective Meaning” in the Term System of Cognitive Linguistics]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], no. 2, pp. 158-170.
- Chzhan Bin, Yan Kay, 2022. Kulturno-natsionalnaya spetsifika semantiki slova «schastye» v russkom yazyke: leksikograficheskiy aspekt [Cultural and National Specifics of the Semantics of the Word “Happiness” in the Russian Language: Lexicographic Aspect]. *Aktualnye voprosy filologii i lingvodidaktiki: monogr. pamyati prof. F.A. Litvina* [Topical Issues of Philology and Linguodidactics. Monograph in Memory of Professor F.A. Litvin]. Orel, Kartush Publ, pp. 127-133.
- Shandulaeva A.I., 2009. Nerazryvnost smysla, schastya i istiny zhizni [Inseparability of Meaning, Happiness and Truth of Life]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1. Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies], no. 1, pp. 20-25.
- Shakhovskiy V.I., 1987. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexico-Semantic System of the Language]. Voronezh, Izd-vo Voronezh. un-ta. 190 p.
- Shmelev A.D., 2022. *Russkaya yazykovaya model mira: materialy k slovaryu* [Russian Language Model of the World: Materials for the Dictionary]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 224 p.

- Yan Kay, 2018. *Analiz leksicheskikh sredstv vyrazheniy emotsiy v sovremennom russkom yazyke i v khudozhestvennykh tekstakh I.A. Bunina (radost', udivlenie, strakh): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Analysis of Lexical Means of Expressing Emotions in the Modern Russian Language and in Literary Texts I.A. Bunina (Joy, Surprise, Fear). Cand. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 34 p.
- Yan Kay, Chzhan Bin, 2022. Bazovye kognitivnye kategorii kontsepta schastye v russkom yazykovom soznanii [Basic Cognitive Categories of the Concept of Happiness in the Russian Language Consciousness]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. Vyp. 4 (51). Yazyk – sotsialnaya kognitsiya – kommunikatsiya: materialy XI Mezhdunar. kongr. po kognitiv. lingvistike [Cognitive Studies of Language. Iss. 4 (51). Language – Social Cognition – Communication. Proceedings of the 11th International Congress on Cognitive Linguistics]. Tambov, Derzhavinsky Publ., pp. 835-838.
- Yao Zhun, 2019. Kontsept schaste v russkom i kitayskom yazykovykh soznaniyakh [The Concept of Happiness in Russian and Chinese Language Consciousness]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], vol. 8, no. 4 (29), pp. 312-315.
- Veenhoven R., 1991. Is Happiness Relative? *Social Indicators Research*, vol. 24, no. 1, pp. 1-34.
- SOURCE**
- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [The Russian National Corpus]. URL: <https://ruscorpora.ru>
- DICTIONARIES**
- Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka Kuznetsova* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language by Kuznetsov]. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov>
- Russkiy regionalnyy assotsiativnyy slovar-tezaurus* [Russian Regional Associative Dictionary-Thesaurus]. URL: <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/evras>
- Efremova T.F. *Novyy slovar russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatelnyy: v 2 t.* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory-Word-Formation. In 2 Vols.]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2000.
- Malyy akademicheskiy slovar* [Small Academic Dictionary]. URL: <https://gufo.me/dict/mas>
- Russkiy assotsiativnyy slovar* [Russian Associative Dictionary]. URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/>
- Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Karaulov Yu.N., Tarasov E.F. *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar: russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy* [Slavic Associative Dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow, s. n., 2004. 800 p. URL: http://it-claim.ru/Projects/ASIS/SAS/SAS_pdf/SAS.pdf
- Russkaya regionalnaya assotsiativnaya baza dannykh (Sibir i Dalniy Vostok)* [Russian Regional Associative Database (Siberia and Far East)]. URL: <http://adictru.nsu.ru/>
- Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka Dalya* [Dahl's Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. URL: <https://gufo.me/dict/dal>
- Tolkovyy slovar Dmitrieva* [Dictionary by Dmitriev]. URL: <https://gufo.me/dict/dmitriev>
- Tolkovyy slovar russkogo yazyka Ushakova* [Explanatory Dictionary of the Russian Language by Ushakov]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov>
- Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. URL: <https://rus-philosophy-enc.slovaronline.com/>

Information About the Authors

Yan Kai, PhD (Philology), Associate Professor, Researcher, Head of the Department of Russian Language as a Foreign Language, Acting Head of the Center for the Study of Russia and Central Asia, School of International Studies of Sun Yat-Sen University, Tang Qi St, 191186 Zhuhai, China, yankai3@mail.sysu.edu.cn

Zhang Bin, Scientific Assistant, Department of Russian Language, School of International Studies of Sun Yat-Sen University, Tang Qi St, 191186 Zhuhai, China, zhangb286@mail2.sysu.edu.cn

Информация об авторах

Янь Кай, PhD (филология), доцент, научный сотрудник, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, и. о. руководителя Центра исследований России и Центральной Азии, Школа международного перевода Университета им. Сунь Ятсена, ул. Тан Ци, 191186 г. Чжухай, Китай, yankai3@mail.sysu.edu.cn

Чжан Бинь, научный ассистент факультета русского языка, Школа международного перевода Университета им. Сунь Ятсена, ул. Тан Ци, 191186 г. Чжухай, Китай, zhangb286@mail2.sysu.edu.cn

ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЭМОЦИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.10>

UDC 81'23:371.32
ЛБС 81.006

Submitted: 05.10.2022
Accepted: 05.12.2022

EMOTIONAL EFFECT OF TEACHERS' DISCOURSE IN A MULTICULTURAL CLASSROOM¹

Qing Zhou

South China Business College, Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China;
Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Souhila Laiche

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Tatiana V. Larina

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Abstract. The manifestation, meaning, categorization of emotions, as well as the factors that cause them, have cultural characteristics. To build successful intercultural interaction it is necessary to be aware of them. This study explores classroom discourse and emotions of international students in a multicultural classroom. Our goal is to determine what emotions the discourse of Russian teachers evokes in students from different lingua-cultures and which speech acts have an emotional perlocutionary effect. The material was obtained through a questionnaire with the participation of 70 international students (45 Chinese and 25 Algerian). We focus on emotions and emotional states of surprise, happiness, sadness and offense. Being drawn on qualitative and quantitative methods the comparative analysis showed that the behavior of Russian teachers is more likely to surprise Chinese students than Arab ones, besides Chinese students experience negative emotions and states more often than Arabs which may indicate a greater cultural distance. In relation to speech acts that evoke the emotions, we identified some similarities and differences, which are discussed through the type of culture and cultural values. The results contribute to the study of culture specific features of emotions in communication. They specify the factors that evoke emotions in students belonging to different lingua-cultures, and can contribute to the successful interaction of Russian teachers with international students in a multicultural classroom.

Key words: emotion, emotionalization, classroom discourse, emotional effect, multicultural classroom, cultural values, communicative ethnostyle.

Citation. Zhou Q., Laiche S., Larina T.V. Emotional Effect of Teachers' Discourse in a Multicultural Classroom. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 123-137. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.10>

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ЭФФЕКТ РЕЧИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ
В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ КЛАССЕ¹****Цин Чжоу**Южно-Китайский коммерческий институт при Гуандунском университете иностранных языков
и международной торговли, г. Гуанчжоу, Китай;
Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия**Сухила Лаиш**

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Татьяна Викторовна Ларина

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Аннотация. Проявление, значение, категоризация эмоций, как и вызывающие их факторы, имеют культурные особенности, знание которых необходимо для построения успешного межкультурного взаимодействия. Данное исследование посвящено учебному дискурсу и эмоциям студентов в многонациональном классе. Цель работы – определить, какие эмоции вызывает дискурс российского преподавателя у студентов, принадлежащих к разным лингвокультурам, и какие именно речевые акты имеют тот или иной эмоциональный перлокутивный эффект. Материал для исследования был получен в ходе анкетирования, в котором приняли участие 70 иностранных студентов, обучающихся в России (45 китайских и 25 алжирских). В центре внимания были эмоции и эмоциональные состояния удивления, радости, огорчения и обиды. Сопоставительный анализ с применением качественного и количественного методов показал, что поведение российского учителя вызывает удивление чаще у китайских студентов, чем у арабских, при этом китайские студенты чаще испытывают негативные эмоции и состояния, что может свидетельствовать о большей культурной дистанции. Речевые акты, провоцирующие те или иные эмоции, также обнаруживают сходства и различия, которые обсуждаются через типы культуры и культурные ценности. Результаты исследования позволяют уточнить факторы, влияющие на эмоции студентов, принадлежащих к разным лингвокультурам, и способствуют изучению культурно-специфичных особенностей эмоциональной коммуникации – их учет может повысить эффективность взаимодействия российских преподавателей с иностранными студентами в мультикультурном классе. *Вклад авторов:* Цин Чжоу – сбор, анализ и описание китайского материала; Сухила Лаиш – сбор, анализ и описание арабского материала; Т.В. Ларина – постановка проблемы, разработка концепции, описание результатов и формирование выводов исследования.

Ключевые слова: эмоция, эмоционализация, учебный дискурс, эмоциональный эффект, мультикультурный класс, культурные ценности, коммуникативный этностиль.

Цитирование. Чжоу Ц., Лаиш С., Ларина Т. В. Эмоциональный эффект речи преподавателя в мультикультурном классе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 123–137. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.10>

Introduction

Language and emotion are the two fundamental systems involved in communication. Their correlation is in the focus of numerous interdisciplinary studies (e.g.: [Alba-Juez, 2018; Alba-Juez, Larina, 2018; Foolen, 2012; Ionova, 2015; 2019; Ionova, Shakhovskiy, 2018; Lerner, Rivkin-Fish, 2021; Mackenzie, Alba-Juez (eds.), 2019; Shakhovskiy, 2008; 2009; 2015; Shakhovskiy, 2018; Wierzbicka, 1999; etc.]). They show that today, as Shakhovskiy stated, the study of emotions in language is one of the

most relevant linguistic problems [Shakhovskiy, 2008, p. 9].

Scholars draw attention to the emotions in social life (e.g.: [Bericat, 2016; Olson, Bellocchi, Dadich, 2020]) and highlight “the pervasive presence of emotionality in contemporary culture, where emotions become more important and formative than anything else” [Lerner, Rivkin-Fish, 2021, p. 5]. Emotionalisation viewed as legitimization and intensification of emotional discourse in public domain is observed in various settings, discourses and genres (e.g.: [Breeze, 2020; Larina, Ponton, 2022; Maíz-Arévalo, 2018;

Musolff, 2021; Ozyumenko, Larina, 2021; Bull, Waddle, 2021; Zappetini, Ponton, Larina, 2021]), including those which are traditionally regarded as non-emotional (e.g.: [Belyakov, 2015; Mackenzie, 2018]). It is also relevant in academic discourse [Deveci, Midraj, El-Sokkary, 2023; El-Dakhs et al., 2019; Lerner, Zbenovich, Kaneh-Shalit, 2021]. Shakhovsky rightly noted that emotions have become the most important components of the mind, thinking and linguistic consciousness of a modern person belonging to any lingua-culture [Shakhovsky, 2008, p. 5].

While emotions are universal, how they are experienced, expressed, perceived and variously regulated across cultures [Dewaele, 2010; 2014; Goddard, Ye, 2014; Larina, 2015; 2019; Wierzbicka 1999; 2001; etc.]. Differences between languages and cultures have an effect on how speakers perceive or experience their own and other's feelings, and might lead to misunderstandings in intercultural communication. In the context of intercultural interactions, the language of emotion takes a special importance [Gallois, 1993].

Emotions are recognized as being dependent on a type of culture and may be described with a set of sociocultural parameters and a type of culture. Matsumoto [1989] developed an emotional hypothesis based on the dimensions of culture proposed by Hofstede [Hofstede G., Hofstede G.Y., 2004] and suggested that (1) Expected power distance is connected to emotion perception; if high/low power distance is overlooked in communication, it might induce cultural shock; (2) Individualism-driven cultures will foster the expression of negative emotions and varied emotional judgments; (3) Anxiety or dread of the unknown is connected with uncertainty avoidance; (4) Gender differences in emotional expression and perception are to be expected in a masculine culture. Hofstede [Hofstede G., Hofstede G.Y., 2004] noted that in weak uncertainty avoidance cultures emotions should not be shown and in masculine cultures men should be emotionally reserved.

There are two basic approaches for looking into how language and emotion interact: one is investigating at how language affects emotion, while the other focuses on studying at how emotion influences language [Alba-Juez, Larina 2018, p. 10]. People typically convey emotions through language, and the expression of emotions

takes place at all linguistic levels: phonological, morphological, lexical, syntactic, semantic and pragmatic levels (e.g.: [Foolen, 2012, p. 349; Shakhovsky, 2009]). Additionally, they are capable of conceptualising a variety of emotions by using verbs like *love*, *surprise*, and *hate*; adjectives like *happy*, *sad*, and nouns like *sadness* or *jealousy* [Foolen, 2012, pp. 350-351] and express them by using these words. At the same time, language has the potential to affect how we feel or how we perceive the words of our interlocutor. Members of all cultures engage in daily interactions with these two systems simultaneously: any linguistic statement is made and understood in a natural discourse inside an emotional context.

One of the most crucial categories of speech acts in Austin's theory is the perlocutionary speech act [Austin, 1975, p. 105]. It is focused on how a speech can achieve a certain effect on the hearer, which is also well known as perlocutionary effect [Austin, 1975, p. 121]. As a kind of perlocutionary speech acts, emotive speech act has characteristics that impact the emotions in communication behavior [Piotrovskaya, Trushchelev, 2020]. Moreover, emotions are related to politeness (e.g.: [Langlotz, Locher, 2017; Spencer-Oatey, 2011; Yuasa, 2001]). Scholars single out *emotive politeness* [Larina, 2019], which concerns emotional sensitivity and consideration for the other's feelings, and appears to be (pre)determined by the sociocultural context [Larina, Ponton, 2022].

According to Ekman, there are six basic emotions – fear, anger, disgust, surprise, happiness, and sadness [Ekman, Cordaro, 2011]. More complexed emotions can also be studied from the combination of the six basic emotions. In the lexicon of emotions there is a dichotomy in the type of evaluative signs. For example, “happiness” is an emotion that is affected by the achievement of certain goals or ambitions, “sadness”, on the contrary, can be evoked by disappointment due to a failure.

In this study, we explore how teachers' discourse affects their students' emotional states in the classroom settings and focus on emotions/emotional states of *surprise*, *happiness*, *sadness* and *offense*. The classroom is an emotional environment. During classroom activities, both the teacher and the students experience a range of

emotions, from positive to negative [Hargreaves, 1998; Schutz, Lanehart, 2002]. A good and healthy emotional teaching atmosphere is essential to the success of education and the achievements of students [Becker et al., 2014; Bellocchi, 2015; Frenzel et al., 2009; Sutton, Wheatley, 2003]. On the contrary, an unhealthy classroom communication climate can lead students to frequent complaints about communication problems with their teachers, claiming to be offended or disappointed by them [Gretzky, Lerner, 2021, p. 212]. Negative emotions are a major factor explaining why many students do not live up to their potential and fail to pursue the educational career that would correspond to their abilities and interests [Pekrun, 2014, pp. 14-15]. Moreover, according to Denzin [1984], teaching and learning involve *emotional understanding*. Which is “an intersubjective process requiring that one person enter into the field of experience of another and experience for herself the same or similar experiences experienced by another” [Denzin, 1984, p. 137]. However, emotional misunderstandings between students and teachers may also occur especially in a multicultural classroom due to the differences in culture-specific communicative styles of teacher–student interaction.

When teachers come from different sociocultural backgrounds than their students, the emotional disparities become much wider. Emotional misunderstanding is a serious barrier in the educational process that prevents a comfortable psychological atmosphere in the classroom. Thus, studying the emotional understanding of teachers and students from various cultural backgrounds can provide us with useful insights and clues on how to change teaching and learning more broadly in this regard [Hargreaves, 1998]. Nevertheless, researchers seldom pay attention to emotional interactions between students and teachers from different cultural backgrounds in the classroom environment. This paper attempts to fill this gap by conducting an empirical study of emotional effect of Russian teacher discourse on Chinese and Arabic students.

Material and methods

The goals of the current study were to identify the variables that affect students’ emotional

responses to Russian teachers’ speech acts in classroom settings and to find out how the discourse of Russian teachers in multicultural classrooms affects Chinese and Arab students. As was already established, teacher’s communicative behaviours can either positively or negatively stimulate the emotions of their students. We will therefore focus on four emotional responses in this study, namely surprise, happiness, sadness and offense. First, we predicted that students from different cultural backgrounds would experience some surprise finding their teacher’s behavior sometimes unexpected. However, *surprise* can be either positive or negative because it is brought on by either unanticipated or incorrectly anticipated characteristics (e.g.: [Scherer, 1984]). Both positive “*happy*” and negative “*unhappy/sad*” emotions will be the subject of our research. Based on the sadness, we looked into another negative emotion called “*offense*.” Feeling offended is a negative emotion brought on by another person’s verbal or nonverbal act or omission. Damage to one’s image and self-image is what leads to feeling insulted, which is one of the so-called “self-conscious emotions” [Lewis, 2008; Poggi, D’Errico, 2018].

The study employs a mixed-methods approach that combines quantitative and qualitative methods of achieving the intended goals. The results were discussed drawing on cultural studies [Hofstede G., Hofstede G.Y., 2004].

The material for the study was obtained through a questionnaire. The questionnaire is divided into two parts: the first part contained four questions that allowed us to gauge how frequently various emotions (surprise, happiness, sadness and offense) occur. The participants were asked to identify the frequency of their emotions experienced in the international classrooms while being exposed to the Russian teachers’ discourse on the scale (Never/Seldom/Sometimes/Often/Always). The second part of the questionnaire is a discourse completion test (DCT), where the students were asked to specify the situation in which they experienced the forementioned emotions and provide examples of the Russian teachers’ discourse for each situation (see Appendix). Participants were recognized as Chinese and Arab students studying at Russian universities and included 45 Chinese students, and 25 Arab (Algerian) students.

The study was aimed at answering the following research questions:

1. How often do Chinese and Arab students experience emotions of surprise, happiness, sadness and offense caused by their Russian teacher's discourse?
2. What actions/acts of the teacher may surprise, delight, upset and offend Chinese and Arab students?
3. Are there any similarities and differences in the emotional perception of the Russian teacher's discourse by Chinese and Arab students?
4. Could the students' emotions and the factors, which evoke them, be related to the differences in students' culture, values and communicative ethnostyles?

Results and discussion

1. Surprise

The findings showed that the verbal behavior of Russian teachers may surprise both Chinese and Arab students. However, significant differences were found in the frequency of this emotion. The majority of students from China (57.78%) responded they were "sometimes" surprised by the mode of communication of their Russian teachers, "seldom" was chosen by 24.44%, while 8.89% chose "often" and 6.67% chose "never". Some students (2.22%) said they "always" feel surprised by their Russian teacher.

The majority of Arab participants selected "seldom" (44%), followed by 28% "sometimes" and 24% "never," with only 4% selecting "often" feeling surprised. This suggests that the Chinese students have more unexpected experiences in the Russian teachers' classrooms than the Arab students do (Fig. 1).

Moreover, the respondents' reactions can provide some insight into the teachers' acts or utterances which international students find unexpected and surprising.

The analysis of the Chinese material showed that the situations where the students feel surprised mostly deal with Russian teachers' expertise, which exceeds their expectations rather than with the performed speech acts. In our Chinese material, one of the most frequent response concerned the Russian teachers' knowledge of China and Chinese culture:

(1) When we were talking about world religions, I was surprised when the Russian teacher talked about Chinese Taoism and Confucianism².

当我们谈论到世界宗教的时候，俄罗斯老师谈论到中国的道教和儒教，我感到很吃惊。

(2) The teacher talked about some Chinese situations and culture in the classroom. Once the teacher talked about the "996 work schedule"³ in China and network words like "Lying flat"⁴; a philosophy teacher talked about Chinese Confucius, Mencius, Mozi and other Chinese classical philosophy, it was very unexpected and I felt surprised.

老师在课程中讲了一些中国以及中国文化的状况。有一次老师讲了中国的“996制度”还有“平”等网络词；还有哲学课的老师会把中国孔子孟子墨子等古典哲学精讲，很意外很惊喜。

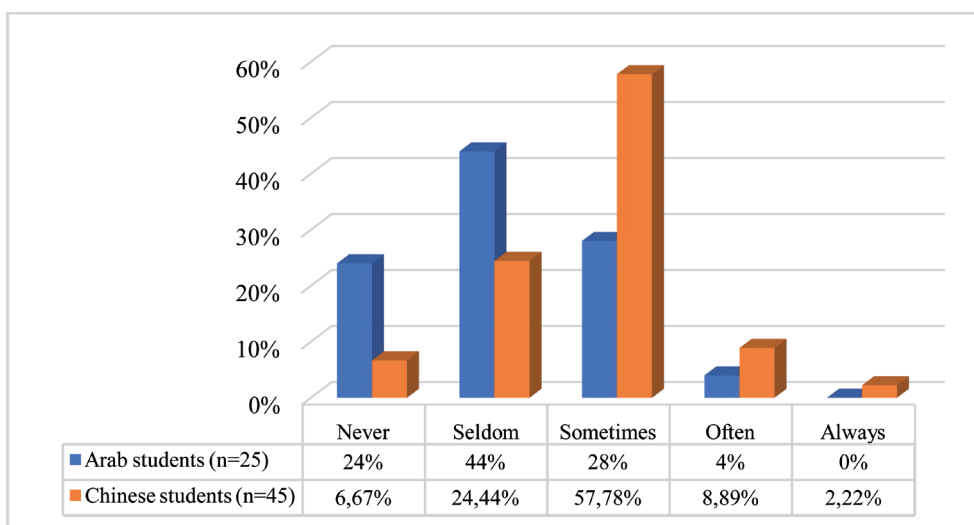

Fig. 1. Frequency of surprise experienced by Chinese and Arab students in the class

In addition, Chinese students were surprised by the knowledge and additional skills of their teachers:

(3) Russian teacher said that she studied five foreign languages.

俄罗斯老师说她学过五门外语。

Another factor that caused the students' surprise was the positive attitude of their Russian teachers and support. In some instances where the students anticipated criticism or rejection, they were instead surprised by the support and encouragement they received from their Russian teachers. For example, when being self-conscious they received positive reinforcement (4) or understanding (5) from their teachers:

(4) When I gave a PowerPoint presentation, I was bad, but the teacher eventually stated, "Very nice!

当我做ppt报告时，我总感觉不太好，老师最后却说：“很好！”

(5) I felt sick and asked the teacher for leave, and the teacher responded, "Don't worry, of course you can."

请病假，老师说：“别担心，当然可以。”

Some of the students mentioned that they are surprised that the style of Russian teachers is rather formal. Most of Russian teachers address them formally, using the plural pronoun *вы*, say *thank you* and *sorry*:

(6) The Russian teachers are always very polite, addressing us with “*вы*” and often saying things like *thank you* and *apologies*, which surprise me.

俄罗斯老师总是很客气，用“*вы*”称呼我们，并且经常说道谢，道歉之类的话，让我感到很吃惊。

The answers of Arab students revealed some similarities and differences. The majority of them justified their surprise by emphasizing the teacher's praise, particularly the public recognition:

(7) I feel surprised when the teacher praises me in front of my colleagues, and he says: "Well, done, you did an excellent job".

"أتفاجأ عندما يمدحني أستاذي أمام زملائي، ويقول: "أحسنتي صنعا لقد قمتي بعمل ممتاز."

Some students indicated that they get surprised when teachers thank them, e.g. for doing homeworks or attending classes:

(8) I was surprised when my Russian teacher thanked me for doing my homework and attending all

his lectures, and says, "Thank you so much for giving so much attention to my lectures and doing all your homeworks."

لقد فوجئت عندما شكرني أستاذي الروسي على أداء واجباتي المنزلية وحضور جميع محاضراته، وقال:

"شكراً جزيلاً لك على الاهتمام الكبير بمحاضراتي والقيام بجميع واجباتك المدرسية".

The Arab students are also surprised by the teachers' concern and support for them:

(9) I feel surprised when my Russian teacher texts me on WhatsApp to ask me how I am doing, and he says: "Hey Manar, I wish that everything was okay!"

أتفاجأ عندما يتواصل معي أستاذي الروسي على الواتساب ويسألني عن أحوالي، ويقول: "مرحباً يا منار، أتمنى أن يكون كل شيء على ما يرام".

However, many noted some cases of the teacher's inattention to their individual problems and lack of concern, which surprised them:

(10) I feel surprised when my Russian teacher doesn't care about my problem, and says: "This is not my problem".

أتفاجأ عندما لا يهتم أستاذي الروسي بمشكلتي، ويقول: "هذه ليست مشكلتي".

Thus, from Arab students' answers, it can be inferred that they are mostly surprised by praise from teachers. Besides, the Arab students' perception of the Russian teacher's concern as well as lack of concern were both unexpectedly emotional, but these reactions may have been either positive or negative.

2. Happiness

The analysis of the frequency of emotion of happiness experienced by Chinese and Arab students also revealed some similarities and differences. While the majority of both Chinese and Arab students demonstrated similarity in saying that they "sometimes" feel happy (42.22% and 44% correspondingly), the amount of the Arab students who are "often" happy turned out to be almost twice as many as the Chinese ones (40% to 22,22%) (see Fig. 2).

This would suggest that the Russian teacher's behaviors make the Arab students feel happy more frequently than Chinese ones, though among those who are always happy, Chinese students exceeded (15,5% to 4%).

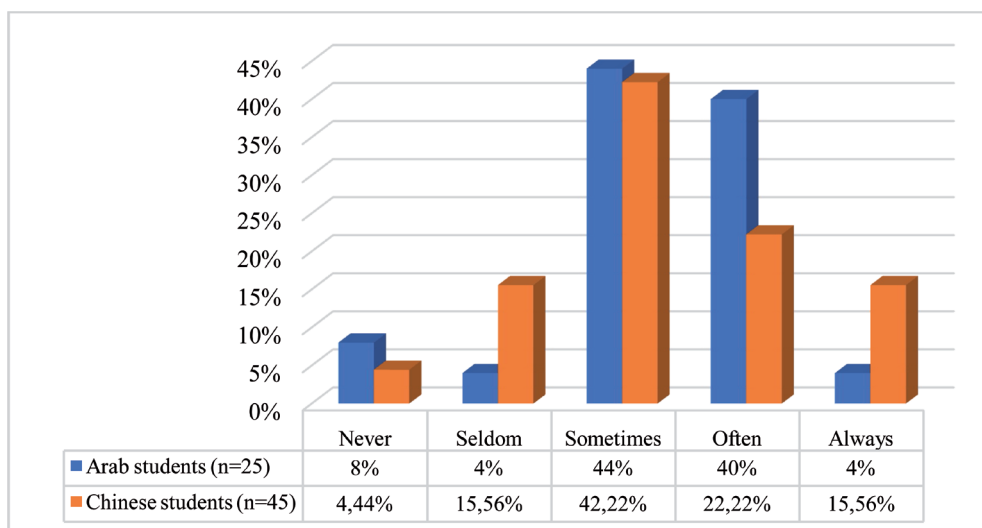

Fig. 2. Frequency of happiness experienced by Chinese and Arab students in the class

The majority of the students mentioned their enjoyable experiences in the Russian teacher's classroom in the questionnaire. Chinese students, for instance, feel happy when Russian teachers show politeness, friendliness and kindness:

(11) After each lesson, one teacher thanked us for our patience, wished us good health and all the best.
有个老师每次在课后都会感谢我们的忍耐，并且祝我们身体健康，一切顺利。

Chinese learners feel happy when Russian teachers show their respect to traditional Chinese culture:

(12) Russian teachers attach great importance to Chinese customs and culture (Confucianism).
俄罗斯老师很重视中国礼仪与文化（儒学）。

Receiving praise from the teacher is also one of the sources of happiness for Chinese students:

(13) When I was trying to recite, the Russian teacher said, "I can see that you've worked hard, great!"
当我努力背诵的时候，俄罗斯老师说：“你努力了，我看到了。你很棒！”

Likewise, receiving praise from teachers makes Arab students feel happy (14)–(15):

(14) I feel happy when my Russian teacher praises me and says that the data, we have collected is good and varied, and he says "You are smart and you are quickly adapting to work and ideas".
أشعر بالفرح عندما يمدحني أستاذي الروسي ويقول ان البيانات التي حصلنا عليها جيدة ومتنوعة. ويقول: "أنت ذكية وبسرعة تتأقلمين مع العمل والأفكار".

Additionally, support from their teachers has a positive emotional effect on Arab students:

(15) I feel happy when my Russian teacher comforts me and says: "Everything is going to be fine".
أشعر بالسعادة عندما يخفف عني أستاذي الروسي ويجعلني أشعر بالراحة. ويقول: "كل شيء سيكون على ما يرام".

Thus, the findings demonstrate that both Chinese and Arab students like receiving praise or recognition and support from Russian teachers, and this is seen as a key incentive for them. The salient distinction is that Chinese students, among other things, feel happy when their Russian teachers demonstrate knowledge of Chinese culture and show respect for it.

3. Unhappiness/sadness

When asked about the negative emotion of sadness, the two responses with the highest percentages for both Chinese and Arab participants are "seldom" and "never" with some predominance in Chinese data, as shown in Figure 3. The number of those who "sometimes" feel unhappy with the teacher's discourse is three times higher among Chinese students (24,44%) compared to Arab ones (8%).

This indicates that it is not very common for Arab students to feel upset or disturbed due to something involving their teachers' behavior in the classroom. Chinese students experience higher amounts of displeasure than Arab ones.

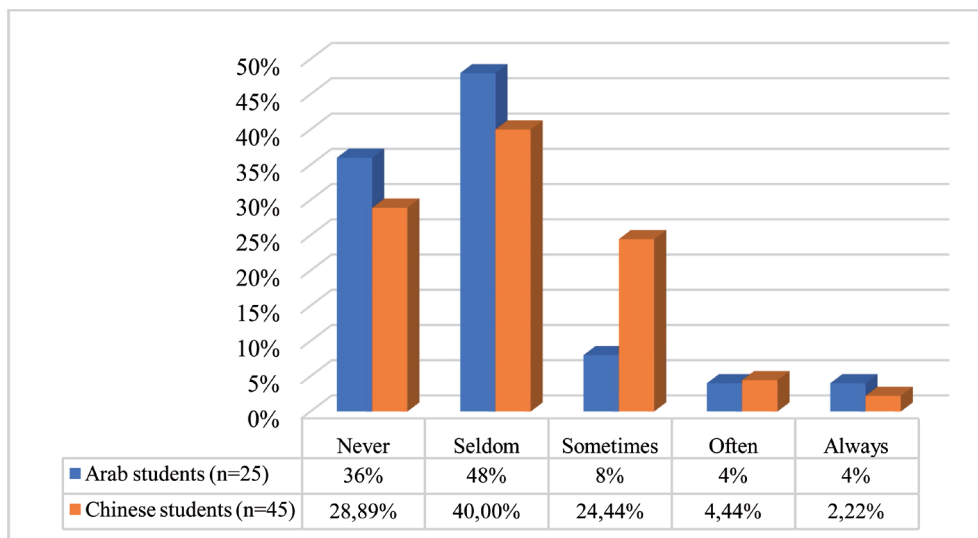

Fig. 3. Frequency of unhappiness/sadness experienced by Chinese and Arab students

While analyzing the situations in which Chinese students feel unhappy, we found out that the majority of them are caused by harsh comments made by teachers (16)–(17). It should be emphasised that the majority of comments are in reference to their educational background and academic performance:

(16) The Russian teachers would criticize us unmercifully to our faces, for example by saying to our faces that our Russian expressions were very unacademic.

俄罗斯老师会当面毫不留情地批评，比如当面说我们的俄语表达很不学术。

Chinese students find it offensive when they are criticized and opposed to Russian students:

(17) Russian teacher said in class that, Chinese students learn poorly, so Russian students need to put up with it.

俄罗斯老师在课上说：“中国学生水平不高，所以俄罗斯学生需要忍耐一下。”

Russian teachers make Chinese students unhappy by ignoring “quiet” Chinese pupils not giving them a chance to participate in class discussions.

(18) When I knew the answer to the question, the teacher didn’t ask me to answer the question.

我知道问题答案的时候，老师没叫我回答问题。

Only a tiny proportion of Arab students stated that they had experienced emotional depression as

a result of their Russian teachers’ discourse. They only concern critical remarks.

(19) ‘I feel unhappy when my Russian teacher tells me that my marks are not good, and says: “I expected better results from you”.’

أشعر بالحزن عندما يخبرني أستاذي الروسي أن علاماتي ليست جيدة. ويقول: "كنت أتوقع نتائج أفضل منك".

As a result, it is evident that both Chinese and Arab students react badly to criticism, which causes them to be uncomfortable or upset, especially when it is made in front of others.

4. Offense

When it comes to another negative emotion—feeling offended, the results of the questionnaire are shown in Figure 4. Chinese responses were more focused on the “seldom” (44.44%) and “never” (40%) options, while 76% of the Arab participants said this “never” happened, and equal percentage of 12% went to both choices “seldom” and “sometimes”. Based on our findings, it can be said that most Arab students “never” experience the feeling of offense evoked by their Russian teacher’s discourse, while the answers of Chinese students combine “never” and “seldom” in almost equal proportions.

The few examples of the responses on this issue enable us to suggest the following.

Chinese students may feel offended if they are frequently addressed by an incorrect name (20), they may also get offended by the

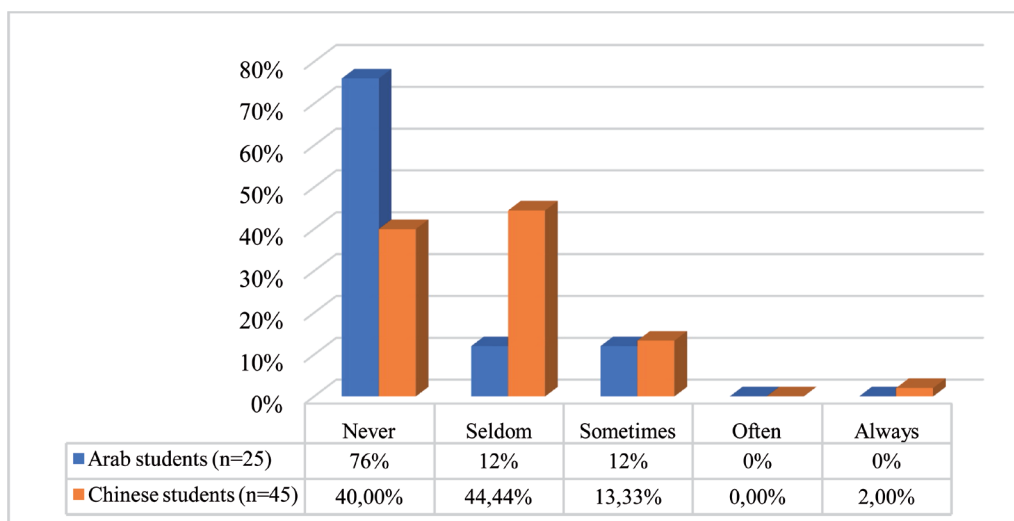

Fig. 4. Frequency of offense experienced by Chinese and Arab students

teacher's strict attitude (21). Arab students may view criticism as a source of offense (22).

(20) When I finished answering questions, the Russian teacher often called me by the wrong name (It was frequently offensive).

有几次，当我回答完问题，俄罗斯老师说：“这是XXX（叫错名字）吗？”（很多次就有点生气了）。

(21) When a student was five minutes late, the Russian teacher said, “Go home.”

当一个同学迟到了5分钟的时候，俄罗斯老师说：“回家吧。”

(22) I feel offended when my Russian teacher tells me that my pronunciation is bad, and he says: “Your words are incorrect.”

أشعر بالإهانة عندما يخبرني أستاذي الروسي أن نطقي سيء. ويقول: “كلماتك ليست صحيحة.”

Discussion

The results of the study show that both Chinese and Arab students experience a set of emotions in classroom settings which are related to the Russian teacher's discourse.

It is noted that Chinese students get surprised by the teachers' communicative behaviors more frequently than the Arab students. This indicates that there are more cultural and communicative differences between Russian and Chinese culture in comparison with Arabic one. It is also noteworthy that, as our findings show, Chinese students experience negative emotions (sadness and offense) more often than Arab students, which would suggest that Russian teacher's discourse implies some

cultural aspects that would be perceived negatively by the representatives of Chinese culture.

Both Chinese and Arab students experience similar emotions in certain situations, for instance, it was remarked that both of them react positively to the low amount of power distance between them and their Russian teachers, to their kind attitudes and support. Positive feedback was received from both when it comes to getting praises in classrooms, in contradiction, negative emotions were expressed towards the teacher's critical remarks.

The findings showed that Chinese and Arab students were positively surprised by the praise and support they receive from their Russian teachers in situations where they expected to be chastised or rejected. This might be due to the fact the student-teacher interactions in the Arabic and Chinese cultures tend to be stricter and more formal. Also, it can be deduced that Russian teachers tend to provide more praise to students. Furthermore, both Chinese and Arab students feel happy when their Russian teachers show them kindness, appreciating their work and culture, comforting them and congratulating them. It is worth noting that Chinese students appear to be very sensitive to hear about the topics related to their country. They react favourably to such behaviors, as the Chinese participants used the expression “惊喜” (in Eng. ‘pleasant surprise’) when discussing this. This might be explained by we-orientation of Chinese culture and we-identity [Larina, Ozyumenko, 2016] of Chinese students who perceive themselves as members of a big community rather than independent individuals.

The majority of events involving unhappy/sad emotions are linked to critical remarks made by teachers. The findings showed that both Arab and Chinese students react negatively to criticism, which make them feel uncomfortable or unhappy. Additionally, Chinese students were particularly disturbed, uncomfortable and even upset when they heard a negative comment about their culture and when their collective face was threatened. Not to forget to mention that Chinese students feel offended when they are frequently called by incorrect names. Again, these facts might be explained by we-identity of Chinese students as well as the high value of the concept of face in Chinese culture both individual face and collective face. From the aspects of (im) politeness and emotion, it can be said that as the idea of face is linked to the conceptualization of the self, the face-challenging and face-attacks can have a negative impact on a person's emotion [Langlotz, Locher, 2017, p. 287].

It also should be noted that Arab students mostly feel unhappy due to another reason, namely when they are criticized about their learning performance in general, and the level of Russian language proficiency in particular. In addition to that, the Arab students feel upset when some of their classmates are praised while they are not, even when they have not done anything to be praised for. Perhaps this could be explained by our observation that Arab students are eager to fulfill the feeling of accomplishment all the time through receiving positive remarks from their teachers. We suggest that the latter might be caused by their parents 'sense of perfectionism' (academic and professional), and how Arab parents are constantly pushing their kids to have better achievements.

On the other hand, some Arab students find it upsetting when Russian teachers seem to be not interested in their personal issues. The point is that in the Arabic context due to the social status of teachers who are considered as a guru, students feel free to discuss not only academic issues but any personal problems. As an example, in Algerian classrooms, students tend to tell their teachers about their personal problems (family issues) or financial issues in case the teacher noticed something wrong with them. This would suggest that the Algerian (Arab) teachers might be more approachable than the Russian teachers due to a shorter horizontal distance (Social Distance in terms of [Hofstede G., Hofstede G.Y., 2004]) in Algerian culture.

The findings suggest that Power Distance (or vertical distance) tends to be higher between the teachers and students in both Chinese and Arabic cultures. This assumption could be confirmed by the fact that the level of formality of students in their interaction with teachers is conventionally higher in Chinese and Arabic contexts than in Russian one. Additionally, Chinese and Arab students are addressed less formally by their native teachers, while they are addressed more formally by their Russian teachers. That indicates a salient asymmetry in teacher-student and student-teacher interaction in Chinese and Arabic contexts. Adding to that, the speech acts of thanking and apology are mostly noticed in the Russian teachers' communicative behaviors who apologize or thank the students quite frequently, which is something uncommon in both Chinese and Arabic cultures.

From the above results it is clear that students from Chinese and Arabic cultural backgrounds have some differences in their emotional and communicative experiences as well as expectations. Based on the data of our study, it can be concluded that the student-teacher interactions vary across cultures due to the differences in social organization, identity and cultures values.

Conclusions

In this study, we investigated the emotional impact that Russian teacher's discourse has on Chinese and Arab students. We aimed to find out the similarities and differences in their emotional perceptions and specify the teacher's speech acts that have an emotional perlocutionary effect on Chinese and Arab students in classroom settings.

The findings show how different cultural backgrounds can affect the emotional effects in the teacher-student interactions and how something that is normal in one culture can be perceived as unusual and surprising, sometimes upsetting or even offensive in another. This suggests that both learners and educators need to be aware of one another's cultural backgrounds in order to prevent any negative effects that could result in misinterpretation and disappointments.

Since this study was performed on the limited language material, its results are preliminary, and

further studies are needed. Nevertheless, our findings appear to confirm that teacher's discourse can have an emotional effect on students with other cultural backgrounds due to differences in lingua-cultural identity and communicative ethnostyles. For teachers involved in multicultural classes, it is particularly important to be aware of these differences to prevent negative emotions of students and to create a comfortable emotional atmosphere.

NOTES

¹ This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System,

project № 050734-2-000.

Публикация выполнена при поддержке Программы стратегического академического лидерства РУДН, проект № 050734-2-000.

² Hereinafter we give a literal translation of the students' answers and comments.

³ 996 work schedule means working from **9am to 9pm, 6 days a week**. This work schedule is very common in China, especially in the tech industry (URL: <https://kungfudata.com/insights/996-chinese-work-culture#:~:text=What%20is%20996%20Work%20Culture,especially%20in%20the%20tech%20industry>).

⁴ "Lying flat" is a movement about doing nothing (URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3153362/what-lying-flat-and-why-are-chinese-officials-standing-it>).

Questionnaire

1. How often does the behavior of your Russian teacher

a) surprise you, look unusual or unexpected (удивляет Вас)

Never seldom sometimes often always

b) make you happy (радует вас)

Never seldom sometimes often always

c) make you unhappy, sad (огорчает Вас)

Never seldom sometimes often always

d) make you feel offended (обижает Вас)

Never seldom sometimes often always

2. Could you please specify such situations and give an example of what your teacher would say. More than one example would be appreciated.

a) It surprises me when my Russian teacher

and says: "....."

b) It makes me happy when my Russian teacher

and says: "....."

c) It makes me unhappy and sad when my Russian teacher

and says: "....."

d) It offends me when my Russian teacher

and says: "....."

REFERENCES

- Alba-Juez L., 2018. Emotion and Appraisal Processes in Language. Gomez Gonzalez M. de los A., Mackenzie J.L., eds. *The Construction of Discourse as Verbal Interaction*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 227-250. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.296.09alb>
- Alba-Juez L., Larina T.V., 2018. Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 1, pp. 9-37. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-9-37>
- Austin J.L., 1975. *How to Do Things With Words*. London, Oxford University Press. 192 p.
- Becker E.S., Goetz T., Morger V., Ranellucci J., 2014. The Importance of Teachers' Emotions and Instructional Behavior for Their Students' Emotions – An Experience Sampling Analysis. *Teaching and Teacher Education*, vol. 43, pp. 15-26. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tate.2014.05.002>
- Belyakov M.V., 2015. Kharakter emotivnosti diplomaticheskogo diskursa [Emotive Character of Diplomatic Discourse]. *Russian Journal of Linguistics*, no. 2, pp. 124-132.
- Bellocchi A., 2015. Methods for Sociological Inquiry on Emotion in Educational Settings. *Emotion Review*, vol. 7, iss. 2, pp. 151-156. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073914554775>
- Bericat E., 2016. The Sociology of Emotions: Four Decades of Progress. *Current Sociology*, vol. 64, iss. 3, pp. 491-513. DOI: <https://doi.org/10.1177/0011392115588355>
- Breeze, R., 2020. Angry Tweets: A Corpus-Assisted Study of Anger in Populist Political Discourse. *Journal of Language Aggression and Conflict*, vol. 8, iss. 1, pp. 118-145.
- Bull P., Waddle M., 2021. "Stirring It Up!" Emotionality in Audience Responses to Political Speeches. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 3, pp. 611-627. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-611-627>
- Denzin N.K., 1984. *On Understanding Emotion*. San Francisco, Washington, London, Jossey-Bass Publ. 285 p.
- Deveci T., Midraj J., El-Sokkary W.S., 2023. The Speech Act of Compliment in Student – Teacher Interaction: A Case Study of Emirati University Students' Attitudes. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30051>
- Dewaele J.M., 2010. *Emotions in Multiple Languages*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 264 p.
- Dewaele J.M., 2014. Culture and Emotional Language. Sharifian F., ed. *The Routledge Handbook of Language and Culture*. Oxford, Routledge, pp. 357-370.
- Ekman P., Cordaro D., 2011. What Is Meant by Calling Emotions Basic. *Emotion Review*, vol. 3, iss. 4, pp. 364-370. DOI: <https://doi.org/10.1177/1754073911410740>
- El-Dakhs D.A.S., Ambreen F., Zaheer M., Gusarova Yu., 2019. A Pragmatic Analysis of the Speech Act of Criticizing in University Teacher-Student Talk: The Case of English as a Lingua Franca. *Pragmatics*, vol. 29, iss. 4, pp. 493-520.
- Foolen A., 2012. The Relevance of Emotion for Language and Linguistics. Foolen A., Lüdtke U.M., Racine T.P., Zlatev J., eds. *Moving Ourselves, Moving Others: Motion and Emotion in Intersubjectivity, Consciousness and Language*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 349-369.
- Frenzel A.C., Goetz T., Stephens E.J., Jacob B., 2009. Antecedents and Effects of Teachers' Emotional Experiences: An Integrated Perspective and Empirical Test. Schutz P., Zembylas M., eds. *Advances in Teacher Emotion Research*. Boston, Springer, pp. 129-151. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4419-0564-2_7
- Gallois C., 1993. The Language and Communication of Emotion: Universal, Interpersonal, or Intergroup? *American Behavioral Scientist*, vol. 36, iss. 3, pp. 309-338. DOI: <https://doi.org/10.1177/0002764293036003005>
- Goddard C., Ye Zh., 2014. Exploring "Happiness" and "Pain" Across Languages and Cultures. *International Journal of Language and Culture*, vol. 1, iss. 2, pp. 131-148. DOI: <https://doi.org/10.1075/ijolc.1.2.01god>
- Gretzky M., Lerner J., 2021. Students of Academic Capitalism: Emotional Dimensions in the Commercialization of Higher Education. *Sociological Research Online*, vol. 26, iss. 1, pp. 205-221. DOI: <https://doi.org/10.1177/1360780420968117>
- Hargreaves A., 1998. The Emotional Practice of Teaching. *Teaching and Teacher Education*, vol. 14, iss. 8, pp. 835-854. DOI: [https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/S0742-051X\(98\)00025-0](https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/S0742-051X(98)00025-0)
- Hofstede G., Hofstede G.Y., 2004. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. S.I., McGraw Hill Professional. 300 p.
- Ionova S.V., 2015. Emotsionalnye efekty pozitivnoy formy obshcheniya [Emotional Effects of Positive Forms of Communication]. *Russian Journal of Linguistics*, no. 1, pp. 20-30.
- Ionova S.V., 2019. Lingvistika emotsiy – nauka budushchego [Linguistics of Emotions as

- Science of the Future]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], vol. 1, no. 134, pp. 124-131.
- Ionova S.V., Shakhovskiy V.I., 2018. Prospektiya lingvokulturologicheskoy teorii emotsiy Anny Vezhbitskoy [Anna Wierzbicka's Linguocultural Theory of Emotions in the Development Dynamics]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 4, pp. 966-987. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-966-987
- Langlotz A., Locher M.A., 2017. (Im)politeness and Emotion. Culpeper J., Haugh M., Kadar D., eds. *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. London, Palgrave Macmillan, pp. 287-322. DOI: https://doi.org/10.1057/978-1-137-37508-7_12
- Larina T.V., 2015. Pragmatika emotsiy v mezhkulturnom kontekste [Pragmatics of Emotions in Intercultural Context]. *Russian Journal of Linguistics*, no. 1, pp. 144-163.
- Larina T.V., 2019. Emotivnaya ekologichnost I emotivnaya vezhlivost v angliyskoy i russkoy anonimnoy retsenzii [Emotive Ecology and Emotive Politeness in English and Russian Blind Peer-Review]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], vol. 1(39), pp. 38-57. DOI: 10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57
- Larina T., Ozyumenko V., 2016. Ethnic Identity in Language and Communication. *Cuadernos de Rusística Española*, vol. 12, pp. 57-68. URL: <http://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/issue/view/358/showToc>
- Larina T.V., Ponton D.M., 2022. I Wanted to Honour Your Journal, and You Spat in My Face: Emotive (Im)politeness and Face in the English and Russian Blind Peer Review. *Journal of Politeness Research*, vol. 18, no. 1, pp. 201-226. DOI: <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>
- Lerner J., Rivkin-Fish M., 2021. On Emotionalisation of Public Domains. *Emotions and Society*, vol. 3, no. 1, pp. 3-14. DOI: 10.1332/263169021X16149420135743
- Lerner J., Zbenovich C., Kaneh-Shalit T., 2021. Changing Meanings of University Teaching: The Emotionalization of Academic Culture in Russia, Israel and the US. *Emotions and Society. Special Issue Emotionalization of Public Domains*, vol. 3, no. 1, pp. 73-93. DOI: <https://doi.org/10.1332/263169021X16123454415815>
- Lewis M., 2008. Self-Conscious Emotions: Embarrassment, Pride, Shame, and Guilt. Lewis M., Haviland-Jones J.M., Barrett L.F., eds. *Handbook of Emotions*. S.I., The Guilford Press, pp. 742-756.
- Mackenzie J.L., 2018. Sentiment and Confidence in Financial English: A Corpus Study. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 1, pp. 80-93. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-80-93>
- Mackenzie J.L., Alba-Juez L., eds., 2019. *Emotion in Discourse*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins. 397 p.
- Matsumoto D., 1989. Cultural Influences on the Perception of Emotion. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, vol. 20, iss. 1, pp. 92-105. DOI: <https://doi.org/10.1177/0022022189201006>
- Maíz-Arévalo C., 2018. Emotional Self-Presentation on WhatsApp: Analysis of Profile Status. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 1, pp. 144-160. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-144-160>
- Musolff A., 2021. Hyperbole and Emotionalisation: Escalation of Pragmatic Effects of Proverb and Metaphor in the "Brexit" Debate. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 3, pp. 628-644. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-628-644>
- Olson R.E., Bellocchi A., Dadich A., 2020. A Post-Paradigmatic Approach to Analysing Emotions in Social Life. *Emotions and Society*, vol. 2, iss. 2, pp. 157-178.
- Ozyumenko V.I., Larina T.V., 2021. Threat and Fear: Pragmatic Purposes of Emotionalisation in Media Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 3, pp. 746-766. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766>
- Pekrun R., 2014. Emotions and Learning. Educational Practices Series-24. *UNESCO International Bureau of Education*, pp. 1-32.
- Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N., 2020. Chto delaet tekst interesnym? Yazykovye sposoby povysheniya emotsiogenosti uchebnykh tekstov [What Makes a Text Interesting? Interest-Evoking Strategies in Expository Text from Russian School Textbooks]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 24, no. 4, pp. 991-1016. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2020-24-4-991-1016>
- Poggi I., D'Errico F., 2018. Feeling Offended: A Blow to Our Image and Our Social Relationships. *Frontiers in Psychology*, vol. 8, pp. 1-16. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.02221>
- Scherer K.R., 1984. On the Nature and Function of Emotion: A Component Process Approach. Scherer K.R., Ekman P., eds. *Approaches to Emotion*. New York, Psychology Press, pp. 293-319.
- Schutz P.A., Lanehart S.L., 2002. Introduction: Emotions in Education. *Educational Psychologist*, vol. 37, iss. 2, pp. 67-68. DOI: http://dx.doi.org/10.1207/S15326985EP3702_1

- Shakhovskiy V.I., 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis Publ. 416 p.
- Shakhovskiy V.I., 2009. Emotsii kak ob'ekt issledovaniya v lingvistike [Emotions as an Object of Research in Linguistics]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 9, pp. 29-42.
- Shakhovskiy V.I., 2015. Emotsionalnaya kommunikatsiya kak moderator modusa ekologichnosti [Ecological Compatibility Mode in Emotional Communication]. *Russian Journal of Linguistics*, no. 1, pp. 11-19.
- Shakhovskiy V.I., 2018. Kognitivnaya matritsa emotsionalno-kommunikativnoy lichnosti [The Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality]. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 22, no. 1, pp. 54-79. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79>
- Spencer-Oatey H., 2011. Conceptualising 'The Relational' in Pragmatics: Insights from Metapragmatic Emotion and (Im)politeness Comments. *Journal of Pragmatics*, vol. 43, iss. 14, pp. 3565-3578. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2011.08.009>
- Sutton R.E., Wheatley K.F., 2003. Teachers' Emotions and Teaching: A Review of the Literature and Directions for Future Research. *Educational Psychology Review*, vol. 15, iss. 4, pp. 327-358. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1026131715856>
- Wierzbicka A., 1999. *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge, Cambridge University Press. 362 p.
- Wierzbicka A., 2001. *Sopostavlenie kultur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of Cultures Through Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, YSC. 364 p.
- Yuasa I., 2001. *Politeness, Emotion, and Gender: A Sociophonetic Study of Voice Pitch Modulation*. Berkeley, University of California. 160 p.
- Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V., 2021. Emotionalisation of Contemporary Media Discourse: A Research Agenda. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 3, pp. 586-610. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>

Information About the Authors

Qing Zhou, Russian Language Teacher, South China Business College, Guangdong University of Foreign Studies, Liangtian Middle Road, 181, 510545 Guangzhou, Guangdong, China; PhD Student, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, zhousveta@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5973-2204>

Souhila Laiche, PhD Student, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, laiche.souhilaa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8895-1940>

Tatiana V. Larina, Doctor Habil. (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 6, 117198 Moscow, Russia, larina-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Информация об авторах

Цин Чжоу, преподаватель русского языка, Южно-Китайский коммерческий институт при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, ул. Лянтяньчжонлу, 181, 510545 г. Гуанчжоу, Гуандун, Китай; аспирант кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, zhousveta@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5973-2204>

Сушила Лаиш, аспирант кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, laiche.souhilaa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8895-1940>

Татьяна Викторовна Ларина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 6, 117198 г. Москва, Россия, larina-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.11>

UDC 81'42:34
LBC 81.055.51.3

Submitted: 25.07.2022
Accepted: 28.11.2022

DISCOMMUNICATION: INTERCULTURAL, DISCURSIVE AND LINGUOECOLOGICAL ASPECTS

Yana A. Volkova

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Nadezhda N. Panchenko

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Natalya K. Prigarina

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Abstract. The article clarifies the concept of discommunication, defines its place among the related concepts of communicative failure and communicative conflict, and suggests ways of studying discommunication at the discourse level. A new interpretation of discommunication is proposed in the framework of the linguoecological approach to communication developed by V.I. Shakhovskiy. Discommunication is treated as an umbrella term that unites various manifestations of ineffective communication which can occur due to many reasons. At the intercultural and intracultural levels, discommunication can result from non-implementation or incomplete implementation of the communicative intention, failure to achieve the communicative goals, or their mismatch. The resulting ineffectiveness of communication and the ineffectiveness of the communicative interaction are due to a number of reasons, both linguistic and extralinguistic, among which are violation of ethical norms and ecology of communication; non-observance of the rules of argumentation; using manipulative strategies; unsuccessful verbalization of the intention by the addresser. The latter is exemplified in detail with the excerpts from the Russian-language courtroom discourse. It is represented through violations in goal-setting and errors in the formulation of the idea. Expanding the list of discourses for analyzing discommunication will allow identifying the specifics of its implementation in various speech genres and types of communication, and help determine its causes and outline ways to overcome it.

Key words: discommunication, communicative failure, courtroom discourse, goal setting, argumentation, manipulative strategy.

Citation. Volkova Ya.A., Panchenko N.N., Prigarina N.K. Discommunication: Intercultural, Discursive and Linguoecological Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 138-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.11>

УДК 81'42:34
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 25.07.2022
Дата принятия статьи: 28.11.2022

ДИСКОММУНИКАЦИЯ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ, ДИСКУРСИВНЫЙ И ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Яна Александровна Волкова

Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Надежда Николаевна Панченко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Наталья Константиновна Пригарина

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье уточняется понятие дискоммуникации, определяется его место в ряду смежных понятий: коммуникативной неудачи и коммуникативного конфликта, предлагаются пути исследования дискоммуникации на дискурсивном уровне. В рамках концепции эмотивной экологичности коммуникации, разработанной В.И. Шаховским, предложена новая трактовка дискоммуникации как зонтичного термина, объединяющего разнообразные варианты неэффективного общения в результате неосуществления или неполного осуществления коммуникативного намерения и недостижения поставленных целей или их рассогласования. В межкультурном и интракультурном общении итоговая неэффективность и нерезультативность взаимодействия коммуникантов обусловлена рядом причин как лингвистического, так и экстралингвистического характера, среди которых нарушение этических норм и лингвоэкологичности общения; несоблюдение правил аргументации; применение манипулятивных стратегий и др. Неосуществление замысла адресанта иллюстрируется контекстами из русскоязычного судебного дискурса, демонстрирующими нарушения в целеполагании, несоблюдение правил аргументации (нарушение границ тезиса, обращение к некорректной аргументации и т. п.), неудачную вербализацию замысла. Расширение списка дискурсов для анализа дискоммуникации позволит в будущем выявить специфику ее реализации в различных речевых жанрах и типах общения, установить причины ее возникновения и создать рекомендации по ее преодолению. Я.А. Волковой и Н.Н. Панченко проанализированы существующие в научных парадигмах подходы к определению понятия дискоммуникации, дано рабочее определение, предлагаемое к использованию на дискурсивном уровне. Обоснован выбор судебного дискурса в качестве материала исследования институциональной специфики дискоммуникации. Н.К. Пригариной выделены основные причины возникновения дискоммуникации в судебном дискурсе, проведен анализ примеров дискоммуникации в судебном дискурсе.

Ключевые слова: дискоммуникация, коммуникативная неудача, судебный дискурс, целеполагание, аргументация, манипулятивная стратегия.

Цитирование. Волкова Я. А., Панченко Н. Н., Пригарина Н. К. Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 138–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.11>

Во все времена и во всех видах человеческого общения остро стоит проблема совместимости смысловых пазлов для адекватного взаимопонимания...

В.И. Шаховский

Введение

В настоящее время по-прежнему востребованными и теоретически значимыми остаются исследования дискурса, при этом особую ценность приобретают изыскания, посвященные выявлению источников возникновения конфликтных ситуаций, обсуждению причин и последствий дискоммуникации. Обусловлено это прежде всего тем, что достижение успешности, результативности и эффективности коммуникации – одна из ключевых задач современного коммуникативного взаимодействия.

Термин «дискоммуникация» нельзя назвать общепринятым. В тех редких научных произведениях последних лет, в которых можно обнаружить его упоминание, он в большей степени соотносится с иноязычной коммуникацией, с конкретными ситуациями межкультурного взаимодействия. Однако

эффективность коммуникативного взаимодействия и преодоление коммуникативной неконгруэнтности в равной степени важны как для кросскультурного, так и для интракультурного общения.

Цель настоящей статьи – уточнение понятия дискоммуникации и установление направлений и принципов ее изучения на дискурсивном уровне. Реализация данной цели обуславливает теоретическую значимость и научную новизну исследования, поскольку позволяет сформулировать определение дискоммуникации, выявить ее причины, формы, коммуникативные последствия и наметить пути их преодоления в институциональном дискурсе разных типов.

Материал и методы

Для определения места дискоммуникации в ряду смежных понятий дискоммуникации, коммуникативной неудачи, коммуникативного конфликта использовался дефиниционный и семантический анализ. Дискурсивные проявления дискоммуникации рассматриваются с помощью метода контекстологического анализа, основанного на допущении, что любое

высказывание является функцией контекста и его значение выводится из конкретной ситуации общения. За основу берется широкое понимание контекста, охватывающее как непосредственное окружение слова, так и общий контекст ситуации, который, в свою очередь, включает прагматические, психолингвистические, социолингвистические и другие экстралингвистические факторы. Эффективное использование данного метода предполагает рассмотрение ситуации общения с учетом возможных последствий и определенную «чувствительность к контексту» в процессе анализа [Щербакова, 2006, с. 72].

Материалом исследования послужили тексты судебных речей русскоязычных адвокатов XIX–XXI вв., опубликованные в открытых источниках. Анализу подверглись 20 судебных речей.

Результаты и обсуждение

Для нашего исследования важны работы В.И. Шаховского, посвященные экологичному / неэкологичному общению [Шаховский, 1997; 2009; 2016; 2020; и др.]. Изучая экологичность / неэкологичность коммуникации и анализируя роль эмоций в формировании экологичного / неэкологичного общения, В.И. Шаховский ввел понятие модуса экологичности общения, который определил как компонент коммуникативной компетенции языковой личности любого социума [Шаховский, 2016, с. 398–399]. В.И. Шаховский считал, что именно по причине несформированности экологичной коммуникативной компетенции со всеми ее конституентами «большинство коммуникантов спотыкается о дорожные камни коммуникативных помех и провалов и даже совершает ненамеренно коммуникативные преступления (конфликты, оскорбления, убийства)» [Шаховский, 2016, с. 400].

Любая коммуникация – это всегда сложное сложный процесс, в котором участники интеракции ориентированы на достижение определенных целей и в идеале – на гармоничное и эффективное общение. Эмпирически очевидно, что эффективность общения достигается далеко не всегда, поскольку даже при нацеленности на успешное взаимодействие говорящие неизбежно испытывают коммуникативные риски.

Коммуникативный риск О.А. Страхова трактует: 1) как возможность получения незапланированного результата коммуникации, отличного от ожидаемого; 2) как рисковое действие, приводящее к коммуникативной неудаче или провоцирующее конфликт [Страхова, 2017]. Уточняя предложенную трактовку, считаем, что под коммуникативным риском следует понимать такое вступление в коммуникацию, которое потенциально может спровоцировать коммуникативную неудачу, способную, в свою очередь, стимулировать коммуникативный конфликт.

В данной части исследования обобщим существующие подходы к пониманию дискommunikации в корреляции со смежными понятиями [Городецкий и др., 1985; Жукова и др., 2015; Полякова, 2009; Серебрякова, 2015; Формановская, 2002], что позволит выделить параметры, которые релевантны для последующего конструирования определения дискommunikации.

Дискommunikация в настоящее время осмысливается в рамках межкультурного взаимодействия как следствие некой некомпетентности и нарушения взаимоотношений коммуникантов в поликультурном пространстве [Горохова, Кулаковская, 2019; Гусева, 2018; и др.].

Необходимо отметить, что в зарубежных исследованиях используется термин «мискommunikация» (miscommunication), которым чаще всего обозначается недопонимание между партнерами по общению вследствие, как правило, межкультурных различий [Russel et al., 2007; Wierzbicka, 2010]. В задачи теории мискommunikации входит объяснение таких коммуникативных явлений, как обман, образность, ироничность, патологическая коммуникация, например, в случае шизофрении [Mortensen, 1997; Say Not to Say..., 2002, p. 5–6], а также все то, что называют «лабиринтом сообщений» [The Dark Side..., 1994]. Изначально считалось, что дискommunikация (или мискommunikация) представляет собой некое отклонение или нарушение общепринятой коммуникативной схемы на любом из этапов ее реализации: в модели Шэннона и Уивера подобные нарушения вызывает шум или коммуникативные помехи, в теории Грайса – отказ следовать максимам общения и пр. [Say Not to Say..., 2002, p. 5–6]. Однако впоследствии подход к дискommunikации был суще-

ственно изменен и расширен: мис-/дискоммуникация стала определяться как не прямой способ общения, в задачи которого входит оптимизация когнитивных и эмоциональных ресурсов собеседников [Say Not to Say..., 2002, p. 37–38]. Данный подход позволил рассматривать коммуникацию и дискоммуникацию не как противопоставленные друг другу отдельные категории, а как цельный конструкт, внутри которого сосуществуют различные ипостаси одного и того же явления – собственно коммуникации [Say Not to Say..., 2002, p. 3–42; Ilter, 2017].

Дискоммуникацию можно характеризовать с разных точек зрения: как правило, ученые дифференцируют два основных аспекта ее изучения – лингвострановедческий и межкультурный. В первом она представляет собой результат «интерферирующего влияния филологических и страноведческих знаний родного языка собеседников на язык общения» [Кириллова, Гаврилина, 2017, с. 26]. В межкультурном аспекте дискоммуникация – результат актуализации стереотипов, «стимулируемой» эгоцентризмом и социоцентризмом коммуникантов. В основу дифференциации, как видим, кладется параметр «причинно-следственные отношения».

Исследователи, обращаясь к понятию дискоммуникации, сосредоточивают свое внимание и на лингводидактических задачах, которые стоят перед преподавателями иностранных языков при формировании соответствующих профессиональных (социо- и межкультурных) коммуникативных компетенций: «преподаватель должен в процессе обучения иностранному языку разъяснять глобальный контекст социальных и межличностных взаимоотношений между носителями языка» [Кириллова, Гаврилина, 2017, с. 27].

Неслучайно термин «дискоммуникация» используется в формулировках компетенций, формируемых при обучении иностранным языкам в основных образовательных программах бакалавриата и магистратуры. Абсолютно закономерно, что преподаватели-методисты употребляют его, характеризуя умения и навыки студентов взаимодействовать на иностранном языке. В практике преподавания иностранных языков обращается внимание на три уровня общения, потенциально приводящих к дискоммуникации в межкультурной интерак-

ции: лингвострановедческом, социокультурном и психосоциальном. Ожидаемо, что причины сбоев на лингвострановедческом уровне связаны, как уже упоминалось, с переносом экстралингвистических явлений из родного языка в иностранный. Это, по мнению Н.Л. Баграмянца, «выражается в неправильном употреблении лексики и ситуативных клише из-за недостаточного объема усвоенной безэквивалентной лексики и отсутствия знаний о типичных особенностях речевого поведения в ином социуме» [Баграмянец, 2014, с. 219]. В качестве причин социокультурной дискоммуникации называют опору «студентов при изучении иностранного языка на свою социальную действительность и автоматический перенос коллективной культурной идентичности из родной культуры в культуру страны изучаемого языка» [Баграмянец, 2014, с. 219]. Небезынтересной представляется выделяемое автором проявление психосоциальной дискоммуникации, причины которой он усматривает в неадекватности восприятия культуры чужой страны: «К этой культуре относятся либо как к лишенной всякой специфичности и одинаковой для всех зарубежных стран, либо инокультурные явления вызывают у обучаемых чувства превосходства или преклонения» [Баграмянец, 2014, с. 219].

В.И. Шаховский отмечал, что «незнание культурных референций приводит к нарушению адекватности в прагматике межкультурного общения, а значит, и к коммуникативным неудачам и провалам в толерантности общения. <...> Без знания культурных референций говорящий на чужом языке никогда не почувствует себя хозяином этого языка, причастным к нему, и будет постоянно попадать в его культурные ловушки – причину войны языков» [Шаховский, 2009, с. 69].

Необходимо особо подчеркнуть, что лингводидактические исследования дискоммуникации направлены не столько на ее определение и установление причин ее появления в межкультурном взаимодействии, сколько на поиск путей ее преодоления, формулирование практических рекомендаций и выработку способов языковой подготовки студентов, как правило, с использованием ситуативно-обусловленного обучения и знакомства с лингвокультурным кодом иноязычной общности.

Таким образом, можно констатировать, что проблемы исследования дискommункации в настоящее время концентрируются на межкультурном (поликультурном) взаимодействии, при этом внимание уделяется таким понятиям, как «коммуникативная неудача», «коммуникативный провал», «срыв», «коммуникативный конфликт», «коммуникативный сбой», «коммуникативная ошибка» и т. п. Вместе с тем ряд исследователей полагает, что дискommункацию нельзя приравнивать к коммуникативной неудаче, поскольку последняя предполагает некий разрыв коммуникативной цепочки [Say Not to Say..., 2002, p. 5]. Ср.: коммуникативная неудача – это «полное или частичное непонимание или неприятие высказывания партнером по коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, несоответствие реакции слушающего коммуникативным ожиданиям говорящего» [Кузнецова, 2012, с. 221]. Близкое определение дается С.Е. Бугровой: коммуникативная неудача – это «полное неосуществление коммуникативных намерений партнеров по общению (полное непонимание), манифестируемое отсутствием ожидаемого перлокутивного эффекта и зачастую сопровождаемое отличной от прогнозируемой эмоциональной реакцией, препятствующей дальнейшему развертыванию коммуникативной интеракции» [Бугрова, 2012, с. 23]. Е.С. Кара-Мурза рассматривает коммуникативные неудачи как вариант деструктивного общения, при котором коммуниканты не добиваются взаимовыгодных результатов, ухудшают или разрывают отношения [Кара-Мурза, 2012, с. 194].

Большинство исследователей считают, что «основная часть коммуникативных неудач порождена сдвигом в сторону “ухудшения” понимания коммуникативных намерений говорящего» [Ермакова, Земская, 1993, с. 62].

Лингвистами предлагаются классификации коммуникативных неудач по разным основаниям. Традиционно выделяют такие виды, как коммуникативный дискомфорт, коммуникативная неудача, коммуникативный конфликт [Мартынова, 2000, с. 229].

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что установлены и подробно описаны экстралингвистические и лингвистические причины

возникновения коммуникативных неудач в межличностном и межкультурном общении. К экстралингвистическим причинам относят различия в картинах мира, в национальных и культурных установках участников коммуникации; нарушение или неверный выбор поведенческих стереотипов; эмоциональная несдержанность говорящего. В.И. Шаховский среди причин коммуникативных неудач называет «эмотивные лакуны, игнорирование которых в научающей коммуникации приводит к коммуникативному сбою или неудаче в реальном общении» [Шаховский, 1997, с. 138–152].

Собственно лингвистическими факторами коммуникативных неудач чаще всего называют неверное или неточное словоупотребление (неточности и недосказанности при выражении мыслей); избыточную метафоричность; неустраненную многозначность или омонимию языковых единиц (двусмысленность высказывания); использование непонятных иноязычных слов и терминов; неверный порядок слов; использование очевидных манипулятивных речевых приемов; неразличение паронимов; употребление неуместных окказионализмов; неоправданное многословие; ошибки в интонировании (постановке логического ударения, расстановке внутрифразовых и фразовых пауз); неправильное произношение; использование инвектив; неправильный выбор речевого жанра и стиля общения; невладение речевым этикетом и др. [Кузнецова, 2014, с. 221].

Коммуникативная неудача, следовательно, является результатом ненамеренного коммуникативного сбоя и коммуникативных помех, связанных с неверным представлением коммуникантов о наличии у них одинаковых пресуппозиций, несовпадением референциальных рамок, недостаточными знаниями денотаций и коннотаций некоторых слов и т. д.

Именно неосознанностью и намеренностью она отличается от коммуникативного конфликта, который определяется как «тип общения, в основе которого лежат реальные или иллюзорные, объективные или субъективные и в различной степени осознаваемые противоречия в целях личностей при общении при попытках их разрешения на фоне острых эмоциональных состояний» [Романова, 2011, с. 282]. Автором выделены и причины, порождающие коммуникативный конфликт и соот-

носимые с «комплексом внешних (социальных) и внутренних (психологических) факторов». К внешним, регулирующим речевое поведение, относятся традиции и нормы, сложившиеся в данной этнокультурной общности, в профессиональной группе, к которой принадлежат говорящие; схемы речевого поведения, ставшие социально значимыми и усвоенные личностью; а также выполнение коммуникантами социальных ролей, продиктованных социальным статусом, профессией, национальной принадлежностью, образованием, возрастом и др. К внутренним факторам, определяющим поведение участников конфликта, могут быть отнесены такие, которые обусловлены качествами самих субъектов: типом личности (психологическим и коммуникативным), интересами, мотивами, интенциями, установками и взглядами участников конфликта и др. [Романова, 2011, с. 282].

Однако как бы ни определялся коммуникативный конфликт (противонаправленное взаимодействие или коммуникативная стратегия), очевидно, что речевые действия адресант производит в ущерб адресату сознательно и целенаправленно. Это позволяет квалифицировать данное общение как деструктивное.

В настоящем исследовании считаем важным подчеркнуть, что и коммуникативная неудача, и коммуникативный конфликт, на наш взгляд, являются частными случаями дискоммуникации. При этом нельзя не отметить, что в лингвистике активно изучаются и достаточно полно описаны именно частные случаи дискоммуникации, все определения случаев дискоммуникации, предлагаемые учеными, находят, как правило, в поле межкультурного и межличностного общения.

Одна из первоочередных задач, которые предстоит решить, – разграничение случаев дискоммуникации в межличностном и межкультурном общении и проявление дискоммуникации на дискурсивном уровне, введя расширенное толкование термина «дискоммуникация».

В качестве рабочего определения предлагаем следующее: дискоммуникация на дискурсивном уровне – это неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения адресанта, неоднозначное толкование смысла дискурса адресатом, недостижение коммуникантами поставленных целей, ком-

муникативное рассогласование, приводящие в итоге к нерезультативности, неэффективности воздействия адресанта на адресата.

Сообщение, передаваемое от адресанта адресату, может быть истолковано неоднозначно, искажено, принято не полностью или не принято совсем. Как известно, такие ситуации возможны во всех типах институционального дискурса, особенно в политическом, рекламном, юридическом, медийном, то есть тех, которые в последние годы рассматриваются многими учеными как разновидности риторического метадискурса¹. В каждом из перечисленных дискурсов дискоммуникация может иметь множество специфических вариантов реализации.

Поскольку дискоммуникация на дискурсивном уровне еще не подвергалась научному анализу, наметим возможные параметры ее анализа на примере судебного дискурса. Выбор обусловлен тем, что он характеризуется, с одной стороны, жесткой регламентацией, а с другой – относительно свободным выбором его участниками стратегий и тактик речевого поведения, что делает возникновение дискоммуникации возможным и прогнозируемым.

Судебный дискурс, важнейшими характеристиками которого являются объективность, формализованность, текстоцентричность, внимание к фактической стороне дела, стремление к установлению истины по делу, относится к сфере конфликтной коммуникации, представляя собой одну из разновидностей современного риторического метадискурса.

Судебный дискурс реализуется как совокупность устных и письменных текстов диалогического и монологического характера, в числе которых особого внимания заслуживают судебные речи – «монологические высказывания в зале суда» [Дубровская, 2010, с. 4].

Адресант судебной речи – судебный оратор (прокурор или адвокат). Адресатов принято выделять четыре: состав суда, процессуальный оппонент, обвиняемый, слушатели в зале [Носова, 2009, с. 272].

Главная цель адресанта, к достижению которой он должен стремиться, апеллируя ко всем четырем адресатам, – защита (для адвоката) или обвинение (для прокурора). Достижение этой цели может сопровождаться ре-

шением дополнительных задач по отношению к обвиняемому (исправление и перевоспитание) и присутствующим в зале гражданам (предупреждение правонарушений).

Полное или частичное неосуществление замысла адресанта проявляется в различных случаях ненормативности, к которым мы относим: 1) нарушения в целеполагании; 2) несоблюдение правил аргументации (нарушение границ тезиса, использование некорректной аргументации и т. п.); 3) неудачную вербализацию замысла со стороны адресанта.

1. Примером некорректного **целеполагания** может служить фрагмент выступления современного адвоката С.В. Грицко по уголовному делу о незаконном обороте наркотических средств. Целью С.В. Грицко была защита подсудимого, облегчение его наказания, но ему не удалось сформулировать ее четко, определенно и однозначно:

Уважаемый суд, я не прошу смягчить Иванову наказание, а прошу прекратить в отношении него уголовное преследование на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, по указанным выше основаниям.

Но, уважаемый суд, если Вы сочтете мои доводы неубедительными, то **при назначении наказания просил бы учесть положительные характеристики Иванова, наличие у него на иждивении малолетнего ребенка, что является смягчающим наказанием обстоятельством, его полное признание своей вины** (Праворуб).

Такая концовка речи свидетельствует о том, что адвокат не решил окончательно, чего он просит от суда: прекращения дела в отношении своего подзащитного (оправдания) или минимального срока лишения свободы. Это весьма снизило эффективность его речи.

Представляется интересным сравнить этот фрагмент выступления адвоката С.В. Грицко с финалом одного из выступлений известного адвоката Ф.Н. Плевако, в котором тоже высказаны сомнения и обнаруживается некоторая неопределенность, что, однако не приводит к дискommunikации:

Я не говорю о вине или невинности; я говорю о неизвестности ответа на роковой вопрос

* Данная некоммерческая организация в 2014 г. признана иноагентом; ликвидирована Постановлением Мосгорсуда от 29.12.2021.

дела. Не наша и не обвинителя это вина. Не все доступно человеческим усилиям. Но если нет средств успокоиться на каком-либо ответе, успокоиться так, чтобы никогда серьезное и основательное сомнение не тревожило вашей судебной совести, то и по началам закона, и по требованию высшей справедливости вы не должны осуждать привлеченную или обоих, если сказанное равно относится и к нему. **Когда надо выбирать между жизнью и смертью, то все сомнения должны решаться в пользу жизни. Таково веление закона и такова моя просьба!** (Плевако).

Ф.Н. Плевако тоже обращается к суду с просьбой, но при этом уверен в своей правоте, в справедливости суда и торжестве закона.

2. Несоблюдение правил **аргументации** выражается в судебных речах в нарушении границ тезиса, использовании некорректной аргументации и т. п.

Судебные ораторы, выступая с судебной речью и стремясь к максимальной убедительности, иногда расширяют границы тезиса, используют прием, названный А.Н. Барановым «навязывание пресуппозиции» [Баранов, 2007, с. 191]. Общая модальность такого выступления сводится к тезису: «N – преступник», а не «N является преступником, потому что...», границы которого, безусловно, расширяются.

Например, при рассмотрении громкого уголовного дела по обвинению руководителя Правозащитного центра «Мемориал»* Олега Орлова в клевете в адрес главы Чечни Р. Кадырова прокурор счел возможным, доказывая вину подсудимого, опираться на его оценочные суждения. Из слов О. Орлова об ответственности Р. Кадырова как руководителя за все происходящее в республике обвинитель сделал вывод, что Орлов считает Кадырова организатором убийства Натальи Эстемировой, а значит – клеветает на него, так как Кадыров убийства не организовывал, то есть: «Орлов – клеветник», но не «Орлов является клеветником, потому что...».

Суд не поддержал обвинение О. Орлова в клевете, соединенной с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Решающее значение для суда имела речь известного адвоката Генри Резника, который доказал, что Орлов писал о социально-политической ответственности Кадырова как главы Чеченской Республики, а не о том, что Р. Кадыров был организатором или исполнителем убийства (ВККА).

Результативность судебной речи определяется и правильным выбором аргументов, стратегий и тактик их предъявления.

В уже упоминавшейся речи адвоката С.В. Грицко есть нарушения в предъявлении аргументов – недостаточно акцентированы смягчающие для обвиняемого обстоятельства: болезнь ребенка, тяжелая жизненная ситуация, полное раскаяние. Кроме того, в выступлении защитника только указаны, перечислены, но не рассмотрены подробно недопустимые доказательства, приведенные в речи процессуального оппонента (прокурора):

В судебном заседании достоверно установлено, а также следует из показаний Иванова и самого Самоенко: Иванов приобретал наркотическое средство по просьбе и за деньги Самоенко, и в дальнейшем ему же его передавал. Данный факт стороной государственного обвинения не опровергнуто, какие-либо доказательства, опровергающие это, не представлены. Данный вывод касается всех трех эпизодов совершения преступлений... (Праворуб).

Нарушением правил предъявления аргументации является и использование судебными ораторами вышеупомянутого манипулятивного приема навязывания пресуппозиции, которое «...заключается в том, чтобы ввести в сознание человека, в его представления о действительности некоторую информацию, которая не подвергается критическому анализу, не осознается им как нечто требующее обсуждения» [Баранов, 2007, с. 191].

Например, адвокат в своей речи указывает причину проведения повторного оперативно-розыскного мероприятия, никак не доказав ее истинности:

Проведение повторного оперативно-розыскного мероприятия – очередной проверочной закупки у одного и того же лица – должно быть обосновано и мотивировано, в том числе новыми основаниями и целями. Однако каких-либо оснований и целей для проведения повторного ОРМ не было вовсе. **Все это было сделано лишь для повы-**

шения надутых показателей работы оперативных служб.

Ни один из свидетелей из числа оперативных работников не смог назвать, какие же были основания или цели для нового ОРМ, все ссылались на Головку, как на самого главного. Однако сам же Головку в ходе судебного заседания данные моменты пояснить тоже не смог (Праворуб).

3. Приводит к дискоммуникации и неудачная вербализация замысла со стороны адресанта: неправильное ударение, слово- и формообразование, использование сниженной лексики и фразеологии и другие речевые ошибки. Такие случаи отмечены в речах адвоката О.В. Назарова:

Не исключено стремление защитника при опоре на показания свидетеля Стрелкова **перевести стрелки** с Губки на другое, якобы причастное к смерти Зотова лицо, которое к уголовной ответственности не привлечено. Однако при этом просил бы обратить внимание на то, что показания Стрелкова не опровергают утверждение Иваненко о причинении смерти именно действиями Губки. Кроме того, они предположительны. А предположения, как известно, в основу приговора положены быть не могут (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ) (Праворуб).

Или:

В частности, жалоба последует, если Губка не будет осужден за вмененное умышленное убийство к максимальному основному и дополнительному наказанию. А там неизвестно, чем все для Губки закончится.

Может быть, апелляционная инстанция отменит приговор и возвратит дело прокурору для применения квалификации о более тяжком преступлении, подсудном областному суду... Тогда только 15 годами Губке можно и не обойтись... Словом, при занятой подсудимым позиции **ему можно себе такую медвежью услугу оказать, что мало не покажется...** (Праворуб).

Случаи дискоммуникации в судебных речах подтверждаются действующими адвокатами. Например, С.И. Володина, директор Института адвокатуры Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, приводит данные анонимного анкетирования судей, из которых следует, что судьи критически оценивают речи обвинения и защиты, считают их бездоказательными, шаб-

лонными, излишне эмоциональными, что свидетельствует об их нерезультативности [Володина, 2009, с. 17].

Результаты анализа отдельных случаев дискommunikации в судебном дискурсе позволяют говорить о перспективности дальнейшего исследования дискommunikации как феномена современного институционального дискурса.

Заключение

В статье обосновывается дискурсивный подход к пониманию термина «дискommunikация». Рассматривая дискommunikацию в традициях школы эмотивной лингвоэкологии В.И. Шаховского, мы полагаем, что данное явление присуще не только межкультурному, но и *интра*культурному общению: дискommunikация трактуется как зонтичный термин, объединяющий разнообразные варианты неэффективного общения в результате неосуществления или неполного осуществления коммуникативного намерения и недостижения поставленных целей или их рассогласования. Итоговая неэффективность общения и нерезультативность взаимодействия коммуникантов присутствует как на межкультурном, так и на интракультурном уровне, и обусловлена как лингвистическими, так и экстралингвистическими причинами. Полное или частичное неосуществление замысла адресанта проявляется в различных случаях ненормативности, к которым мы относим: 1) нарушения в целеполагании; 2) несоблюдение правил аргументации (нарушение границ тезиса, использование некорректной аргументации и т. п.); 3) неудачную вербализацию замысла со стороны адресанта.

Расширение списка дискурсов для анализа дискommunikации позволит в будущем выявить специфику ее реализации в различных речевых жанрах и типах общения, определить причины ее возникновения и наметить пути ее преодоления.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Понятие риторического метадискурса введено А.В. Голодновым. «Риторический метадискурс является особым типом дискурса, интегриру-

ющим тексты различных типов, которые относятся к различным коммуникативным сферам, но объединяются общей персуазивной целеустановкой адресанта на побуждение реципиента к совершению выгодного адресанту коммуникативного действия в ситуации свободного выбора» [Голоднов, 2009, с. 85]. В риторический метадискурс автор включает тексты политического, рекламного, судебного и других дискурсов [Голоднов, 2009, с. 85].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баграмянц Н. Л., 2014. Ситуативно-обусловленное обучение как средство знакомства с лингвокультурным кодом иноязычного социума // Известия Московского государственного технического университета МАМИ. Т. 5, № 1 (19). С. 217–222.
- Баранов А. Н., 2007. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта : Наука. 592 с.
- Бугрова С. Е., 2012. Основные подходы к изучению и типологизации коммуникативных неудач // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 20. С. 22–30.
- Володина С. И., 2009. Речь адвоката – глазами судей // Адвокатская практика. № 2. С. 16–18.
- Голоднов А. В., 2009. Риторический метадискурс как интегративный тип дискурса // Известия Российского государственного университета им. А.И. Герцена. № 104. С. 77–87.
- Городецкий Б. Ю., Кобозева И. М., Сабурова И. Г., 1985. К типологии коммуникативных неудач // Диалогическое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск : АН СССР. С. 64–78.
- Горохова Н. А., Кулаковская М. В., 2019. Применение лингвострановедческого комментария в обучении иноязычному чтению студентов неязыкового вуза // Воспитание и обучение: теория, методика и практика : сб. материалов XIX Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс». С. 9–13.
- Гусева А. В., 2018. Формирование социокультурной компетенции в процессе обучения студентов-нефилологов письменному реферированию естественнонаучной литературы на иностранном языке // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. ст. XX Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение». С. 59–61.
- Дубровская Т.В., 2010. Судебный дискурс: речевое поведение судьи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов. 41 с.

- Жукова И. Н., Лебедев М. Г., Прошина З. Г., Юзифович Н. Г., 2015. Словарь терминов межкультурной коммуникации. Изд. 2-е, стер. М. : Флинта : Наука. 640 с.
- Ермакова О. П., Земская Е. А., 1993 К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М. : Наука. С. 30–64.
- Кара-Мурза Е. С., 2012. Конфликтные модусы общения: коммуникативная неудача, конфликт, речевое преступление // Шмелевские чтения – X. Речевое общение. М. : Флинта. С. 193–202.
- Кириллова Т. С., Гаврилина И. С., 2017. Коммуникативные компетенции в поликультурном пространстве // Альманах мировой науки. № 1-2 (16). С. 25–27.
- Кузнецова А. А., 2014. Коммуникативная неудача // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): слов.-справ. / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск : Изд-во Сибир. федер. ун-та. С. 221.
- Мартьянова Е. М., 2000. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога : дис. ... канд. филол. наук. Орел. 229 с.
- Носова Т. В., 2009. Логика и риторика в судебной речи: когнитивные аспекты // РАЦИО.ru. № 2. С. 272–282.
- Полякова С. Е., 2009. Прагматически обусловленные коммуникативные неудачи в политическом дискурсе // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 12 (89). С. 244–247.
- Романова В. М., 2011. Коммуникативный конфликт как социально-лингвистический феномен // Социально-экономические явления и процессы. № 10. С. 281–286.
- Серебрякова А. Ю., 2015. Экстралингвистические причины коммуникативных неудач // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. Т. 12, № 4. С. 34–37.
- Страхова О. А., 2017. К вопросу об определении понятий «коммуникативный риск» и «зона коммуникативного риска» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9 (2). С. 150–153.
- Формановская Н. И., 2002. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Рус. яз. 216 с.
- Шаховский В. И., 1997. О переводимости эмотивных смыслов художественных текстов // Перевод и коммуникация / отв. ред. А. Д. Швейцер, Н. К. Рябцева, А. П. Василевич. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 138–152.
- Шаховский В. И., 2009. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии : учеб. пособие. Волгоград : Перемена. 170 с.
- Шаховский В. И., 2016. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград : ИП Поликарпов И.Л. 504 с.
- Шаховский В. И., 2020. Совпадение смысловых пазлов как условие эффективности современной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 3. С. 34–52.
- Щербачева О. И., 2006. Контексты в конфликтологии. М. : МГГУ им. М.А. Шолохова. 80 с.
- Ïlter T., 2017. Miscommunication: The Other of Communication or the Otherness of Communication? // International Journal of Communication. Vol. 11. P. 259–277.
- Mortensen C. D., 1997. Miscommunication. Thousand Oaks : SAGE Publications. 280 p.
- Russell C. K., Gregory D. M., Care W. D., Hultin D., 2007. Recognizing and Avoiding Intercultural Miscommunication in Distance Education: A Study of the Experiences of Canadian Faculty and Aboriginal Nursing Students // Journal of Professional Nursing. Vol. 23, № 6. P. 351–361.
- Say Not to Say: New Perspectives on Miscommunication, 2002 / ed. by L. Anolli, R. Ciceri, G. Riva. Amsterdam : IOS Press. 288 p.
- The Dark Side of Interpersonal Communication, 1994 / ed. by W. R. Cupach, B. H. Spitzberg. S. I. : Lawrence Erlbaum Associates. 337 p.
- Wierzbicka A., 2010. Cross-Cultural Communication and Miscommunication: The Role of Cultural Keywords // Intercultural Pragmatics. Vol. 7, № 1. P. 1–23.

ИСТОЧНИКИ

- ВККА – Неофициальный сайт Высшей квалификационной комиссии адвокатуры при Кабинете Министров Украины. URL: <http://vkka.net/?p=4198>
- Плевако – Судебные речи Ф. Плевако. URL: <https://www.livelib.ru/book/32421/read-sudebnyerechi-fedor-plevako/~8>
- Праворуб – Праворуб. URL: <https://hohol28071980.pravorub.ru/personal/40924.html>

REFERENCES

- Bagramyants N.L., 2014. Situativno-obuslovlennoe obuchenie kak sredstvo znakomstva s lingvokulturnym kodom inoyazychnogo sotsiuma [Situationally-Conditioned Learning as a Means

- for Exploring of Linguistic Cultural-Code of Foreign Language Society]. *Izvestiya Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta MAMI*, vol. 5, no. 1 (19), pp. 217-222.
- Baranov A.N., 2007. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic Examination of the Text: Theory and Practice]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 592 p.
- Bugrova S.E., 2012. Osnovnye podkhody k izucheniyu i tipologizatsii kommunikativnykh neudach [Basic Approaches to the Study and Typologization of Communicative Failures]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin], iss. 20, pp. 22-30.
- Volodina S.I., 2009. Rech advokata – glazami sudey [Lawyer's Speech – Through the Eyes of Judges]. *Advokatskaya praktika* [Advocate's Practice], no. 2, pp. 16-18.
- Golodnov A.V., 2009. Ritoricheskiy metadiskurs kak integrativnyy tip diskursa [Rhetorical Meta-Discourse as an Integrative Discourse Type]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], no. 104, pp. 77-87.
- Gorodetskiy B.Yu., Kobozeva I.M., Saburova I.G., 1985. K tipologii kommunikativnykh neudach [Towards a Typology of Communication Failures]. *Dialogicheskoe vzaimodeystvie i predstavlenie znaniy* [Dialogue Interaction and Knowledge Presentation]. Novosibirsk, AN SSSR, pp. 64-78.
- Gorokhova N.A., Kulakovskaya M.V., 2019. Primenenie lingvostranovedcheskogo kommentariya v obuchenii inoyazychnomu chteniyu studentov neyazykovogo vuza [Application of Linguistic and Cultural Commentary in Teaching Foreign Language Reading to Students of a Non-Linguistic University]. *Vospitanie i obuchenie: teoriya, metodika i praktika: sb. materialov XIX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Education and Training: Theory, Methodology and Practice. Collection of Proceedings of the 19th International Scientific and Practical Conference]. Cheboksary, CNS «Interaktiv plus», pp. 9-13.
- Guseva A.V., 2018. Formirovanie sotsiokulturnoy kompetentsii v protsesse obucheniya studentov-nefilologov pismennomu referirovaniyu estestvennonauchnoy literatury na inostrannom yazyke [Formation of Socio-Cultural Competence in the Process of Teaching Non-Philology Students to Write Abstracting of Natural Science Literature in a Foreign Language]. *Sovremennoe obrazovanie: aktualnye voprosy, dostizheniya i innovatsii: sb. st. XX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modern Education: Topical Issues, Achievements and Innovations. Collection of Articles of the 20th International Scientific and Practical Conference]. Penza, MTsNS «Nauka i Prosveshcheniye», pp. 59-61.
- Dubrovskaya T.V., 2010. *Sudebnyy diskurs: rechevoye povedenie sudyi : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Courtroom Discourse: Speech Behavior of a Judge. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Saratov. 41 p.
- Zhukova I.N., Lebedko M.G., Proshina Z.G., Yuzefovich N.G., 2015. *Slovar terminov mezhkulturnoy kommunikatsii* [Terminological Dictionary of Intercultural Communication]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 640 p.
- Ermakova O.P., Zemskaya E.A., 1993. K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [Towards the Construction of a Typology of Communicative Failures (Based on the Material of Natural Russian Dialogue)]. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian Language in Its Functioning. Communicative-Pragmatic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., pp. 30-64.
- Kara-Murza E.S., 2012. Konfliktnye modusy obshcheniya: kommunikativnaya neudacha, konflikt, rechevoe prestuplenie [Conflict Modes of Communication: Communication Failure, Conflict, Speech Crime]. *Shmelevskie chteniya – X. Rechevoe obshhenie* [Shmelev's Readings – 10. Speech Communication]. Moscow, Flinta Publ., pp. 193-202.
- Kirillova T.S., Gavrilina I.S., 2017. Kommunikativnye kompetentsii v polikulturnom prostranstve [Communicative Competences in a Multicultural Space]. *Almanakh mirovoy nauki*, no. 1-2 (16), pp. 25-27.
- Kuznetsova A.A., 2014. Kommunikativnaya neudacha [Communication Failure]. Skovorodnikov A.P., ed. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii) : slov.-sprav.* [Effective Verbal Communication (Basic Competencies). Dictionary-Reference Book]. Krasnoyarsk, Izd-vo Sibir. feder. un-ta, p. 221.
- Martynova E.M., 2000. *Tipologiya yavleniy kommunikativnogo diskomforta v situatsiyakh dialoga: dis. ... kand. filol. nauk* [Typology of the Phenomena of Communicative Discomfort in Dialogue Situations. Cand. philol. sci. diss.]. Orel. 229 p.
- Nosova T.V., 2009. Logika i ritorika v sudebnoy rechi: kognitivnye aspekty [Logic and Rhetoric in Forensic Speech: Cognitive Aspects]. *RATIO.ru*, no. 2, pp. 272-282.

- Polyakova S.E., 2009. Pragmatically obuslovlennye kommunikativnye neudachi v politicheskom diskurse [Pragmatically Conditioned Communication Failures in Political Discourse]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. Linguistics], no. 12 (89), pp. 244-247.
- Romanova V.M., 2011. Kommunikativnyy konflikt kak sotsialno-lingvisticheskiy fenomen [Communicative Conflict as a Social and Linguistic Phenomenon]. *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social Economic Phenomena and Processes], no. 10, pp. 281-286.
- Serebryakova A.Yu., 2015. Ekstralingvisticheskie prichiny kommunikativnykh neudach [Extralinguistic Reasons for Communication Failures]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics], vol. 12, no. 4, pp. 34-37.
- Strakhova O.A., 2017. K voprosu ob opredelenii ponyatiy «kommunikativnyy risk» i «zona kommunikativnogo riska» [On Defining the Concepts of “Communication Risk” and “Zone of Communication Risk”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], no. 9 (2), pp. 150-153.
- Formanovskaya N.I., 2002. *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod* [Verbal Communication. Communicative-Pragmatic Approach]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 216 p.
- Shakhovskiy V.I., 1997. O perevodimosti emotivnykh smyslov khudozhestvennykh tekstov [On the Translatability of Emotive Meanings of Literary Texts]. Shveytser A.D., Ryabtseva N.K., Vasilevich A.P., eds. *Perevod i kommunikatsiya* [Translation and Communication]. Moscow, In-t yazykoznaneya RAN, pp. 138-152.
- Shakhovskiy V.I., 2009. *Yazyk i emotsii v aspekte lingvokulturologii: ucheb. posobie* [Language and Emotions in the Aspect of Linguoculturology. Textbook]. Volgograd, Peremena Publ. 170 p.
- Shakhovskiy V.I., 2016. *Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom krugе: chelovek, yazyk, emotsii* [Dissonance of Ecologicality in the Communicative Circle: Person, Language, Emotions]. Volgograd, IP Polikarpov I.L. Publ. 504 p.
- Shakhovskiy V.I., 2020. Sovpadeniye smyslovykh pazlov kak usloviye effektivnosti sovremennoy kommunikatsii [Coincidence of Semantic Puzzles as a Condition for Effective Contemporary Communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 3, pp. 34-52.
- Shcherbakova O.I., 2006. *Konteksty v konfliktologii* [Contexts in Conflictology]. Moscow, MGGU im. M. A. Sholokhova. 80 p.
- İlter T., 2017. Miscommunication: The Other of Communication or the Otherness of Communication? *International Journal of Communication*, vol. 11, pp. 259-277.
- Mortensen C.D., 1997. *Miscommunication*. Thousand Oaks, SAGE Publications. 280 p.
- Russell C.K., Gregory D.M., Care W.D., Hultin D., 2007. Recognizing and Avoiding Intercultural Miscommunication in Distance Education: A Study of the Experiences of Canadian Faculty and Aboriginal Nursing Students. *Journal of Professional Nursing*, vol. 23, no. 6, pp. 351-361.
- Anolli L., Ciceri R., Riva G., eds., 2002. *Say Not to Say: New Perspectives on Miscommunication*. Amsterdam, IOS Press. 288 p.
- Cupach W.R., Spitzberg B.H., eds., 1994. *The Dark Side of Interpersonal Communication*. S.I., Lawrence Erlbaum Associates. 337 p.
- Wierzbicka A., 2010. Cross-Cultural Communication and Miscommunication: The Role of Cultural Keywords. *Intercultural Pragmatics*, vol. 7, no. 1, pp. 1-23.

SOURCES

- Neofitsialnyy sayt Vysshey kvalifikatsionnoy komissii advokatury pri Kabinete Ministrov Ukrainy.* URL: <http://vkka.net/?p=4198>
- Sudebnyye rechi F. Plevako.* URL: <https://www.livelib.ru/book/32421/read-sudebnyye-rechi-fedor-plevako/~8>
- Pravorub.* URL: <https://hohol28071980.pravorub.ru/personal/40924.html>

Information About the Authors

Yana A. Volkova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages in Theory and Practice, Peoples' Friendship University of Russia, Miklukho-Maklaya St, 9, 117198 Moscow, Russia, yana.a.volkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1456-5881>

Nadezhda N. Panchenko, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russia, panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Natalya K. Prigarina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russia, prigarina99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3081-0533>

Информация об авторах

Яна Александровна Волкова, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков, Российский университет дружбы народов, ул. Миклухо-Маклая, 9, 117198 г. Москва, Россия, yana.a.volkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1456-5881>

Надежда Николаевна Панченко, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Россия, panchnn@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4498-5262>

Наталья Константиновна Пригарина, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Россия, prigarina99@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3081-0533>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.12>

UDC 81'23:366.63
LBC 81.006

Submitted: 29.09.2022
Accepted: 05.12.2022

COMMUNICATIVE CATEGORY OF *ALTERITY*: LINGUOCULTURAL AND LINGUOECOLOGICAL PROPERTIES

Evgenia Y. Kislyakova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia

Sergey Grinev-Grinevich

State Higher Professional School after Edward Shchepanik in Suvalki, Suvalki, Poland

Elvira A. Sorokina

Moscow Region State Pedagogical University, Mytishchi, Russia;
Russian University of Transport, Moscow, Russia

Sanya I. Madzhaeva

Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia

Abstract. The aim of the article is to give an in-depth insight into *alterity* as a communication category in the cognitive and discursive aspects. Being an indispensable part of communication and cognition, the category has its own meaning presenting the communicative interaction within the frame “I – the Other”. The category of *alterity* has its own set of category properties, which are specified uniquely in different languages. *Alterity* as a linguistic category may express an outlook on the reality (similar, i.e. familiar, devoid of risk: other, different, vague, evidently evoking fear or curiosity). In the Russian language, it is linked to the emotional clusters of *curiosity, fear, suspense*, whereas in the English language it is associated with *curiosity, admiration, surprise and novice*. *Alterity* is characterized similarly in English and Russian through maintaining such features as *dissimilarity, variety, multifariousness, belonging to different classes/groups, distinct opposition*. As well as common features, *alterity* manifests culturally specific meanings in English (*being eccentric, revolutionary, new, fresh*) and Russian (*being funny and incongruous*). The article includes a description of the linguistic means and communicative strategies and tactics, with the help of which the category of *alterity* is realized in fiction. The category content is variable in the discourse and it serves ground for the ecological and non-ecological mode of communication.

Key words: communicative mindset, communicative category, alterity, category properties, culturally relevant differences, ecological mode of communication, non-ecological mode of communication.

Citation. Kislyakova E.Y., Grinev-Grinevich S., Sorokina E.A., Madzhaeva S.I. Communicative Category of *Alterity*: Linguocultural and Linguoecological Properties. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 151-161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.12>

УДК 81'23:366.63
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 29.09.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

КОММУНИКАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ИНАКОСТИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Евгения Юрьевна Кислякова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия

Сергей Гринев-Гриневич

Государственная высшая профессиональная школа им. Эдварда Щепаника в Сувалках, г. Сувалки, Польша

Эльвира Анатольевна Сорокина

Московский государственный областной педагогический университет, г. Мытищи, Россия;
Российский университет транспорта, г. Москва, Россия

Санья Ибрагимовна Маджаева

Астраханский государственный медицинский университет, г. Астрахань, Россия

Аннотация. В статье дается развернутый анализ инакости как категории коммуникации в когнитивном и дискурсивном аспектах. Будучи неотъемлемым компонентом коммуникации и когниции, инакость характеризуется определенным содержанием, раскрывающимся в рамках коммуникативного взаимодействия «Я – Другой». Е.Ю. Кисляковой установлено, что инакость имеет свой набор категориальных признаков, которые объективируются в различных языках посредством универсальных и национально-маркированных конкретизаторов. Обнаружены схожие значения, свойственные как английскому, так и русскому языкам: «непохожесть», «отсутствие подобия»; «разнообразие», «отнесенность к различным классам / группам»; «четкая противопоставленность / оппозиционирование», а также различия в концептуализации инакости средствами английского и русского языков: признак яркости, необычности на фоне других, индивидуальности, чудачества, изменения, чего-то революционного и свежего в английской лингвокультуре на фоне русской. В русском языке, в сопоставлении с английским, обнаруживаются такие характеристики, как забавность и смехотворность. С. Гринев-Гриневичем описаны языковые средства и коммуникативные стратегии и тактики реализации инакости в художественном дискурсе. С.И. Маджаевой и Э.А. Сорокиной доказано, что содержание данной категории варьируемо в коммуникативном процессе, что обуславливает экологичность / неэкологичность общения.

Ключевые слова: коммуникативное сознание, коммуникативная категория, инакость, категориальные признаки, лингвокультурные различия, экологичность общения, неэкологичность общения.

Цитирование. Кислякова Е. Ю., Гринев-Гриневич С., Сорокина Э. А., Маджаева С. И. Коммуникативная категория инакости: лингвокультурные и лингвоэкологические характеристики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 151–161. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.12>

Introduction

Modern linguistic science postulates the fact that the human being is apt to perceive and assimilate new elements of knowledge within uniform cognitive frameworks. Different people share obviously similar needs and aims of communication, which, on the one hand, explains a number of certain uniform principles of the world perception, and on the other hand, sufficient similarity in the forms of cognitive functioning [Langacker, 1999]. However, along with the common ways of mirroring the reality each individual is characterized by unique personal views on the world that determine their understanding of it [Semenova, 2009]. This uniqueness is also strengthened by the emotive aspect of communication through each interlocutor's manifestation of their emotional deixis, emotional intellect as well as use of

emotionally coloured language means [Shakhovskiy, 2019a; 2019b].

Even such basic notions as “other”, “the same”, “this”, “that”, which are classified as basic determiners by A. Vezhbitskaya [2001], may turn out to possess a number of culturally and emotively specific meanings, arrayed in different language forms. *Alterity* is to be considered in terms of universally basic notions, forming a key concept in this or that language and requiring certain linguistically and culturally specific categorization.

In contemporary humanitarian science, *alterity* is viewed as a complementary category, and its content is elaborated through philosophical, psychological, religious, sociological, literary as well as linguistic research (M. Bakhtin, E. Benveniste, M. Buber, H.-G. Gadamer, E. Husserl, G. Deleuze, J. Kristeva, J. Lacan, E. Levinas, J. Lotman, J.-P. Sartre, S. Freud, M. Foucault, M. Heidegger, C.G. Jung et al.).

If viewed philosophically, the category of *alterity* is contemplated as a binary entity, as it presupposes a meaningful correlation of one and the other in regard to distinguishing similarities and differences. Naturally, the language reflects the person's capability of perceiving the world and understanding it in all its peculiarities and manifestations [Kubryakova, 2004, p. 17]. While recognizing the mediating function of the language in the processes of categorization and conceptualization, it is to be questioned in this article, on the strength of which linguistic and communicative means the language embodies the perception of *alterity*.

Material and methods

The aim of the article is to give an in-depth insight into *alterity* as a communication category in the cognitive and discursive aspects. The linguistic analysis specifically focuses on the key properties of the communication category of *alterity* in modern English, with the Russian language means serving as a comparable background for identifying culturally specific meanings of the category under study.

Addressing the study of *alterity* as a communication category is enhanced by the following issues:

- 1) it facilitates understanding of the communicative mindset and communication categories as its main constituents;
- 2) it specifies the range of the principles and mechanisms of communication;
- 3) it extrapolates the methodologically relevant content of the humanitarian category of *alterity* into the linguistic branch of study, enlarging the conceptual means of communicology and the interpretation tools of linguistic research;
- 4) it allows to draw correlation between *alterity* and associatively connected categories with the view of improving the lexicographic aspect of its rendering in modern Russian and English;
- 5) it requires an in-depth discursive analysis which is to result in extracting implicit subtle properties of the category.

The results of the research are verified with the help of the following methods employed in the research: the analysis of key notions, comparative analysis, contextual analysis, discursive analysis.

Each of the scientific methods was used at a definite stage of the study:

1) the analysis of the key notions included a component-definitional analysis of the category concept – *alterity*, as well as all linguistic means, forming the same thesaurus and associative word-fields with it, which was carried out with the help of the semantic stretching of the key notion via interpretational analysis of its synonyms, antonyms, etymological analysis and construction of the nominative clusters of the parameters of the category;

2) the comparative analysis was employed in identifying culturally specific properties of *alterity* in the English language as considered in the background of the Russian language;

3) the contextual and discursive analysis of classic and contemporary British fiction consisted of defining macro- and microcontexts which allowed to trace the connection of one communicative event with another; at the next step the contexts were analyzed by such criteria as the topic and the participants (status roles and communicative situations), chronotope, communicative environment, communicative strategies and tactics, communicators' intentions, etc.

The research employs linguistic material of both the Russian and English languages. The key concepts and their specifiers are analyzed with the help of the data available in contemporary dictionaries of meanings, synonyms, antonyms and thesaurus (more than 350 lexical means – over 200 and 150 for Russian and English respectively). The discursive part of the analysis is carried out with the aid of literary contexts (345 contexts) from classic and contemporary British prose, marked by *alterity* as the key topic.

Results and discussion

The term *alterity* itself has been defined under philosophical scrutiny as a spectrum of notions and ideas, contributing on the whole to the idea of “otherness”, strictly being in the sense of the other of two (Latin *alter*). The concept was established by Emmanuel Lévinas in a series of essays, collected under the title *Alterity and Transcendence* [Levinas, 1999].

Within the frames of modern humanitarian discourse *alterity* appears to be a category that realizes the relations between the I and the Other

and depends on the following interpretations of the Other: 1) another I (the Other in the structure of the I); 2) You as *the Other* (opposed to any other); 3) the Other as any other; 4) the Other as a stranger, alien, foreigner, outsider [Dorogavtseva, 2009]. The above mentioned interpretation leads to the following definition of *alterity*: a category of Subject-Subject and/or Subject-Object relations between *the I* and *the Other* as realized through self-identity as well as at the levels of interpersonal, social and intercultural communication. As a result, the category of *alterity* is of key relevance to how the communicative interaction is structured.

Culturally relevant properties of alterity as a communicative category

In our previous research [Kislyakova, 2018] we came to the conclusion about a complex conceptual structure of the category of *alterity*, which is presented in its binary properties defined as its parameters. These parameters are viewed as opposing subcategories: singularity – plurality, identity – non-identity, similarity – difference, normality – abnormality, nativity – strangeness, definiteness – indefiniteness, reality – unreality.

Alterity is mainly an implicit category, which can get explicit under a particular context, marked by certain linguistic and stylistic means. Like any other communication category, *alterity* is closely connected with the notion of the communicative norm, understood as a set of speaking rules accepted by a society and determining different types of verbal interaction in various situations. The core component of the communicative norm is the principle of communicative relevance, adequacy of verbal performance in a certain communicative situation. Here comes into logical view Hymes's SPEAKING model of communication, in which each of the letters stands for a respectively abbreviated word – setting, participants, ends, act sequence, key, instrumentalities (linguistic means), norms of interaction, genres [Hymes, 1974]. So the speaker's choice of the communicative strategy and tactics has a crucial influence on the course of interaction and its effectiveness as well as ecological/non-ecological mode.

Alterity as a communication category determines the following functions of interaction:

1) orientative function, when the *Other* appears to be a 'guide' in adapting oneself to the setting;

2) manipulative function, which is realized on condition of unequal statuses of participants, thus leading to a conflicting type of communication.

Speaking about the unequal status, we mean the communicative status rather than the social one. As an example, illustrating the latter function is the situation of communicative inequality rendered in one of the novels by David Lodge:

(1) Then we went to Anitkabir to lay a wreath on Ataturk's tomb. <...> Mr. Custer thought it would be a nice gesture. And a funny thing happened <...> Perhaps I should not have told Professor Swallow that it was a capital offence to show disrespect to the memory of Ataturk. <...> I said it as a kind of joke. However, he seemed to be very worried by the information. <...> Anyway, Mr. Custer told him, 'Don't worry, just do exactly what I do.' So we march down the concourse, Mr. Custer in front carrying the wreath, and Professor Swallow and I following in step, under the eyes of the soldiers. <...> And then Mr. Custer had the misfortune to trip over a paving stone that was sticking up and, being impeded by the wreath, fell on to his hands and knees. Before I could stop him, Professor Swallow flung himself to the ground and lay prostrate like a Muslim at prayer (Lodge, 1984, p.180).

As the given example shows, the British professor is worried about causing a conflict by putting himself in the wrong, as he is not fully aware of the SPEAKING criteria of the situation described. He is forced to imitate the behavior of the people around and he is manipulated by signs that he tends to misinterpret, thus revealing his otherness.

In the theory of communication it has been established to differentiate the notions *other* and *familiar* [Hogrebe, 1993]. But this differentiation is more likely to be indicated as the opposition *insider / outsider*. However, in the social, historic and imagined dimensions culture is viewed as heterogeneous: being members of the same discourse community, people still have different life experiences and biographies, they also differ in age, gender or ethnicity, they may have different political opinions and preferences; moreover, cultures definitely change over time [Kramsch, 1998]. Therefore, even an insider may possess features of *alterity* that reflect his constant change and development.

The category of *alterity* has its own language manifestations. In some languages there are explicit as well as implicit ways of rendering the categorical meaning of *alterity*, such as contextual negotiation of meaning, cues and inferences.

To categorize the quantity of language means, denoting *alterity* in both Russian and English, it is relevant to follow the parametrical representation of the category, which was mentioned above. The

most common linguistic manifestations of *alterity* in Russian are presented in Table below, which sums up the lexical-and-semantic study within the scope of Russian and English dictionaries (Alexandrova, 2001; Abramov, 1999; Baranov, 1995; Ideograficheskiy slovar...; Kuzmin, Shadrin, 1996; Kunin, 1984; Evgeneva (ed.), 2001; Tolkovyy slovar russkogo yazyka kontsa XX v..., 1998; Shadrin, 2003; LDCE; OALD; OALDCE; OCD; ODEI; ODSA; OLT; OPT).

Categorical parameters of *alterity* and their specifiers

Parameters of <i>alterity</i>	Specifiers of <i>alterity</i>
1) singularity – plurality	English linguistic means: <i>another, different, other, the other, heterogeneous, assorted, mixed, miscellaneous, multifarious, varied, sundry, various, etc.</i> Russian linguistic means: <i>другой, другие, некоторые люди, прочий, прочие, отдельные люди, остальные, остальной, оставшиеся, каждый, иной, иные, другого рода, всякий, всякие, всяческий, всевозможный, частный, частичный, разнообразный, многообразный и пр.</i>
2) identity – non-identity	English linguistic means: <i>another, alter ego, other, the other, resembling, the likes of me/us, similar, etc.</i> Russian linguistic means: <i>другой, другие, не этот, не тот, иной, иные, видоизмененный, второй, не такой, схожий, сходный, подобный, наподобие и пр.</i>
3) similarity – difference	English linguistic means: <i>differential, clashing, contradictory, conflicting, deviating, contrasting, discordant, developing, disparate, discrepant, dissimilar, distinct, ill-matched, distinguishable, diverse, divergent, incongruous, incompatible, modified, varying, inconsistent, opposed, controversial, opposite, etc.</i> Russian linguistic means: <i>другой, разный, отличный, непохожий, обратный, противоположный, несхожий, несходный, диаметральный, противоположащий, супротивный, различный, особенный, особый, неодинаковый, отличающийся, противоречивый, дифференциальный и пр.</i>
4) normality – abnormality	English linguistic means: <i>altered, abnormal, atypical, anomalous, changed, bizarre, distinctive, distinct, extraordinary, eccentric, individual, fresh, original, irregular, peculiar, particular, personal, separate, revolutionary, special, singular, strange, specific, uncommon, unique, unorthodox, unconventional, dissonant, unusual, etc.</i> Russian linguistic means: <i>другой, непривычный, необычный, в диковинку, забавный, смешной, выдающийся, исключительный, уединенный, индивидуальный, единичный, розничный, нехарактерный, странный, особый, спорадический, партикулярный, нехарактерный, несвойственный, чрезвычайный, дикий, непонятный, удивительный, необычайный, необыкновенный, нелепый, чудной, чудный, неестественный, ненормальный, оригинальный, отстраненный, экзотический, противоестественный, диковинный, вычурный, неординарный, экстраординарный, эксцентричный, парадоксальный, самобытный, странноватый, чудаческий, чудаковатый и пр.</i>
5) nativity – strangeness	English linguistic means: <i>outsider, separated, distant, dissimilar, disagreeable, divarified, unequal, divided, discriminating, disunified, alien, split, foreign, extra-terrestrial, outlandish, faraway, unfamiliar, remote, imported, external, overseas, dissent, uncharacteristic, etc.</i> Russian linguistic means: <i>незнакомый, неизвестный, далекий, иностранный, посторонний, чужеземный, иноземный, приезжий, чужой, чуждый, отдаленный, варяг, зарубежный, заграничный, экзотический, сторонний, отрешенный, нездешний, заморский, непричастный, отчужденный, внешний, экзотичный, варяжский, неродной, чужестранный, пригульный, проходящий, не свой, новоприбывший, новоявленный, особняком, одинокий и пр.</i>
6) definiteness – indefiniteness	English linguistic means: <i>inconsistent, erroneous, incongruous, alterable, vague, bias, ambiguous, changeable, disputable, dubious, new, distorted, etc.</i> Russian linguistic means: <i>какой-то, какой-нибудь, некоторый, некоторые, кто-то другой, кое-кто, кто-либо другой, новый, кто-нибудь другой, свежий, новоизбранный, малоизвестный и пр.</i>
7) reality – unreality	English linguistic means: <i>alternative, far-fetched, possible, deplorable, variant, optional, etc.</i> Russian linguistic means: <i>альтернативный, вероятный, возможный, предполагаемый, мыслимый, допустимый, правдоподобный, неестественный, энный, нереальный, надуманный, выдуманный и пр.</i>

Resuming the data derived from the examples, it should be noted that both the languages display similar tendencies in conceptualizing *alterity*. There are common meanings in Russian and English, such as:

1) “unlikeness, absence of similarity” (*different, clashing, conflicting, differential, disparate, dissimilar, divergent, diverse, inconsistent, unlike* – *непохожий, не такой, несходный, отличный, другого рода, несхожий*);

2) “variety, belonging to different groups” (*multifarious, assorted, heterogeneous, ill-matched, miscellaneous, mixed, sundry, varied, various* – *другой, не тот, не этот*);

3) “firm opposition / contradiction” (*opposed, opposite, contradictory, contrasting, incompatible* – *противоположный, противный, супротивный, обратный*).

However, apart from the common semantic characteristics the English language obviously differs from Russian in terms of conceptual subtleties of the notion *alterity*. First of all, the English language representation of the category is strongly associated with disharmony, norm-violation (*deviating, discordant, abnormal, atypical, incongruous*). Another difference lies in interpreting *alterity* as strange, unusual and incomprehensible (*anomalous, bizarre, strange, uncommon, unconventional, unorthodox, unusual*). Moreover, the English language means focus on the idea of brightness, originality and eccentricity (*particular, peculiar, personal, singular, special, specific, unique, distinguishable, distinct, distinctive, eccentric, extraordinary, individual, irregular, original*). Furthermore, *alterity* for the English-speaking individual is something new, whereas the Russian perception does not make it explicit. Also it is of great scientific interest to admit the metaphorical rendering of *alterity* as something revolutionary and fresh. To crown it all, the category of *alterity* can be verbalized with the help of English lexemes *altered* and *changed*.

In contrast to English, the category of *alterity* in the Russian language is semantically less constituent, as most categorical meanings discovered in English can be expressed in Russian owing to polysemantic forms that cover the notion of *alterity*. In particular, it is worth mentioning that the Russian polysemantic determiner “*не та-*

кой” has the meaning of “*strange*” (e.g. “*Он не такой, как все*”, “*Он какой-то не такой*”). Judging by the generalizing nature of the Russian language means it can be deduced that the category of *alterity* is more abstract in the Russian language in comparison with English where it is more specified. The word *otherness* itself that nominates the basic notion of the category in English is a dual notion: the quality of being strange or different (LDCE) unlike the Russian term *ина-кость*, which puts forth plentiful interpretations and designations of *alterity*.

Alterity as a linguistic category may express an outlook on the reality (similar, i.e. familiar, devoid of risk: other, different, vague, evidently evoking fear or curiosity). Taking into account the fact that a person’s opinion is necessarily evaluative, the category of *alterity* should be viewed as evaluative as well. In the Russian language it is linked to the emotional clusters of curiosity, fear, suspense, fun and incongruity, whereas in the English language it is associated with curiosity, admiration, surprise and novice.

Alterity via communicative strategies and tactics

As well as through the linguistic means, presented in this article, the category of *alterity* may be manifested through the choice of communicative strategies and tactics, relevant for a concrete communicative situation.

Judging by the variety of contexts studied (345 contexts), every level of the manifestation of *alterity* (in self-identity, interpersonal, social and intercultural communication) is characterized by confirmative and disfirmative strategies [Matyash, 2011], used to accept or abject the Other as a significant interactor. Confirmation is based on non-conflicting, non-imposing and glorifying prescriptions [Sternin, 2004; Takhtarova, 2017], followed by focus on cooperative communication (ecological), mitigation and face-saving of interlocutors. Respectively, disfirmation takes place in conscious or subconscious violations of these prescriptions. In this case interlocutors deal with Self-centred opinions, while in confirmative acts communication is Other-centred.

The following passage from Ian McEwan’s novel *Atonement* can be viewed as an example of confirmative communication:

(2) Henri Bonnet said, ‘All that fighting we did twenty-five years ago. All those dead. Now the Germans back in France. In two days they’ll be here, taking everything we have. Who would have believed it?’

Turner felt, for the first time, the full ignominy of the retreat. He was ashamed. He said, with even less conviction than before, ‘We’ll be back to throw them out, I promise you.’ (McEwan, 2007, p. 200).

It is known from the macrocontext of the novel that the quoted conversation takes place between British soldiers and French peasants, the chronotope being France in the times of World War II. The microcontext of the passage renders emotional contemplation of the British troops’ retreat at Dunkirk, which is verbalized as *felt... the full ignominy, he was ashamed*. Despite unequal status of the interlocutors as well as their belonging to different cultures, their communication is channeled in a friendly tone, owing to a great degree to the interpretational skills of the main character Turner and his empathy towards the problematic issues experienced by the Others. Turner does not refuse to make a remark in an awkward situation, in which he has to admit the failure of his army as if it were his own: being far from certain about the British troops’ return to the territory of France with the aim to free it, he still prefers to express sympathy and support, promising to come back.

Despite being doomed, the French peasants are welcoming, friendly and respectful in their communicative manner: they avoid saying negative things about the British army retreat and bitterly state the inescapable future. They break their last bread with the British soldiers, who are about to abandon the country occupied by Germans. Thus, the situation described demonstrates an active exchange of communicative roles, remark steps, based on the leading strategy of both the British soldiers and the French peasants. As a result, the degree of the communication activity in this context is characterized as high: their perception of their own role in this discourse, their own contribution to the communication, self-attitude and attitude to the Other are means of the common communicative aim – to support each other in a hopeless situation.

It should be noted that variability of *alterity* produces a definite pragmatic effect. In keeping with the example of imperial Britain, the literature

of that time period reflected the general policy of perceiving the other in the light of their weakness and inferiority, thus extenuating the moral responsibility of the stronger self to educate, convert, or civilize depending on the identity of the other. In this respect *othering* can be done with any racial, ethnic, religious, or geographically-defined category of people. A number of S.W. Maugham’s (*Rain*) and M. Spark’s (*The Black Madonna*) novellas exemplify this point.

On balance, “contemporary British fiction is keen to explore the cultural representation of geographical spaces, especially in relation to the urban environment and national identity” while “postmodernism and postcolonialism in fiction have both served to loosen traditional discourses of Englishness” [Bentley, 2008, p. 189]. One of the ways to approach the phenomenon of *alterity* as it is reflected in fiction is to address the postwar literature, which is associated with a deep interest in immigrants and exiles [May, 2010]. The problem of immigrants and national identity has been raised on a wider scale than ever before. To a certain degree it is touched upon in such novels as *Magpie* by Jill Dawson, *Nice Work* by David Lodge, *The History of the World in 10 ½ chapters* by Julian Barnes, *White Teeth* by Zadie Smith, which is in itself considered to be a multi-cultural novel [May, 2010].

In these novels racial and ethnical *alterity* is rendered in the form of identity clusters, in which some characters are apt to retain their cultural and national peculiarities, not willing to develop any features of sameness by means of mimesis. For example, such characters can be observed in *Magpie* (Josh and some other neighbours in the Flanders estate). Others might seem dissatisfied with their ethnical or religious background and seek ways of fitting into the society they have found themselves in.

*Alterity as a factor
in the ecological/non-ecological mode
of communication*

Overlapping the sphere of the Other entails dealing with a person’s emotional sphere and defines the ecological mode of communicative situations, representing the category of *alterity*. Ecological communication in the most general

sense is viewed as the kind of communication that does not harm the life and health of a person [Shakhovsky, 2021]. According to our data analysis, the formation of the ecological/non-ecological mode of communication is influenced by the role of the Other and is relevant in regard to the construction of the image of the Other.

As an example of co-tuning in communication, which may be successful (ecological) or unsuccessful (non-ecological), is the following literary context:

(3) A word, a look, a smile, a frown, did something to another human being, waking response or aversion, and a web was woven which had no beginning and no end, spreading outward and inward too, merging, entangling, so that the struggle of one depended upon the struggle of the other (Daphne du Maurier).

The context under discussion represents a case of explicit emotivity as well as emotional evaluation in equalizing One and the Other. The Other is considered as an indispensable quality of any relation, since the extended metaphor about a web that describes the whole continuum of people's relations, denotes the utmost necessity and inalienability of the Other in the matter of Self-construing, the development and growth/regress of the I of a person and his/her boundaries.

The main character of the novel *The Scapgoat* makes use of such strategies and tactics as emotional balancing, conflict depreciation, emotional tolerance as well as decreasing communicative aggression, which all add up to the markers of ecological communication [Ionova, 2019]. The character appears to be able to break his sister's (Blanche) 15-year-long silence caused by the anger and detestment on Blanche's part due to the fact that he murdered her fiancé during World War II. The new Jean lessens the conflict by means of his sincere confession and repentance:

(4) I had never looked at those photographs before. I realized, turning the pages, that he was good, and that the workmen must have loved and respected him. It came to me that when he was killed it was through jealousy; the man who shot him, or ordered him to be shot, did it not from mistaken patriotism but because he envied him, because Maurice Duval was finer than he was himself (Daphne du Maurier).

The quoted passage dwells on Jean's admittance that he was envious and jealous of his

sister's loved one, because he was kinder and more open-hearted to his nearest. He confirms his being a murderer as well and at the verbal level it is rendered through a number of pejorant words and phrases: *killed, through jealousy, mistaken patriotism, envied him*.

Furthermore, the main character makes use of such tactics as splitting his own 'I', self-denial, transformation into a new image by means of empathy. He turns into a *homo ludens* but he is a *homo sentiens* at the same time, who puts on a new image depending on the circumstances he finds himself in. It all brings out the best qualities in his human nature and becomes the reason for pacifying the nearly belligerent atmosphere in the chateau. For example, in his talk to the mother the main character shows interest in the needs of his interlocutor, not his own. He irons the old conflict and disagreements that have been a matter of discretion in the family.

The emotional energy, that fosters John's verbal communication, has a positive impact on the interlocutors – the inhabitants of the chateau, although they are not willing to construct any common emotional centre with him. This fact justifies the idea that even efforts of one communicator may have an ecological effect in any emotional situations. This ever-changing process is grounded on the human nature, which can be dominant, by either its ecological or non-ecological quality.

Conclusion

As revealed in the study, the category of *alterity* can be viewed as a parameter of the communicative process that predetermines realization of communicative strategies and tactics as well as the structure of the communicative situation which ultimately results in effective (cooperative, ecological)/non-effective (destructive, non-ecological) communication.

The linguistic study of *alterity* evolves our understanding of the association of language with the person's sense of self, of the complex relationship between language and cultural identity, thus the research undertaken represents theoretically important and relevant results for such branches of science as theory of communication, general and applied linguistics. It has been pointed out that the category of *alterity* is culturally specific

in different languages, preserving the same core components of the meaning. The linguistic peculiarities reflecting specific cultural interpretations are taken as complementary notions that construct the complex category of *alterity* and that serve as its main semantic parameters.

One of the significant conclusions for theory and practice of communication is the fact that *alterity*, brought out as a dominant category in any kind of human relations, turns into a factor decreasing the quality of life, leading to unsuccessfulness and dissatisfaction and resulting in non-ecological impacts on a person's health. On the other hand, employing cooperative strategies on behalf of at least one of the interlocutors can have an ecological effect in many emotional situations.

To recapitulate, the main properties of *alterity* as a complex multifold communication category are the ones of being implicit, parametrical, variable and situational. Depending on the level of awareness of the category's significant content, interlocutors are capable/incapable of regulating communicative interaction (the choice of certain language means, use of discursive markers and communicative strategies and tactics). On top of that, effective and ecologically relevant communication is possible on condition of constructing the image of the Other that must be adequate to the communicative situation. It presupposes developing a special competence – linguoallological (from allology – a science about the Other) that forms the perspective of our research.

REFERENCES

- Bentley N., 2008. *Contemporary British Fiction: Edinburgh Critical Guides*. Edinburgh, Edinburgh University Press. 245 p.
- Dorogavtseva I.S., 2009. Lingvisticheskiy aspekt otnosheniya Ya / Drugoj v filosofii XX veka [Linguistic Aspect of the I / Other Relationship in the Philosophy of the 20th Century]. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian Vector], no. 3, pp. 87-90.
- Hogrebe W., 1993. Die epistemische Bedeutung des Fremden. Wierlacher A., Hrsg. *Kulturthema Fremdheit. Leitbegriffe und Problemfelder kulturwissenschaftlicher Fremdenforschung*. Muenchen, Iudicium, S. 355-370.
- Hymes D.H., 1974. *Studies in the History of Linguistics: Traditions and Paradigms*. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. 519 p.
- Ionova S.V., 2019. Lingvistika emocij – nauka budushchego [Linguistics of Emotions – the Science of the Future]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], vol. 134, no. 1, pp. 124-131.
- Kislyakova E.Y., 2018. Inakost kak kommunikativnaya kategoriya [Alterity as a Communicative Category]. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektron. nauch. zhurn.* [World of Linguistics and Communication. Electronic Scientific Journal], no. 1, pp. 105-121. URL: www.tverlingua.ru
- Kislyakova E.Y., Madzhaeva S.I., 2021. *Inakost kak parametr kommunikativnogo vzaimodeistviya* [Alterity as a Parameter of Communication]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow Region State University], no. 3, pp. 210-220.
- Kramsch C., 1998. *Language and Culture*. Oxford, Oxford University Press. 134 p.
- Kubryakova E.S., 2004. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge About Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in the Knowledge of the World]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ. 560 p.
- Langacker R.W., 1999. The Contextual Basis of Cognitive Semantics. Nuyts J., Peterson E., eds. *Language and Conceptualization*. London, Cambridge Univ. Press, pp. 229-252.
- Levinas E., 1999. *Alterity and Transcendence*. New York, Columbia University Press. 195 p.
- Matyash O., 2011. Yazyk v mezhlichnostnoy kommunikatsii [The Language in Interpersonal Communication]. *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn* [Interpersonal Communication: Theory and Practice]. Saint Petersburg, Rech Publ., pp. 211-273.
- May W., 2010. On the Multi-Cultural Novel, Zadie Smith, and Literary Origin. *Footpath: A Journal of Contemporary British Literature in Russian Universities*, no. 3. (Jan.-June). Perm, Perm State University, pp. 18-24.
- Semenova T.I., 2009. Modus kazhimosti: mezhdru istinoy i lozhyu [Modus of Seemingness: Between Truth and Lies]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Science Journal of Irkutsk State Linguistic University], no. 3, pp. 6-12.
- Shakhovskiy V.I., 2019a. Obosnovanie lingvisticheskoy teorii emotsiy [Grounding the Linguistic Theory

- of Emotions]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], vol. 39, no. 1, pp. 22-37.
- Shakhovskiy V.I., 2019b. Emotsionalnaya kartina mira v verbalnoy prezentatsii [Emotional Worldview in Verbal Manifestation]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 1, pp. 35-43.
- Shakhovskiy V.I., 2021. Ekologiya kommunikativnoy distributsii slova [The Ecology of the Communicative Distribution of the Word]. *Neofilologiya* [Neophilology], vol. 7, no. 27, pp. 369-376.
- Sternin, I.A., 2004. O ponyatii kommunikativnogo soznaniya i nekotorykh osobennostyakh russkogo kommunikativnogo soznaniya [On the Notion of the Communicative Consciousness and Some Peculiarities of the Russian Communicative Consciousness]. *Yazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty* [The Linguistic Consciousness and Applied Aspect]. Moscow, Barnaul, Izd-vo Altayskogo un-ta, pp. 36-63.
- Takhtarova S.S., 2017. Kommunikativniye kategorii v kognitivno-diskursivnoy paradigme [Communicative Categories in the Cognitive-Discursive Paradigm]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 189-196. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.21>
- Vezhbitskaya A., 2001. *Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures Through the Medium of Keywords]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 288 p.
- of the Russian Language. Practical Reference]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2001. 564 p.
- Baranov O.S. *Ideograficheskiy slovar russkogo yazyka* [Thesaurus Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Izd-vo ETS, 1995. URL: <http://ideographic.academic.ru/>
- Ideograficheskiy slovar russkogo yazyka* [Thesaurus Dictionary of the Russian Language]. URL: <http://ideographic.academic.ru>
- Kuzmin S.S., Shadrin N.L. *Russko-angliyskiy slovar poslovits i pogovorok* [Russian-English Dictionary of Proverbs and Sayings]. Saint Petersburg, MIK / Lan Publ., 1996. 352 p.
- Kunin A.V. *Anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar* [English-Russian Dictionary of Idioms]. Moscow, Rus. yaz. Publ., 1984. 944 p.
- Evgeneva A.P., ed. *Slovar sinonimov russkogo yazyka. V 2 t. T. 2* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2001. 681 p.
- Tolkovyy slovar russkogo yazyka kontsa XX v.: (Yazykovye izmeneniya)* [Definition Dictionary of the Russian Language of the End of the 20th Century. Language Changes]. Saint Petersburg, Folio-press Publ., 1998. 700 p.
- Shadrin N.L. *Russko-angliyskiy slovar ustoychivyykh sravneniy* [Russian-English Dictionary of Set Comparisons]. Saint Petersburg, Zolotoy vek Publ., 2003. 528 p.
- LDCE – *Longman Dictionary of Contemporary English. The Complete Guide to Written and Spoken English*. Harlow, Longman House, 1995. 1668 p.
- OALD – *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 1780 p.
- OALDCE – *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 1820 p.
- OCD – *Oxford Collocations Dictionary for Students of English*. Oxford, Oxford University Press, 2002. 897 p.
- ODEI – Cowie A.P., Mackin R., McCaig I.R. *Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford, Oxford University Press, 1993. 685 p.
- ODSA – Spooner A., ed. *Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms*. Oxford, Oxford University Press, 2005. 572 p.
- OLT – *Oxford Learner's Thesaurus. A Dictionary of Synonyms*. Oxford, Oxford University Press, 2008. 1008 p.
- OPT – Kirkpatrick B., ed. *Oxford Paperback Thesaurus*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 909 p.

SOURCES

- Du Maurier D. *Scapegoat*. URL: https://www.bookfrom.net/daphne-du-maurier/31817-the_scapegoat.html
- Lodge D. *Small World*. S.I., Penguin Books, 1984. 340 p.
- McEwan I. *Atonement*. London, Vintage books, 2007. 372 p.

DICTIONARIES

- Abramov N. *Slovar russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy* [Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1999. 665 p.
- Aleksandrova Z.E. *Slovar sinonimov russkogo yazyka: prakt. sprav.* [Dictionary of Synonyms

Information About the Authors

Evgenia Y. Kislyakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Language and Methods of Its Teaching, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russia, kisjen@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6425-9829>

Sergey Grinev-Grinevich, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Faculty of Humanities and Economics (Department of English-Russian Philology), State Higher Professional School after Edward Shchepanik in Suwalki, Theophil Nonevich St, 10, 16-400 Suwalki, Poland, svgrinev1@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8393-915X>

Elvira A. Sorokina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology, Moscow Region State Pedagogical University, Very Voloshinoy St, 24, 141014 Mytishchi, Russia; Professor, Department of Linguistics, Russian University of Transport, Obraztsova St, 9, 127994 Moscow, GSP-4, Russia, ellazor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>

Sanya I. Madzhaeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University, Bakinskaya St, 121, 414000 Astrakhan, Russia, sanya-madzhaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8478-9616>

Информация об авторах

Евгения Юрьевна Кислякова, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Россия, kisjen@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6425-9829>

Сергей Гринев-Гринеvич, доктор филологических наук, профессор гуманитарно-экономического факультета (направление «Англо-русская филология»), Государственная высшая профессиональная школа им. Эдварда Щепаника в Сувалках, ул. Теофиля Ноневича, 10, 16-400 г. Сувалки, Польша, svgrinev1@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8393-915X>

Эльвира Анатольевна Сорокина, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Московский государственный областной педагогический университет, ул. Веры Волошиной, 24, 141014 г. Мытищи, Россия; профессор кафедры лингвистики, Российский университет транспорта, ул. Образцова, 9, 127994 г. Москва, ГСП-4, Россия, ellazor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4965-078X>

Санья Ибрагимовна Маджаева, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой латинского и иностранных языков, Астраханский государственный медицинский университет, ул. Бакинская, 121, 414000 г. Астрахань, Россия, sanya-madzhaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8478-9616>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.13>

UDC 81'23:316.46
LBC 81.006

Submitted: 16.08.2022
Accepted: 05.12.2022

THE DISCURSIVE PERSONALITY OF THE LEADER AND ITS VALUES IN THE EMOTIOGENIC REPRESENTATION

Olga I. Kolesnikova

Vyatka State University, Kirov, Russia

Elena A. Kozlova

Vyatka State Agrotechnological University, Kirov, Russia

Abstract. The article is devoted to the problem of linguo-axiological research into modern leaders' value picture of the world, broadcasted to the youth audience in the emotiogenic discourse. The study is aimed at identification and analysis of the emotional representation of the axiological component in the texts of the discursive personality of the leader, who is thought as an influential and socially recognized person. The video recording of the student discussion clubs "Dialogue on Equal Terms" provided the material for the study. In line with the cognitive and discursive methodology based on recognition of axiological parameters of discourse determining cognition, the authors identified the value components of leadership in their emotiogenic representation, verbalized in talk shows as "secrets of success." The use of the linguo-axiological analysis of about 500 facts made it possible to identify speech tools for creating an emotiogenic utterance: the discursive genres "Advice" and "Suggestion", as well as an indirect way of "instructing young people" in a narrative form with adherent emotivity. With the help of axiosphere modeling, dominant and peripheral conceptual signs of leadership are established. The analysis of the frame composition of values objectified in the emotiogenic discourse as components of the personal system of leaders and group consciousness (leadership) testifies its purposeful creation for the translation of the value orientations of the subject of the discourse of youth.

Key words: discursive personality of the leader, values, media discourse, axiosphere, emotiogenic utterance.

Citation. Kolesnikova O.I., Kozlova E.A. The Discursive Personality of the Leader and Its Values in the Emotiogenic Representation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 162-172. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.13>

УДК 81'23:316.46
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 16.08.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

ДИСКУРСИВНАЯ ЛИЧНОСТЬ ЛИДЕРА И ЕЕ ЦЕННОСТИ В ЭМОЦИОГЕННОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Ольга Ивановна Колесникова

Вятский государственный университет, г. Киров, Россия

Елена Анатольевна Козлова

Вятский государственный агротехнологический университет, г. Киров, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме лингвоаксиологического изучения элементов ценностной картины мира современных лидеров, транслируемых молодежной аудитории в эмоциогенном дискурсе. Цель работы заключается в выявлении и описании фактов эмоциональной репрезентации аксиологической составляющей в текстах дискурсивной личности лидера, под которым понимается влиятельная и признанная в социуме персона. Материалом для исследования послужили видеозаписи заседаний дискуссионного сту-

денческого клуба «Диалог на Равных». В русле когнитивно-дискурсивной методологии, опирающейся на признание аксиологических параметров дискурса детерминирующими когницию, авторами представлены ценностные компоненты лидерства в их эмоциогенной репрезентации, вербализуемые как «секреты успеха». Установлены речевые инструменты создания эмоциогенного высказывания: дискурсивные жанры «совет» и «предложение», а также косвенный способ «наставления молодежи» в нарративной форме с адгерентной эмотивностью. С помощью моделирования аксиосферы установлены ядерные (доминирующие) и периферийные концептуальные признаки лидерства. Результаты анализа фреймового состава объективированных в эмоциогенном дискурсе ценностей как компонентов личностной системы лидеров и группового сознания (лидерства) свидетельствуют о целенаправленной деятельности субъекта дискурса по созданию позитивного эмоционального поля при трансляции ценностных ориентиров.

Ключевые слова: дискурсивная личность лидера, ценности, медиадискурс, аксиосфера, эмоциогенное высказывание.

Цитирование. Колесникова О. И., Козлова Е. А. Дискурсивная личность лидера и ее ценности в эмоциогенной репрезентации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 162–172. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.13>

Введение

В рамках различных направлений современной лингвистики – когнитивистики, дискурсологии, медиалингвистики, лингвопрагматики, эмотиологии – поднимается вопрос о речевом поведении акторов эффективной коммуникации в медиасреде [Карасик, 2019; Шаховский, 2008; 2018; 2019; Шмелева, 2021; и др.]. Одним из наиболее важных аспектов изучения медиадискурса можно считать эмоциональное воздействие высказываний как вербализованных продуктов концептуализации действительности. В результате такого воздействия и во многом благодаря ему происходит формирование ценностной картины мира той аудитории, к которой обращена речь адресанта. Настоящее исследование посвящено проблемам выявления и лингвоаксиологической интерпретации применяемых в дискурсивных практиках лидерской личности эмоциогенных речевых инструментов, способствующих «усвоению» адресатами и закреплению в их концептуальной системе ценного (полезного) субъективного опыта состоявшихся, достигших значительных успехов в своей деятельности профессионалов.

Выдвигаемая нами гипотеза состоит в определении дискурса, в котором транслируются ценности лидерства, как эмоциогенного: рассказывая молодежи о своих «секретах успеха», лидеры мнений выступают в рамках ориентированной «на позитив» эмоционально-коммуникативной ситуации и объективируют ценностные компоненты концептов.

Эта гипотеза основывается на эмотиологической теории В.И. Шаховского, в част-

ности на признании возможности высказываний оказывать эмоциональное воздействие, то есть изменять отношение адресата и его чувства, даже если в коммуникативном акте эмоции адресанта не эксплицитованы, а адгерентный эмотивный потенциал реализуется путем «наведения эмосем» (подробно см.: [Шаховский, 2008, с. 216]), причем эффект речевого воздействия зависит от эмотивности параметров фактора адресата.

В контексте нашего исследования значимо предложенное В.И. Шаховским разграничение эмотивных (выражающих эмоции адресанта) и эмоциогенных (возбуждающих эмоции адресата) текстов с включением «прагматического эффекта» в понятийную систему эмотиологии. Ввиду нацеленности нашего исследования на такой объект, как дискурсивная личность лидера, подчеркнем, что В.И. Шаховский, признавая аксиологичность передаваемых в общении представлений, определял языковую личность как личность всегда эмоционально-коммуникативную: «коммуникация невозможна без участия эмоциональных переживаний темы, контента и отбора языковых / стилистических средств в процессе общения» [Шаховский, 2018, с. 69].

Мы исходим также из идеи А.А. Залевской о том, что в речевом поведении в любой коммуникативной ситуации реализуется каждый конкретный субъект познания, оценки и переживания: язык является достоянием «человека, познающего мир, говорящего, думающего, переживающего, оценивающего, воображающего, заблуждающегося и вообще – ЖИВОГО со всеми вытекающими отсюда

особенностями и следствиями» (выделено в оригинале. – *О. К., Е. К.*) [Залевская, 2014, с. 25.]. Важно подчеркнуть, что в эмоциогенном дискурсе всегда представлена аксиосфера дискурсивной личности, и в том числе личности лидера, исследуемой многими авторами (см., например: [Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н., 2021; Плотникова, 2008; Clifton, Schnurr, Mieroor, 2019; и др.]). Лингвисты считают, что такая индивидуальная характеристика, как ментальное состояние, включающее целевые установки, ценностные ориентации, личные интересы, присуща дискурсивной деятельности языковой личности и входит в ее когнитивную систему [Болдырев, Григорьева, 2018]. Это вполне согласуется с суждением В.И. Шаховского о любой оценке, которая «является не только отражением жизненных ситуаций, но и выражением мировоззренческих ситуаций оценивающих субъектов» [Шаховский, 2008, с. 219].

Цель работы заключается в выявлении и описании фактов языковой репрезентации аксиологической составляющей текстов дискурсивной личности лидера – влиятельной персоны, заслужившей авторитет и доверие социума результатами своего труда и реализующей определенные дискурсивные практики в массмедийном дискурсе. В когнитивных исследованиях дискурс определяется как «продукт языковой личности, который создается для решения ее определенных интенциональных задач за счет использования конкретных когнитивных структур, интерпретируемых индивидуальной концептуальной системой человека, и выбора соответствующих средств их репрезентации в языке» [Болдырев, Григорьева, 2020, с. 25]. Ценности, объективируемые в дискурсе, являются личным достоянием субъекта-интерпретатора реальности и признаются индивидуальными. Ученые-психолингвисты подчеркивают, что, даже если определенные ценности рассматриваются как универсальные, то, будучи аксиологическими понятиями, они «принадлежат субъективному восприятию и сознанию и существуют в индивидуальных смыслах» [Двуязычный..., 2020, с. 6–7].

В прагматическом плане эмоциогенные высказывания можно предварительно квалифицировать как средства проявления «мягкой

силы» воздействия на аудиторию – по аналогии с политикой, но не в политическом, а лингвистическом смысле, когда трансляция ценностей приобретает эмоциогенный характер. П.Б. Паршин трактует применение «мягкой силы» к объекту воздействия через признак «меньший ущерб» или «меньшая интенсивность» по сравнению с возможными [Паршин, 2020]. На наш взгляд, выявление средств «мягкого» эмоционального воздействия в адгерентном эмотивном пространстве с целью передачи аксиологических ориентиров на пути к успеху (достижению высоких профессионально значимых результатов своего труда) дает доступ к базовым ценностям личности лидера.

Материал и методология

Лидерство как социальная практика стало предметом лингвистических исследований сравнительно недавно, причем изучаются публичные речи прежде всего политиков. Доминантный тип их речевого поведения проявляется в демонстрации таких признаков успешного и профессионального лидера, как самостоятельность, решительность, авторитарность, ориентированность на слушателей и «большая уверенность в том, о чем они говорят» [Зюбина, 2021, с. 59]. К наиболее значимым чертам лидерства, по данным исследований, относятся: 1) честность, интеллект и решительность; 2) организованность; 3) гуманность, участливость, сострадание; 4) инновационность, амбициозность [Global Definitions, 2017].

Эмпирическую базу исследования составили видеозаписи встреч дискуссионных студенческих клубов «Диалог на Равных», созданных в рамках проекта «Социальная активность» Федерального агентства по делам молодежи. Спикерами выступают известные политики, министры, бизнесмены, топ-менеджеры, ученые, руководители государственных и негосударственных структур, лидеры волонтерских проектов, а также выдающиеся спортсмены, деятели культуры. Источниками материала являются платформа хостинга YouTube, медиаконтент социальной сети «ВКонтакте», сайты ряда российских вузов, где размещаются видеоролики встреч молодежи с людьми, являющимися лидерами в той или иной сфере деятельности. По жанровой принадлежности

дискурса это молодежные ток-шоу: лидеры отвечают на вопросы, среди которых основной – «Как стать успешным и подняться по карьерной лестнице?». Прагматические установки ток-шоу обозначены в рекламном лиде дискуссий: *Помочь наметить собственный путь; Поделиться историей успеха; Дать правильный вектор развития; Ответить на актуальные вопросы*. Было собрано около 500 текстовых фрагментов видеозаписей онлайн- и офлайн-встреч 100 лидеров.

Важной исходной позицией для выработки методологического подхода к анализу материала признано положение о том, что переживаемые человеком эмоционально-интеллектуальные состояния принадлежат к концептуальным структурам личностной системы человека, которые отражены в ценностных категориях и понятиях. Они «объективируются в речи человека как языковой / дискурсивной личности и в своей семантике отражают эмоционально-когнитивное состояние человека в его ценностном измерении» [Серебренникова, 2011, с. 10]. Одним из наиболее перспективных методов, широко применяемых в современных исследованиях дискурсивной личности с позиций когнитивно-дискурсивного подхода, является лингвоаксиологический анализ. Данный метод направлен на изучение индивидуализированного дискурса с точки зрения репрезентации ценностных установок личности адресанта речи.

Результаты и обсуждение

Целью дискурсивных практик лидеров (спикеров) становятся дальнейшие поступки адресатов, на которые невозможно «запрограммировать», однако на адресатов можно оказать прагматическое воздействие через эмоциогенный текст. Как справедливо отмечает Б. Кларк, эффекты коммуникативного взаимодействия включают в себя нечто большее, чем вывод новых предположений, и корректировка «когнитивных сред» (наборов предположений, которые доступны отдельным лицам в определенное время) может продолжаться и после того, как взаимодействие имело место [Clark, 2021]. На наш взгляд, желаемое «продолжение» как использование опыта

в будущем планируется спикером молодежного ток-шоу, что проявляется на уровне дискурса в выборе пресуппозиций особого рода: эстетических (подробно о них см.: [Козлова, 2018]) и эмоциональных. В связи с этим лидерами используются возможности эмоциогенных высказываний.

Эмоциогенные речевые инструменты дискурсивных практик лидерской личности

Особенностью дискурса лидерской медиальности является преимущественно прямая экспликация «лидерами мнений» ценностных установок и ориентиров. Ведущим способом трансляции ценностей являются эмоциогенные высказывания. Выявлены следующие прагматические установки речевых действий лидеров: 1) убеждение адресата речи (молодежной аудитории) посредством речевых актов «вдохновение», «воодушевление», «ободрение», обращенных к эмоционально-волевой сфере слушателей; 2) прямые призывы к осуществлению смелых замыслов и достижению поставленных целей. Заданные лозунгом «Присоединяйся к сообществу лучших!», а также девизом «Россия – страна возможностей», коммуникативно-прагматические задачи медиакоммуникации обусловили важнейшие аксиологически значимые компоненты дискурса: определение жизненного пути, отношение к труду, понимание значимости любви к Родине, родителям и т. д. Собранный материал был сгруппирован в двух подкорпусах в зависимости от способа реализации дискурсивных практик.

Первый подкорпус образует большая часть материала. Это в основном ответы лидеров на просьбу ведущих ток-шоу назвать три рецепта успеха. Высказывания, в которых перечисляются такие рецепты, имеют признаки двух дискурсивных жанров: совета и предложения. Концептуальная структура этих жанров на уровне бытового взаимодействия описана в работе [Болдырев, Григорьева, 2020]. Сущность совета заключается в том, что адресант рекомендует собеседнику определенные действия, используя при этом когнитивные механизмы оценки, перспективизации, сравнения и каузации. Приведем пример: *Пер-*

вое – нужно пахать, / Второе – нужно любить учиться. / И если не знаешь, что делать, делай шаг вперед... / Ставить высокие цели в карьере... (С. Петров).

Предложение отличается от совета тем, что всегда содержит положительную оценку предлагаемой линии поведения, хотя, добавим, описание перспективы (результата) чаще всего опускается.

Средствами реализации совета / предложения в медиадискурсе являются дискурсивные высказывания, в основе которых обнаруживаются следующие модели:

1) модальные конструкции предписывающего или рекомендательного характера с маркерами *надо / нужно* и смысловым центром в инфинитиве, например: **Надо меняться вместе с миром, / в каком-то смысле надо держать нос по ветру, / быть открытым всему новому, / не бояться** меняться (В. Федоров), **Нужно найти** любую уникальность, которая вас позиционирует в мире (Д. Песков). Адресованность совета может подчеркиваться в случае экспликации субъекта в личных местоимениях: **вы должны четко понимать, что является вектором ваших интересов** (С. Гедзь), в том числе обозначающих обобщенно мыслимого «деятеля»: **Тебе** нужно изобрести велосипед, но такой, которого еще не было (О. Верещагин). В последнем примере удачно используется идиома *изобрести велосипед*: эмоционально значимый эффект неожиданности создается с помощью алогизма – иносказательно репрезентируется когнитивный признак успеха (инновационность идеи или решения);

2) двучленные предикативные конструкции с актантами *лидер, руководитель* и др.: **...Лидер должен ничего не бояться, идти только вперед** (В. Петров); **Идеальный руководитель – это человек, который всегда открыт, имеет знания, горит своей работой** (А. Платонов), а также с местоимением *я*, что свидетельствует о переходе спикера на эгоцентрическую позицию, помещающего свою личность в информационный центр дискурсивного высказывания: **Мой рецепт успеха – я не боюсь и не боялся делать эксперименты и признавать, что я делаю какие-то ошибки** (М. Спивак). Дейксис обычно фиксируется

в ситуации передачи спикером собственно-го опыта;

3) фразы-формулы как эмоционально-оценочные способы репрезентации ценностей в виде «открытых» лидерской личностью законов достижения высоких результатов: **Секрет успеха – в самодостаточности и вере в себя** (А. Пескичев); **Общение, связи, помощь друзей – то, что нельзя купить за деньги** (С. Коломников). Дискурсивные высказывания данного типа характеризуются близостью к авторской афористичности, свойственной речевой практике передачи итогов наблюдений и опыта. С афоризмами их сближают компрессия (смысловая емкость при краткости форм языковой экспликации суждения), категоричность и отсутствие аргументации;

4) призывы-побуждения, реализованные в побудительных предложениях со смысловым центром в глаголах повелительного наклонения. Как правило, их сопровождает стилистическая тональность доброго напутствия: в отличие от императивных форм, смысл призыва концентрируется не на самом действии, а на его качестве: **Делайте то, что любите, делайте это хорошо** (Lena Estetica); **Развивайте** свою креативность, способность меняться, эмоциональный интеллект – это самые необходимые навыки (М. Липатникова);

5) условные конструкции, включающие элемент результативности, связываемый с соблюдением того или иного условия успешности в любом деле: **Если у вас будет мечта, к которой вы идете, все обязательно сбудется** (К. Корнева); **Мы должны любить людей, и мы должны всегда улыбаться. Если у вас это есть, у вас будет классный бизнес** (С. Коломников).

Перечисленные модели характеризуются конкретностью и ярко выраженной целенаправленностью, содержат маркеры адресованности. Следует отметить, что в дискурсе различные способы репрезентации совета могут сменять друг друга, образуя целостное линейное единство; например, в высказывании *Не знаешь, с чего начать, – просто делай что-нибудь... Неидеальное действие всегда лучше идеального бездействия* (Л. Шулаева) афористичность второго предложения аргументирует призыв-побуждение.

Второй подкорпус составляют развернутые высказывания отвлеченного плана (в частности, философского). Их отличает отсутствие явных жанровых признаков диалогического взаимодействия (например, не используются маркеры адресованности). Данные факты можно было бы отнести к дискурсивной практике «наставление молодежи», но, так как они имеют не столько предписывающий, сколько обобщающе-поучительный характер и представляют собой выводы, основанные на осмыслении опыта спикера, однозначной квалификации этот материал не допускает. Лидеры с высоты своего опыта повествуют о пути к неординарному по масштабам успеху в своем деле, как бы выходя за рамки ситуации. Эти высказывания имеют вербализованные опоры на пресуппозициональный фонд знаний слушателей о путях к профессиональной успешности, карьерному статусу, известности, востребованности и т. д.

Повышенной частотностью отличается введение семантических пресуппозиций посредством отрицания ошибочной позиции, наблюдаемое, в частности, при опровержении стереотипов, например: *Стань богатым или умри – это точно не про успех* (А. Добрусин); *Старые парадигмы не введут никуда, кроме карьерных тупиков* (М. Спиридонов); *Я никогда не слышал об эмоциональном выгорании человека, который занимается любимым делом* (Я. Кузьминов). Не исключены и риторизованные способы выражения оценочных суждений с повышенной степенью эмотивности в случае воодушевляющей тональности дискурса: *Абы как делают многие, хорошо делают единицы, лучше всех будете делать вы* (С. Бурлаков).

Направленностью скорее на вдохновение, а не на назидание отмечен такой способ концептуализации пути к успеху в нарративах: *Ты реально постоянно горишь, так как вокруг тебя разные люди и идеи* (Т. Чайка). Можно утверждать, что нарративный способ репрезентации смысла часто служит решению коммуникативной задачи своеобразного «наставления» молодежи с позиций «мягкой силы» эмоционального воздействия. В этом случае рассказ спикера о преодолении препятствий и достижении цели становится «поучительным» образцом или примером для под-

ражания: *Каждый из нас понимал ответственность, назвался груздем – полезай...* (П. Савчук). Дискурсивная импликатура здесь «подкрепляет» убеждение посредством усечения пословицы, с опорой на пресуппозицию и расчетом на включение механизма аналогизирования у адресата.

Таким образом, эта дискурсивная практика основана на когнитивном механизме апелляции к пресуппозициям аудитории, и именно к тем структурам ее коллективного сознания, которые опираются на эмоционально-коммуникативные ситуации или эмоциональные состояния (например, ситуация «эмоционального выгорания»). В высказываниях, входящих во второй подкорпус, исходной позицией для адресантов становится выход за рамки ситуации диалога с адресатом в более широкий контекст: концептуализируется какой-либо важный для говорящего фрагмент его картины мира, та или иная ситуация профессиональной деятельности. Внешним признаком данного речевого инструмента можно признать смещение рекомендательной тональности к нарративному стилю с «адгерентной», по В.И. Шаховскому, эмотивностью. На наш взгляд, благодаря этому организуется «соприсутствие» адресата в событии, так как подключается его эмоционально-ситуативная память. Внутренним (смысловым) признаком выступает коммуникативная, или дискурсивная, импликатура, то есть те смысловые приращения, которые возникают как выводные знания о верном пути к успеху на основе фоновых знаний, представлений об этом пути, с учетом ожиданий молодых слушателей. Общая прагматическая установка адресанта реализуется в такой практике не столь «жесткими» приемами навязывания адресату оценочных точек зрения, как и в высказываниях первого подкорпуса. Следствием «мягкого» эмоционального воздействия становится «прагмаэстетический эффект»: выявленные в эмоциогенном дискурсе лидерства художественно значимые способы (В.И. Шаховский относил их к способам наведения эмотивных сем из собственных миров) всегда требуют от реципиента индивидуальной интерпретации, «искусно “встраивая” то или иное событие в картину мира читателя, приближая ее к авторской» [Колесникова, 2018, с. 624] на основе переживания формы передачи мысли-чувства.

**Ценностные доминанты
лидерского эмоциогенного дискурса**

С помощью лингвоаксиологического анализа дискурса и когнитивной классификации признаков ценностной картины мира личности лидера, обнаруженных в выборке, были установлены вербализованные элементы аксиосферы как принадлежности группового сознания. Репрезентацию данных элементов отличает ярко выраженная эмоциональная интенция говорящего, так как, будучи «отправителем» сообщения о своем секрете успеха, он нацелен на формирование эмоциональной позиции «получателя», рассчитывая на те или иные реакции.

В зависимости от частотности установленного когнитивного признака, репрезентируемого в исследуемом материале рассмотренными выше инструментами, выявлены ценностные доминанты лидерского дискурса.

Ведущие позиции занимают следующие концептуальные признаки ценностного отношения лидеров к способам достижения результатов в их деятельности (приводятся в соответствии с уменьшением частотности реализации в высказываниях):

(1) Сосредоточенность на своей мечте, цели, планах. *Мечтать... вот рай – он уже на земле. Он в нашей голове. И можно построить жизнь – ни в сказке сказать, ни пером описать* (В. Гогунский); *Умение дойти до цели на пределе возможностей* (Т. Дернова); *Цель – куда ты двигаешься – она позволяет нестись как ураган вперед* (И. Грачев).

(2) Трудолюбие. *В любой деятельности нужно делать много, больше всех, чтобы преуспеть* (В. Комаров); *Кропотливый каждодневный труд, каждый день приходить и доказывать свой профессионализм* (С. Ларионов); *Труд, стараться очень сильно надо* (Э. Запашный).

(3) Гибкость, адаптивность, открытость новому. *Меня вдохновляют динамика, движение, прогресс* (А. Пескичев); *У меня есть одно правило: если ты хочешь получить то, чего ты никогда не имел, тебе придется делать то, чего ты никогда не делал* (П. Малащенко); *...быть на волне новой парадигмы* (М. Спиридонов).

(4) Желание делать благо для общества как миссия. *Самое главное в работе... это желание быть полезным обществу, а потом приложатся компетенции* (Д. Бердников); *Наша идея... в том, чтобы предприниматели все обустроивали не только в своих коммерческих целях, но и для социальных нужд* (Т. Чайка); *Быть полезным другим людям – это для меня основной вектор* (Н. Сафин).

(5) Ставка на профессионализм, образование. *Образование – очень важная составляющая успеха. Дело не в дипломе... В способности учиться* (О. Матицын); *Обучение – это внутреннее состояние* (А. Шаронов).

(6) Любовь к своему делу. *100 % я люблю, мне это нравится, это центр жизни... Это моя такая нить, на которую я нанизываю, все, что я только получаю в этой жизни, и она неизменна...* (Т. Иванов); *...Если вы не кайфуете от своей работы, она вас не драйвит, / если она вас не драйвит, ни о каком развитии не может идти и речи* (А. Айрапетов).

(7) Самосовершенствование, саморазвитие, самопознание. *Нужно постоянно работать над собой и никогда не останавливаться* (Е. Кононова); *Постоянная ежедневная работа над собой... я хочу сегодня быть лучше, чем вчера, на протяжении многих лет* (Т. Иванов); *...Развиваться в разных сферах (интеллектуально и физически)* (Б. Хасиков).

(8) Честность. *Я всегда говорил правду – именно то, что в данный момент думал* (А. Вассерман); *Вы знаете, кого уважают, – честного, порядочного. Этим больше можно добиться* (Ю. Биктуганов); *Сила в правде. В первую очередь по отношению к самому себе* (В. Гогунский).

Очевидно, что в целом ценностная картина мира дискурсивной личности лидера в рамках когнитивного пространства «факторы профессионального успеха» «самоорганизуется» двумя фреймами, составляющими ментальный образ личности как субъекта профессиональной деятельности. Первый фрейм – «направленность личности» – выявлен в репрезентантах признаков (1), (4)–(7); второй – «способности человека», то есть те личностные возможности, ко-

торые обеспечивают успех деятельности, – при репрезентации признаков (2), (3), (8).

Остальные концептуальные признаки зафиксированы в незначительном количестве высказываний и, следовательно, не определяют наиболее значимых в коллективном сознании лидерства компонентов ценностной картины мира. Несмотря на то что в этих высказываниях реализуются некоторые черты названных выше дискурсивных практик, они не всегда имеют четко выраженную установку на репрезентацию фактора успеха, например: *Воспринимайте любую проблему как урок. Тогда для вас не останется проблем* (С. Бурлаков).

Периферийное место в аксиосфере занимают следующие признаки (расположены по снижению значений показателей частотности): (9) любовь и уважение к наставникам; (10) готовность идти на риск, желание принять вызов, смелость; (11) позитивное отношение к негативному опыту; (12) любовь к Родине, патриотизм; (13) эмоциональный интеллект; (14) поддержка родных и близких; (15) креативность; (16) вера в свой успех; (17) создание комфортной среды, окружения; (18) умение дипломатично коммуницировать с людьми; (19) любовь к людям; (20) умение собрать сильную команду и руководить ею; (21) умение быть счастливым сейчас, «в моменте».

В периферийной зоне доминирует фрейм «чувственно-волевая сфера личности» (9)–(13), (15), (18)–(21). Наряду с ним в дискурсе объективируются признаки, которые можно отнести к фреймам «коммуникативные профессионально значимые умения» (16)–(17) и «внешняя среда» (14).

Таким образом, результаты лингвоаксиологического анализа материала позволили выявить базовые ценности успешной личности лидера, объективированные в эмоциогенном дискурсе.

На основании ведущего фрейма их следует отнести к ценностям высшего порядка – направленности личности. Направленность, по мнению психологов (см., например: [Иванова и др., 2018]), определяет любую, в том числе профессиональную, деятельность человека. В то же время в лидерской аксиосфере значимость имеют и индивидуальные способности человека, которые, в представлении спикеров, также обуславливают профессиональную успешность человека как активного субъекта.

Заключение

Основными способами репрезентации когнитивных признаков ценностей лидерства в медиадискурсе являются эмоциогенные высказывания, то есть оказывающие эмоциональное воздействие на адресата. Ценностная картина лидерства транслируется, во-первых, через прямую экспликацию жанров «совет» и «предложение» и, во-вторых, посредством «мягкой формы» наставления молодежи в нарративах, основанного на ведущей роли разного рода пресуппозиций, включая эмоциональные. Эти средства можно считать ведущими речевыми инструментами воздействия, нацеленными в перспективе на изменение поведения адресата (молодежной аудитории) на пути к профессиональному успеху. Оба способа содействуют своеобразной коррекции личностной системы установок ценностного характера через передачу опыта лидеров в специально организованном для этой цели эмоциогенном медиадискурсе. Прагматической основой такой организации выступает установка спикеров на воодушевление и вдохновение слушательской и зрительской аудитории, о чем свидетельствуют определенные черты дискурса: отсутствие менторской тональности, доверительный характер передачи «секретов» успеха, обращение к личному опыту – его переживанию, вербализованному в эмотивной форме посредством «наведения эмосем».

В результате анализа высказываний с помощью выявления концептуальных признаков, в которых репрезентируется ситуация пути к успеху в ретроспективе (у адресанта речи) или, напротив, перспективе (для адресата речи), была создана модель аксиосферы, отражающая доминирующие ценности лидерской личности. Среди наиболее характерных в ее ядре – «сосредоточенность на своей мечте, цели, планах»; «трудолюбие»; «гибкость, адаптивность, открытость новому» и «желание делать благо для общества как миссия».

Изучение фреймового состава объективированных в эмоциогенном медиадискурсе ценностей как компонентов личностной системы лидеров и группового сознания (лидерства) позволяет говорить о доминировании тех факторов достижения успеха, которые посредством СМИ и Интернета формируют позитив-

ное психологическое поле [Шаховский, 2019] в языковом сознании российской молодежи. Это положение подтверждают транслируемые лидерами ценностные ориентиры, которые передаются такими категориями, как «успех», «лидерство», «любовь к труду», «профессионализм», «миссия». Несомненно, они формируют ключевые аксиологические параметры дискурса и создают информационный фон позитивной эмоциональности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н., Григорьева В. С., 2018. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. С. 15–24. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-15-24
- Болдырев Н. Н., Григорьева В. С., 2020. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов : Принт-Сервис. 328 с.
- Двуязычный ассоциативный словарь базовых ценностей, 2020 / В. А. Пищальникова [и др.]. М. : Спутник+. 261 с.
- Залевская А. А., 2014. Методология, технология и терминология: о неоднозначности научных терминов // Вопросы психолингвистики. № 20. С. 12–27.
- Зюбина И. А., 2021. Национальная специфика доминирования в речевом поведении политиков // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4. С. 51–61. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-51-61
- Иванова Т. Ю., Леонтьев Д. А., Осин Е. Н., Расказова Е. И., Кошелева Н. В., 2018. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности // Организационная психология. Т. 8, № 1. С. 85–121.
- Карасик В. И., 2019. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М. : Гнозис. 422 с.
- Козлова Е. А., 2018. Пресуппозиции в аспекте речевого воздействия // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 103–111. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-103-111
- Колесникова О. И., 2018. Прагмаэстетический потенциал персуазивного медиадискурса: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. № 34. С. 621–625.
- Колесникова О. И., Козлова Е. А., 2013. Прагмаэстетическая стратегия убеждения в деловой прессе. Саарбрюккен : LAP LAMBERT Academic Publishing. 227 с.
- Кубрякова Е. С., 2012. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. М. : Знак. 208 с.
- Леонтьев А. Н., 1975. Деятельность, сознание, личность. М. : Политиздат. 304 с.
- Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н., 2021. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа // Политическая лингвистика. № 6 (90). С. 23–31. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_06_02
- Паршин П. Б., 2020. Мягкая сила в лабиринте дискуссий. М. : МГИМО-Университет. 285 с.
- Плотникова С. Н., 2008. Говорящий / пишущий как языковая, коммуникативная и дискурсивная личность // Вестник Нижневолгоградского государственного университета. № 4. С. 37–42.
- Серебренникова Е. Ф., 2011. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов. М. : ТЕЗАУРУС. С. 7–48.
- Шаховский В. И., 2008. Лингвистическая теория эмоций. М. : Гнозис. 416 с.
- Шаховский В. И., 2018. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. Вып. 22, № 1. С. 54–79. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79
- Шаховский В. И., 2019. Обоснование лингвистической теории эмоций // Вопросы психолингвистики. № 1 (39). С. 22–37.
- Шмелева Е. С., 2021. Лингвокреативность в медийном дискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности. М. : Р. Валент. С. 499–556.
- Clark B., 2021. Identity Inferences: Implicatures, Implications and Extended Interpretations. Language and Literature. Vol. 29, № 4. P. 424–445. DOI: 10.1177/0963947020969568
- Clifton J., Schnurr S., Van De Mierop D., 2019. The Language of Leadership Narratives: A Social Practice Perspective. Routledge. URL: https://www.researchgate.net/publication/337520794_The_Language_of_Leadership_Narratives_A_Social_Practice_Perspective
- Global Definitions of Leadership and Theories of Leadership Development: Literature Review. 2017 // University of Cambridge Institute for Sustainability Leadership. URL: <https://www.cisl.cam.ac.uk/system/files/documents/Global-Definitions-Leadership-Theories-Leadership-Development.pdf>

REFERENCES

Boldyrev N.N., Grigoryeva V.S., 2018. Kognitivnye dominanty rechevogo vzaimodeystviya

- [Cognitive Dominants of Speech Interaction]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 4, pp. 15-24. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-4-15-24
- Boldyrev N.N., Grigorieva V.S., 2020. *Dominantnyy printsip i integrativnost formata rechevogo vzaimodeystviya v dialogicheskom diskurse* [Dominant Principle and Integrity of the Speech Interaction Format in Dialogical Discourse]. Tambov, Print-Servis Publ. 328 p.
- Pishchalnikova V.A., et al., 2020. *Dvujazychnyy associativnyy slovar bazovykh tsennostey* [Bilingual Associative Dictionary of Basic Values]. Moscow, Sputnik+ Publ. 261 p.
- Zalevskaya A.A., 2014. *Metodologiya, tekhnologiya i terminologiya: o neodnoznachnosti nauchnykh terminov* [Methodology, Technology and Terminology; To the Homonymy of Scientific Terms]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 20, pp. 12-27.
- Zyubina I.A., 2021. *Natsionalnaya spetsifika dominirovaniya v rechevom povedenii politikov* [National Specificity of Dominance in Politicians' Speech Behavior]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 4, pp. 51-61. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-4-51-61
- Ivanova T.Yu., Leontiev D.A., Osin E.N., Rasskazova E.I., Kosheleva N.V., 2018. *Sovremennyye problemy izucheniya lichnostnykh resursov v professionalnoy deyatelnosti* [Contemporary Issues in the Research of Personality Resources at Work]. *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational Psychology], vol. 8, no. 1, pp. 85-121.
- Karasik V.I., 2019. *Yazykovaya spiral: tsennosti, znaki, motivy* [Language Spiral: Values, Signs, Motives]. Moscow, Gnozis Publ. 422 p.
- Kozlova E.A., 2018. *Presuppozitsii v aspekte rechevogo vozdeystviya* [Presuppositions in the Aspect of Speech Influence]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2, pp. 103-111. DOI: 10.20916/1812-3228-2018-2-103-111
- Kolesnikova O.I. 2018. *Pragmaesteticheskiy potentsial persuazivnogo mediadiskursa: kognitivnyy aspekt* [Pragma-Aesthetic Potential of the Persuasive Media Discourse: Cognitive Aspect]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 34, pp. 621-625.
- Kolesnikova O.I., Kozlova E.A., 2013. *Pragmayesteticheskaya strategiya ubezhdeniya v delovoy presse* [Pragmaesthetic Persuasion Strategy in the Business Press]. Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. 227 p.
- Kubryakova E.S., 2012. *V poiskakh sushchnosti yazyka. Kognitivnye issledovaniya* [In Search of the Essence of Language. Cognitive Research]. Moscow, Znak Publ. 208 p.
- Leontev A.N., 1975. *Deyatelnost, soznanie, lichnost* [Activity, Consciousness, Personality]. Moscow, Politizdat. 304 p.
- Mikhaylova O.A., Mikhaylova Yu.N., 2021. *Diskursivnaya lichnost: opyt lingvoaksiologicheskogo analiza* [Discursive Personality: An Experience of Linguo-Axiological Analysis]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 6 (90), pp. 23-31. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_06_02
- Parshin P.B., 2020. *Myagkaya sila v labirinte diskussiy* [Soft Power in the Maze of Discussions]. Moscow, MGIMO-Universitet. 285 p.
- Plotnikova S.N., 2008. *Govoryashchiy/pishushchiy kak yazykovaya, kommunikativnaya i diskursivnaya lichnost* [Speaker / Writer as a Linguistic, Communicative and Discursive Personality]. *Vestnik Nizhnevertovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Nizhnevertovsk State University], no. 4, pp. 37-42.
- Serebrennikova E.F., 2011. *Aspekty aksiologicheskogo lingvisticheskogo analiza* [Aspects of Axiological Linguistic Analysis]. *Lingvistika i aksiologiya: etnosemiometriya tsennostnykh smyslov* [Linguistics and Axiology: Ethnosemiometry of Value Meanings]. Moscow, TEZAURUS Publ., pp. 7-48.
- Shakhovskiy V.I., 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis Publ. 416 p.
- Shakhovskiy V.I., 2018. *Kognitivnaya matritsa emotsionalno-kommunikativnoy lichnosti* [The Cognitive Matrix of Emotional-Communicative Personality]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], iss. 22, no. 1, pp. 54-79. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2018-22-1-54-79>
- Shakhovskiy V.I., 2019. *Obosnovanie lingvisticheskoy teorii emotsiy* [Linguistic Theory of Emotions and Its Foundations]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 1 (39), pp. 22-37.
- Shmeleva E.S., 2021. *Lingvokreativnost v mediynom diskurse* [Linguocreativity in Media Discourse]. *Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: predely i vozmozhnosti* [Linguistic Creativity in English-Language Media Discourse: Hybrid Interaction of Linguocreative Items]. Moscow, R. Valent Publ., pp. 499-556.
- Clark B., 2021. *Identity Inferences: Implicatures, Implications and Extended Interpretations*. *Language and Literature*, vol. 29, no. 4, pp. 424-445. DOI: 10.1177/0963947020969568

Clifton J., Schnurr S., Van De Mierop D., 2019. *The Language of Leadership Narratives: A Social Practice Perspective*. Routledge. URL: https://www.researchgate.net/publication/337520794_The_Language_of_Leadership_Narratives_A_Social_Practice_Perspective

Global Definitions of Leadership and Theories of Leadership Development: Literature Review, 2017. *University of Cambridge Institute for Sustainability Leadership*. URL: <https://www.cisl.cam.ac.uk/system/files/documents/Global-Definitions-Leadership-Theories-Leadership-Development.pdf>

Information About the Authors

Olga I. Kolesnikova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Speech Culture and Teaching Methods, Vyatka State University, Moskovskaya St, 36, 610000 Kirov, Russia, urs08728@vyatsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6159-6261>

Elena A. Kozlova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Vyatka State Agrotechnological University, Prosp. Oktyabrsky, 133, 610017 Kirov, Russia, elena.kozlova1234@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-9597>

Информация об авторах

Ольга Ивановна Колесникова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения, Вятский государственный университет, ул. Московская, 36, 610000 г. Киров, Россия, urs08728@vyatsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6159-6261>

Елена Анатольевна Козлова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Вятский государственный агротехнологический университет, просп. Октябрьский, 133, 610017 г. Киров, Россия, elena.kozlova1234@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-9597>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.14>

UDC 81'23:001.92
LBC 81.006

Submitted: 30.09.2022
Accepted: 05.12.2022

EMOTIVE PRAGMATICS OF POPULARISATION DISCOURSE: THE IMPACT OF CONTEXTUALISATION ON READER'S INTEREST¹

Pavel N. Trushchelev

Herzen University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The paper adheres to the pragmatic approach to emotion processes and focuses on emotion-evocative communication. Its goal is to investigate the impact of contextualisation techniques, which employed by popularisation discourse to induce readers' interest. The research is carried out in two ways, discourse-pragmatic and experimental. First, by adopting the sociopragmatic view of emotions and using methods of discourse analysis, the paper fleshes out a model of emotion-evocative communication, outlines contextualisation techniques, and introduces text materials. Second, by representing the experimental study, the paper assesses the interest-evoking effect of contextualisation. The experimental study involved 400 undergraduate students. We employed the scaling method (7-point bipolar scales) to measure participants' attitude to generalised and contextualised text passages. The data analysis applied the Wilcoxon test, the Kolmogorov – Smirnov test, Spearman's correlation coefficient, the linear regression, and the explanatory factor analysis. The comparing tests reveal that contextualisation promotes reader's interest in the popularisation text. The findings suggest that contextualisation techniques make the text content more relevant to the reader. Personal relevance – as a kind of mediator – causes *interest responses*. Beyond that, it was found that that reader's expectations about text strategies to presents knowledge construct interest-evocative communication. The findings demonstrate how communicative variables combine into the model of emotion-evocative communication.

Key words: emotive pragmatics, emotion-evocative communication, interest, popularisation, contextualisation.

Citation. Trushchelev P.N. Emotive Pragmatics of Popularisation Discourse: The Impact of Contextualisation on Reader's Interest. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 173-185. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.14>

УДК 81'23:001.92
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 30.09.2022
Дата принятия статьи: 05.12.2022

ЭМОТИВНАЯ ПРАГМАТИКА ПОПУЛЯРИЗАЦИИ: КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ И ЧИТАТЕЛЬСКИЙ ИНТЕРЕС¹

Павел Николаевич Трущелёв

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье обсуждается один из аспектов эмоциогенной коммуникации – эмоциональное воздействие, или эмотивная прагматика. С опорой на положения социопрагматической концепции эмоций описана четырехчастная модель эмоциогенной коммуникации. Выделены языковые приемы контекстуализации, которые используют авторы научно-популярных текстов для пробуждения читательского интереса. Для определения эмоциогенного потенциала приемов проведена серия экспериментов с участием 400 студентов бакалавриата. Материалом экспериментального исследования послужили тексты из двух книг по культуре речи – справочной и научно-популярной. Испытуемые читали два текста из разных книг и с помощью биполярных шкал обозначали уровень своего устойчивого интереса к чтению и предмету, а также выражали свое субъективное отношение к содержанию текстов (эмоциональный интерес, новизна, сложность, понятность, оригинальность). В результате статистического анализа полученных данных доказан эмоциогенный потенциал контекстуализации. Установлено, что приемы контекстуализации положительно воз-

действуют на читательский интерес, увеличивая личную значимость (релевантность) содержания текста и нарушая ожидания читателя относительно формы текста (способов представления знаний). Результаты исследования свидетельствуют об адекватности прагматической модели эмоциогенной коммуникации, разработанной в рамках лингвистической теории эмоций.

Ключевые слова: эмотивная прагматика, эмоциогенная коммуникация, интерес, популяризация, контекстуализация.

Цитирование. Трущелёв П. Н. Эмотивная прагматика популяризации: контекстуализация и читательский интерес // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22, № 1. – С. 173–185. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.1.14>

Introduction

Popularisation communicates “lay versions” of scientific knowledge among the general public by presenting academic content in a straightforward and fascinating way [Calsamiglia, 2003; Calsamiglia, Van Dijk, 2004; Hyland, 2009, pp. 152-173; Gotti, 2014; Metcalfe, Riedlinger, 2019]. To encourage and facilitate the formation of new knowledge, popularisation seeks to promote audience’s interest (see: [Markey, Loewenstein, 2014; Renninger, Hidi, 2016; Renninger, Bachrach, Hidi, 2019; Silvia, 2017]). This is why popularisation discourse employs a variety of techniques to induce reader’s interest.

A lot of research into interest, most significant of it is taken place in educational domains, conceptualises multiple interest-evoking strategies, such as seductive details, problem solving, concrete elaboration, personalisation, narrativisation, contextualisation, positive ratings, figurative representation [Bakhtawer, Ghulam, Dur, 2021; Hidi, Baird, 1988; Lepper, Stang, McElvany, 2021; Markey, Loewenstein, 2014; Mikk, 2000, pp. 247-256; Pham, Tin, 2022; Pinoliad, 2021; Renninger, Bachrach, Hidi, 2019; Renninger, Hidi, 2022; Sadoski, Paivio, 2013; Shin, Chang, Kim, 2016; Wade, 2001]. What is very characteristic for such studies is that they put the analysis of discourse structures to one side and much more concern with discourse processing.

This paper proposes a shift toward exploring text-based sources of interest. Its aim is to investigate how *contextualisation techniques*, which employed by written popularisation discourse, affect reader’s interest. For the rest of the paper, we will (1) map interest onto contextualisation, (2) present a design of the experimental study, (3) report outcomes of the data analysis, and (4) interpret them.

Interest and contextualisation

Emotion-evocative communication

Discourse-pragmatic studies regard interest as an emotional arousal that motivates and manages recipient’s processing [De Beaugrande, 1982; Scott, 2021; Van Dijk, 2014, pp. 76-77; Wharton et al., 2021]. Recently, Piotrovskaya and Trushchelev [2021; 2022] have taken a view on interest from the perspective of *emotion-evocative communication* (or “affective communication” in [Hayakawa, 1977], “talk evoking emotions” in [Burdelski, 2020]). Shakhovskiy seems to be one of the first linguists who outlined a versatile pragmatic model of emotion-evocative interaction [Shakhovskiy, 2008, p. 218]. Applying some generalisations (see: [Bohn-Gettler, Kaakinen, 2022; Greenaway, Kalokerinos, Williams, 2018]), his model can be represented as follows (Fig. 1).

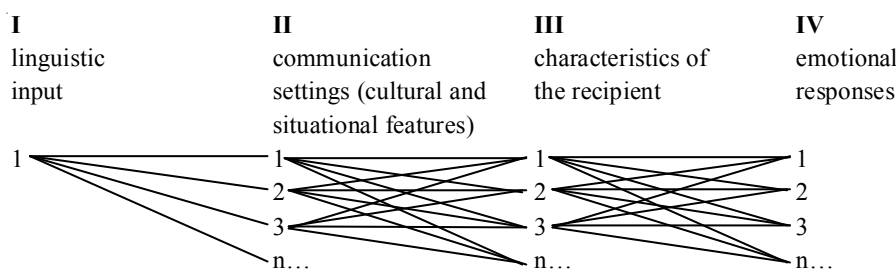

Fig. 1. The model of emotion-evocative interaction

Emotion-evocative communication falls into four broad areas, three of which – components I–III – construct an emotional impact, which in turn produces emotional responses. That is, recipient's emotions – including interest – result from overlapping communicative variables taking place in discourse processes.

Let us go through the way the model works by taking the *Jenninger's case* (see: [De Saussure, Wharton, 2020; Wharton, De Saussure, 2022]). In 1988, Philipp Jenninger, President of the Bundestag, made the Kristallnacht 50th anniversary speech about Germany's Nazi past. In his speech, he tried to represent the reasons for which many Germans were enthusiastic for National-Socialism. In particular, reproducing what many Germans said in the 1930s, Jenninger adopted indirect speech:

Didn't Hitler make true what Kaiser Wilhelm II had only promised, namely, to lead the Germans toward glorious times? Had he not truly been selected by Providence, a Führer, as Providence grants to a people only once in a thousand years? And as for the Jews, had they not, in the past, presumptuously assumed a role which they did not deserve? Shouldn't they finally, for once, have to put up with some restrictions? (transl. by L. de Saussure, T. Wharton [2020, p. 188]).

Richard Cohen, the *Washington Post* columnist, put audience's reactions: "The speech left some of his audience angry, some bitter, some sorrowful and some downright shocked"². While Jenninger was speaking more than 50 members of the Bundestag walked out. Cohen highlighted some of the reasons for the audience's reactions:

He chose the wrong date (the Kristallnacht anniversary) to deliver a stern history lesson. What was expected, a German diplomat said, was a glance at the past, an apology and then some chirpy words about the future. Jenninger then compounded that mistake by delivering his speech in such a way that listeners could not tell where he was giving the Nazi point of view and where he was giving his own.

Here, Cohen sheds light on three variables: (1) the points of view (or discourse perspectives), (2) the political event, (3) the audience's expectations about Jenninger's speech. These variables pertain to linguistic input, communication settings, and characteristics of the recipients respectively. Surely, these communicative variables can be supplemented by many others (e.g., audience's political beliefs).

Eventually, the intricate patterns of variables resulted in negative emotional responses.

Perhaps, if Jenninger had predicted the effect of his speech, he would have developed other speech strategies. Nowadays, a wide range of scholars view emotions as social and intersubjective constructions; and this view implies that emotion processes have socio-cognitive scenarios, which could be typified [Alba-Juez, 2021; Moisaner, Hirsto, Fahy, 2016; Shakhovsky, 2008; Wetherell, 2012]. Therefore, on a basis of knowledge about emotional scenarios, the speaker is able to manage the emotional impact by using language in a suitable manner. Richards [2001, p. 250] has labelled such way of using language as *emotive use*. In this line of thinking, Shakhovsky [2008] has conceptualised the notion of *emotive pragmatics* – that is, to paraphrase the definition of pragmatics, the emotive use of language within emotion-evocative communication.

Contextualisation

In its widest sense, context is the something 'given' external to the discourse unit. It can be roughly divided into two parts, discursal and situational [Auer, 2009; Bowcher, 2019; Connolly, 2014; Van Dijk, 2015]. Discursal context supplies information of a sign nature and refers to co-discourse/text. Situational context gives material from the situation in which a communication occurs. Firth [1957, p. 9] proposed the following extralinguistic constituents of situational context: the relevant objects and events, the participants, the effect of the verbal action. Therefore, with regard to the model of emotion-evocative communication, its components II–IV fit into situational context.

Contextualisation entails the explicit import of contextual materials into discourse. More specifically, contextualisation provides the use of signs to signal, invoke, actualise, model, and ultimately make relevant to participants diverse contextual constituents. To that end, contextualisation yields units that cue the reader what the contextual constituent is and when it is changing ("indexical contextualisation cues" in Gumperz's terms [1992]). It is reasonable to conjecture that contextualisation applied to linguistic input – the first component of the emotion-evocative model – could modify the following contextual components of the model and contribute to the emotional impact.

*Contextualisation
in popularisation discourse*

By its nature, popularisation integrates scientific knowledge with audience's existing knowledge [Calsamiglia, Van Dijk, 2004; Gotti, 2014]. Therefore, popularisation discourse contextualises academic content in relation to projected readers. The main path of such integration is to build interactional engagement with readers [Hyland, 2009, pp. 161-173].

Popularisation discourse employs dialogicity units, which organise internal dialogue between the participants [Bondi, 2018; Hyland, 2014; 2019; Makkonen-Craig, 2014; Mur-Dueñas, 2021; Qin, Uccelli, 2019]. Authors interact with readers by using personal pronouns, personal verb forms, evaluative and emotive units, pragmatic markers (discourse and modality words), discursive verbs, questions, directives, progressive tense markers, vocatives, colloquial language units, and so forth. In text passages, dialogicity units might appear as separate insertions³:

- (1) a. В последующих разделах книги **мы обратим** внимание на точность словоупотребления...
In the following sections of the book **we will draw attention** to the accuracy of word usage...
- b. Подобные предложения, **к сожалению**, встречаются в речи довольно часто...
Such sentences, **unfortunately**, occur quite often in speech...
- c. **Теперь рассмотрим** перечисление слов отдельных частей речи...
Consider now the enumeration of words of separate speech parts...

The examples (a) and (c) show that dialogicity units tend to display ongoing reading activities. First, the sentences give reference to projected readers via a personal pronoun, personal verb forms (*обратим* [draw-PRS.1PL]), and a hortative (*рассмотрим* [consider-PRS.1PL]). Second, they include discursive verbs given in bold, which refer to readers' actions. In addition, (c) contains a progressive tense marker (*теперь* [now]), which captures the moment of reading; and (a), the noun phrase *последующие разделы книги* [the following sections of the book], which refers to the object of the reading practice.

Dialogicity units might combine into dialogic patterns, such as question – answer sequence (see: [Makkonen-Craig, 2014]):

- (2) a. Что **может** интересовать **нас** в области произношения? **В первую очередь те случаи**, которые подчиняются литературной норме.
What **might** be of interest to **us** in the field of pronunciation? **First of all**, {we may be interested in} **the cases** that are in line with the literary norms.
- b. Всё это так, **скажете вы**, но **при чем** здесь **мы, учащиеся**? Разве **мы пользуемся** канцеляризмами в **нашей** речи? **К сожалению, да**, особенно в сочинениях...
That's all true, **you might say**, but what does that have to do with **us, students**? Do **we** use officialisms in **our** speech? **Unfortunately, yes**, {you use officialisms in your speech} especially in your essays...

This case employs questions, personal pronouns and verb form (*скажете* [say-PRS.2SG], *пользуемся* [use-PRS.1PL]), pragmatic markers, emotive markers, and colloquial constructions, specifically ellipsis (the omitted spans are presented in curly brackets), which occurs as a response marker (see: [Wiltschko, 2021, pp. 153-156]). Moreover, (b) is the part of the *problem – solution pattern* that comprises question in order to present a problem associated with readers' knowledge gaps (see: [Makkonen-Craig, 2014, pp. 108-109; Mikk, 2000, p. 254; Trushchelev, 2022a]).

Apart from writer-reader dialogue, popularisation discourse might refer to readers' experience and personally/culturally relevant situations:

- (3) a. Вспомните, как вы **разговариваете** у себя дома, с **родными** и **знакомыми**, а теперь сравните вашу «неофициальную» речь с **ответом на уроке**, с **выступлением** перед какой-либо аудиторией.
Remember how you talk at **home – with your family and friends** – and compare now your “informal” speech with your **answer in a class**, with your **speaking in front of an audience**.
- b. ...Вернувшись с **работы домой**, **муж** спрашивает у **жены**, **навестил** ли **врач**... их заболевшего **ребенка**.
...On returning **home** from his **work**, a **husband** asks his **wife** if a **doctor** has visited... their **sick child**.
- c. Поговорка гласит: «**На ошибках учатся**».
A proverb says: “**Learn from your mistake**”.

The example (a) illuminates two types of contextualisation cues that shape personally relevant

content. First, it employs units that give reference to projected readers and mark their experience: personal pronouns (*вы* [you], *ваши* [your]), a personal verb form *разговариваете* [talk-PRS.2PL], and imperative verb forms (*вспомните* [remember-IMPER.2PL], *сравните* [compare-IMPER.2PL]). Second, (a) also contains words (given in bold) that identify some entities and actions. Within discourse, such words give reference to personally relevant constituents of the situation and, to a certain extent, model specific readers' experience. By employing such cues, some contextualisation techniques give only indirect reference to readers' experience. So, (b) represents an everyday situation by giving reference only to its characteristic constituents. At last, (c) employs an idiom to actualise the culturally relevant phenomena.

Thus, popularisation discourse applies contextualisation to linguistic input in order to model, actualise or invoke dialogic settings of communication, on the one hand, and readers' experience and actions, on the other.

The impact of contextualisation techniques

The work by Shin, Chang, Kim seems to be the only study that investigates the impact of a certain contextualisation technique on readers' interest. On their account, contextualising induces interest "by making the text more relevant" to readers [Shin, Chang, Kim, 2016, p. 42]. Previously, Schank opined that *personal relatedness* "can make things much more interesting than they inherently are" [Schank, 1979, p. 281]. In this view, specialists have long noted that emotions – including interest – heavily depend on personal appraisals of the relevance of a stimulus [Bayer, Ruthmann, Schacht, 2017; Connelly, 2011; Griner, Smith, 2000; Wharton et al., 2021]. Recently, Renninger, Bachrach, Hidi [2019] have conceptualised *personal relevance* as a potential trigger of interest (see also: [Pinoliad, 2021]).

Experimental study design

Materials

The text materials were drawn from two books on language culture by D.E. Rosenthal, a handbook of the Russian language (Rosenthal, 2016b) and a

popular science book (Rosenthal, 2016a). The materials consisted of eight paired passages: passages 1.1 and 1.2; passages 2.1 and 2.2; passages 3.1 and 3.2; passages 4.1 and 4.2. Each of the pairs included (1) a generalised passage taken from the guidebook and (2) a contextualised passage taken from the popular science book. The generalised-and-contextualised passages conveyed information about the same grammar rule. The composition of the materials is given in Table 1.

Participants

The participants were 400 full-time undergraduate students in the first year of bachelor's degree at the Herzen University (St. Petersburg, Russia). Students' average age was 18 years; and 289 of them (72.3%) were female. They were randomly divided into four groups. Each group read generalised-and-contextualised passages on diverse topics: (1) 100 students read *Passage 1.1* and *Passage 2.2*; (2) 100 students, *Passage 1.2* and *Passage 2.1*; (3) 100 students, *Passage 3.1* and *Passage 4.2*; (4) 100 students, *Passage 3.2* and *Passage 4.1*.

Methods

To gather the data, the scaling techniques were utilised (see: [Piotrovskaya, Trushchelev, 2022; Sadoski, Goetz, Rodriguez, 2000; Trushchelev, 2022b]). A 7-point bipolar scale was used to assess the following qualities: (a) interestingness, 1 (uninteresting) to 7 (interesting); (b) novelty, 1 (familiar) to 7 (novel); (c) complexity, 1 (easy) to 7 (complex); (d) comprehensibility, 1 (incomprehensible) to 7 (comprehensible); (e) originality, 1 (common) to 7 (original). Also, a 7-point emoticon scale given in Figure 2 was used to assess individual interests, reading interest and interest in language culture.

Fig. 2. An emoticon scale

The scale (a) measured participants' interest in a passage; the other scales, the well-established

Table 1. Text materials

Passage	Topic	Size (tokens)	Contextualisation techniques
Passage 1.1		128	no techniques
Passage 1.2	Use of (Russian) Prepositions PO and O	138	an abstract reference to everyday speech experience (<i>Мы говорим... [We say...]</i>); a question – answer sequence ; a personal pronoun <i>мы</i> (<i>we</i>); personal verb form <i>говорим</i> (<i>say-PRS.1PL</i>); four pragmatic markers (e.g., <i>казалось бы [it would seem]</i>); an emotive marker (an exclamatory sentence), three colloquial markers (two colloquial words, an elliptical construction, and a sentence featuring emphatic word order)
Passage 2.1		142	no techniques
Passage 2.2	Use of gender of (Russian) nouns	175	an abstract reference to everyday speech experience (<i>Мы с вами говорим... [I and you say...]</i>); a reference to specific everyday speech experience (<i>в обувном магазине... можно услышать [in a shoe store... one can hear]</i>); a reference to readers' school experience: Это можно показать при помощи несложной «алгебраической» задачи: земля – род. п., мн. ч. земель ; х – (?)(?) туфель . Чему равен х ? [This can be shown by a simple “algebraic” exercise: zemlia {land-NOM} – genitive, plural zemel' {lands-GEN}; х – (?)(?) tufel' {shoes-GEN}. To what is х equal?]; two question – answer sequence ; two personal pronoun <i>мы</i> (<i>we</i>); two personal verb form <i>говорим</i> (<i>say-PRS.1PL</i>) and <i>получим</i> (<i>get-PRS.1PL</i>); eight pragmatic markers (e.g., <i>очевидно [obviously]</i>), three evaluative markers (e.g., <i>простой [simple]</i>), six colloquial markers (a colloquial word, three elliptical constructions, and two sentences featuring emphatic word order), a discursive verb <i>показать [show]</i>
Passage 3.1		185	no techniques
Passage 3.2	Use of genitive plural forms of (Russian) nouns	206	a reference to specific everyday speech experience (<i>я сказал соседям [I said to my neighbors...]</i>); three personal pronouns <i>я</i> (<i>I</i>); a question – answer sequence ; four colloquial markers (two elliptical constructions and two sentences featuring emphatic word order); two pragmatic markers (e.g., <i>действительно [indeed]</i>)
Passage 4.1		138	no techniques
Passage 4.2	Use of (Russian) singular nouns in plural function	159	an indirect reference to specific everyday speech experience (Пересказывая содержание кинофильма, Вася задумался над фразой... [While retelling the content of the movie, Vasya stopped to think about the phrase...]); a reference to culturally relevant phenomenon (an idiom <i>сколько голов, столько умов [many men, many minds]</i>); a question ; an imperative verb form; a discursive verb <i>запомнить [remember]</i> ; six pragmatic markers (e.g., <i>все-таки [after all]</i>); an emotive marker (an emotive particle), two colloquial markers (two sentences featuring emphatic word order)

predictors of text-based interest (see: [Renninger, Hidi, 2016; Schiefele et al., 2012; Silvia, 2006]).

Procedure

The *Google Forms* platform was utilised for conducting the experiment. The procedure consisted of four steps: (1) a participant stated his/her age and gender; (2) a participant rated his/her individual interests; (3) a participant read a first passage and rated it for the qualities (a)–(e); (4) a participant read a second passage and rated it for the same qualities. The time to work was not limited.

Data processing

The data analysis was carried out by using SPSS and RStudio. The rating reliabilities were assessed first. Reliability coefficients omega ranged from .82 to .97. The descriptive statistics for the ratings is presented in Table 2. The further analysis employs the following tests: the Wilcoxon matched pairs signed rank test (*W*), the Kolmogorov – Smirnov test (*D*), Spearman's rank correlation coefficient (r_s), the backward stepwise linear regression, and the explanatory factor analysis. The level of significance was set at .05.

Table 2. Medians, means, standard deviations, and correlations with interestingness

Variables	Med	M	SD	r_s	Med	M	SD	r_s
	<i>Passage 1.1</i>				<i>Passage 1.2</i>			
Interestingness	5	4.77	1.66	–	5	5.13	1.69	–
Reading interest	4.5	4.39	1.41	.36 *	5	5.03	1.21	.17
Interest in language culture	5	5.15	1.39	-.03	6	5.58	1.22	-.08
Novelty	3	3.68	1.87	-.22 *	4	3.75	2.06	.21 *
Complexity	2	2.36	1.20	-.16	2	2.47	1.38	-.06
Comprehensibility	7	5.99	1.62	.20	7	5.98	1.46	.21 *
Originality	3	3.10	1.51	.27 *	4	3.52	1.82	.32 *
<i>Passage 2.1</i>				<i>Passage 2.2</i>				
Interestingness	4	4.32	1.61	–	6	5.56	1.52	–
Reading interest	5	5.03	1.21	.28 *	4.5	4.39	1.41	.26 *
Interest in language culture	6	5.58	1.22	.28 *	5	5.15	1.39	.17
Novelty	3	3.28	2.01	.12	4	4.47	1.88	.12
Complexity	2	2.42	1.31	-.32 *	2	1.96	1.19	-.01
Comprehensibility	6.5	5.82	1.56	.34 *	7	6.07	1.54	.26 *
Originality	2	2.79	1.75	.27 *	4	4.35	1.59	.45 *
<i>Passage 3.1</i>				<i>Passage 3.2</i>				
Interestingness	5	4.90	1.51	–	5	5.20	1.56	–
Reading interest	5	4.85	1.08	.23 *	5	4.63	1.36	.32 *
Interest in language culture	6	5.81	1.06	.05	5	5.16	1.24	.13
Novelty	2	2.52	1.67	-.21 *	4	3.96	1.71	.15
Complexity	3	2.90	1.48	-.33 *	2	2.31	1.36	-.28 *
Comprehensibility	6	5.71	1.66	.26 *	7	5.95	1.44	.24 *
Originality	3	2.91	1.47	.33 *	4	4.18	1.78	.43 *
<i>Passage 4.1</i>				<i>Passage 4.2</i>				
Interestingness	4.5	4.55	1.55	–	6	5.89	1.35	–
Reading interest	5	4.63	1.36	.14	5	4.85	1.08	.34 *
Interest in language culture	5	5.16	1.24	-.04	6	5.81	1.06	.05
Novelty	4	4.25	1.72	.24 *	4	4.36	1.93	.24 *
Complexity	2	2.46	1.40	-.18	2	2.46	1.43	-.40 *
Comprehensibility	6	5.89	1.49	.11	7	6.04	1.35	.22 *
Originality	4	3.67	1.72	.31 *	5	4.91	1.62	.33 *

Note. Med – median; M – mean; SD – standard deviation; r_s – Spearman's rank correlation (with interestingness); * – $p < 0,05$.

Results

Interestingness

The central tendency of the interestingness ratings was represented by median and mean. The central values given in Table 2 above suggest that the participants rated the contextualised passages as more interesting.

To verify this assumption in regard to the participant groups, the intra-sample Wilcoxon test was applied. The test values given in Table 3 below support the central tendency: each of the values is significant and shows a positive shift for a contextualised passage.

To establish differences between ratings for the paired passages (which were rated by different

participant groups), the inter-sample Kolmogorov–Smirnov test was applied. The test values are presented in Table 4. They revealed that the ratings for *Passage 2.1* and *Passage 4.1* differed significantly from the ratings for *Passage 2.2* and *Passage 4.2*. However, the values for the other paired passages – *Passage 1.1* vs. *Passage 1.2*, and *Passage 3.1* vs. *Passage 3.2* – were insignificant.

Interestingness and predictor ratings

To assess the dependence of interestingness on the predictor ratings – to wit: individual interests, novelty, complexity, comprehensibility, and originality – Spearman's correlation coefficient and the backward stepwise regression were applied.

Table 3. Intra-sample comparing

Text materials		<i>W</i>
Passage 1.1	Passage 2.2	3511.5 * _{pos}
Passage 2.1	Passage 1.2	3538 * _{pos}
Passage 3.1	Passage 4.2	3023.5 * _{pos}
Passage 4.1	Passage 3.2	3751.5 * _{pos}

Note. *W* – the Wilcoxon matched pairs signed rank test; pos – positive ranks are greater; * – $p < .05$.

Table 4. Inter-sample comparing

Text materials		<i>D</i>
Passage 1.1	Passage 1.2	.13
Passage 2.1	Passage 2.2	.37 *
Passage 3.1	Passage 3.2	.13
Passage 4.1	Passage 4.2	.41 *

Note. *D* – the Kolmogorov – Smirnov test; * – $p < .05$.

First, the correlation test for each passage was calculated. The significant correlation values given in Table 2 above identify predictors that had an impact on interestingness. It should be noted that none of the significant values exceed the indicator of moderate correlation (to wit: the value of .60 and more).

Second, the impact shared between the significant predictors was ascertained by regression models. For each passage, the regression model estimated the relationship between interestingness as a target (dependent) variable and significant predictor ratings as a set of predictor (independent) variables. Table 5 represents regression models.

The regression models include significant coefficients of determination (R^2), acceptable values of the Durbin – Watson statistic (d), and patterns of weighting predictors (p_n). Each of the R^2 -values explains less than one-third of the variation in a target variable. That is, all of the regression models establish only a weak dependence of interestingness on the predictor ratings. Moreover, the regression models include low coefficient values (of weighting predictors) among which only one exceeds the value of .400.

The low impact of predictor ratings was evidenced by the explanatory factor analysis applied on the interestingness ratings with the varimax rotation. Correlations between the ratings

Table 5. Regression models

Passage	R^2	<i>F</i>	<i>d</i>	p_1	p_2	p_3	p_4	p_5	p_6
Passage 1.1	.231	9.597 *	2.366	.402 $t = 3.68 *$	–	-.160 $t = -1.93$	–	–	.250 $t = 2.54 *$
Passage 1.2	.172	6.649 *	1.910	–	–	.164 $t = 2.03 *$	–	.188 $t = 1.74$.239 $t = 2.60 *$
Passage 2.1	.325	11.449 *	1.842	.380 $t = 3.36 *$	–	–	-.333 $t = -2.71 *$.205 $t = 1.98$.303 $t = 3.87 *$
Passage 2.2	.213	13.148 *	2.204	.294 $t = 3.02 *$	–	–	–	–	.341 $t = 3.96 *$
Passage 3.1	.276	12.228 *	2.084	.339 $t = 2.71 *$	–	–	-.317 $t = -3.50 *$	–	.329 $t = 3.64 *$
Passage 3.2	.295	13.420 *	1.985	.327 $t = 3.29 *$	–	–	-.239 $t = -2.40 *$	–	.312 $t = 4.14 *$
Passage 4.1	.129	7.203 *	1.928	–	–	.181 * $t = 2.08 *$	–	–	.233 $t = 2.67 *$
Passage 4.2	.279	12.407 *	2.236	.289 $t = 2.65 *$	–	–	-.277 $t = -3.39 *$	–	.282 $t = 3.90 *$

Note. R^2 – the coefficient of determination; *F* – *F*-test; *d* – the Durbin – Watson statistic; p_1 – p_6 – weighting predictors: p_1 – reading interest, p_2 – interest in language culture, p_3 – novelty, p_4 – complexity, p_5 – comprehensibility, p_6 – originality; *t* – *t*-value; * – $p < .05$.

were suitable for analysis: the Kaiser – Meyer – Olkin value was 0.545 and χ^2 -value for Bartlett's test was 152.13 (28); $p < .001$. The eigenvalue, scree plot, and explaining variance suggested four extracting factors. The first factor explained 26.75% of the variance; the second, 20.17%; the third, 16.22%; and the fourth, 13.68%. Table 6 presents the factor matrix, which includes values exceeding .333.

It appears from the table that the patterns of factors are in accordance with the participant groups. That is, the variation in the interestingness variables is primarily explained by participant factors, rather than by predictor factors.

Discussion

The results demonstrate that contextualisation techniques promote reader's interest in the popularisation text. The central tendency and intra-sample comparing attest that the participant groups rated each contextualised passage as more interesting than a generalised passage.

As for inter-group comparing, there are no significant differences between interestingness ratings for two passage pairs, each of which were divided between diverse groups: *Passage 2.1* vs *Passage 2.2*, and *Passage 4.1* vs *Passage 4.2*. This seems to be because the participants rated the generalised and contextualised passages primarily in relation to each other. This assumption is explicitly supported by the factor matrix. Thus, the inter-sample values probably are not indicative in respect of emotive pragmatics. On the other hand, *Passage 1.2* and *Passage 3.2* included fewer contextualisation means than *Passage 2.2* and *Passage 4.2*. In particular, *Passage 2.2* and *Passage 4.2* employed more specific techniques that gave reference to personally and culturally

relevant situations (see Table 1 above). Probably, the inter-sample test captured the effect of quantitative characteristics – a number and variety of techniques (see: [Piotrovskaya, Trushchelev, 2022]).

As for the outcomes of the dependency analysis, the most recurring predictor is originality. All of the regression models attest that originality ratings have a significant influence on interestingness. It follows that reader's expectations about discourse strategies to present knowledge are communicative variables that construct interest-evocative communication (see: [Piotrovskaya, Trushchelev, 2022, p. 69]). Discourse strategies in turn could disconfirm such expectations to increase text-based interest. Beyond that, originality appears as a more weighting predictor than novelty. This result suggests that, within knowledge communication, the text content is expectedly novel for readers, so that the interest-evoking effect of novelty decreases (see: [Piotrovskaya, Trushchelev, 2022, p. 69]).

The second important predictor is reading interest. Only two regression and two correlation tests resulted in insignificant values. These outcomes reinforce the finding that reading interest and text-based (situational) interest are linked dimensions of reading motivation [Schiefele et al., 2012].

In contrast to reading interest, another type of individual interest – interest in language culture – is the least significant predictor. Hence, participants' interest could depend on more specific type of individual interest, such as interest in the area of disciplinary knowledge or in the text topic.

The effect of complexity should also be noted. It appears from the dependency analysis that the higher complexity of the passages is, the lower is interestingness. However, it is wellknown that a stimulus complexity induces interest [Silvia,

Table 6. The pattern matrix

Materials		Factors			
		1	2	3	4
The first participant group	<i>Passage 1.1</i>		.416		
	<i>Passage 2.2</i>		.996		
The second participant group	<i>Passage 1.2</i>	.995			
	<i>Passage 2.1</i>	.652			
The third participant group	<i>Passage 3.1</i>			.865	
	<i>Passage 4.2</i>			.592	
The fourth participant group	<i>Passage 3.2</i>				.774
	<i>Passage 4.1</i>				.631

Note. Extraction method: maximum likelihood; rotation method: varimax.

2006, pp. 33-34]. The point could be that the study measured personal attitude to text content, but it did not explore the linguistic level of text complexity. In this way, the complexity ratings rather presented the influence of “ease of comprehension” predictor (see: [Silvia, 2006, p. 79]).

In general, only a weak dependence of interestingness on the predictor ratings has been established. Therefore, participants’ interest also depended on predictors the study did not measure, most likely on predictors pertaining to the situational context. In particular, the factor matrix seems to be indicative of the impact of participants’ personal features.

And yet, there is the fact that the contextualised passages were rated as more interesting by the participants. Based on the factor matrix, it is reasonable to assume that contextualisation techniques promoted participants’ interest by increasing *personal relevance* of the contextualised passages. That is, participants’ interest was driven not so much by the textual factors as by the contextual factors. Contextualisation techniques made the content more relevant to the participants; and personal relevance – as a kind of mediator – promoted their interest. Thus, the findings support the view that popularisation discourse constructs the interest-evoking impact by modelling contextual components via contextualisation techniques. In this sense, the findings demonstrate how interest-evoking variables combine into the model of emotion-evocative communication.

Conclusion

The paper augments current research into emotive pragmatics by delivering findings on strategies for increasing text-based interest. Varying text passages with respect to contextualisation has resulted in the findings on the interest-evoking impact of contextualisation techniques, which employed by popularisation discourse. The findings attest to the adequacy of the pragmatic model of emotion-evocative communication.

NOTES

¹ The study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 20-012-00284.

² Cohen R. Don’t Blame Jenninger. *The Washington Post*. 1988. Nov. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/opinions/1988/11/20/dont-blame-jenninger/e86ba63e-fce0-4bf4-9435-277eefba7a8f/>.

³ By way of examples, (Russian) passages taken from a popular science book on language culture were used (Rosenthal, 2016a).

REFERENCES

- Alba-Juez L., 2021. Affect and Emotion. Haugh M., Kádár D.Z., Terkourafi M., eds. *The Cambridge Handbook of Sociopragmatics*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 340-362. DOI: 10.1017/9781108954105.019
- Auer P., 2009. Context and Contextualisation. Verschueren J., Östman J.-O., eds. *Key Notions for Pragmatics*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamin, pp. 86-101.
- Bakhtawer N., Ghulam F., Dur e N., 2021. Strategies Used by Public Primary School Teachers for Enhancing Students’ Curiosity in Science. *Journal of Accounting and Finance in Emerging Economies*, vol. 7, iss. 1, pp. 93-101. DOI: 10.26710/jafee.v7i1.1568
- Bayer M., Ruthmann K., Schacht A., 2017. The Impact of Personal Relevance on Emotion Processing: Evidence from Event-Related Potentials and Pupillary Responses. *Social Cognitive and Affective Neuroscience*, vol. 12, iss. 9, pp. 1470-1479. DOI: 10.1093/scan/nsx075
- Bohn-Gettler C.M., Kaakinen J., 2022. Introduction to the Special Issue on Emotions in Reading, Learning, and Communication. *Discourse Processes*, vol. 59, iss. 1-2, pp. 1-12. DOI: 10.1080/0163853X.2021.1899369
- Bondi M., 2018. Dialogicity in Written Language Use: Variation Across Expert Action Games. Weigand E., Kecskes I., eds. *From Pragmatics to Dialogue*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamin, pp. 137-170. DOI: 10.1075/ds.31.08bon
- Bowcher W., 2019. Context and Register. Thompson G., Bowcher W., Fontaine L., Schönthal D., eds. *The Cambridge Handbook of Systemic Functional Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 142-170. DOI: 10.1017/9781316337936.008
- Burdelski M., 2020. Emotion and Affect in Language Socialization. Pritzker S.E., Fenigsen J., Wilce J.M., eds. *The Routledge Handbook of Language and Emotion*. London, New York, Routledge, pp. 28-48. DOI: 10.4324/9780367855093-3
- Calsamiglia H., 2003. Popularization Discourse. *Discourse Studies*, vol. 5, iss. 2, pp. 139-146. DOI: 10.1177/146144560300500230.

- Calsamiglia H., van Dijk T.A., 2004. Popularization Discourse and Knowledge About the Genome. *Discourse and Society*, vol. 15, iss. 4, pp. 369-389. DOI: 10.1177/0957926504043705
- Connelly D.A., 2011. Applying Silvia's Model of Interest to Academic Text: Is There a Third Appraisal? *Learning and Individual Differences*, vol. 21, iss. 5, pp. 624-628. DOI: 10.1016/j.lindif.2011.04.007
- Connolly J.H., 2014. The Contextual Component Within a Dynamic Implementation of the FDG Model: Structure and Interaction. *Pragmatics*, vol. 24, iss. 2, pp. 229-248. DOI: 10.1075/prag.24.2.03con
- De Beaugrande R., 1982. The Story of Grammar and the Grammar of Stories. *Journal of Pragmatics*, vol. 6, iss. 5-6, pp. 383-422. DOI: 10.1016/0378-2166(82)90014-5
- De Saussure L., Wharton T., 2020. Relevance, Effects and Affect. *International Review of Pragmatics*, vol. 12, iss. 2, pp. 183-205. DOI: 10.1163/18773109-01202001
- Firth J.R., 1957. *Papers in Linguistics 1934-1951*. London, New York, Toronto, Oxford University Press. 233 p.
- Gotti M., 2014. Reformulation and Recontextualization in Popularization Discourse. *Ibérica*, iss. 27, pp. 15-34.
- Greenaway K.H., Kalokerinos E.K., Williams L.A., 2018. Context is Everything (In Emotion Research). *Social and Personality Psychology Compass*, vol. 12, iss. 6, art. e12393. DOI: 10.1111/spc3.12393
- Griner L.A., Smith C.A., 2000. Contributions of Motivational Orientation to Appraisal and Emotion. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 26, iss. 6, pp. 727-720. DOI: 10.1177/0146167200268007
- Gumperz J.J., 1992. Contextualization Revisited. Auer A., Luzio A.D., eds. *The Contextualization of Language*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamin, pp. 39-53. DOI: 10.1075/pbns.22.04gum
- Hayakawa S.I., 1977. *Language in Thought and Action*. London, George Allen & Unwin Ltd. 307 p.
- Hidi S., Baird W., 1988. Strategies for Increasing Text-Based Interest and Students' Recall of Expository Texts. *Reading Research Quarterly*, vol. 23, no. 4, pp. 465-483. DOI: 10.2307/747644
- Hyland K., 2009. *Academic Discourse. English in a Global Context*. London, New York, Continuum. 256 p.
- Hyland K., 2014. Dialogue, Community and Persuasion in Research Writing. Gil-Salom L., Soler-Monreal C., eds. *Dialogicity in Written Specialised Genres*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamin, pp. 1-20. DOI: 10.1075/ds.23.02hyl
- Hyland K., 2019. Foreword: Bringing in the Reader. Sancho Guinda C., ed. *Engagement in Professional Genres: Deference and Disclosure*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamin, pp. xi-xiv. DOI: 10.1075/pbns.301.00hyl
- Lepper C., Stang J., McElvany N., 2021. Gender Differences in Text-Based Interest: Text Characteristics as Underlying Variables. *Reading Research Quarterly*, vol. 57, iss. 2, pp. 537-554. DOI: 10.1002/rrq.420
- Makkonen-Craig H., 2014. Aspects of Dialogicity: Exploring Dynamic Interrelations in Written Discourse. Karlsson A.-M., ed. *Analysing Text and Talk*. Uppsala, Uppsala universitet, pp. 99-120.
- Markey A., Loewenstein G., 2014. Curiosity. Pekrun R., Linnenbrink-Garcia L., eds. *International Handbook of Emotions in Education*. London, New York, Routledge, pp. 228-245. DOI: 10.4324/9780203148211-18
- Metcalfe J., Riedlinger M., 2019. Public Understanding of Science: Popularisation, Perceptions and Publics. Gruber D.R., Olman L.C., eds. *The Routledge Handbook of Language and Science*. London, New York, Routledge, pp. 32-46. DOI: 10.4324/9781351207836-4
- Mikk J., 2000. *Textbook: Research and Writing*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, Peter Lang. 426 p.
- Moisander J.K., Hirsto H., Fahy K., 2016. Emotions in Institutional Work: A Discursive Perspective. *Organization Studies*, vol. 37, iss. 7, pp. 963-990. DOI: 10.1177/0170840615613377
- Mur-Dueñas P., 2021. Engagement Markers in Research Project Websites: Promoting Interactivity and Dialogicity. *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*, vol. 57, iss. 4, pp. 655-676. DOI: 10.1515/psicl-2021-0023
- Pham L.N., Tin T.B., 2022. Exploring Learner Interest in Relation to Humanistic Language Teaching Materials: A Case from Vietnam. *System*, vol. 105, iss. 5, art. 102731. DOI: 10.1016/j.system.2022.102731
- Pinoliad E., 2021. Contextualization in Teaching Short Stories: Students' Interest and Comprehension. *Middle Eastern Journal of Research in Education and Social Sciences*, vol. 2, no. 1, pp. 31-55. DOI: 10.47631/mejress.v2i1.167
- Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N., 2021. Linguistic Approach to Study of Strategies for Increasing Text-Based Interest. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, vol. 108, pp. 276-283. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.33
- Piotrovskaya L.A., Trushchelev P.N., 2022. Communicating Recipient's Emotions: Text-Triggered Interest. *Training, Language and Culture*, vol. 6, iss. 1, pp. 60-74. DOI: 10.22363/2521-442X-2022-6-1-60-74

- Qin W., Uccelli P., 2019. Metadiscourse: Variation Across Communicative Contexts. *Journal of Pragmatics*, vol. 139, pp. 22-39. DOI: 10.1016/j.pragma.2018.10.004
- Renninger K.A., Bachrach J.E., Hidi S.E., 2019. Triggering and Maintaining Interest in Early Phases of Interest Development. *Learning, Culture and Social Interaction*, vol. 23, art. 100260. DOI: 10.1016/j.lcsi.2018.11.007
- Renninger K.A., Hidi S.E., 2016. *The Power of Interest for Motivation and Engagement*. New York, London, Routledge. 177 p.
- Renninger K.A., Hidi S.E., 2022. Interest Development, Self-Related Information Processing, and Practice. *Theory into Practice*, vol. 61, iss. 1, pp. 23-34. DOI: 10.1080/00405841.2021.1932159
- Richards I.A., 2001. *Principles of Literary Criticism*. London, New York, Routledge. 290 p.
- Sadoski M., Goetz E.T., Rodriguez M., 2000. Engaging Texts: Effects of Concreteness on Comprehensibility, Interest, and Recall in Four Text Types. *Journal of Educational Psychology*, vol. 92, iss. 1, pp. 85-95. DOI: 10.1037/0022-0663.92.1.85
- Sadoski M., Paivio A., 2013. *Imagery and Text: A Dual Coding Theory of Reading and Writing*. London, New York, Routledge. 165 p.
- Schank R.C., 1979. Interestingness: Controlling Inferences. *Artificial Intelligence*, vol. 12, iss. 3, pp. 273-297. DOI: 10.1016/0004-3702(79)90009-2
- Schiefele U., Schaffner E., Möller J., Wigfield A., 2012. Dimensions of Reading Motivation and Their Relation to Reading Behavior and Competence. *Reading Research Quarterly*, vol. 47, iss. 4, pp. 427-463. DOI: 10.1002/rrq.030
- Silvia P.J., 2006. *Exploring the Psychology of Interest*. Oxford, Oxford University Press. 263 p.
- Silvia P.J., 2017. Curiosity. O'Keefe P.A., Harackiewicz J.M., eds. *The Science of Interest*. New York, Springer, pp. 97-106. DOI: 10.1007/978-3-319-55509-6_5
- Scott C., 2021. You Won't Believe What's in This Paper! Clickbait, Relevance and the Curiosity Gap. *Journal of Pragmatics*, vol. 175, pp. 53-66. DOI: 10.1016/j.pragma.2020.12.023
- Shakhovskiy V.I., 2008. *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [The Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis Publ. 416 p.
- Shin J., Chang Yu., Kim Yo., 2016. Effects of Expository-Text Structures on Text-Based Interest, Comprehension, and Memory. *The SNU Journal of Education Research*, vol. 25, iss. 2, pp. 39-57.
- Trushchelev P.N., 2022a. Funktsii voprosov v uchebnom tekste (na materiale shkolnykh uchebnikov) [Interrogative Mood in Expository Texts from School Textbooks]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], iss. 4, pp. 114-130. DOI: 10.23859/1994-0637-2022-4-109-11
- Trushchelev P., 2022b. Problemnoe izlozhenie v uchebnom tekste i chitatelskiy interes [Problem-Based Exposition in Textbook and Reader's Interest]. *Sibirskiy filologicheskiy forum* [Siberian Philological Forum], iss. 3, pp. 152-166. DOI: 10.25146/2587-7844-2022-20-3-132
- Van Dijk T.A., 2014. *Discourse and Knowledge*. Cambridge, Cambridge University Press. 400 p.
- Van Dijk T.A., 2015. Context. Tracy K., ed. *The International Encyclopedia of Language and Social Interaction*. New Jersey, John Wiley & Sons, pp. 1-11. DOI: 10.1002/9781118611463/wbielsi056
- Wade S.E., 2001. Research on Importance and Interest: Implications for Curriculum Development and Future Research. *Educational Psychology Review*, vol. 13, iss. 3, pp. 243-261. DOI: 10.1023/A:1016623806093
- Wetherell M., 2012. *Affect and Emotion*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington, SAGE. 182 p.
- Wharton T., Bonard C., Dukes D., Sander D., Oswald S., 2021. Relevance and Emotion. *Journal of Pragmatics*, vol. 181, pp. 259-269. DOI: 10.1016/j.pragma.2021.06.001
- Wharton T., De Saussure L., 2022. The Pragmatics of Emotion, Argument and Conflict. *Handbooks of Linguistics and Communication Science*, vol. 46, iss. 1, pp. 664-680. DOI: 10.1515/9783110347524-032
- Wiltschko M., 2021. *The Grammar of Interactional Language*. Cambridge, Cambridge University Press. 265 p.

SOURCES

- Rosenthal D.E., 2016a. *Govorite i pishite po-russki pravilno* [Speak and Write Russian Correctly]. Moscow, Airis-Press Publ. 256 p.
- Rosenthal D.E., 2016b. *Spravochnik po pravopisaniiyu i literaturnoi pravke* [A Guide to Spelling and Editing]. Moscow, Airis-Press Publ. 368 p.

Information About the Author

Pavel N. Trushchelev, Candidate for a Degree, Assistant, Department of the Russian Language, Herzen University, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, paveltrue2007@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0810-2434>

Информация об авторе

Павел Николаевич Трущелёв, соискатель, ассистент кафедры русского языка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, paveltrue2007@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0810-2434>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

- обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);
- поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;
- публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2023 года 2610 руб. 33 коп.

Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Dear readers!

Subscription for the 2nd half of 2023 is carried out through “The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1. The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 2nd half of 2023 is 2610.33 rubles.

Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

